

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С. Г. Лузянин
Россия—Монголия—Китай
в первой половине XX века

Политические
взаимоотношения
в 1911–1946 гг.

Издательство «ОГНИ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С. Г. Лузянин

РОССИЯ – МОНГОЛИЯ – КИТАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Политические взаимоотношения в 1911 – 1946 гг.

Издание второе.
исправленное и дополненное

Издательство
«ОГНИ»
Москва 2003

**ББК 9 (М) 31
Л 80**

Ответственный редактор
академик РАН В.С. Мясников

Рецензенты д.и.н.
Е.Д. Степанов,
д.и.н. А.Г. Яковлев,
д.пол.н. Г.С. Яскина

Оформление
И. Сорокин

Л 80 Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911 – 1946 гг. М. Издательство «ОГНИ», 2003. – 320 с.

ISBN 5-9548-0001-4

Книга посвящена истории российско-монголо-китайских отношений в 1911 – 1946 гг. На основе русских архивных документов, главным образом неопубликованных, исследуются монгольский вопрос в русско(советско)-китайских отношениях, политика Коминтерна в МНР и монгольских областях Китая, проблемы международно-правового оформления Монголии, ялтинский процесс и некоторые другие вопросы внешнеполитической истории Монголии.

Для научных работников и всех интересующихся отечественной историей

ISBN 5-9548-0001-4

© Лузянин С.Г. 2002
© ИДВ РАН, подготовка текста 2002
© ОГНИ, оформление указателя 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю работа посвящена сложной, запутанной, а порой и трагической истории взаимоотношений двух государств - России и Китая - с относительно небольшой Монголией, расположенной между своими великими соседями

Появление данной монографии стало возможным только в 90-х годах, когда были рассекречены многие архивные фонды, ранее практически недоступные для рядового исследователя.

В книге предпринята попытка воспроизвести картину взаимоотношений Монголии с Россией (СССР), Китаем без идеологических деформаций и "купюр", отойти от традиционной трактовки советско-монгольских или монголо-китайских отношений и дать комплексное освещение проблемы, проследив эволюцию "треугольника" Россия - Монголия - Китай на протяжении различных исторических периодов. Тенденциозность советской методологии, малая доступность архивных документов и материалов до 1991 г., а также предвзятость западных исследователей ограничивали возможности многостороннего анализа данного вопроса. И советскими, и западными учеными явно недооценивался системный и взаимообусловленный характер отношений между Россией, Монголией и Китаем, сводимый ими либо к "нерушимому и безоблачному советско-монгольскому союзу", либо к тезису о "коварной руке Москвы". Автор надеется, что ему хотя бы частично удалось восполнить вызванный этим обстоятельством пробел.

Кроме того, анализ истории российско- и советско-китайских отношений по монгольской проблеме позволяет по-новому расставить акценты и обозначить приоритеты в дипломатических усилиях России и Китая в первой половине XX в., а также выделить два основных

уровня собственно монгольской политики – межгосударственный и этнорегиональный. Причем, если на первом уровне Монголия являлась в основном объектом политической и другой активности России и Китая, то на втором она была активным субъектом, проводившим в рамках той или иной идеологической доктрины собственную линию относительно Внутренней Монголии, Тувы, Бурятии, Тибета и других сопредельных этнорегионов. Что касается нынешнего внешнеполитического курса Монголии, то на его формирование, помимо текущих геополитических реалий, оказывает влияние мощное историческое наследие. Явления недавнего (просоветского) прошлого и события более отдаленных эпох конца XIX в. – начала XX в., такие, как движение за объединение всех монголоязычных этносов в одном государстве (попытки реализации идей панмонголизма), традиционное русско- и советско-китайское соперничество из-за Монголии, в той или иной степени проецируются на состояние российско-монгольских и монголо-китайских отношений и сейчас.

Предлагаемое исследование посвящено анализу некоторых важных аспектов внешней политики Монголии с 1911 г до начала 1946 г. Событийно данный период связан с отделением Монголии от цинского Китая, провозглашением независимости Внешней Монголии (декабрь 1911 г.) и официальным признанием правительством Китайской Республики (5 января 1946 г) независимости МНР по итогам проведенного там плебисцита. Подобный хронологически обусловленный подход дает возможность сравнить внешнюю политику Монголии на различных этапах – теократическом (1911–1919 гг), революционном (1921 – 1924 гг), республиканском (1924 – 1946 гг); внешнеполитическую деятельность России в имперский (до 1917 г) и советский (после 1917 г) периоды; политику Китая в отношении Монголии в маньчжурский (до 1911 г) и республиканско-гоминьдановский (после 1911 г) периоды.

Несмотря на, казалось бы, сугубо специализированный характер данного исследования, следует отметить, что проблемы взаимоотношений России, Монголии и Китая по своей значимости и актуальности выходят за рамки названной триады, оказывая воздействие на уровень стабильности и общий климат в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поэтому выявление исторической логики развития отношений внутри “треугольника”, а также долгосрочных факторов, продолжающих влиять на состояние этих отношений и сейчас, представляется небесполезным при перспективном прогнозировании обстановки как внутри названной триады, так и за ее пределами.

Успешное развитие указанной группы отношений также является фактором, прямо отвечающим интересам России, стремящейся к оптимизации собственных усилий, а также возможностей международного сотрудничества в целях стимулирования своего экономического развития. Как подчеркивал член-корреспондент Российской академии наук, директор Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко, "... без налаживания постоянных конструктивных связей со странами АТР (прежде всего с нашими дальневосточными соседями – Китаем, Японией, странами Корейского полуострова, Монголией), только собственными силами России будет трудно поднять до современного уровня экономику и культуру на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока"¹.

Стремительный экономический рост современного Китая, постепенное превращение его в один из центров мирового влияния, а также выход Монголии в начале 90-х годов из-под советской опеки и усиление ее роли в качестве самостоятельного субъекта международных отношений тоже сказываются на степени мировой значимости взаимосвязей России, Монголии и Китая. На сегодняшний день Монголия перестала быть "заложником" советско-китайских отношений, коим она фактически являлась в период советско-китайских разногласий конца 50-х – в 80-е годы, играя роль "форпоста" в борьбе с маоизмом. Монголия сегодня ведет активные поиски своего экономического и политического места в мире, адекватного ее национальным интересам.

Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам российских архивов. Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного исторического архива (РГИА), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА) за помощь, оказанную в ходе сбора документов и материалов. Автор признателен за ценные советы и замечания, высказанные в ходе обсуждения монографии сотрудниками Института востоковедения РАН Е.А. Беловым, Е.В. Бойковой, Ю.В. Ваниным, М.И. Гольманом, В.В. Грайворонским, А.С. Железняковым, Ш.Г. Надировым, С.К. Роциным, Г.И. Слесарчук, Г.С. Яскиной и другими учеными.

¹ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998 – С. 8

Автор признателен коллективу сотрудников Центра “Россия – Китай” Института Дальнего Востока РАН, в особенности Р.А. Мировицкой, Е.Д. Степанову, А.Г. Яковлеву, за понимание и содействие. Автор глубоко благодарен Е.И. Сафроновой за ценные советы и помощь в редактировании работы.

Автор выражает свою особую признательность директору Института Дальнего Востока Российской академии наук, члену-корреспонденту РАН М.Л. Титаренко и заместителю директора Института Дальнего Востока РАН, руководителю Центра “Россия – Китай” академику РАН В.С. Мясникову за поддержку и создание благоприятных условий для завершения и публикации данной монографии

ГЛАВА I.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Работа построена на основе анализа неопубликованных архивных документов и уже опубликованных, но малоизвестных материалов. Особое внимание автором уделено **архивным источникам**. До недавнего времени большая часть их была недоступна исследователям ввиду секретного характера многих фондов. Другая часть, которая все-таки попадала в поле зрения ученых, не могла быть использована в полном объеме вследствие жестких идеологических и цензурных рамок и использовалась больше в купированном виде или же вовсе не допускалась к публикации. Процесс рассекречивания документов и материалов, начавшийся в российском архивном деле с начала 90-х годов, позволил автору изучить, обработать и систематизировать документы и материалы десяти российских центральных и региональных архивов, а также хранилищ рукописей. Причем, большая часть использованных документов вводится в научный оборот впервые. она практически неизвестна и составляет основную оригинальную базу, на которой и строилась данная работа

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) были отобраны и изучены документы следующих фондов: "Миссия в Пекине 1689 – 1924"; "Генеральное консульство в Харбине. 1901–1920"; "Омск. МИД. 1917 – 1922 гг."; "Консульство в Урге 1864 – 1923"; "Китайский стол"; "Вице-консульство в Хайларе" Всего обработано 1017 дел из указанных фондов. В основном это депеши, телеграммы, донесения, письма, ноты и заявления российских представителей в Монголии и Китае, содержащие обширную, многоплановую информацию о развитии русско-монгольских, монголо-китайских и русско-китайских отно-

шений за 1911–1917 гг. и их подробный анализ. В делах содержатся материалы особых совещаний российского правительства по монгольским проблемам, документы, освещающие все визиты монгольских князей в Россию в течение 1911–1916 гг., а также вопросы русско-монгольских переговоров. Автором были извлечены документы о японской агитации среди бурят за подъем восстания во Внешней Монголии в 1916–1919 гг., о деятельности атамана Семенова в Монголии (ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 731, 758; ф. Омск. МИД, оп. 894, д. 20, 50, 54), о связях большевиков с Китаем в 1918–1919 гг., осуществляемых через Иркутск и Ургу (ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1557), переписка российских консулов в Урге в 1919–1920 гг. (ф. Консульство в Урге, оп. 732, д. 25–26, 28) и по многим другим вопросам, связанным с внешнеполитической деятельностью Монголии в этот период. Документы АВПРИ позволяют не только восстановить картину официальных дипломатических отношений России, Монголии и Китая в 1911–1917 гг., но и проследить внутреннюю эволюцию царской дипломатии, вскрыть механизм и мотивы решения российским правительством того или иного вопроса, связанного с Монголией. Одновременно ряд документов помогают проследить позицию Сунь Ятсена по монгольскому вопросу в 1911–1912 гг. (ф. Миссия в Пекине, д. 1164, л. 38, 71–79, 86, 103–104). Существенную роль при раскрытии темы по дореволюционному периоду сыграли документы фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА): “Министерство торговли и промышленности 23”; “Общая канцелярия министра финансов 560” и “Совет министров 1276”. Донесения агентов министерств финансов, торговли и промышленности из Монголии, переписка российских министров, отчеты и ходатайства торговых фирм в Монголии, а также Монголбанк в Урге позволяют проследить не только логику российской экономической политики в Монголии, но и эволюцию ее политических интересов, выяснить сферы взаимодействия дипломатов и коммерсантов, выделить основные приоритеты русской политики того времени и того направления.

Особое место среди источников по дореволюционному периоду занимают материалы Архива востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (АВСИФ ИВ РАН). В работе были использованы документы из пяти фондов. “42 Пекинская миссия”, “44. А.М. Позднеев”, “62 Ц. Жамцарано”, “66. Б.М. Гурьев” и “97. Г.Ф. Смыкалов”. Материалы данных фондов представлены оригинальными рукописями, заметками и перепиской людей, развивавших классическое русское монголоведение (А.М. Позднеев), а также известных коммерсантов, публицистов и общественных деятелей России (Б. Гурьев, А.В. Бурдуков, Г.Ф. Смыкалов) и Бурят-Монголии (Ц. Жамцарано). Докумен-

ты АВСПФ ИВ РАН помогают шире взглянуть на проблему русско-монгольских и монголо-китайских отношений, отойти от официальных дипломатических схем, посмотреть на названную проблему в контексте панмонгольской идеологии (Ц. Жамцарано) и исторически сложившихся задач монголо-бурятского движения. Материалы фонда содержат подборки из российской периодической печати по Монголии и Китаю (ф.97. Г.Ф. Смыкалов), переводы из китайской прессы, в частности, "Бэйцзин жибао", 1911–1913 гг., "Шунтянь жибао", 1915 г., "Тун бао", 1911, "Чжун-го бао", 1912 г., "Минцзоань бао", 1912 г., "Вакт", 1911–1912 г., "Минли бао", 1912 г. и др., позволяя восстановить общую политическую картину, сложившуюся вокруг Монголии в 1911–1917 гг.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) были изучены разнообразные донесения, дневники, путевые заметки, телеграммы русских военных агентов в Монголии и Маньчжурии. Обработаны материалы фондов "2000. Генеральный штаб" и "400. Донесения русских военных агентов за границей". Документы РГВИА позволяют получить представление о русской военной политике в Монголии до 1917 г., о создании там военной школы, организации монгольской армии, деятельности российских военных инструкторов.

При изучении отдельных вопросов внешней политики правительства Богдо-гэгэна до 1917 г. использованы документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), фонд "23. Дипломатическая канцелярия Иркутского генерал-губернатора". Документы дают представление о монголо-бурятских отношениях (миграция, статистика бурятских поселений в Монголии, приграничные связи), о деятельности сибирских предпринимателей, проектах постройки железной дороги ст. Мысовая – Кяхта – Урга и о других региональных проблемах. Последние постоянно обсуждались на специальных заседаниях комиссии в 1911–1914 гг., созданной при иркутском генерал-губернаторе Л.М. Князеве, что также нашло широкое отражение в фондах ГАИО и использовано в работе.

По дореволюционному периоду вспомогательными, но довольно ценными являются материалы отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, имеющей в своем фонде "560" работу русского ориенталиста А.М. Позднеева "Япония и Монголия", которая также нашла отражение в работе.

Важное место среди хранилищ неопубликованных документов по внешней политике автономной Монголии 1917–1919 гг. и по периоду гражданской войны занимает Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). В фондах "1701"; "176"; "200. Дипломатическая канцелярия омского правительства. 1918 – 1920 гг." собраны материалы о политической деятельности правительства Колчака в Монголии, о ша-

гах автономного правительства Богдо-гэгэна в отношении Тувы, Бурятии и Внутренней Монголии и о системе международных отношений, сложившейся в названном регионе в 1917 - 1919 гг

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) до 90-х годов являлся в основном закрытым и малодоступным для исследователей. В настоящее время это – фундаментальный архив по проблемам советско-монгольских отношений в 20 – 30-е годы, политике Коминтерна в Монголии, внешней политике монгольского Народного правительства в 1921–1930 гг. Автором проанализированы и обработаны блоки документов и материалы фондов: “495 Восточный секретариат Коминтерна” (оп.154, 152), “Секретариат В. Пика” (оп.11), “Секретариат Д.З. Мануильского” (оп.10, 10-А), “Секретариат Куусинена” (оп.16); “372. Дальбюро ЦК РКП(б)”; “532. Коммунистический университет трудящихся Востока. КУТВ”; “493. Сиббюро ЦК РКП(б)”; “5. Секретариат В.И. Ленина”; “17 Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)”. Дела указанных фондов содержат протоколы заседаний секций Восточного отдела Коминтерна, секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б), Монголо-тибетского отдела Дальневосточного секретариата Коминтерна, отчеты и материалы совещаний коминтерновских структур по монгольскому вопросу с 1919 г. до середины 30-х годов, переписку между коминтерновскими руководителями и представителями ИККИ в Монголии И. Макстенском, С. Борисовым, Б. Шумяцким, Т. Рыскуловым, И. Амагаевым и др., бюллетени Дальневосточного секретариата, телеграммы, циркуляры, письма и другие документы Сиббюро и НКВД по Монголии, тувинские документы о взаимоотношениях МНРП и Тувинской народной революционной партии (ТНРП), разведсводки, подборки и переводы из иностранной прессы касательно внешней и внутренней политики Монголии, стенограммы съездов народов Дальнего Востока, конгрессов Коминтерна и многое другое, что позволяет восстановить картину событий не только в контексте политики Коминтерна в Монголии, но и всего комплекса международных вопросов: монголо-китайских и монголо-тувинских отношений, положения во Внутренней Монголии.

Особую ценность представляют дела 152-й описи 495-го фонда (Восточный секретариат Коминтерна). В них сосредоточены документы и материалы по истории советско-монгольских отношений во всем их многообразии (по военным, экономическим, культурным связям), отчеты коминтерновских делегаций, материалы совещаний в ИККИ по внутривосточной истории Монголии – материалы и стенограммы II-VIII съездов МНРП, материалы, касающиеся революционной деятельности ЦК МНРП в Барге и Внутренней Монголии в 1921–1928 гг.,

и т.д. Существенным фактором, благоприятствующим более полному раскрытию внутреннего механизма советской внешней политики в Монголии, а также ее места в советско-китайских отношениях, является анализ документов фонда 5 (Секретариат В.И. Ленина) – протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) по Монголии, политические письма А.А. Иоффе из Китая и др.

Работа в фондах РЦХИДНИ позволила выявить ряд новых или малоизвестных рукописей, принадлежащих перу людей, непосредственно связанных с Монголией и игравших там значительную роль [(Э. Д. Ринчино. Монголия, СССР и Китай (ф. 495, оп. 152, д. 44); С. Нацов. Национальная революция монголов (ф. 495, оп. 152, д. 83)], и других деятелей, отвечавших за восточную политику Коминтерна.

Ценность документов РЦХИДНИ чрезвычайно высока. Эти документы позволяют заглянуть внутрь коминтерновского механизма, отследить эволюцию монгольской политики Коминтерна от момента разработки концепции или тезиса до принятия соответствующего решения и его реализации. Причем, как свидетельствуют документы, реализация решения не была гладкой и безболезненной, а проходила в условиях острой политической борьбы в советском руководстве при столкновении мнений и интересов различных политических групп как внутри исполкома, так и в рамках представительств ИККИ и НКВД в Монголии.

В Архиве внешней политики Российской Федерации МИД (АВП РФ) автором были обработаны документы и материалы фондов: “Референтура по Китаю” (100, 0100, 100-А, 111, 0111, II, ОП); “Референтура по Монголии”; “Посольство в Пекине”; “Консульство в Хайларе”, “Консульство в Харбине”, “Референтура по Туве”; “Секретариат Г.В. Чичерина”, “Секретариат Л.М. Карахана”, “Секретариат М.М. Литвинова” и “Секретариат В.М. Молотова” – всего около 1700 дел.

Отобранные документы и материалы, хранившиеся в фондах, только недавно рассекреченных, и поэтому практически не известные исследователям, дают возможность не только осветить и проанализировать дипломатическую деятельность советского правительства в Монголии, но и проследить эволюцию внешней политики самой Монголии в 1921 – 1946 гг. Последнее стало возможным ввиду специфики взаимоотношений НКВД СССР и МИД МНР, обусловленной тем обстоятельством, что НКВД СССР, в связи с особым международно-правовым положением Монголии до 1945 г. (ее международной изоляцией и непризнанием другими державами), выполнял функции посредника и фактического представителя МНР на международной арене. Все основные решения, протоколы и другие документы монгольского правительства по международным вопросам 1921–1945 гг. направлялись в НКВД и сохранялись до наших дней в архиве Представ-

ляется, что данное обстоятельство извиняет отсутствие всеобъемлющего анализа документов из монгольских архивов

Автором в процессе работы в АВП РФ были отобраны и систематизированы следующие группы наиболее важных первоисточников: а) неопубликованные ноты, депеши, телеграммы, заявления, выступления, письма, меморандумы, соглашения, декларации за 1921–1946 гг. советских и монгольских дипломатических представителей, а также руководителей двух стран; б) дневники полпредов, рукописи работ монгольских руководителей (перевод рукописи работы А.Амора “Краткая история Монголии”. – АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 18, пор. 4, поп. 15, инв. 021, д. М021), дневники и рукописи русских эмигрантов, работавших в Монголии; в) стенограммы бесед, переговоров советских и монгольских представителей (документы о визитах П. Гэндэна, А. Амора и Х. Чойбалсана в СССР), материалы международных конференций и заседаний с участием Монголии. Автором, в частности, были изучены тысячи страниц протоколов всех 35 заседаний Монголо-маньчжурской конференции 1935, 1937 гг. и связанной с ней обширной дипломатической переписки между СССР, МНР и Маньчжоу-Го (Японией) в 1932–1939 гг., а также документы советских дипломатических миссий в Китае – миссий И.Л. Юрина [(1920–1921 от Дальневосточной республики (ДВР)), А.К. Пайкеса (1922), А.А. Иоффе (1922 – 1923), Л.М. Карахана (1923 – 1925) и других деятелей, работавших в Китае в 30 – 40-е годы, позволившие проследить развитие монгольской проблемы в советско-китайских отношениях; г) подборки советской, монгольской, маньчжурской, японской, китайской и западной прессы по монгольской тематике за 20–40-е годы. В делах фондов “Референтура по Китаю”, “Референтура по Монголии” и др. содержатся ценнейшие оригиналы и переводы из газет “Монголын сонин сэтхул” (г. Калган, 1937, 1945 гг.), “Хухэ Тул”, (Синьцзян, 1945 г.), “Маньчжуриан Дейли Ньюс” (1945 г.), “Нью-Йорк Таймс” (1935, 1937, 1945 гг.), “Форин Афферс” (1933, 1945 гг.), “Фортнайтли Ревью” (1934 – 1935 гг.), “Котидиен” (1933, 1937, 1945 гг.), “Дэйли Телеграф” (1932, 1936 гг.), “Манчестер Гардиан” (1935 г.), “Ньюс Кроникл” (1937 г.), “Экономист” (1933 г.), “Джапэн Таймс” (1932 – 1936 гг.), “Чайна Уикли Ревью” (1934 г.), “Форин Полиси Репорте” (1935 г.), “Шунь бао” (1932 г.), “Хуэй бао” (1933 г.), “Нидро Цусин” (1929 – 1933 гг.), “Харбин Нициничи” (1930 г.), “Мансю Ниппо”, “Тун бао” (Харбин, 1933 – 1939 гг.). Особая ценность дел, содержащих тематические подборки по международному положению Монголии, заключается в том, что многие из указанных изданий сохранились только в архивах

Российский государственный военный архив (РГВА) имел для автора особое значение в плане сбора материалов по истории военно-по-

литических отношений СССР и МНР. Авторами обработаны документы фондов "912 Управление экспедиционным корпусом 5-й армии 1921 г.", связанные с советско-монгольской операцией по разгрому Унгерна и освобождению Монголии, "32113. Управление 17-й армией" за 1935–1939 гг., касающиеся монголо-маньчжурских пограничных конфликтов, советско-монгольской деятельности по укреплению обороны МНР; "32210", "32262", "37837", связанные непосредственно с событиями на Халхин-Голе 1939 г. и после них (1940 г.). Документы перечисленных фондов РГВА представлены разведсводками советского и монгольского командования, военно-экономическими и политическими справками о Маньчжоу-Го и Квантунской армии, докладами и обзорами хода боевых действий и т.д. Все это явилось существенным дополнением к общей источниковедческой базе, использованной при исследовании проблем международного положения Монголии в 1920 – 1940 гг.

Важным компонентом настоящей работы стали опубликованные, но пока малоизвестные широкому читателю документы. Здесь необходимо выделить публикации: а) вышедшие в России до 1917 г. и в 20 – 30-е годы по истории взаимоотношений Монголии и России в 1911 – 1917¹; б) документы, опубликованные в Советском Союзе, связанные с монгольской тематикой 20 – 40-х годов²; в) документы и материалы о деятельности Коминтерна в Монголии³. Последние две группы документов, несмотря на существовавшую тогда цензуру, влиявшую на характер публикаций, содержат широкую фактологическую и необычную базу и позволяют взглянуть на монгольский вопрос в контексте общей дальневосточной политики Советского Союза и его стратегических задач.

Составной частью работы стали опубликованные в Монголии в 50 – 70-е годы сборники документов по внешней политике МНР, материалы конференций, совещаний, съездов МНРП, документы о взаимоотношениях ЦК МНРП и Коминтерна и другие источники, извлеченные из монгольских архивов⁴.

Проблемы истории Монголии в международных отношениях 1911–1946 гг. нашли отражение и в западных документальных публикациях⁵.

В последние годы на волне общих демократических преобразований в России и Монголии и ввиду открытия ранее засекреченных архивов появилось большое число публикаций документов, посвященных "белым пятнам" и "болевым точкам" истории русско-монгольских и советско-монгольских отношений, а также внутривнутриполитическим процессам Монголии в 30 – 40-е годы, деятельности Коминтерна в Монголии⁶. Процесс опубликования таких документов, находящийся пока в началь-

ной стадии, несомненно поможет устранить деформации и искажения в трактовке внешнеполитической истории Монголии первой половины XX в., сложившиеся в советский период. Большим событием явилось издание на монгольском языке совместного российско-монгольского сборника документов по фондам архива РЦХИДНИ "Коминтерн и Монголия" и проведение 25 июня 1996 г. международной научной конференции, организованной Государственной архивной службой РФ, Главным архивным управлением Монголии, приуроченной к презентации сборника⁷.

Институтом Дальнего Востока РАН совместно с немецкими коллегами осуществлено издание многотомного фундаментального сборника документов по фондам архива РЦХИДНИ "ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы". в котором, однако, монгольский сюжет занял второстепенную роль⁸.

В Барнауле вышли документы и дневники сибирского купца А. Д. Васенева (в двух частях), дополняющие общую картину русско-монгольских отношений до 1917 г.⁹ Кроме того, автором предлагаемой читателю монографии в середине 90-х годов опубликован ряд неизвестных документов, касающихся деятельности Коминтерна в Монголии и советско-китайских отношений по монгольскому вопросу в 20-е годы¹⁰.

Массив использованных опубликованных источников не ограничивается сборниками документов: в него входят разнообразные дореволюционные и ранние советские издания, представленные путевыми очерками русских географов, отчетами различных экспедиций, коминтерновскими материалами, эмигрантскими изданиями¹¹. К этой же категории можно отнести группу источников, опубликованных в СССР в 60 - 90-е годы¹².

Важное место среди источников занимают различные исследования и мемуары русских и иностранных деятелей, которые в свое время были связаны с Монголией. Несмотря на определенную тенденциозность, в этих работах содержатся интересные материалы и многочисленные факты из политической жизни Монголии и русско-монгольских отношений. Авторы, являясь современниками событий, зачастую имели возможность лично наблюдать происходившие процессы. Так, в 1913 г. американский дипломат В.В. Рокхилл побывал в Монголии и после возвращения в США опубликовал статью "Проблема Внешней Монголии", в которой привел ценные сведения о положении и перспективах развития русского капитала в Монголии и о внутривнутриполитической обстановке в Урге¹³. К этой же категории оригинальных источников относятся книги иностранных путешественников и бывших китайских агентов, долгое время находившихся в Монголии¹⁴. Следует отметить,

что в этих повествованиях прослеживается определенная тенденция приукрасить или оправдать действия Китая, доказать “прогрессивность” китайских административно-политических реформ в Монголии.

Чрезвычайно интересным источником стали воспоминания русского дипломата И.Я. Коростовца¹⁵. Автор являлся официальным представителем России в Китае, а в 1912 г. был отправлен со специальной миссией в Ургу, где после успешно проведенных переговоров с монгольскими князьями заключил русско-монгольское соглашение 1912 г.

Составной частью источниковедческой базы, использованной в работе, явились материалы русской (1911 – 1917), советской (1919 – 1945), монгольской (1911 – 1945), китайской и западной прессы и публицистики, дополнившие архивные материалы, содержащие тематические подборки газет и журналов¹⁶.

Историография проблемы берет свое начало в русской ориенталистике, важнейшей частью которой было и является монголоведение, выделившееся в самостоятельное исследовательское направление во второй половине XIX в. Известные русские монголоведы и географы, такие, как Б.Я. Владимирцов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.К. Козлов, А.М. Позднеев, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, в конце XIX в. – начале XX в. стали авторами ряда фундаментальных исследований по вопросам древней и средневековой истории, этнографии, филологии и географии Монголии, заложив тем самым классический фундамент научного монголоведения¹⁷.

Определенное место в дореволюционной историографии принадлежит профессору В.Л. Котвичу, который одним из первых русских монголоведов попытался осмыслить социально-экономические и международно-политические процессы современной ему богдо-гэгэновской Монголии¹⁸, а также бурятскому ученому и путешественнику, профессору Г.Ц. Цыбикову (1873 – 1930)¹⁹, сумевшему не только проникнуть в таинственную страну Тибет, но и поставить проблему специфики восприятия окружающего мира монголами и тибетцами через ламаизм²⁰.

Дореволюционная монголоведческая литература включала группу работ идеологического характера, в которых авторы проводили идеи “защиты России от желтой опасности”, “присоединения Монголии к России на вечные времена”. Типичными представителями этого течения являлись граф А.Б. Бенингсен, генерал К.И. Дружинин, юрист Б.Э. Нольдэ и другие лица, выражавшие правонационалистические воззрения некоторых российских политических кругов²¹.

Ранняя советская историография (20 – 40-х годов)²² исходила из ряда новых методологических посылок, не применявшихся в русском монголоведении. Во-первых, при анализе российской и советской поли-

тики в Монголии был взят на вооружение тезис В.И. Ленина о существовании “двух России” для народов Востока: Советской России – “прогрессивной и передовой” и царской России – “грабительской и реакционной”²³. Во-вторых, во главу угла была поставлена проблема классово-вой борьбы в Монголии, через призму которой рассматривались и все остальные вопросы. Подобная методология сужала рамки исследования, не давая возможности для комплексного анализа как самобытной и самодостаточной монгольской цивилизации, так и аспектов советской политики в отношении Монголии, включая и ее негативные проявления. Вместе с тем ввод в научный оборот новых документов из архивов царского и Временного правительств позволил проанализировать практически не известные до этого аспекты русско-монгольских дипломатических отношений.

Традиционная советская историография 50–80-х годов, соблюдая жесткие идеологические ограничения, тем не менее, получила новое развитие: вышли фундаментальные монографии А.М. Дубинского, Г.В. Ефимова, М.С. Капицы, В.С. Мясникова, А.Л. Нарочницкого, М.А. Персица, С.Л. Тихвинского, А.Н. Хейфеца и многих других, посвященные истории колониальной политики мировых держав на Дальнем Востоке, проблемам международных отношений – русско-китайских и советско-китайских, а также другим крупным вопросам.

На этом общетеоретическом фундаменте появились и специализированные монголоведческие исследования Е.В. Бойковой, М.И. Гольмана, В.В. Грайворонского, Е.М. Даревской, С.Д. Дылькова, И.Я. Златкина, Г.С. Матвеевой (Яскиной), С.К. Рощина, Г.И. Слесарчук, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева и многих других российских монголоведов²⁴. Было опубликовано большое количество коллективных работ, а также защищены докторские и кандидатские диссертации²⁵.

Вместе с тем, не умаляя вклада авторов в разработку данной проблемы, следует заметить, что в работах 60–80-х годов преобладала несколько формализованная оценка ключевых событий того периода, естественно вытекавшая из общей идеологической парадигмы того времени. В частности, не был прояснен вопрос о том, как реально происходила эволюция советской и монгольской политики в 20–30 годы, какие причины – революционно-идеологического, геополитического или же дипломатического свойства – определяли решения советского руководства по таким вопросам, как ввод частей 5-й армии в июле 1921 г в Ургу, подписание соглашения 5 ноября 1921 г, соглашения 1929 г, протокола 1936 гг; а также как разворачивалась борьба в высшем советском руководстве по тем или иным аспектам монгольской политики. Не до конца изученной осталась и история появления ст. 5-й советско-китайского соглаше-

ния 31 мая 1924 г. оценка традиционной советской историографией сводилась к тому, что согласие Москвы “отдать” Внешнюю Монголию Китаю явилось по существу формальным актом и диктовалось необходимостью компромисса с Китаем ради сохранения мира и спокойствия на Дальнем Востоке. Соглашаясь с тем, что этот шаг был действительно большим компромиссом со стороны СССР, необходимо было уточнить и другие его мотивы. Что подталкивало советское руководство на названный шаг – необходимость ли сохранения мира на Дальнем Востоке, желание разжечь “революционный пожар” в Китае или же иные мотивы? Чем в этой связи была Монголия для Москвы – “разменной монетой” в советско-китайских связях или же реальным субъектом отношений, имевшим собственный подход к тем или иным проблемам? Отрицались в советской историографии и факт противоречивости и двойственности международно-правового положения МНР до 1946 г., а также проблема “двух Монголий” (МНР и Внутренней Монголии в составе Китая) и возможность их объединения.

Не получила пристального рассмотрения и история деятельности Коминтерна в Монголии, в частности, история репрессий против ведущих партийно-государственных деятелей Монголии – Д. Бодо, С. Данзана, Б. Цэрэндоржа, А. Амора, Ц. Дамбадоржа, Н. Жадамба, П. Гэндэна и многих других. Практически не затрагивалась проблема роли МНР в китайских революционных событиях 1925 – 1927 гг. и не освещались попытки Коминтерна использовать МНР и МНРП в качестве своеобразных катализаторов революционного движения в пограничных районах Внутренней Монголии, Барги и других национальных регионах Китая. Советская историография обходила молчанием и некоторые острые вопросы внутривосточной истории МНР, такие, как ликвидация коминтерновским и советским руководством так называемого “правого” (1928) и “левого” (1934) уклонов в рядах МНРП, организация “худонской” оппозиции в 1927 – 1928 гг., формирование и укрепление культа личности Х. Чойбалсана в 30 – 40-е годы. Одновременно, в советской историографии, несмотря на освещение отдельных фрагментов истории монголо-китайских и русско(советско)-китайских отношений по монгольскому вопросу, система взаимоотношений России (СССР) – Монголии (МНР) – Китая в 1911 – 1946 гг. оставалась неизученной.

Начало 90-х годов ознаменовалось выходом ряда принципиально новых работ по истории внешней политики СССР в 20 – 40-е годы, позволивших по-иному взглянуть на известные проблемы, отойти от жестких идеологических штампов²⁶.

Появляются статьи и сборники по монгольской тематике российских ученых, затрагивающие как общетеоретические вопросы²⁷, так и

конкретные аспекты монгольской истории²⁸. В 1993 г исследователем Е.А. Беловым была защищена докторская диссертация "Русско-китайские отношения в 1911–1915 гг", V-я глава которой посвящена монгольскому вопросу. Диссертация явилась результатом большой аналитической работы автора с неопубликованными архивными документами и материалами. На базе этих материалов Е.А. Белов в 90-е годы опубликовал серию статей по широкому кругу вопросов истории российско-монголо-китайских отношений в 1911 – 1915 гг²⁹. В 1999 г. в издательстве Института востоковедения РАН вышла его итоговая монография "Россия и Монголия (1911 – 1919 гг.)"³⁰. Автор, опираясь на данные нового, ранее не известного массива архивных документов, рассмотрел три крупных блока проблем, которые и составляют остов монографии: 1) оценка событий 1911 г. в Монголии, их причины и результаты; 2) Россия и независимость Внешней Монголии, правовой статус последней; 3) Россия и панмонголизм.

Отделение Внешней Монголии от цинского Китая и провозглашение 1 декабря 1911 г. монгольской независимости – одно из ключевых событий в новой и новейшей истории Монголии. По своему значению оно не уступает народной (1921 г.) и демократической (1990 г.) революциям в этой стране. Положительным фактором является то, что автор в своей монографии данное событие исследует в широком историческом контексте, т.е. анализирует не только конкретные события 1911 г. и мотивацию монгольских князей, но и выявляет глубинные предпосылки разворачивания монгольского освободительного движения, в числе которых он называет и агрессивную политику Цинов в XIX в. – начале XX в. в отношении Халха-Монголии. Е.А. Белов фактически раскрывает читателю технологию китайской колонизации, показывает ее особенности и эволюцию, начиная с 1887 г – со знаменитого указа официального Пекина о праве перехода китайских поселенцев за Великую стену – до декабря 1911 г. – времени провозглашения независимости Внешней Монголии. Здесь же Е.А. Белов справедливо отмечает экономическую и политическую заинтересованность России в отношениях с Внешней Монголией. Неслучайно накануне 1911 г. монгольские лидеры рассматривали официальный Петербург в качестве своего единственного союзника в предстоящей борьбе с Китаем. Автор, анализируя декабрьские события 1911 г. в Урге, справедливо называет их "бескровным переворотом" и выделяет три фактора, благоприятствовавших успеху монголов. 1) "активный национализм" халхасской верхушки; 2) поддержка со стороны России; 3) отказ китайских (ханьских) солдат в Урге защищать маньчжуров. Е.А. Белов развенчивает ряд мифов, существовавших в советской историографии. Долгое время советские историки настаивали на том, что отделение Внешней Монго-

лии стало якобы результатом "острой классовой борьбы... широких аратских масс". Как свидетельствуют факты, отделение от Китая явилось следствием узкоэлитарного заговора высших лам и князей, организовавших, как отмечалось выше, бескровный переворот в Урге. Именно монгольская элита инициировала и возглавила аньтиманьчжурское движение.

Второй момент, также искажавшийся в литературе, - это идеология монгольского движения 1911 г. Во многих советских изданиях просматривался тезис о наличии якобы демократических и антифеодальных идей в национально-освободительном движении 1911-1912 гг. Советские историки пытались связать революцию 1905-1907 гг. в России и события 1911-1912 гг. в Монголии, доказывая априорное идеологическое влияние первой. Конечно, эпизодическое воздействие на Монголию идей русских революционеров (от народников до большевиков) в период 1905-1911 гг., да и в последующие годы имело место. Однако рассматривать революцию 1905 - 1907 гг. в России и движение 1911 г. как соответственно причину и следствие, было бы методологически неверно. На самом деле создание в декабре 1911 г. монгольского государства Богдо-гэгэна VIII знаменовало собой начало реставрации ламаистской идеологии, восстановление традиционных ценностей монгольской кочевой цивилизации, деформированных в период господства Китая. То есть события 1911 г. в Монголии, являясь по сути проявлением монгольского национализма, носили традиционно-консервативный характер.

Ключевой блок вопросов, рассмотренный в работе, относится к политике России в Монголии после 1911 г. В российской и монгольской историографии до настоящего времени идут споры о том, была ли Внешняя Монголия независимой или нет? Какова роль России в развитии монгольских событий в этот период? Каков был правовой и политический статус Монголии до и после Кяхтинского тройственного соглашения 1915 г.? Эти и многие другие вопросы по-разному трактуются в литературе. Е. А. Белов внес свой весомый вклад в эту дискуссию. Концепция автора сводится к следующим положениям: 1) "В строгом, точном смысле слова, - пишет автор, - Внешняя Монголия в 1911-1915 гг. не была независимой... она находилась в эти годы в переходном политическом состоянии. Пекин пытался вернуть ее в состав Китая... Россия же противодействовала этому всеми способами, но Россия защищала не независимость Внешней Монголии, а ее автономию с большими правами в границах Китая"³¹. К этому следует добавить, что монгольское руководство, пойдя на подписание русско-монгольского соглашения 1912 г. и Кяхтинского соглашения 1915 г., фактически не признавало их, продолжая рассматривать Монголию в качестве независимого государства.

Китай также был готов пересмотреть положения Кяхты в случае изменения ситуации - ослабления России или при иных обстоятельствах. Тем не менее, Кяхтинская система отражала не только сложившийся баланс сил между Россией и Китаем в 1915 г., но и уровень реальной самостоятельности Монголии в тех исторических условиях, дав возможность Внешней Монголии реализовать себя в качестве субъекта отношений, хотя и в ограниченных пределах. Важным для монгольской стороны было то обстоятельство, что в рамках этой системы она получила со стороны России определенные политические гарантии сохранения своей государственности.

Панмонгольское движение показано автором в работе в традиционном плане - как движение по объединению в 1919 г. монголо-бурятских племен, организованное атаманом Семеновым при поддержке Японии. Вместе с тем необходимо заметить, что существует и другая интерпретация понятия "панмонголизм", связанная с более широким историческим толкованием данного процесса. Абстрагируясь от самого термина "панмонголизм", рожденного смутными временами гражданской войны и всегда носившего в нашей литературе оттенок реакционности, необходимо отметить, что практически все шаги монгольского и тувинского руководства с 1911 до 1919 гг. были направлены на объединение Халхи, Внутренней Монголии, Тувы (до установления российского протектората над Тувой в 1914 г.), Кобдо, Барги и других районов. Е.А. Белов на страницах своей книги подробно рассказывает о борьбе Урги за присоединение Внутренней Монголии, Урянхайского края (Тувы) и других сопредельных регионов. В широком смысле слова, панмонголизм являлся одним из проявлений возрождающегося монгольского национализма, основой внешней политики теократического государства Богдо-гэгэна. Для монголов он носил, несомненно, прогрессивный характер в тот исторический период.

Важным в работе является и то, что автор как бы заново "открыл" для читателя отдельных монгольских лидеров. Так, в советской историографии фигура Даламы Цэрэн-Чимида всегда трактовалась как реакционная. Даламе приписывались "китаефилия" и неумение оказывать "нужное" воздействие на политические события. Е.А. Белов на документальном и фактическом материале доказал, что Далама являлся одним из ведущих лидеров Монголии, человеком бескомпромиссным, готовым отдать все, даже жизнь, ради свободы и независимости своей страны.

В специальных китаеведческих исследованиях, вышедших в России за последние годы, проблемы российско-монголо-китайских отношений затрагивались не раз

В книгах члена-корреспондента РАН М.Л. Титаренко проанализированы проблемы взаимовлияния стран Азии и России, вопросы воздействия и значения цивилизационного фактора на процессы развития отношений между странами Дальнего Востока, АТР и Россией; исследуется роль России в Восточной Азии как относительно больших, так и малых стран³². Из работ общеисторического плана привлечены исследования академика РАН В.С. Мясникова также по проблемам межкультурных отношений России и Китая на протяжении столетий, начиная с XVII в.³³ В одной из последних монографий, посвященной дипломатической истории оформления русско-китайской границы в XVII – XX вв., В.С. Мясников дает аналитический обзор российской политики и относительно Монголии, справедливо отмечая, что Россия в 1911 г. выступила в качестве покровителя, а в 1915 г. (после подписания в 1915 г. Кяхтинского тройственного соглашения) – и в качестве гаранта автономии Внешней Монголии в составе Китая³⁴.

При анализе особенностей и общих закономерностей китайской политики в отношении Монголии и России автором предлагаемой монографии рассматривалась система традиционных китайских внешнеполитических стратегий, изучение которой впервые в мировой синологии предпринял еще в 60-70-е годы В.С.Мясников³⁵, а в 80-90-е годы продолжил швейцарский исследователь Х.-ф.-Зенгер, классифицировавший 36 стратегий³⁶. По определению В.С.Мясникова, китайская стратегия – это “нацеленные на решение крупной внешнеполитической задачи планы, рассчитанные на длительный период и отвечающие национальным и государственным интересам”³⁷. Применение стратегического подхода дает возможность понять внутреннюю логику китайского руководства при подписании Кяхтинского тройственного соглашения 1915 г., советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г., советско-китайского договора от 14 августа 1945 г. и признания Китаем 5 января 1946 г. независимости МНР. Подобный метод, на наш взгляд, позволяет выделить два уровня китайской политики в отношении Внешней Монголии (МНР): ситуативный (тактический, явный) и скрытый, долговременный.

В середине 90-х годов в Институте Дальнего Востока РАН А.А. Москалевым была успешно защищена докторская диссертация на тему “Национальный вопрос в Китае: теоретические аспекты национальной политики (1912 – 1992)”, в которой автор охарактеризовал позиции Гоминьдана и КПК в отношении Внешней Монголии с 1921 г., отметив, что китайские коммунисты в 1922, 1931, 1935 гг. признавали за монголами право на самоопределение, вплоть до полного отделения. Последнее обстоятельство подтверждается исследованиями российского китаиста Ю.М. Гарушянца, отметившего в одной из своих статей, что в 20-е годы

китайские коммунисты “развернули широкую агитационную кампанию за государственное отделение Монголии”³⁸

В 1997 г. Ю.М. Гарушянц опубликовал в журнале “Проблемы Дальнего Востока” статью, в которой впервые в российской историографии привел чрезвычайно интересные документы из архивов Гоминьдана, изданные на Тайване. В частности, стенограмму переговоров И. Сталина с Сун Цзывэнем и Цзян Цзинго в июле 1945 г. по монгольскому вопросу³⁹. Документы, использованные Ю.М. Гарушянцем, еще раз свидетельствуют об остроте монгольского вопроса на советско-китайских переговорах 1945 г. в Москве и подтверждают личную заслугу И. Сталина, фактически отстаивавшего монгольскую независимость и государственность. В работах таких российских китаеведов, как Г.А. Боголюбов, А.Д. Воскресенский, Ю.М. Галенович, С.Н. Гончаренко, А.М. Григорьев, Г.С. Каретина, А.И. Картунова, Р.А. Мировицкая и др., вопросы российско-монголо-китайских отношений также затрагиваются, несмотря на то, что перечисленные авторы специализируются на изучении несколько иных вопросов: деятельности Коминтерна в Китае, общей истории русско(советско)-китайских отношений, проблем китайской государственности и советской политики в Китае в годы Второй мировой войны и других вопросов⁴⁰. Следует также отметить и статьи Г.А. Боголюбова и А.С. Красильникова, посвященные анализу современной ситуации в “треугольнике” Россия – Монголия – Китай⁴¹. Также следует выделить работу известного китаиста А.Д. Воскресенского, который в недавно изданной фундаментальной монографии по истории и теории российско-китайских отношений справедливо отмечает, что монгольский вопрос в 1911 – 1946 гг. следует рассматривать через “призму многофакторного развития”. В частности, он пишет: “В начале XX в. два государства, Россия и Китай, рассматривали Монголию как своего рода буферную зону и практиковали аналогичные подходы к монгольской проблеме, ибо каждая из сторон стремилась извлечь для себя выгоды из сложившейся ситуации. Как только одна из сторон сталкивалась с усилением влияния внутреннего (точнее, внутривнутриполитического) фактора в связи с изменением политической системы, другая сторона, будь то Россия или Китай, стремилась использовать ослабление центрального правительства соседнего государства для того, чтобы поставить у власти в Монголии нужный ей режим”⁴². Как отмечает автор, “соотношение внутренних и внешних факторов в формировании независимости Монголии в 1911 – 1912 гг. и ее автономии в 1913 – 1919 гг., в тенденции к ликвидации автономии в 1919 г. и в провозглашении “второй” независимости после референдума – вопрос далеко не простой, требующий своего специального изучения”⁴³.

Отличительной чертой современной российской историографии по названному вопросу является ее многоплановость. Монголоведческие исследования ведутся сразу в нескольких направлениях и в различных региональных, исследовательских центрах. Бурятские историки пытаются осмыслить место и роль бурят в общей истории монголоязычных народов, выделить и изучить деятельность отдельных персоналий⁴⁴. Появился ряд интересных работ российских монголоведов по истории унгерновского движения⁴⁵, новые монографии и статьи о Джа-ламе⁴⁶, тибетской политике России в начале XX в.

В 1999 г. в Институте востоковедения РАН вышла монография известного монголоведа С. К. Рошина⁴⁷. Данная книга, основанная на анализе уникальных архивных документов, рассекреченных в начале 90-х годов, не только проливает свет на неизвестные страницы истории Монголии, но и фактически является своеобразной энциклопедией политических процессов, имевших место в монгольском обществе в 20–40-х годах XX в. На страницах монографии представлена галерея портретов малоизвестных широкому читателю монгольских революционеров, коминтерновцев, советских политиков, которые и делали революцию в Монголии. Прежде всего, это первый премьер народного правительства Д. Бодо, расстрелянный в 1922 г., председатель МНП С. Данзан, также расстрелянный, но уже в 1924 г., буряты-коминтерновцы Э. Ринчино, Ц. Жамцарано, руководители МНР и МНРП в 1924 – 1928 гг. – Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба, премьеры Б. Цэрэндорж, А. Амор и многие другие. Автор не просто документально точно и предельно правдиво возрождает для истории эти трагические личности, он как бы сам вместе с ними проходит их жизненный путь. Глубокая погруженность автора в эту историческую эпоху позволяет ему не просто описывать действия тех или иных лиц, но и проследивать их внутреннюю мотивацию, видеть, чем они руководствовались, где лукавили, где действовали против своей воли.

По-новому, с учетом всех политических факторов, действовавших в то время в Монголии и за ее пределами, дается автором и характеристика Народной революции 1921 г. На первый по значимости план С. К. Рошин выдвигает деятельность Коминтерна и его восточных структур – Сиббюро РКП(б), Дальбюро, Дальневосточного секретариата ИККИ, а также унгерновский поход на Монголию, непосредственно повлиявший на революционные события, “китайский фактор” и другие обстоятельства. В этой связи следует заметить, что монгольская революция была стимулирована гражданской войной в России. Идеинная база революции 1921 г. фактически интегрировала два противоречивых течения. 1) традиционный панмонголизм, идеи движения 1911 – 1912 гг., довольно

удачно позаимствованные у “старого” теократического руководства новым революционным правительством, и 2) идеологические воззрения Советской России и Коминтерна, видевших в Монголии удобный объект мировой, в данном случае восточной, революционной политики, а также выгодный стратегический “буфер” на дальних рубежах.

С.К. Рошин подробно анализирует сложную историю подписания советско-монгольского соглашения от 5 ноября 1921 г. – первого международного документа Народного правительства Монголии, все коллизии переговоров, позицию монголов по тем или иным вопросам, не всегда совпадавшую с советским подходом. Автор отмечает и особенности международной ситуации того времени, прежде всего – роль “китайского фактора”, проявившуюся в том, что Москва в тот период находилась в стадии восстановления официальных контактов с Китаем и не хотела осложнения отношений с ним из-за Монголии. Тем не менее, соглашение между Советской Россией и Монголией было подписано и явилось первым международно-правовым актом, закладывавшим основы советско-монгольского союза. Соглашение объективно способствовало возрождению традиционных российско-монгольских связей, прерванных “смутными временами” 1917–1920 гг. Официальное признание со стороны Советской России предоставляло Монголии, несмотря на усиление ее идеологической зависимости, определенные политические, экономические и военные гарантии сохранения государственности и независимости от Китая.

С.К. Рошин первым в современном российском монголоведении затронул проблемы политической борьбы в монгольском руководстве. Автор освещает политику Советской России и Коминтерна, не скрывая негативных и порой разрушительных последствий этой политики для монголов.

Вместе с тем работа С.К. Рошина наводит на некоторые общие размышления, связанные не только с судьбой Монголии. Во-первых, относительно теории “некапиталистического пути развития”. В контексте монгольского опыта хотелось бы выяснить, что лежало в основе этой теории: конкретная практика развития отсталых советских республик Средней Азии или же изначальные теоретические установки классиков большевизма, подгонявшиеся под среднеазиатские и монгольские реалии? Являлась ли эта теория адекватным отражением социально-экономических и политических процессов, действительно происходивших в советской Средней Азии, Закавказье и Монголии, или она носила абсолютно искусственный идеологически-конъюнктурный характер? Во-вторых, оценка роли Коминтерна в отсталых странах Востока. На монгольском примере автор, отмечая наличие негативных последствий деятель-

ности Коминтерна в Монголии, в целом все же подчеркивает преобладающее позитивное влияние этой организации на политическую и общественную жизнь монгольского общества. Данная проблема - соотношение конструктивной и деструктивной составляющих в политике Коминтерна, на наш взгляд, требует более детального рассмотрения. Сложность ее связана с методологией, которую использует автор при анализе политики Коминтерна в Монголии. Если за точку отсчета при анализе влияния Коминтерна изначально берется "классовая целесообразность", то результат его политики в Монголии, при всех ее ошибках и перегибах, будет положительным. Если же исходить из принципа идеологического невмешательства в развитие самобытной и самодостаточной монгольской цивилизации, то итог политики Коминтерна можно будет расценить как исключительно негативный. Другими словами, возникает потребность в научной дискуссии по поводу методологических и теоретических подходов, применяемых в изучении политики Коминтерна в странах Востока. Причем, вопрос сочетаемости классовых (идеологических) установок Коминтерна и цивилизационных ценностей того или иного общества, в котором экспериментировал Коминтерн, выходит далеко за рамки Монголии и Китая и затрагивает многие другие регионы и страны. Одним из проявлений такой сочетаемости и взаимодействия, на наш взгляд, является достаточно удачный симбиоз внешней идеологии и внутренних цивилизационных основ в теории "социализма с китайской спецификой". Отсутствие же подобной сочетаемости и полный антагонизм первого и второго проявились, например, в Средней Азии в процессе борьбы Советской власти против басмаческого движения как реакции на ее установление.

Следует выделить и тувинское направление в современной российской историографии. Многие вопросы монголо-тувинских отношений до 1944 г до сих пор остаются спорными и малоизученными. В 60–70 годы тувинскими историками Ю.Л. Аранчыном, В.Ч. Очуром, О.А. Толгаар-Оолом, А.М. Шумовым и другими были предприняты попытки заострить ряд вопросов из истории Тувы. В 1992 и 1994 гг. были подготовлены и защищены две кандидатские диссертации: В.Д. Март-Оол ("Социально-политическое и экономическое развитие Тувинской Народной Республики. 1921–1944") и Л.Ш. Ондар ("Социально-экономическое и культурное развитие Республики Тувы в составе России. 1944–1993"), содержащие анализ ряда новых документов и материалов о монголо-тувинских отношениях в 1921–1944 гг., но так и не ответившие на главные вопросы. каковы были стратегические, политические и национально-исторические причины вхождения Тувы в состав СССР? Как повлияло это вхождение на монголо-тувинские отношения, которые до 1944 г

развивались в конфронтационной форме? К сожалению, Л.Ш. Ондар и В.Д. Март-Оол ограничились традиционной для советской историографии декларацией о “закономерном итоге сближения двух народов”, “горячем стремлении тувинского народа войти в состав СССР”. Мотивы советского руководства, на наш взгляд, кроме собственных прагматических расчетов в отношении Тувы (возможность привлечения новых сырьевых и людских ресурсов), были сформированы больше под воздействием внешних (монгольского и китайского) факторов, а точнее, логики развития монгольского вопроса в 40-е годы в плане его международно-правового разрешения. Советским лидерам, и прежде всего И. Сталину, не выгодно было публичное обсуждение тувинской проблемы на Ялтинской и других международных конференциях союзников. Особенно нежелательной для него была фиксация некоего “параллелизма” (сходства) в положении Тувы и МНР. Обе они не были признаны иными державами, кроме СССР, обе находились под жестким идеологическим и экономическим патронажем Москвы, на земли обеих претендовал Китай и рассматривал их как часть своей территории. Советское руководство вполне обоснованно считало, что если Тува станет частью Советского Союза до Ялтинской конференции, то тогда западным союзникам не придется выбирать между Тувой и Монголией в качестве уступки и компенсации Москве за ее вступление в войну против Японии. Одновременно вклад и решающая роль СССР в ходе Второй мировой войны служили гарантией того, что Запад спокойно отнесется к изменению статуса Тувы.

Процедура включения Тувы в состав СССР в 1944 г. прошла спокойно, и международного резонанса этот акт не имел. 11 февраля 1945 г. в Ялте было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым из которых стало “сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)”⁴⁸, что послужило основой для благоприятного разрешения и монгольского вопроса – признания независимости МНР Китаем (5 января 1946 г.).

Важное место в современном монголоведении занимает иркутская школа монголистов, имеющая давние традиции и представленная работами Е.М. Даревской, Н.Е. Единарховой, Е.И. Лиштованного, Ю.В. Кузьмина и других исследователей.

В монгольской историографии 50 – 80-х годов проблемы взаимоотношений Монголии с Россией и Китаем в первой половине XX в. освещались как в отдельных монографиях ведущих историков МНР (таких, как С. Дамдинсүрэн, Б. Лхамсүрэн, Ш. Нацагдорж, Ц. Пунцагнов, Б. Ширендыб и др.)⁴⁹, так и в общих, коллективных работах по ис-

тории Монголии⁵⁰. Одним из первых исследователей, начавших изучение внешнеполитической проблематики как самостоятельной дисциплины был историк Ш Сандаг, защитивший в 1976 г. докторскую диссертацию на тему: "Внешняя политика КНР (1921–1976)"⁵¹ и опубликовавший серию работ по истории внешней политики монгольского теократического государства (1911–1919) и МНР⁵².

Монгольская историография в этот период находилась под сильным влиянием советской школы монголоведения, и ей, в целом, были присущи те же черты и недостатки – жесткий идеологический подход, приоритетная значимость классовой борьбы и революционного движения в изучении истории, замалчивание негативных сторон советско-монгольских отношений и деятельности Коминтерна в Монголии, а также некоторых фактов собственной истории. По тем же причинам не ставилась в монгольской историографии и проблема панмонголизма, не изучались персоналии видных государственных и общественных деятелей Монголии: Д. Бодо, С. Данзана, А. Амора, Ц. Жамцарано, Д. Дамбадоржа, П. Гэндэна и др., репрессированных в 20 – 40-е годы.

В 60 – 80-е годы в СССР монгольскими историками было защищено большое количество диссертаций⁵³, однако, несмотря на ввод в научный оборот новых документов и материалов из монгольских архивов, тема взаимоотношений России, Монголии и Китая в первой половине XX в. так и не получила своего полного освещения.

Новейшая монгольская историография 90-х годов представлена самыми разнообразными в политическом и научном отношении работами. Причем, если в начале 90-х годов преобладали исследования одностороннего, русофобского характера, возникшие на волне критики монгольской демократической общественностью результатов деятельности Советского Союза в МНР⁵⁴, то с середины 90-х годов четко проявляется более взвешенный, объективный подход, учитывающий комплекс внутренних и внешних факторов, влиявших на Монголию в первой половине XX в.

В этот же период в Монголии на базе новых архивных документов идет разработка ряда ключевых проблем политической истории Монголии XX в., вопросов международной тематики, истории внешней политики и современного положения Монголии в Северо-Восточной Азии; русско-монгольских и советско-монгольских отношений с середины XIX в. до 90-х годов XX в., где особо выделяется коминтерновский сюжет. В настоящее время работа по данным направлениям осуществляется в нескольких научных центрах – Институте истории Монгольской академии наук, Институте международных исследований МАН, Центре изучения Северо-Восточной Азии МАН и других, в частности, в рамках

различных исследовательских международных проектов. Такие историки, как Б. Болдо, Д. Гомбосурэн, С. Дамдинсурэн, Ч. Дашдава, Д. Дашпурэв, С. Дашцевел, Л. Жамсран, С. Идшинноров, Б. Лхамсурэн, Н. Максаржав, А. Очир, Л. Хайсандай, Д. Чулуунжав, Д. Шурхуу и многие другие, так или иначе затрагивают проблему места и роли Монголии в системе международных отношений в 1911 – 1945 гг.⁵⁵ Основные концептуальные позиции монгольских историков по проблеме советско-монгольских отношений сводятся к тому, что Коминтерн навязал Монголии свою волю и внедрил на монгольскую почву чуждую ей политическую и идеологическую модель. Относительно 1915 г. (Кяхтинское соглашение), большинство историков считает, что в 1915 г. Россия и Китай этим соглашением уничтожили монгольскую независимость.

Соглашаясь с тем, что политика Коминтерна действительно во многом оказывала отрицательное влияние на Монголию, деформируя и разрушая традиционный монгольский уклад, необходимо, тем не менее, признать, что советско-монгольский союз, несмотря на болезненную взаимную адаптацию сторон, был реальным механизмом сохранения монгольской государственности, способствовавшим выходу Монголии в 1945 г. на международную арену.

С другой стороны, характеризуя значение событий 1911 г., следует отметить, что они все-таки не носили характера формационного обновления Монголии и не были направлены на радикальную смену социально-экономического уклада. Доминантой событий 1911 г. являлось движение монгольской элиты, имевшее целью отделение от Китая и воссоздание монгольской теократии. В современной монгольской историографии превалирует концепция “трех национальных революций” – 1911, 1921 и 1990 гг. Соглашаясь с оценкой последних двух революций (1921 и 1990 гг.), мы полагаем, что все-таки характеристика событий 1911 г. как “национальной революции” носит несколько искусственный характер. Хотя условно, абстрагируясь от научной терминологии, допустимо определение “теократическая или ламаистская революция 1911 г.”. Подобная формулировка часто используется в литературе – например, термин “исламская революция” в Иране и т.п.

Особо в современной монгольской историографии хотелось бы отметить роль двух исследователей. Первый – известный общественный деятель, один из лидеров и вдохновителей Монгольской демократической революции 1990 г. Бат-Эрдэнийн Батбаяр, больше известный под псевдонимом Б. Баабар. Книга Баабара “Монголы XX в.”⁵⁶, вышедшая в Монголии в середине 90-х годов, побила все рекорды популярности. Она была переведена на английский, японский, корейский, немец-

кий языки и переиздана в десятках стран, став своеобразной заявкой на создание новой исторической концепции Монголии в XX в. и, в какой-то степени, идеологией монгольской демократической революции 1990 г. Второй – доктор исторических наук, талантливый ученый, в прошлом руководитель Центра международных исследований МАН, а ныне один из ведущих сотрудников МИД Монголии Ц. Батбаяр. Последний опубликовал в 90-е годы серию монографий по проблемам взаимоотношений Монголии и Японии в XX в.⁵⁷ Исследования Ц. Батбаяра строятся на серьезной документальной основе, автор прекрасно владеет английским, японским, русским и китайским языками, что позволяет ему использовать весь круг возможных источников и материалов.

Кроме того, в концентрированном виде концептуальные подходы современной монгольской историографии изложены в книге Б. Лхамсурэна “Внешняя среда и государственная независимость Монголии”, наиболее близко подошедшего к теме данной монографии⁵⁸. Структурно книга Б. Лхамсурэна охватывает пять разделов: “Монгольская национально-освободительная революция 1911 г. и ее результаты. Ограничение и уничтожение монгольской независимости” (1 гл.); “Народная революция 1921 г. – новый импульс монгольской независимости. Внешняя политика народного правительства” (2 гл.); “Внешнеполитические отношения МНР в период военной угрозы” (3 гл.); “Борьба МНР за выход на международную арену” (4 гл.); “Внешняя политика МНР в период существования социалистической системы и ее раскола” (5 гл.). Оценивая результаты движения 1911–1912 гг., Б. Лхамсурэн пишет: “То, что через 220 лет Монголия вновь обрела национальную независимость, явилось результатом тщательного анализа монгольской элитой международной обстановки и ответной реакцией на окраинную политику (Пекина. – *С И*)”⁵⁹. Соглашаясь с тем, что события 1911 г. были действительно результатом умелого лавирования монгольского руководства между Россией и Китаем, а также удачно выбранного ими момента для отделения (распад Цинской империи и Синьхайская революция 1911–1913 гг.), тем не менее, автор настоящей монографии полагает, что в декабре 1911 г. Внешняя Монголия еще не “обрела национальную независимость”, как пишет Б. Лхамсурэн, а только декларировала ее. Полное обретение независимости могло состояться лишь при получении определенных политических гарантий со стороны России (или других сил) при соответствующем международно-правовом оформлении статуса Внешней Монголии в той или иной форме. Другой принципиальный момент, вызывающий наши возражения, связан с оценкой Б. Лхамсурэном Кяхтинского соглашения 1915 г. Так, он пишет. “Кяхтинское соглашение следует считать одним из ярких примеров неравноправных договоров

между большими и малыми, слабыми и сильными государствами .. Что касается царской России, то она, в условиях начавшейся Первой мировой войны... пыталась лишь сохранить приобретенные ею политические и экономические преимущества в Монголии от посягательств других держав". И далее: "По Кяхтинскому соглашению независимость Внешней Монголии была уничтожена"⁶⁰. Соглашаясь с монгольским историком в том, что Кяхтинский договор был действительно неравноправным для Монголии и что он юридически снизил уровень ее суверенитета до автономии в составе Китая, необходимо подчеркнуть, что автономный статус, гарантированный Россией и Китаем, с широким набором полномочий монгольского правительства и с формальным суверенитетом Китая над Монголией позволил на деле сохранить и развить основные атрибуты монгольской теократической государственности.

Характеризуя царскую и советскую политику в Монголии, Б. Лхамсурэн справедливо отмечает, что во многом они обнаруживали черты сходства. Советская Россия унаследовала многие "старые" проблемы, стоявшие перед царской дипломатией: проблему панмонголизма, проблему необходимости международно-правового оформления МНР и другие, привнеся при этом и свои специфические проблемы революционно-классового характера. Монгольский историк верно подчеркивает существовавшую настороженность правительства Богдо-гэгэна в 1917–1919 гг. относительно Советской России. Народную революцию 1921 г. он определяет как новый импульс и этап в борьбе за независимость. Б. Лхамсурэн отмечает большое значение советско-монгольского соглашения 5 ноября 1921 г., а также договора 1929 г. "Об основных принципах взаимоотношений МНР и СССР" и других документов⁶¹. Подробно и убедительно он освещает международно-политическую обстановку, сложившуюся вокруг МНР накануне и в годы Второй мировой войны, отмечая двойственность международно-правового статуса и ограниченность суверенитета МНР. Он пишет: "Конец Второй мировой войны для Монголии был переходным этапом во взаимоотношениях с внешним миром. Хотя Монголия и была независимым государством, у нее были ограниченные права на международной арене и другие государства не признавали ее независимость". Однако в результате поддержки Советского Союза, признания МНР правительством Чан Кайши и других событий противоречие "де-факто – де-юре" в положении Монголии было ликвидировано, делает вывод автор⁶².

Кроме монографии Б. Лхамсурэна, монгольскими историками и философами за последнее время был опубликован ряд интересных работ, также перекликающихся с темой данной монографии. Во-первых, это серия исследований о государственных деятелях Монголии, неза-

луженно репрессированных в 30 – 40-е годы XX в.⁶³ Во-вторых, монографии Д. Дашпурэва. “Монголия: революция и независимость 1911 – 1992” и “Режим террора в Монголии. 1920 – 1990”⁶⁴. Исследования Д. Дашпурэва охватывают большие исторические периоды, отличаются остротой постановки ранее малоизвестных вопросов.

Важное место в современной монгольской историографии занимают исследования монгольских историков и политологов, связанные с текущей международной проблематикой. Как правило, в плане изучения опыта (позитивного и негативного) внешнеполитической деятельности правительства и ЦК МНРП в первой половине XX в. и проведения исторических параллелей и аналогий большинство таких работ опирается на исторический материал 20 – 40-х годов. Большой вклад в изучение современной ситуации в “треугольнике” Россия – Монголия – Китай и перспектив его развития вносят ученые Центра Северо-Восточной Азии и международных исследований Монгольской академии наук под руководством Н. Алтанцэцэг⁶⁵.

Характеризуя состояние **западной историографии** по данной проблеме, следует отметить, что на Западе монголоведение стало самостоятельным научным направлением лишь после Второй мировой войны. На базе исследований Ч. Боудэна, О.Латтимора, В. Конолли, Р. Рупена, П. Тана, Дж. Фритерса и др. западным монголоведением была прослежена сложная и противоречивая история Монголии в XIX в. – первой половине XX в., а также политика царской и советской России в Монголии⁶⁶. Большинство исследователей сходятся в том мнении, что проблема формирования и развития монгольского национализма и государственности была во многом predetermined влиянием России и Китая в XVI–XX вв. А различие подходов заключается в том, что одни авторы (Дж. Фритерс, Ч. Боудэн, О. Латтимор и др.) считали, что наивысшую опасность для монгольского менталитета и государственности представлял Китай, а другие (Р. Рупен, П. Тан, Ма Хотьен) видели главного врага монголов в лице России, особенно активизировавшейся в Монголии в советский период благодаря Коминтерну и МНРП⁶⁷.

Особое место в монголоведческой литературе по широте и глубине поставленных вопросов принадлежит исследованиям О. Латтимора, изучавшего различные вопросы социально-экономической и политической истории Монголии и неоднократно обращавшегося к проблемам русско-монгольских и советско-монгольских отношений⁶⁸. О. Латтимор одним из первых в западной историографии выдвинул тезис о существовании давних и взаимовыгодных хозяйственно-экономических связей между русскими и монголами, указывая на прогрессивное влияние более высокой культуры русских на монгольских кочевников⁶⁹. Исследо-

ватель, анализируя политику Китая в Монголии, утверждал, что "отношения монголов и китайских колонистов были . всегда антагонистичны"⁷⁰.

Другой представитель англо-американской историографии Дж. Фритерс в монографии "Внешняя Монголия и ее международное положение", используя широкий круг источников, отмечает "оборонительный характер политики царской России в Монголии" в течение 1906–1917 гг.⁷¹ Одновременно, анализируя советский период, он подчеркивает противоречивость и неопределенность международно-правового положения Внешней Монголии в 1921–1945 гг. Причина подобного явления, по мнению автора, крылась не только в агрессивной политике Китая, не признававшего монгольской государственности и суверенитета, но и в двойственной политике Советской России, которая, с одной стороны, поддерживала Монголию, признав ее суверенитет в 1921 г. двусторонним соглашением, а с другой стороны – подтвердила права Китая на Внешнюю Монголию советско-китайским соглашением от 31 мая 1924 г.⁷²

Свое видение политической и социальной истории Монголии изложил английский монголовед профессор Ч. Боудэн. "Монголия, – пишет он в монографии "Современная история Монголии", – испытала две революции в период между 1911–1921 гг. Первая – националистическая против господства Китая... вторая была вызвана русским влиянием и протекала под русским контролем"⁷³. В 60 – 80-е годы Р. Рупеном, Дж. Мэрфи, А. Сандерсом и другими исследователями применительно к Монголии была разработана теория сателлизма⁷⁴, которой в той или иной степени придерживалось большинство западных монголоведов. Характерно, что в советской и монгольской историографии того периода эта теория подвергалась ожесточенной критике, но, как показал ход исторических событий, многие ее положения, например, такие, как политическая и экономическая зависимость МНР от СССР, активная роль идеологии панмонголизма в новой и новейшей истории Монголии, силовая деятельность Коминтерна и другие, оказались обоснованными.

В этот же период на Западе появляется ряд специальных работ, посвященных истории монгольского освободительного движения 1911–1912 гг.⁷⁵; событиям на Халхин-Голе⁷⁶; русско(советско) – китайским отношениям⁷⁷; деятельности Джа-ламы в Монголии⁷⁸.

Проблема роли и места Монголии в советско-китайских отношениях была специально рассмотрена в статье Л. Тиллетта "Фактор национальных меньшинств в советско-китайском споре"⁷⁹ Автор, исходя из известной схемы "МНР – сателлит СССР", тем не менее, высказал ряд интересных идей. Так, он пишет: "Не только вся южная граница МНР

является спорной, но и монгольский народ в целом находится в уникальной демографической ситуации, будучи разделен между тремя странами – Россией, Китаем и собственно МНР. В МНР проживает только треть всех монголов, зато абсолютное большинство живет на смежных территориях к северу и югу от МНР. Эти территории и составляют пределы для монгольского объединительного движения, которое обязательно возникнет в случае, если монгольский национализм усилится или контроль над ним ослабеет”⁸¹

Идеи О. Латтимора, Р. Рупена, А. Сандерса, Ч. Боудэна, Л. Тиллетта, высказанные ими в 60 – 80-е годы относительно проблем панмонголизма, перекликаются с рядом современных публикаций американских историков и политологов. Так, профессор университета в Кентукки Ч.Э. Зиглер отмечает, что Монголия на протяжении XX в. была “запалом в Центральной Азии”. “Ни российским, ни китайским государственным интересам, – пишет он, – не соответствуют идеи панмонголизма. В Китае боятся вредного влияния Улан-Батора на Внутреннюю Монголию, а в Москве – его влияния на Бурятию, Туву и Калмыкию”⁸². Ч. Зиглер подчеркивает общность интересов России и Китая относительно проблемы панмонголизма. Вопросы исторической преемственности ряда процессов, наблюдавшихся в Монголии в первой половине XX в. и проявляющихся сегодня, затронуты в публикациях М. Россабби, К. Хамфри, Т. Гинзбурга и др., опубликованных на Западе за последние три года⁸³. Так, К. Хамфри пишет, что “оба соседа Монголии – Россия и Китай – воспринимаются монголами с тревожным чувством”, поэтому единственный выход для них – “обращение к ранним историческим реалиям”. “Возвращение к прошлому, – пишет К.Хамфри, – ассоциируется в Монголии в первую очередь с обретением утраченной независимости в свободе от любой иностранной тирании, в которую страна попала в начале XX в.”

Новейшие западные исследования вынесенной в заголовок проблемы связаны с именами американского ученого из Стэнфорда Б. Эллемана⁸⁴, который, базируясь на анализе недавно открытых архивных документов Гоминьдана (Тайвань), смог преодолеть определенный схематизм классического западного монголоведения 50 – 70-х годов, а также К. Этвуда, исследующего историю национально-освободительного движения во Внутренней Монголии в 30 – 40 годах XX в.⁸⁵

Китайские историки в 80 – 90-х годах освещали данную проблему в свойственном для китайской историографии 60-70-х годов плане, и заявляли о “справедливой борьбе Китая с агрессивной Россией” за “исконно китайские земли.. Монголии”⁸⁶. Похожие идеи высказываются в коллективной монографии “Ша Э юй Дун бэй” (“царская Россия и Север-

ро-Восток”) под редакцией Гун Дуна, изданной в Чанчуне в 1985 г., а также в многочисленных исторических статьях журнала “Нэй Мэнгу дасюэ сюэбао” (Вестник Университета Внутренней Монголии)” (Хух-Хото, 1991–1993), в “Истории китайско-монгольских отношений” (Хух-Хото, 1981), в других работах. Такие ученые, как Лу Минхуэй, Юй Шэньду, Люй Цункунь, Ян Шихао, Ли Цзягу, Чжан Чжи и многие другие, внесли большой вклад в изучение данной проблемы, трактуя, тем не менее, монгольские события 1911–1945 гг. как некий “исторический казус”, отклонение от нормы развития Китая, которое, так или иначе, но будет устранено самой историей. Причем опубликованная в 1993 г. в Пекине коллективная монография “Тайна обретения независимости Внешней Монголии” вызвала даже официальный протест Улан-Батора по поводу изложенных в ней идей о якобы “незаконном” провозглашении независимости МНР в 1945 г. по итогам плебисцита⁸⁷.

Таким образом, состояние русской дореволюционной, советской, современной отечественной и зарубежной историографии свидетельствует об острой необходимости исследования проблемы места и роли Монголии в системе международных отношений на Дальнем Востоке в 1911 – 1946 гг., а также проблемы развития “треугольника” Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878 – 1917 гг. – М. – Л., 1932; Царская Россия и Монголия в 1913 – 1914 гг. (документы) /Красный Архив – М., 1929 Т. 37 С. 3 – 68; Grimm Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925 гг.) – М., 1927, Русско-китайские отношения. 1689 – 1916 гг. Официальные документы. – М., 1958; Министерство иностранных дел. Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу. 23 августа 1912 – 2 ноября 1913 – СПб., 1914; Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам. – СПб., 1912 – 1917., № 27 – 81; Российская экспортная палата. Отчеты за 1911 – 1914 гг. – СПб., 1911 – 1914, Труды совещания по вопросам о развитии русско-монгольской торговли. – Иркутск, 1913, Журнал Особого Совещания, бывшего в Петербурге под председательством Иркутского генерал-губернатора, егермейстера Л. М. Князева по монгольским делам – Иркутск, 1913, Донесения миссии в Пекине

о государственном перевороте в Китае в 1911 – 1913 гг./ Известия министерства иностранных дел России. – Спб., 1916; Синьхайская революция 1911 – 1913 гг. Сборник документов и материалов – М., 1968.

² Документы внешней политики СССР. – Т. I – IV. – М., 1957 – 1961; Советско-китайские отношения. 1917 – 1957 гг. Сборник документов и материалов. – М., 1958, Советско-монгольские отношения. 1921 – 1974. Документы и материалы – Москва – Улан-Батор, 1975; Советско-монгольские отношения 1921 – 1966. Сборник документов. – М., 1966; Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. – М., 1952; Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921 – 1924 гг. Документы. – М., 1960; Тегеран–Ялта–Потсдам. Сборник документов. – М., 1971; СССР на международных конференциях руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 4 – 11 февраля 1945 г. Сборник документов. – М., 1984. Т. IV.

³ Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. (Сборник документов). – М., 1934; Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919 – 1932. – М., 1933; Коминтерн, КИМ и молодежное движение. 1919-1943. Сборник документов. – М., 1977. Т. I.

⁴ Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын гадаад харилцааны баримт бичгуудийн Эмхтгэл. Боть 1. 1921 – 1961 (Сборник документов внешней политики МНР. Т. 1.) – Улаанбаатар, 1964; МАХН ардын хувьсгалын ялал тын толоо тэмцэлд. Баримт бичгууд, 1921 оны гурваас долдугаар сар (МНРП в борьбе за победу народной революции. Документы, март-июль 1921 г.). – Улаанбаатар, 1971, МАХН-ын туухэнд холбогдох баримт бичгууд. 1920 – 1940 он Нэгдүгээр дэвтэр (Документы по истории МНРП 1920-1940. Вып 1) – Улаанбаатар, 1966; Внешняя политика МНР в документах. – Улан-Батор, 1974; 1921 оны ардын хувьсгалын туухэнд холбогдох баримт бичгууд 1917 – 1921 (Документы по истории народной революции 1921 г 1917 – 1921 гг.). – Улаанбаатар, 1957.

⁵ Teng Suy, Fairbank J.K. China's Response to the West. A Documentary Survey. 1839 – 1923 – New-York, 1963; United States Policy Towards China. Diplomatic and Public Documents. 1839 – 1939. – New-York, 1964; Documents on the Comintern and the Chinese Revolution. 1920-1923 // The Chinese Quarterly. – 1971 N. 45, Jan. – March; Outer Mongolia. Treaties and Agreements. – Washington, 1921. N.41, The Russian – Japanese Treaties of 1907 – 1916 Concerning Manchuria and

Mongolia. By Ernest Baston Price – Baltimore, 1933; MacMurrey J.V.A. Treaties and Agreements with and Concerning China 1891 – 1919. – New-York, 1921. Vol.1 – 2; Documents on British Foreign Policy 1919 – 1939. L., 1966. Ser.1. Vol.14.; FRUS.Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences in Cairo and Teheran. 1943. – Wash., 1961.

⁶ Советы И Сталина монгольскому премьеру (публикация стенограмм бесед И. Сталина с премьер-министром МНР П Гэндэном в 1934 – 1935) Пер. с монг. //Азия и Африка сегодня. 1991. № 6; Из воспоминаний Ю. Цеденбала. Публикатор З.Цеденбал //Восток – 1994. № 4 – 5; Свет и тень: из личных записей Ю Цеденбала. Сост. Б. Сумъяа (на монг.яз.). – Улан-Батор, 1992.

⁷ Коминтерн ба Монгол. Баримтын эмхэтгэл. Эрдэм шинжилгээний удирдагч: Ч. Дашдаваа, В.П. Козлов. Эмхэтгэгчид: Г.М. Адиебеков, С. Дамдинсүрэн, А.С Железняков ба бусад. – Улаанбаатар, 1996.

⁸ Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920 – 1925. Т.1. – М., 1994; ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1926 – 1927 Т.2 (в 2-х частях). – М.,1996; ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. Документы. 1927 – 1931. Т.3 (в 2-х частях), – М.,1999.

⁹ Сибирский купец А.Д.Васенев. Дневники. – Барнаул, 1994. Ч.1, Документы и письма. – Барнаул, 1994. Ч.2.

¹⁰ Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна Малоизвестные страницы советско-китайских отношений// Анналы. – М., 1995 – Вып.1. С.28 – 34; он же. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае. 1925 г. // Там же. – М., 1995. Вып 2. С.29-36.

¹¹ Имшенецкий Б.И. Монголия. Очерк социально-экономической истории. – СПб, 1915, Пестовский Б.А. Современная Монголия – СПб, 1915, Степанов С.Ф. Монголия. Общий очерк // Сибирский торгово-промышленный ежегодник – СПб., 1913, Бобрин П.А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного устройства. – Владивосток, 1914; Стоянов С. Монголия // Народный журнал. – 1912 № 4 С.25 – 27, Тонких С. Материалы по описанию Монголии. – Иркутск, 1913; Дорофеев А. Отчет по поездке в Северо-Западную Монголию – Омск, 1912; Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос – СПб, 1912; он же. Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию//Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1913 Вып 86 С.284 – 374, Новицкий В.Р. Путешествие в Монголию, совершенное в 1906 г по поручению Главного управления Генерального штаба. – СПб, 1911, Полтавцев С. Материалы для

описания Монголии. – Иркутск, 1913, Имшенецкий Б. Русские “пионеры” в Монголии//Деловая Россия. – 1915 26 июня (8 июля); Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении. – Спб., 1913; Борьба за русский Дальний Восток Под ред. Б.Шумяцкого. Вып 1. М., 1922, Нанкинская конституция //Вестник Азии. 1922. № 49; Великая Маньчжурская империя: К 10 юбилею. 1932 - 1942. – Харбин, 1942, С.А.Шойжелов (Нацов). Материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. – М., 1930. Вып. VII. Кн. I

¹² Соркин Н.С. В начале пути (Записки инструктора монгольской армии). – М., 1970; Панюшкин А.С. Записки посла. Китай. 1939 – 1944. – М., 1981, Сергеев Е. Самурайский меч над Китаем (Иллюстрированная Россия, – Париж, 1937)//Азия и Африка сегодня. 1995. № 8.

¹³ Rockhill W.W. The Question of Outer Mongolia// Journal of American Asian Asiatic Association. – 1914. May. Vol. 14. N.2. P.21.

¹⁴ Perry-Assough H.O., Otter Barry R.B. With the Russians in Mongolia. – London, 1914 P.27.; Larson F.A. Duke of Mongolia. – Boston, 1930; Bay M.J. The Foreign Relations of China A History and Survey. – New-York, 1921, Ma Hot'ien. Chinese Agent in Mongolia. A Report on the Birth of the Mongolian People's Republic. – Baltimore, 1949.

¹⁵ Korostovetz V.J. Von Cinggis-Khan zur Sowjetrepublik. – Berlin und Leipzig, 1926.

¹⁶ Михайлов С. Движение в Монголии //Вестник Азии – .1911. №9, Гурьев Б Монголия и Китай и их политические взаимоотношения// Вестник Азии. 1912. № 11 – 12; Китай и Япония, 1911 – 1916. Обзор периодической печати; Дальний Восток. Сведения из периодической печати 1910 - 1917. Автором изучена российская официальная пресса “Правительственный вестник”, “Россия” за 1911 – 1916 гг., либеральная: “Новое время”, “Московские ведомости”, “Речь”, “Утро России” за 1911 – 1917 гг.; сибирская: “Сибирь”, “Новая Сибирь”, “Харбинский вестник”, “Приамурская жизнь”, “Восточная Заря”, “Восточная Сибирь”, “Звезда”, 1911 – 1917, черносотенная. “Русское знамя”, что позволило проследить эволюцию региональных и политических интересов различных социально-политических кругов России того времени.

¹⁷ Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 гг. по поручению РГО. – Спб., 1881 - 1883. Т. 1 – 4; Позднеев А М Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и настоящего быта . Спб., 1880, он же. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию,

исполненной в 1892 – 1893 гг. – Спб., 1896 – 1898 Т.1 - 2 ; Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. – Спб., 1889; Козлов П.К. По Монголии и Тибету. – Спб., 1913; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926 Т.2., Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. – Спб., 1887; Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию в 1910 г. – Томск, 1911 Т.1

¹⁸ Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного положения Монголии. – Спб., 1914; он же. Поездка в долину Орхона летом 1912 г.// Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. – 1912. Т.22. Вып.1 – 2. С. 5 – 7; он же. Среди монгольских племен // Восток. 1923. Кн.2. С. 118 – 125.

¹⁹ См.подробнее: Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков. – Иркутск, 1990.

²⁰ Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. – Новосибирск, 1991. Т. 1.

²¹ Томилин В. Монголия и ее современное значение для России. – М., 1913. С. 17 – 18; Бенингсен А.Б. Несколько данных о современной Монголии. – Спб., 1910; Монгольский вопрос в освещении доклада графа А.Бенингсена во всероссийском национальном клубе 12 апреля 1912 г. // Окраины России. 1912. № 16. С. 80; Панов А.А. Грядущее монгольское иго. – Спб., 1910, Нольдэ Б.Э. Международное положение Монголии //Право. 1915. № 35; Дружинин К.И. Наша современная политико-стратегия на Дальнем Востоке Доклад в дальневосточном комитете общества востоковедения. – Спб., 1910.

²² Гирченко В. Царская Россия и Монголия в 1913 – 1914 гг. //Жизнь Бурятии. – 1930. № 5–6. С 125–132; Овчинников В.А. Международное положение Монголии 10 лет тому назад (Из прошлого русской дипломатии на Дальнем Востоке) //Жизнь Бурятии 1925. № 9 – 12, 25–38, Шойжелов (Нацов) С. Монголия и царская Россия // Новый Восток 1926. Кн.13 – 14, С. 351–363; он же Национально-освободительное движение в Монголии //Новый Восток 1924 Кн.6 С 243–254; Каллиников А. Национально-революционное движение в Монголии. – М.-Л., 1926; Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921; Кунгуров Г.Ф., Сорокинов И.А. Аратская революция. – Иркутск, 1949.

²³ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. – ПСС. Т.26. С.108.

²⁴ Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии – М., 1957, Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. – М., 1953, Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия –

М., 1987; Бойкова Е.В. Отношения МНР с капиталистическими и развивающимися странами: 60 – 70-е годы. – М., 1982; Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX вв. – М., 1988; Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР) – М., 1978; Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. – М., 1978; Рошин С.К. Развитие социалистических производственных отношений в МНР. – М., 1979; Улымжиев Д.Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. – Улан-Удэ, 1961; Даревская Е.М. Февральская революция в России и русская колония в Урге// Труды Иркутского государственного университета. – Иркутск, 1958. Вып. 1. Т. XXV.

²⁵ См., в частности: История Монгольской Народной Республики. – М., 1954 (1-е изд.), М., 1967 (2-е изд.), М., 1983 (3-е изд.); История советско-монгольских отношений – М., 1981; Капица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). – М., 1965; Боевое содружество. – М., 1983; Дубинин А.В. Проблемы политики Коминтерна в национально-колониальном вопросе (на примере Монголии) 1919 – 1928 гг. – Автореф. канд. дисс. – М., 1972; Смирнов В.Н. Договоры 1921 и 1936 гг. как выражение интернациональной дружбы между советским и монгольским народами. – Автореф. канд. дисс. – Ростов, 1973 и др.

²⁶ Нежинский Л.Н. Идея “мировой революции” и внешняя политика советского государства в 1917-1921 гг. / Советская внешняя политика 1917 – 1945 гг. Поиски новых подходов – М., 1992; Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые 10 лет. – М., 1993; Голубев А. Дальневосточная политика СССР в 30-е гг. // Свободная мысль. – М., 1992. № 18.

²⁷ Гольман М.И. К вопросу о теории некапиталистического развития / VI Международный конгресс монголоведов. – М., 1992. Т. I. С. 37 – 45; Яскина Г.С. К проблеме переходного периода от феодализма к социализму / Цибиловские чтения – Улан-Удэ, 1989; Железняков А.С. Монголия и “русский коммунизм” / Научно-информационный бюллетень. (специальный) – М., 1996. Вып. 8. С. 28–36; Яскина Г.С. Монголия смена модели развития – М., 1994

²⁸ 70 лет Монгольской народной революции Материалы межд. науч. конф. – М., 1992, Владимирцовские чтения. III. Докл. науч. конф. Составитель Е.В. Бойкова – М., 1995; Рошин С.К. Они возглавили революцию // Азия и Африка сегодня. – 1995. № 9, Надиров Ш.Г. Цеденбал, 1984 год. – М., 1995, Грайворонский В.В. Россия и Монголия. современные отношения и перспективы / Россия и Азия – М., 1995, он же. Некоторые вопросы сотрудничества между СССР и МНР в годы Второй мировой войны / Пятидесятилетие Великой победы

и Восток – М., 1996, Лузянин С.Г. Монголия. Между Китаем и Советской Россией //Проблемы Дальнего Востока. – 1994. №2 С.71 – 84.

²⁹ Белов Е.А. Баргинский вопрос по материалам русских архивов (1911–1915) //Восток. – 1993. № 1; он же На заре российско-тибетских отношений //Азия и Африка сегодня – 1994. № 4, он же. Реакция в Китае на русско-монгольское соглашение 1912 //Проблемы Дальнего Востока. – 1994. № 4; он же. Проблемы Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях //Восток. – 1995. № 1.

³⁰ Белов Е.А. Россия и Монголия (1911 – 1919 гг) – М.,1999.

³¹ Там же. – С.6.

³² Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и междивизиационных отношений. – М.,1994; он же. Россия лицом к Азии. – М.,1998.

³³ Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма междивизиационного контакта //Цивилизации и культуры. – М.,1995. Вып.2. С. 215 – 234.

³⁴ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII – XX вв – М.,1996. С. 341.

³⁵ Мясников В.С. Традиционная китайская дипломатия и реализация Цинской империей стратегических планов в отношении русского государства в XVII в. – М.,1977.

³⁶ Х.-ф.-Зенгер. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия – М.,1995.

³⁷ Мясников В.С. Антология хитроумных планов. – В кн.: Х.-ф.-Зенгер. Указ.соч. С.7.

³⁸ Гарушняц Ю. Национальная политика Гоминьдана (на примере Монголии 20-х годов) //Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ – Вып.8 (специальный). – М.,1996 С. 55

³⁹ Гарушняц Ю. Борьба за признание независимости Монголии // Проблемы Дальнего Востока – 1997. № 2 С. 112 – 123.

⁴⁰ Галенович Ю.М. “Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений. – М.,1992 Т.1–2; Григорьев А.М. К оценке итогов поездки делегации Гоминьдана в Москву в 1923 г / Китайская традиционная культура и проблемы модернизации – М.,1994. Ч.2 ; Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20 – 30-е годы) – М.,1990, она же. Китайская государственность и советская политика в Китае в годы тихоокеанской войны 1941 – 1945. – М.,1999; Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае (80 – 90-е годы) – М., 1994

⁴¹ Боголюбов Г.А. Об актуальных проблемах в рамках взаимоотношений Россия – Монголия – Китай // Информационный

бюллетень. ИДВ РАН. - М., 1994 №7. С 172- 189; Красильников А.С. Проблемы "малых" и разделенных народов и стабильность в Азии // Там же С. 63 – 87.

⁴²Воскресенский А Д Россия и Китай. теория и история межгосударственных отношений. – М.,1999. С. 204

⁴³ Там же С 204

⁴⁴ Чимитдоржиев Ш Б Кто мы - бурят-монголы? – Улан-Удэ, 1991, он же Бурят-монголы и Центральная Азия// VI Межд конгресс – М., 1992. Ч 1, Национально-освободительное движение бурятского народа. – Улан-Удэ, 1989, Цыбен Жамцарано: жизнь и деятельность// Докл. науч.конф. - Улан-Удэ, 1991; Г.Н.Заятуев. Краткая биография цанит-хомбо Агвана Доржиева. – Улан-Удэ, 1991; Базаров Б., Шагдуров Ю. Агван Доржиев. Последние страницы жизни//Байкал.– Улан-Удэ, 1991 № 3, Доржиев Ж.Д., Кондратов А.М. Гомбожаб Цыбиков – Иркутск, 1990.

⁴⁵ Юзефович Л. Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. – М., 1993.

⁴⁶ Ломакина И. Голова Джа-ламы. – Улан-Удэ – СПб., 1993; Белов Е. А. Загадки Джаламы // Азия и Африка сегодня. – 1995. № 6.

⁴⁷ Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921 – 1940 гг.) – М., 1999.

⁴⁸ Лузянин С Г. Влияние советского и китайского факторов на тувинский вопрос в 1921–1944 гг // Китай на пути модернизации и реформ. КНР – 50 лет – М.,1999. Ч.2. С. 19 – 21.

⁴⁹ Ширендыб Б Монголия на рубеже XIX – XX вв. История социально-экономического развития. – Улан-Батор,1963; Ширендыб Б История Монгольской народной революции 1921 г. – М.,1971, Пунцагноров Ц Монголын автономит уейн туух. – Улаанбаатар,1955, Нацагдорж Ш Из истории аратского движения во Внешней Монголии. – М.,1954, Дамдинсүрэн С. МАХН дэлхийн коммунист хөдөлгөөнтэй холбоо тогтоож хөгжүүлсэн.1921–1940.– Улаанбаатар,1971

⁵⁰ Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын Туух (История МНР). Т.1 – 3. – Улаанбаатар, 1966/1969; МАХН ба коммунист Интернационал. – Улаанбаатар, 1979

⁵¹ Сандаг Ш. Внешняя политика МНР. 1921–1976 гг – Автореф доктор. дисс – М., 1976

⁵² Сандаг Ш. Монгол улс торийн гадаад харилцаа. 1850 – 1919. Хоёр дэвтэр. Тэргүүн дэвтэр Монголд Манжийн ноёрхлыг устгаж, үндэснийхээ тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхаглаа нь Богд хаант Монгол улс 1850 - 1911 (В 2-х кн. Кн. 1 Свержение маньчжурского господства в Монголии и восстановление ее независимости

Монгольская теократическая монархия 1850 – 1911 гг.). – Улан-Батор, 1971; Сандаг Ш. Борьба монгольского народа за государственную независимость и строительство новой жизни. – Улан-Батор, 1966.

⁵³ Лигуу Б. Из истории русско-монгольских отношений в конце XIX – начале XX вв. – Автореф. канд. дисс. – М., 1960; Дамдинсүрэн С. Связи МНРП с международным коммунистическим движением (1920 – 1940) – Автореф. доктор. дисс. – М., 1969; Хашбат Л. Международно-правовое признание МНР. – Автореф. канд. дисс. – М., 1973; Хулан Х. Критика буржуазных концепций внешней политики МНР. – Автореф. канд. дисс. – М., 1976; Т. Тумурхулэг Политика великих держав в отношении Богдыханского монгольского государства в 1911–1915 гг. – Автореф. канд. дисс. – М., 1988.

⁵⁴ Б.Баабар. Буу март. Мартвал сононо. – Улаанбаатар, 1991; Лхагва Т. Что же думал Сталин о монголах? (Перевод и послесловие В.В.Грайворонского)/Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – №3. С. 85 – 95; “Эрх чолоо”. 1993. – 17 марта.

⁵⁵ Дашдава Ч. Некоторые вопросы политики Коминтерна в Монголии//Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. – М., 1996. Вып. 8; Жамсран Л. Монголын сэргэн мандалтын эхэн (1911 – 1913). – Улаанбаатар, 1992; Хорьдугаар зууны монгол Туухийн Тойм – Улаанбаатар, 1995; Идшинноров С. Взгляды Цыбена Жамцаранова о путях развития Монголии /Научно-информационный бюллетень. – М., 1996. Вып.8; Дашпурэв Д. Этапы модернизации монгольского общества. – Автореф. доктор. дисс. – М., 1995, Максаржав Н. Монголын шинэ туух. – Улаанбаатар, 1994

⁵⁶ Баабар Б. XX зууны Монгол: нуудэл, суудал, гарз олз. – Улаанбаатар, 1996. – Боть 1

⁵⁷ Батбаяр Ц. Кодама мицуй пуус, хурээнд байсан япончууд. 1911–1921 оны – Улаанбаатар, 1993; Батбаяр Ц. Монгол ба Япон XX зууны эхний хагаст (Монголын улс торийн гадаад харилцааны туухээс). – Улаанбаатар, 1998; Батбаяр Ц. Политика Японии в континентальной Азии и Монгольская Народная Республика (1925 – 1945 гг.). – Автореф. доктор. дисс. – Улаанбаатар, 1998.

⁵⁸ Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол. – Улаанбаатар, 1995

⁵⁹ Там же. – X. 10.

⁶⁰ Там же. – X. 23.

⁶¹ Там же. – X. 52

⁶² Там же. – X 81 – 82.

⁶³ Dash D. Soliin Danzan. U.-B, 1990, Болд Батор Амар сайд. – Улаанбаатар, 1993; Болд Батор Ханд Дорчж. – Улаанбаатар, 1994;

Ичинноров С. П. Гэндэн: Узэл баримтлал, Уйл ажиллгаа – Улаанбаатар, 1994; Еронхий сайд Б.Цэрэндорж (1868 – 1928). Баримт бичгийн эмхтгэл – Улаанбаатар, 1998

⁶⁴ Dashpurev D. Mongolia: Revolution and Independence 1911 – 1992. – New Delhi, 1993; Dashpurev D. Reign of Terror in Mongolia. 1920 – 1990 – New Delhi, 1992.

⁶⁵ Bold R. The Changing International Order and Mongolia's Security // The Mongolian Journal of International Affairs – Ulaanbaatar, 1994 Vol. I. P.4 – 9; Dugersuren M. Changing Mongolia in a New Environment // Ibid. – P. 15 – 23; Hashbat L. Current Sino-Russian Relations and Their Impact on Mongolia // Ibid. – P. 23 – 28; Hulan H. Mongolia's Political Transformation: Observations and Comparisons // Ibid. – P. 28 – 38; Lhagva S. Development Aid in Northeast Asia // Ibid. – P. 38 – 45; Tsolmon Ts. Some Issues of Mongolia's Transition to a Market Economy // Ibid. – P. 45 – 50; Jamsran L. Similarities and Differences of the 1911 revolutions in Mongolia and China // Ibid. – P. 61 – 64; Tumurchuluun G. Mongolia's Foreign Policy Revised its Relations with Russia and China // Ibid., Ulaanbaatar. – 1995 N. 2 P. 44 – 55; Choinkhor J. Mongolia and Northeast Asia // Ibid. – P. 56 – 63.

⁶⁶ Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. – New-York, 1962; Tang P.S. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911 – 1931. – Durham, 1959; North Carolina, 1959; Rupen R. Outer Mongolia Nationalism 1900 – 1919. – Washington, 1959; Knutson J.N. Outer Mongolia: A Study in Soviet Colonialism. – Hong Kong, 1959; Friters G. Outer Mongolia and Its International Position. – Baltimore, 1949; Bawden Ch. Modern History of Mongolia. – L., 1968; Moses L. Inner Nationalism and Revolution in Mongolia. – Leiden, 1954; Chinese Colonisation in Inner Mongolia. Its History and Development // American Geographical Society. – 1932. – N.14, Asia in International Relations. The Role of Mongolia in Russo-Chinese Relations // The Mongolia Society Bulletin. – Bloomington, 1972. Vol.11. N.2. P.55 – 76; Sanders A. Mongolia: Politics, Economy and Society. – Boatler (Colorado), 1987; Murphy G. Soviet Mongolia. A Study of the Oldest Political Satellite. – Berkley – Los Angeles, 1966.

⁶⁷ Rupen R. Mongols of Twentieth Century. – Blumington, 1964, p. 361, The Mongolian People's Republic. – Stanford, 1966. P. 18 – 19.

⁶⁸ Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. – New-York, 1962; Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. – Leiden, 1954.

⁶⁹ Lattimore O. Nomads and Commissars. – New-York, 1951. P.69.

⁷⁰ Ibid. – P. 66 – 69, 50 – 51.

⁷¹ Friters J.M. Outer Mongolia and Its International Position. – Baltimore, 1949. P. 280.

⁷² Ibid

⁷³ Bawden C.R. Modern History of Mongolia – London, 1968 P.187–189.

⁷⁴ Murphy G. On Satellitship // Journal of Economic History. – 1961 Vol.21. P. 641 – 651, Rupen R. How Mongolia is Really Ruled A Political History of the Mongolian People's Republic 1900 – 1978 – Stanford, 1979; Sanders A. Mongolia: Politics, Economy and Society – Boatler, 1987.

⁷⁵ Onon U., Pritchard D. Asia's First Modern Revolution. Mongolia Proclaims its Independence in 1911. – Leiden, 1989

⁷⁶ Moses L. Soviet – Japanese Confrontation in Outer Mongolia. The Battle of Nomanhan-Khalkin Gol // Journal of Asia History. – 1967. Vol.1 N.1. P.64 – 85.

⁷⁷ Ewing Th.E. Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policy in Outer Mongolia. 1911 – 1921. – Blumington, 1980.

⁷⁸ Gaunt J. Mongolia's Renegade Monk. The Career of Dambi-Jantsan // Journal of the Anglo-Mongolian Society. – London, 1987. July, vol.10. No.1. P. 27 – 41.

⁷⁹ Tillett L. The National Minorities Factor in the Sino-Soviet Dispute // Orbis. A Journal of World Affairs. – 1977. Vol.21 No.2. P. 241 – 260.

⁸⁰ Tillett L. The National Minorities Factor in the Sino-Soviet Dispute // Orbis. A Journal of World Affairs. – 1977. Vol. 21. No. 2. P. 241, 243.

⁸¹ Charles E. Ziegler. Russia in the Asia-Pacific. A Major Power or Minor Participant?//Asian Survey. – 1994. Vol. XXXIV N 6 P. 534.

⁸² Rossabi M. Mongolia: a New Opening? // Current History. – Philadelphia, 1992. Vol. 91. N. 565. P. 278 – 285. T Ginsburg. Political Reform in Mongolia Between Russia and China //Asian Survey – 1995. Vol XXXV. N. 5 P. 459 - 472, The Changing World of Mongolia's Nomads By Melvyn C. Goldstein and Cynthia M Beall – Berkley, Los Angeles, 1994.

⁸³ Humphry C. The Moral Authority of the Past in Postsocialism. Mongolia // Religion, State and Society. – Keston, 1992. Vol. 20 Nos. 3 – 4. P. 375.

⁸⁴ Bruce A. Elleman. Secret Sino-Soviet Negotiations on Outer Mongolia 1918 – 1925.// Pacific Affairs. 1993 – 1994. Vol. 66. N.4 P. 519 – 539.

⁸⁵ Atwood Ch.P. The East Mongolian Revolution and Chinese Communism // Mongolian Studies. Journal of the Mongolia Society – Bloomington, 1992 Vol.15. P. 7 – 83

⁸⁶ Ша Э цинь Хуаши (История агрессии царской России в Китае) – Пекин, 1990. Т 4 С. 3 – 7

⁸⁷ УНЭН. – 1993 - 11 июня

ГЛАВА II.

МОНГОЛЬСКАЯ ТЕОКРАТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1911–1919 гг.

§1. Внешняя Монголия в системе международных отношений накануне 1911 г.

Формирование системы международных отношений на Дальнем Востоке после русско-японской войны 1904 – 1905 гг. происходило под влиянием, во-первых, процессов дальнейшего политического и экономического усиления Японии в Китае, во-вторых, попыток Англии и США ослабить японский натиск и укрепить собственные позиции в Китае, в-третьих, поисков Россией и Японией компромисса по мирному разделу ранее спорных территорий Маньчжурии и Монголии на российскую (Внешняя Монголия и Северная Маньчжурия) и японскую (Внутренняя Монголия и Южная Маньчжурия) “сферы влияния”, что и было сделано по соглашениям 1907 и 1910 гг.

Международно-правовое положение Монголии, превратившейся в конце XVII в. в окраинную часть цинского Китая, определялось системой русско-китайских договоров и соглашений середины XIX в. и китайской политикой “нового курса” конца XIX в. – начала XX в., отменявшего все ограничения для деятельности китайского капитала в Монголии и открывшего путь для прямой колонизации монгольских земель.

Ключевым элементом, определявшим особенности международного положения Внешней Монголии, являлось глобальное противоборство России и Китая, которое как особая форма взаимодействия Запада и Востока имело не только территориально-историческую, но и более широкую межцивилизационную значимость. Судьбы малых народов по

границам этого исторического спора находились в прямой зависимости от хода и особенностей данного противостояния. Монгольский народ был в прямом смысле в “эпицентре” данного столкновения и к 1911 г. оказался разделенным границами трех “самостоятельных” образований – Внешней Монголии, Внутренней Монголии (обе в составе Китая) и Бурятии в составе Российской империи. Причем Внутренняя Монголия, тысячами нитей связанная с Китаем в экономическом и политическом плане, была более интегрирована в китайскую жизнь¹, в то время как Внешняя Монголия, сохраняя свою самобытность, явно тяготела к Российской империи.

Многовековая монгольская политика России, строившаяся прежде всего с учетом хозяйственно-экономических интересов была важной составной частью общей дальневосточной политики империи. Ключевым моментом последней было создание своеобразных “зон” экономического и политического влияния на Дальнем Востоке. Подобные “зоны”, как правило, не совпадали с демаркационной линией, а опережали официальные границы. К 1904 г. сфера влияния России проходила по условной линии: Северная Маньчжурия – Внешняя Монголия – Синьцзян. Русско-японская война 1904 – 1905 гг. изменила данную структуру, исключив дальнейшее проникновение России в Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию. Русско-японские соглашения 1907 и 1910 гг. закрепили сложившуюся ситуацию, четко обозначив приоритетные “зоны” – Внешнюю Монголию и Северную Маньчжурию за Россией; Внутреннюю Монголию, Южную Маньчжурию и Корею за Японией.

Основным средством укрепления российского влияния в Монголии была традиционная русско-монгольская торговля, составлявшая в начале XX в. 16 млн. 900 тыс. руб., увеличившись по сравнению с серединой XIX в. в 80 раз². Торговля при внешней ее незамысловатости (русские товары на сырье и скот) была сложным и трудоемким делом. Фактором риска являлся сам сухопутный характер торговли, идущей в основном по Кяхтинскому (колесному) и особенно сложному Чуйскому (караванно-вьючному) трактам.

Рост торговли происходил в основном по линии импорта в Россию, составлявшего в 1907 г. 9,5 млн., а в 1910 г. – 12 млн. руб.³ Увеличение импорта было закономерным явлением, ибо в России из года в год усиливался интерес к возможностям монгольского рынка как поставщика дешевого мяса и животноводческого сырья. В прессе и специальных коммерческих изданиях фигурировали цифры о наличии в Монголии (включая Внутреннюю) 50 млн. крупного, 80 млн. мелкого рогатого скота и 25 млн. лошадей⁴. Из этого делались выводы о возможности ежегодного выгона 450 тыс. голов скота в Южную Сибирь и другие регио-

ны и увеличения за счет этого оборота русско-монгольской торговли до 30 – 35 млн. руб. против сложившегося на тот момент оборота в 16 млн. руб. Российские торгово-промышленные круги сумели к 1908 г. наладить бесперебойную ежегодную доставку 339 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота через пункты Кош-Агач и Кяхта⁵.

Менее благоприятно складывалась ситуация с экспортом. Объем последнего, несмотря на беспошлинный характер торговли (по русско-китайскому договору 1881 г.), был почти в два раза меньше объема импорта и в количественном отношении в пять раз уступал экспорту в Монголию товаров из Китая и других стран⁶.

Причины этого резкого отставания были связаны не только с политическими моментами (антирусские настроения китайских чиновников в Халха-Монголии, административная подчиненность Урги Пекину), но и с чисто экономическими обстоятельствами. Так, расходы по доставке товара из Москвы до Бийска, по подсчетам известного сибирского купца и предпринимателя А.Д. Васенева, составляли на 1 пуд груза 1 р. 46 к., что уже делало проблематичным сбыт этих товаров на монгольском рынке⁷. Цена за один кусок (аршин) российской мануфактуры, по свидетельству того же А.Д. Васенева, на Ирбитской ярмарке, где бийские купцы производили основные закупки для Монголии, составляла 1 р. 85 к., в то время как китайские торговцы продавали в Монголии аналогичную мануфактуру (далембу) по 95 фын (1 лану) за кусок, что по курсу соответствовало 1 р. 40 – 1 р. 45 к⁸. Несмотря на открытие и последующую эксплуатацию Транссиба подобная же ситуация с ценами и накладными расходами складывалась по Кяхтинскому направлению и на Иркутской и Верхнеудинской ярмарках.

Российским правительством предпринимались попытки изменить ситуацию. В 1909 г. при министерстве торговли и промышленности было создано “Особое междепартаментальное совещание” по делам Монголии, которое организовало ряд экспедиций по изучению рынка. Наиболее обстоятельной явилась экспедиция 1910 г., снаряженная по инициативе сибирского купца Трапезникова, в которой участвовали представители 73 фирм, среди них Рябушинские, Морозовы и др⁹. В 1910 г. для разработки проекта железной дороги (ветки Транссиба) ст. Мысовая - Кяхта - Урга иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев учреждает “Особое совещание по монгольским делам”¹⁰. С 1903 г. правительство субсидирует “Верхне-Иртышское товарищество пароходства и торговли” для организации водного сообщения по Иртышу до озера Зайсан, а также по р. Селенге до монгольской границы¹¹. Одновременно оно оказывает поддержку акционерному российскому обществу “Монголор” по добыче золота на территории Внешней Монголии, созданному в 1902 г.¹²

Несмотря на серьезные усилия правительства и частного капитала, положение с русским экспортом к 1911 г не изменилось. Китайские купцы продолжали доминировать на монгольском рынке. Русская же торговля, основанная на традиционной системе “хошунных купцов”¹³, нуждалась в серьезной реорганизации - создании сети крупных торговых фирм и кредитных учреждений на территории Монголии

Национально-исторической особенностью российско-монгольских отношений, кроме торговых связей, являлось существование однородного этнического “поля” в сопредельных зонах российского влияния Бурят-монгольские, а также урянхайские (тувинские) племена, разделенные еще в XVII в. – середине XIX в. российской колонизацией, в конце XIX в – начале XX в стали эффективными проводниками политики России в Монголии. Общность религии ламаистского буддизма российских бурят и халха-монголов, взаимные паломничества способствовали и экономической интеграции Южной Сибири, Забайкалья и Северной Монголии. Подобное явление (единое религиозно-этническое “поле”) породило такие политические феномены, как личности Агвана Доржиева¹⁴ и Петра Бадмаева¹⁵, внесших мощный заряд в процесс взаимоотношений России, Внешней Монголии и Тибета.

Единое этническое пространство стало благодатной почвой и для приграничной колонизации. Хозяйственное взаимодействие сибиряков, бурят и халха-монголов развивалось безболезненно и плавно для всех сторон. Известный американский монголовед О. Латтимор справедливо замечал, что “сибиряки, продвигаясь на юг, внедряли у монголов топоры, ружья, плуги, расселяясь вблизи лесов”¹⁶.

В политическом плане Россия до 1911 г. проводила антикитайскую линию во Внешней Монголии, поддерживая как отдельных монгольских лидеров, боровшихся с цинским режимом в Монголии¹⁷, так и в целом политику монгольской духовной и светской элиты, направленную на сохранение суверенитета и самобытности Халха-Монголии. Так, российский посланник в Пекине И.Я. Коростовец, в течение 1909 – 1910 гг отмечая в своих донесениях в Петербург “неизбежность создания самостоятельного монгольского государства”, предлагал выработать “определенную программу действий в отношении Внешней Монголии”¹⁸. Предложения И.Я. Коростовца находили поддержку у российских представителей в Монголии (И.Я. Шишмарева, В.Н. Лавдовского, В.Н. Люба и др.) и определенное понимание у руководителей Российского министерства иностранных дел (А.П. Извольского, А.А. Нартова, С.Д. Сазонова)¹⁹

Однако такое “понимание” не шло дальше дипломатической поддержки монгольского руководства. Царское правительство не желало

Однако такое "понимание" не шло дальше дипломатической поддержки монгольского руководства. Царское правительство не желало открыто вмешиваться в монголо-китайский конфликт и не было заинтересовано в этот период в полном отделении Внешней Монголии от Китая и тем более в присоединении ее к России, поскольку это могло нарушить, по мнению российского руководства, сложившийся баланс сил и интересов в русско-китайских, а также русско-японских отношениях. Внешняя политика России, в конечном счете, была направлена на сохранение "статус-кво" в регионе.

Проникновение Китая в Монголию²⁰ имело ряд преимуществ по сравнению с российско-монгольской интеграцией. Во-первых, это было связано с административно-политическим статусом Монголии, позволявшим Пекину действовать там как на "своей" территории и активно использовать более китаизированную Внутреннюю Монголию как плацдарм в наступлении на север²¹. Во-вторых, преимущество для Китая заключалось и в более удачном положении китайских торговцев во Внешней Монголии. Поражение России в русско-японской войне послужило дополнительным стимулом для активизации монгольского направления Пекина, пытавшегося использовать общее ослабление России на восточном направлении после 1905 г.

В 1906 г., организовав в Пекине государственное "Бюро по переселенческим делам Монголии", цинская администрация отправила в Ургу своего представителя – князя Су, который после тщательного изучения экономических возможностей Внешней Монголии, представил в "Бюро" на рассмотрение высших правительственных чиновников доклад, содержащий характеристики районов, намеченных для первоочередной массовой колонизации. В рамках миссии князя Су в Урге и других монгольских городах с 1907 г. стали создаваться маньчжуро-монгольские комиссии из влиятельных князей для практической подготовки заселения Халха-Монголии китайскими колонистами, развития там хлебопашества и прочих видов хозяйственной деятельности²². В 1909 г. комиссии уже подготовили ряд проектов соглашений об отчуждении земель под пашни в пользу китайцев.

13 октября 1907 г. в Урге, Улясуае, Кобдо были открыты отделения Дайцинского банка, созданные для поддержки колонизации и торговли в Монголии. Отделения работали не достаточно эффективно, поэтому в центральной конторе банка пошли на их частичное сокращение²³. Одновременно, правительство принимает постановление "Об учреждении в Монголии нового торгово-промышленного банка" с участием государственного и частного капитала²⁴.

Активно шла военная реформа. К 1911 г. Пекин заменил погранич-

ные караулы из монгольских отрядов на маньчжуро-китайские²⁵, ввел в Ургу и другие монгольские города дополнительные китайские части, а весной 1911 г. в монгольскую столицу прибыла военная миссия во главе с полковником Таном, занявшаяся размещением новых гарнизонов²⁶.

Была ли Внешняя Монголия в этих исторических условиях исключительно пассивным объектом политики России и Китая? Как свидетельствуют новейшие исследования и архивные документы, монгольская элита не только сумела противостоять давлению с юга и севера, сохранив самобытность страны, но и сформировала адекватный эффективный политический курс как ответ на угрозу китайской ассимиляции. Эта политика базировалась на таких факторах, как умелое маневрирование в русско-китайских отношениях и использование противоречий между Россией и Китаем; традиционно-приоритетная ориентация на Россию²⁷; возрождение средневековой идеологии панмонголизма и превращение ее в действенное средство борьбы за монгольскую государственность и суверенитет²⁸; использование в своих интересах таких внутривосточных осложнений в самом Китае, как развал Цинской империи и начало Синьхайской революции 1911 – 1913 гг.

Формирование курса правящих монгольских кругов на полное отделение Внешней Монголии от Китая произошло в период 1905 – 1910 гг. Этому способствовали, во-первых, возросшая после 1905 г. интенсивность китайских мероприятий в Монголии; во-вторых, пребывание высшего иерарха ламаистского мира тибетского Далай-ламы XIII в Урге с 1904 г. до конца 1906 г. Последнее событие особенно сказалось на монголах. В результате визита, сообщил русский военный агент из Урги, монгольские сановники приняли решение “отделиться от Китая в самостоятельное государство”³⁰. Российское правительство, хотя и знало о готовящейся акции, не могло повлиять на ход событий, занимая позицию наблюдателей – “статистов”. “Ни занятие Монголии, – говорилось в инструкциях дипломатическим и военным агентам в Монголии, – ни вообще каких-либо активных действий нами не имеется в виду. Строго воздерживайтесь от какого-либо вмешательства в отношения между монгольскими и китайскими властями”³¹.

Японское проникновение во Внешнюю Монголию в отличие от проникновения России и Китая происходило скрытно и менее масштабно. Реально присутствие японских торговых фирм стало ощущаться на монгольском рынке только с 1902 г. в процессе организации последними закупок шерсти и кож³². В 1910 г. в Ургу прибывает представитель японских торгово-промышленных кругов Хун Ли с целью создания в Монголии предприятий по разработке и добыче золота, угля и других полезных ископаемых при задействовании японских капиталов. Пере-

В политическом плане Япония более тщательно подходила к вопросу, изучая ситуацию во Внешней Монголии через своих агентов. Информация подавалась в Токио регулярно и охватывала такие аспекты, как: 1) политические симпатии монгольской элиты и аратства, 2) нарождающиеся национальные антикитайские движения в Монголии и степень использования их в интересах Токио; 3) положение русских в Монголии³⁴. В целом, в этот период японское правительство не планировало серьезных политических акций в отношении Внешней Монголии или кардинальной смены курса на разрушение сложившегося в рамках русско-японских соглашений 1907 и 1910 гг. "статус-кво" на Дальнем Востоке. Приоритетными объектами влияния для японского правительства продолжали оставаться Внутренняя Монголия, Южная Маньчжурия и ее корейская колония

Определенный колорит международной обстановке вокруг Внешней Монголии придавал англо-тибетский фактор. Религиозно-духовная общность Тибета и Халха-Монголии, а также возрастающее влияние Англии в Тибете, особенно после занятия 4 августа 1904 г. англо-индийским отрядом г. Лхасы и бегства Далай-ламы в Монголию, делали Англию одним из вероятных соперников России и Китая во Внешней Монголии. На подобную перспективу не раз указывали российские военные агенты, работавшие в Тибете и Западной Монголии. Так, офицер Генштаба В. Попов в донесении от 31 марта 1904 г. отмечал, что "англичане, используя влияние... ламаистских верований на монголов, в скором времени проникнут в Западную Монголию"³⁵.

Характеризуя собственную позицию российского правительства в отношении Тибета и влияние на нее монгольских реалий накануне 1911 г., необходимо отметить большую осторожность и сдержанность российской дипломатии в тибетском вопросе, выразившуюся в нежелании активно защищать в ходе тибетского кризиса Далай-ламу, несмотря на его просьбы. Россия, особенно после подписания русско-английского соглашения 18 августа 1907 г. о размежевании на Среднем Востоке и Центральной Азии и англо-китайского соглашения от 20 апреля 1908 г. о торговле в Тибете, отдала Англии политическую инициативу в этом регионе в обмен на невмешательство последней в монгольские дела. Американские интересы, в основном коммерческие, также распространились на Внешнюю Монголию. Первоначально американские товары (ткани, керосин и пр.) поставлялись китайскими торговцами. С 1909 г., после открытия в Урге американских филиалов торговых фирм "Норберс К°" и "Вильсон К°", торговля пошла без посредников. Ежегодно из Монголии в США через Тяньцзинский порт вывозилось по 200 тыс пудов шерсти и 3 млн. выделанных кож³⁶. В 1910 г. в Монголии появились

представители еще трех американских фирм. “Стандарт Ойл Компани”, “Бритиш - Америкэн Тобакоу” и “Андерсен Мейер К^о”³⁷

Таким образом, международное положение, сложившееся вокруг Монголии накануне 1911 г., характеризовалось, во-первых, активизацией японской и американской политики в отношении Внешней Монголии, во-вторых, широкомасштабной деятельностью Китая, направленной на реализацию “нового курса” и превращение Внешней Монголии в рядовую китайскую провинцию, в-третьих, стремлением России сохранить “статус-кво” в регионе на базе русско-японских (1907 и 1910 гг.) и русско-английского (1907 г.) соглашений. Перечисленные процессы развивались на фоне обостряющегося внутривосточного кризиса в Цинской империи, явившегося причиной Синьхайской революции в Китае 1911–1913 гг.

§2. Провозглашение монгольской независимости и формирование Кяхтинской тройственной системы в 1911–1915 гг.

28 июля 1911 г. в Урге состоялось секретное совещание высших халхасских князей и лам, на котором было принято решение “порвать все отношения с Китаем и обратиться к России с просьбой о покровительстве”, послав в Петербург официальную делегацию³⁸. Монгольские представители во главе с князем Ханда-Дорчжи выехали на следующий день и прибыли в российскую столицу 15 августа 1911 г., доставив императору Николаю II личное послание ургинского хутухты с изложением причин, побудивших монголов на такой смелый шаг, и с предложениями о союзе и сотрудничестве³⁹.

Российские власти в этот период не имели готовой стратегии решения монгольского вопроса, зато прибывшие делегаты предложили следующую внешнеполитическую программу. а) независимость Внешней Монголии от Китая (рассматривался также вариант протектората России); б) объединение Внутренней, Внешней Монголии, Барги, Урянхайского края и создание Великой Монголии; в) активная военная и политическая помощь со стороны России против Китая; г) постоянное представительство Урги в Петербурге и дальнейшее расширение российских торговых прав и привилегий в Монголии⁴⁰.

Монгольские предложения вызвали озабоченность у царских министров. Российские представители в беседах с монгольскими уполномоченными, отмечая ценность “добрых отношений России с соседними монгольскими племенами”, заверили их в твердом намерении России “влиять на Китай” в плане прекращения усиленного переселения китай-

цев и посылки войск в пограничную с ними Монголию⁴¹. В то же время российская дипломатия, планировавшая только дипломатическим путем поддержать монгольское освободительное движение, не обещала монголам "силой оружия" решить их вопрос⁴². Одновременно она вела речь только о возможной автономии Внешней Монголии в составе Китая без включения в нее Внутренней Монголии и других территорий.

Очевидно, что российский подход не совсем совпадал с монгольскими предложениями, особенно в пунктах о границах и статусе будущего монгольского государства, что вызывало естественное недовольство монгольских делегатов. Последние, однако, перед лицом усиливающейся угрозы со стороны Китая, не имея иной политической альтернативы в выборе союзника, заручились общей политической поддержкой в Петербурге, надеясь на изменение российской позиции в будущем. Тем более что в частных неофициальных беседах с монгольскими делегатами российские дипломаты упоминали о возможности в отдаленной перспективе достижения полной независимости Внутренней Монголии и присоединения ее к Халхе.

Российская пресса, близко стоявшая к правительственным кругам, довольно сдержанно оценила итоги визита. Так, полуофициальный орган российского МИД газета "Новое время" писала: "Событие это выдвигает вновь на сцену монгольский вопрос... Но, к сожалению, в этом вопросе с русской стороны не чувствуется твердых и определенных директив"⁴³.

Приезд монгольской миссии в Россию ускорил выработку основных положений российской политики в отношении Внешней Монголии. Тем более что развитие монгольского национально-освободительного движения, активизация политики Китая в Монголии не только стимулировали русско-монгольские политические контакты, но и обострили борьбу внутри правящей элиты царской России и в различных общественных кругах вокруг вопроса о будущем Монголии. Официальным Петербургом было намечено два условных направления монгольской политики, по-разному трактовавших вопрос о сохранении монгольской государственности.

Одно направление предусматривало создание монгольского автономного государства, суверенного в своей внутренней политике, но входящего в состав Китая. Для сторонников такого политического курса - министра иностранных дел С.Д. Сазонова, товарища министра А.А. Нератова, управляющего делами по Дальнему Востоку Г.А. Казакова - главные проблемы были связаны с Балканами, Ближним и Средним Востоком. Эти высокопоставленные дипломаты не были расположены обострять отношения с Китаем и Японией из-за Монголии, предлагая на происходящие

там события “смотреть спокойно... и не отвлекаться от задач первостепенной важности в Средней Азии и на Ближнем Востоке”. С.Д. Сазонов и А.А. Нератов предлагали использовать монгольский вопрос лишь “как средство при решении политических задач в Китае”⁴⁵

Приверженцы второго направления – министр финансов, а затем премьер-министр В.Н. Коковцев, директор канцелярии министерства финансов В.Н. Львов и др. – считали, что в сложившейся ситуации России выгодно проводить более активную политическую и экономическую стратегию относительно Монголии, невзирая на протесты Китая. Монгольская программа В.Н. Коковцева предусматривала создание там ряда крупных промышленных предприятий (прототипом которых было существовавшее с конца XIX в. акционерное общество “Монголор”), а также основание торгово-промышленных банков, развитие сети дорог, школ, больниц и т.д.⁴⁶

Взгляды В.Н. Коковцева отчасти совпадали с подходами генерала А.Н. Куропаткина⁴⁷, отражавшего настроение группы высшего военного руководства министерства и Генерального штаба. Генерал считал целесообразным присоединение Внешней Монголии к России на правах автономии, что, по его мнению, должно было обезопасить Россию ввиду передвижения линии русской границы с Китаем к непроходимой пустыне Гоби⁴⁸.

Борьба этих направлений ярко проявилась в ходе Особого совещания по делам Дальнего Востока 17 августа 1911 г., где решался вопрос о выборе ориентации в монгольской политике. Перевес оказался на стороне С.Д. Сазонова, сумевшего отстоять свою компромиссную позицию. Совещание приняло следующие решения: 1. Не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательств, “силою оружия отстаивать отделение Монголии от Китая, выступить посредником между ними и поддержать дипломатическим путем стремление монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их союзенном (Китаем. – СЛ)”. 2. В адрес правительства Китая сделать заявление, что китайские преобразования во Внешней Монголии “находятся в противоречии с ... заявлениями о желании китайского правительства поддерживать дружеские отношения с Россией”⁴⁹.

К сентябрю 1911 г. после обсуждения монгольского вопроса на других междуправительственных совещаниях в правительстве и заседаниях Госдумы была выработана окончательная программа, ставшая основой политики России в Монголии на ближайшее пятилетие: поддержка дипломатическими средствами Халха-Монголии, но в рамках широкой автономии, без полного разрыва с Китаем, посредничество между Внешней Монголией и Китаем, активное противодействие последнему в его

военной и колониационной политике в Монголии; ограничение территории монгольского автономного государства пределами Халхи и Кобдоского округа (Западная Монголия); активизация российской экономической политики в сфере торговли, кредитного дела, хозяйственной колонизации, деятельности военных и финансовых советников, строительства школ, больниц, различных коммуникаций⁵⁰.

1 декабря 1911 г. халхаская элита, вопреки советам российской дипломатии, провозгласила независимость Внешней Монголии, а 29 декабря 1911 г. было создано монгольское теократическое государство.

Провозглашение независимости Внешней Монголии вызвало широкий отклик в России. Правая националистическая пресса призывала правительство воспользоваться случаем и аннексировать Внешнюю Монголию без каких-либо уступок Китаю, политику же С.Д. Сазонова, основанную на компромиссах и допущении монгольской автономии, называла "политическим маразмом"⁵¹. Имелись и более умеренные высказывания в правом лагере. Так, газета "Русское знамя" писала: "Значение независимости Монголии огромно. В этой независимости наиболее заинтересованной является Россия, для которой отныне Монголия сделается государством-буфером от Китая... Надлежит перевести военную силу в Монголию. Это обстоятельство будет главной гарантией независимости Монголии"⁵².

Либеральная кадетская пресса выступила против активного развития русско-монгольских политических контактов и присоединения Монголии к России, так как это, по их мнению, могло подорвать отношения с Китаем, а с ними и "устой дальневосточной политики России"⁵³. Выступая в Государственной думе при обсуждении монгольского вопроса, лидер партии кадетов, профессор П.Н. Милюков, характеризуя развитие русско-монгольских отношений, отметил, что недальновидно "говорить о нашем участии в конфликте (Монголии с Китаем. – СЛ) как непременно условии соглашения с монголами... Кого мы хотим поддерживать, – продолжал он далее, – поддерживать надо то, что имеет внутреннюю силу, что может стоять на собственных ногах, ...а мы знаем, что своих сил у Халхи нет"⁵⁴.

В свою очередь сибирская пресса, проявляя заинтересованность в соседнем монгольском рынке, выступала в поддержку политических мероприятий России в Монголии. Газеты "Харбинский вестник", "Дальний Восток", "Приамурская жизнь", "Амурское эхо", "Сибирь", "Восточное обозрение" и др. постоянно писали о необходимости активного "экономического освоения Внешней Монголии", отмечая, что туда первыми должны прийти "дипломаты и политики, создав благоприятную почву для прихода русских торговцев и промышленников"⁵⁵.

Позиция российского предпринимательства, однако, была неоднозначна. Так, наиболее влиятельная ее часть – московское купечество – считало, что Монголия не может служить рынком сбыта для российской обрабатывающей промышленности в силу ее удаленности, бедности населения и сильной конкуренции в лице китайских и иностранных торговцев⁵⁶.

Таким образом, широкая дискуссия в прессе и правительстве показала, что для российской общественности события в далекой Монголии были далеко не безразличны, что в России имелся целый спектр различных мнений и подходов к решению монгольского вопроса, отражавших как региональные, так и социально-политические особенности той или иной группы населения. Одновременно она обозначила место официальной политики, исключавшей крайности в подходах к вопросу о суверенитете Монголии. Правительственная линия проходила по либеральному “центру” спектра мнений и базировалась на учете компромиссов с Китаем и вытекающих из них автономией Внешней Монголии и оказании политической поддержки последней в деле сохранения ее суверенитета и государственности.

В конце 1911 г. царское правительство предложило Китаю при посредничестве России заключить договор с провозгласившей независимость Внешней Монголией. По замыслу российских дипломатов, этот договор должен был гарантировать широкую автономию Внешней Монголии в составе Китая. В него предполагалось включить статьи, запрещающие китайцам колонизировать монгольские земли и иметь там свою администрацию и постоянные войска⁵⁷. Одновременно Россия предложила рассмотреть пункт об особых правах российской торговли и предпринимательства в Халха-Монголии, а также о необходимости последующего согласования Китаем с Россией своих реформ в Монголии. Российские предложения совпали с началом Синьхайской революции в Китае⁵⁸, поэтому не были серьезно изучены в Пекине.

Отречение Цинской династии и приход к власти новой республиканской администрации Юань Шикая в феврале 1912 г. принципиально не изменили подходы в монгольском вопросе. Республиканское правительство, унаследовав маньчжурские традиции, считало Монголию китайской территорией, а монголов – подданными Китая, расценивая провозглашение независимости Внешней Монголии как исключительно результат “коварного влияния России”⁵⁹. В то же время Юань Шикай отказался от некоторых методов цинской дипломатии и начал проводить так называемую “новую монгольскую политику”, заявив о “полном равенстве монголов и китайцев”, о привлечении монгольских кня-

зей к работе в китайском парламенте и других государственных органах, о создании монголо-китайских союзов⁶⁰.

В феврале 1912 г. была принята Временная Конституция Китайской Республики, которая объявила Внешнюю Монголию составной частью Китая, находящейся под общим административным управлением. Одновременно китайское правительство обратилось с воззванием ко всем монголам: "Теперь, когда с введением республиканского строя в Китае всем населяющим Китай нациям предоставлена возможность слиться в одну семью, китайцы и монголы .. должны безмерно радоваться этому единению"⁶¹.

Вслед за воззванием Юань Шикай предложил ургинскому Богдо-гэгэну хутухте отправить своих депутатов в китайский парламент для "обсуждения общеполитических вопросов". Президент написал письмо Богдо-гэгэну, в котором убеждал монгольского главу в том, что "гибель слабого в военном и экономическом отношениях монгольского государства неизбежна и что единственным спасением монголов является опора на Китай"⁶². На это ургинский иерарх ответил, что Монголия никогда не признает над собой власть Китая, и посоветовал президенту "прекратить агитацию населения"⁶³. Подобный диалог косвенно свидетельствовал о серьезности монгольской "заявки" на независимость, с которой вынужден был считаться Юань Шикай уже с первых дней своего пребывания у власти.

Революционные силы, объединявшиеся вокруг Сунь Ятсена⁶⁴, также имели свою программу решения монгольского вопроса. В период борьбы с цинами, до прихода к власти Сунь Ятсен неоднократно выступал перед князьями Внутренней Монголии с критикой политики маньчжуров в этом регионе, поддерживая в принципе идеи национально-освободительного движения монгольских князей. В последних он видел своих потенциальных союзников по антицинской борьбе, хотя республиканские идеи великого китайского революционера были от них достаточно далеки. В одном из выступлений в декабре 1911 г. он отметил, что провозглашение монгольской независимости стало закономерным результатом политики "открытых притеснений Цинов и что Китайская Республика...безусловно должна признать независимость Монголии"⁶⁵. После провозглашения независимости в гоминьдановской прессе, близкой к Сунь Ятсену, все чаще стали появляться статьи о том, что "путь... социального раскрепощения монголов... возможен только в едином союзе пяти национальностей Китая"⁶⁶. Причем усиление русофобских настроений было также характерно для революционной прессы, обвинявшей Россию в агрессивной политике в отношении Монголии⁶⁷.

К лету 1912 г мирные средства Юань Шикая были исчерпаны, и он приступает к подготовке военных “аргументов” в отношении Внешней Монголии. В начале августа 1912 г. он рассылает приказы цидикарскому, гириному и мукденскому губернаторам “подготовить войска для наведения порядка и защиты монгольской территории”. В течение августа 1912 г. в Барге было сосредоточено три пехотных и два конных полка, а к концу месяца там находилось уже 15 тыс. солдат регулярной армии, не считая полицейских отрядов, отправленных из Цидикара, Гирина и Мукдена⁶⁸.

Правительство царской России было встревожено агрессивной политикой новой администрации в Пекине: С.Д. Сазонов дает поручение российскому поверенному в делах Щекину довести до сведения президента, что Россия желает “как можно скорее достигнуть договоренности между ...Китаем и Монголией”⁶⁹, а после получения известий о военных приготовлениях в Барге, он просит передать китайскому правительству, что посылка войск в Монголию “неизбежно приведет к новым осложнениям между Россией и Китаем”⁷⁰. Однако ответной реакции Пекина на российские предложения не последовало.

В этих условиях в Петербурге все больше склоняются к мнению о желательности “параллельного” ведения монгольских дел с Пекином и Ургой одновременно. На особом заседании Совета министров в августе 1912 г. было решено начать подготовку к подписанию двухстороннего договора с Богдо-гэгэном хутухтой и князьями Внешней Монголии на основе положений, выработанных Совецанием 17 августа 1911 г. Договор, по замыслу российских дипломатов, не должен “предоставлять иностранцам в Монголии... больше прав, чем те, которыми будут пользоваться русские подданные”⁷¹.

В сентябре 1912 г в Ургу для непосредственных переговоров выезжает опытный российский дипломат, бывший посланником в Пекине, — И.Я. Коростовец⁷². В ходе переговоров разгорелись острые споры вокруг формулировки о статусе Внешней Монголии. И.Я. Коростовец предлагал определить его как “автономное государство”, а монгольская сторона, возглавляемая Да-ламой Цэрэн-Чимидом, отстаивала полную независимость от Китая. Стороны сошлись на том, что в итоговом тексте соглашения данный пункт будет сформулирован неопределенно. При этом, обе стороны трактовали его по-разному — монголы считали Внешнюю Монголию полностью независимой, а российские представители рассматривали положение последней как автономное. Другая проблема переговоров — вопрос о границах. Правящая монгольская элита требовала, чтобы соглашение определило положение Барги и осталь-

ных частей Внутренней Монголии как территорию монгольского теократического государства, на что И.Я. Коростовец ответил резким отказом. Единственная уступка, сделанная российским представителем в данной части, заключалась в том, что в соглашении слово “Внешняя Монголия” было заменено общим термином “Монголия”

3 ноября 1912 г. между И.Я. Коростовцом и министрами правительства Богдо-гэгэна было подписано соглашение – первый международно-правовой акт ургинского правительства после провозглашения независимости.

В водной части было записано: “Ввиду желанья монголов сохранить исторически сложившийся самобытный строй своей страны, китайские власти и войска удалены с монгольской территории и повелителем монгольского народа провозглашен Чжебцен - Дамба – хутухта. Прежние отношения Монголии и Китая, таким образом, прекратились. Ныне ввиду вышеизложенного, а также ввиду существующей между русским и монгольским народами взаимной дружбы и необходимой торговли, Россия и Монголия решили определить взаимное отношение заключением данного соглашения”⁷³.

В ст. 1-й соглашения России обязалась оказывать Монголии помощь в сохранении установленного ею строя, а также не допускать на территорию Монголии китайские войска и воспрепятствовать колонизации Монголии в принципе. Монгольское правительство, в свою очередь, предоставляло России право “по-прежнему пользоваться... правами и преимуществами в торговле”. Причем другим иностранным державам, по ст. 2-й соглашения, не предоставлялось более прав, чем те, которыми пользовались там русские подданные.

Согласно протоколу, приложенному к русско-монгольскому соглашению, российские предприниматели могли “свободно проживать, заниматься торговлей, промышленными и иными делами”, а также вступать в сделки с русскими, монгольскими, китайскими и иностранными фирмами или частными лицами. Русские торговцы по-прежнему пользовались правом беспошлинной торговли, правом неуплаты налогов и различных сборов монгольскому правительству, а также преимуществами бесплатного провоза сельскохозяйственных или промышленных товаров России, Монголии и Китая. Ст. 3 протокола давала право российским кредитным учреждениям открывать в Монголии свои отделения и совершать там финансовые операции⁷⁴.

Протокол также предоставлял российским подданным ряд других прав и привилегий в Монголии, которыми не пользовались представители иных держав: покупать или арендовать земельные участки, заключать соглашения с монгольским правительством относительно эксплуа-

тации горных и лесных богатств, пользоваться водными и сухопутными путями, идущим из России в Монголию, и т.д.

Ст. 14-я и 15-я протокола регламентировали русско-монгольские пограничные хозяйственные связи. В частности, за русскими поселенцами было закреплено право пользоваться покосами, заниматься охотой и рыбной ловлей в пограничных районах. Ст. 16-я предусматривала создание специальных комиссий, рассматривавших судебные дела между монголами, китайцами и русскими⁷⁵.

Русско-монгольское соглашение вызвало разноречивую реакцию ряда держав и прессы. Так, правительство США, узнав о заключенном соглашении, открыто заявило в печати о непризнании как этого соглашения, так и связанных с ним действий России в Монголии⁷⁶. Этот шаг правительство США объясняло тем, что русская дипломатия, пойдя на переговоры с Монголией, не поставила в известность США, "имеющих там определенные интересы"⁷⁷. Влиятельная газета "Нью-Йорк Геральд" писала: "Россия сообщила Китаю ряд требований, которые сводятся к поддержанию независимости Монголии под русским протекторатом. Россия намерена послать войска в Монголию для сохранения порядка. Эти усилия ставят Китай лицом к лицу с возможностью раздела"⁷⁸.

Аналогичную позицию заняла немецкая пресса. Газета "Франкфуртер Цайтунг" писала: "После долгих усилий России удалось оформить давние притязания на Монголию договорными отношениями. . В данное время для России Монголия имеет главное значение в политическом отношении, так как служит аванпостом русских на Востоке"⁷⁹. Российская газета "Дальний Восток", характеризуя высказывания немецкой печати, отмечала полное "единство немецких друзей Китая в оценке политики России в Монголии"⁸⁰.

Периодика союзных России Англии и Франции, несмотря на более лояльное отношение к действиям России на Дальнем Востоке, в частности, в Монголии, не была единодушна в своей оценке. Такие английские газеты, как "Дейли Кроникл" и "Дейли Ньюс", утверждали, что "Россия предприняла подход на Китай вместе с нашим союзником Японией"⁸¹. Другие газеты — "Таймс", "Вестминстер газетт", стоявшие ближе к правительственным кругам, наоборот, отмечали, что в "Азии возродилось новое государство — Монголия", поэтому "Англия не может оказывать никакого давления на Ургу, которая сама избрала себе путь"⁸².

Не было единства и в высказываниях японской прессы. Влиятельные газеты "Джапан уикли мэйл" и "Дзидзи Симпо" в целом терпимо отнеслись к изменениям в "монгольском вопросе", утверждая, что "Россия не допустит распространения влияния Ургинского правительства на Внутреннюю Монголию и в надлежащей степени ограничит район не-

зависимости”⁸³. Ряд других газет, принадлежавших оппозиции, советовали России “оставить Монголию”⁸⁴, раздували антирусские и антимонгольские настроения, сообщая о якобы заключенных Россией и Китаем “секретных договорах”, по которым Россия “приводит в осуществление свои агрессивные замыслы” в отношении Внешней Монголии⁸⁵.

В отличие от периодических изданий, японское правительство отнеслось спокойно к заключенному 3 ноября 1912 г. русско-монгольскому соглашению. Российский посланник в Токио Малевский-Малевич в донесении от 15 ноября 1912 г. сообщал, что, несмотря на шумиху оппозиционных газет, сообщение о “нашей декларации относительно пределов применения Ургинского договора, произвело на Учиды (министр иностранных дел. — СЛ) успокоительное впечатление. В прессу была пущена заметка, что Россия приняла во внимание последнее свое соглашение с Японией о разграничении сфер влияния в Монголии при переговорах с монгольским правительством”⁸⁶.

Ургинское соглашение 1912 г. вызвало бурную реакцию в Китае. “Соглашение, подписанное в Урге, — сообщала китайская газета “Рипаббликен адвокейтед”, — не может иметь никакой юридической силы, если Китай откажется санкционировать его”. “После подписания соглашения, — утверждала другая газета “Миныйоань бао”, — монгольское правительство и Россия готовятся двинуть свои войска в Китай”. Отдельные газеты сами призывали к военным действиям против Внешней Монголии и даже России. “Теперешнее время для войны с Россией, — писала газета “Вакт”, — самое подходящее. Россия после русско-японской войны ослабла и внутренне не спокойна... К тому же и балканский вопрос отвлекает внимание России. Объявление ей войны — единственный выход нашего правительства”.

Российский военный агент, находившийся в этот период в Пекине, подтверждая остроту антирусских и антимонгольских настроений в Китае в связи с заключением соглашения, в рапорте от 6 декабря 1912 г. писал: “Нечто подобное, но в значительно меньшей степени, нам уже пришлось испытать в начале прошедшего 1911 г в период ультиматумов Китая (по поводу продления договора 1881 г. с Россией — СЛ) Однако протест общественных масс и смелость выступлений не заходили так далеко, как в настоящее время.. В данном случае бойкот играет второстепенную роль, на первое место выступила пропаганда войны”⁸⁷.

14 ноября 1912 г. состоялось секретное заседание китайского правительства под председательством президента Юань Шикая, специально посвященное обсуждению русско-монгольского соглашения. “На заседании, — сообщал российский посланник в Пекине В. Крупенский, — восторжествовало мнение, поддержанное провинциальными генералами, в пользу

военных действий против Монголии и отказа признать русско-монгольский договор⁸⁸. В российских архивах сохранилась копия программы предполагаемых военных действий Китая против Внешней Монголии. Основные пункты ее: 1) отправка войск Синьцзянской провинции и Илийского края в район г. Кобдо (Западная Монголия), 2) увеличение численности войск в Алтае; 3) сосредоточение войск в г. Калгане (Внутренняя Монголия); 4) передвижение войск южных провинций к Великой стене; 5) набор в Цицикарской провинции армии в 20 000 человек⁸⁹.

Программа была утверждена президентом и разослана всем губернаторам прилегавших к Монголии провинций 15 ноября 1912 г. китайское правительство двинуло из Синьцзяна по направлению к границе Западной Монголии 20-тысячный корпус, который в начале декабря 1912 г. подошел к г. Кобдо⁹⁰.

Российское правительство заявило, что Китай, вступив в конфликт с Монголией, автоматически вступает в конфликт с Россией. В Центральноазиатском регионе возникла тревожная пауза. Молчание нарушили союзники России – Англия и Япония; они деликатно объяснили Китаю, что ему следует пойти на переговоры с Россией, и Юань Шикай 2 января 1913 г. вынужден был отдать приказ о прекращении наступления в Западной Монголии⁹¹.

Твердая позиция России, воспрепятствовавшей военной агрессии Китая в Монголии, заставила китайское правительство перейти от попыток военного нажима к дипломатическим методам. Этому способствовала также неблагоприятная для Пекина внутрисполитическая обстановка. В конце 1912 г. на юге началась вторая волна Синьхайской революции, что заставляло Юань Шикай, который к этому времени занимал уже антиреволюционные позиции, торопиться с решением монгольского вопроса, чтобы, как сообщал российский посланник в Пекине, “располагать всеми сосредоточенными против Монголии войсками, дабы двинуть их на юг”⁹².

В этих условиях в конце 1912 г. китайское правительство начинает зондировать почву в Петербурге относительно возможности начала переговоров с Россией по Внешней Монголии. Российскому правительству был представлен проект соглашения из следующих пунктов: 1) с заключением соглашения между Россией и Китаем русско-монгольское соглашение теряет силу; 2) Монголия является частью Китая и Россия признает его суверенитет; 3) Россия гарантирует Китаю отказ Внешней Монголии от независимости; 4) соглашение не должно включать обязательств Китая не содержать в Монголии войск, администрации и отказа от колонизации; 5) торговые права русских в Монголии обеспечиваются Китаем, а не монгольским правительством; 6) монгольское правитель-

ство без согласия Пекина не имеет права распоряжаться горными и другими богатствами страны⁹³. 16 января 1913 г. китайский посланник в Петербурге осведомился у С.Д. Сазонова, считает ли русское правительство себя удовлетворенным китайским проектом, на что тот ответил: "редакция почти всех статей делает китайский проект полностью неприемлемым"⁹⁴.

Китайское правительство, ожидая отрицательной реакции российской дипломатии, в конце 1912 г. обратилось с просьбой к французскому посланнику в Пекине Конти выступить посредником между Россией и Китаем в переговорах по Монголии. Согласившись на это предложение, французский посланник в беседе с В. Крупенским пытался убедить последнего в "справедливости притязаний" Китая на Монголию, поскольку Россия, как объяснял он, имеет номинальное отношение с Монголией и последняя "приняла опеку России лишь вследствие финансовых затруднений"⁹⁵.

Дипломатический зондаж Франции оказался неэффективным, и 21 июня 1913 г. китайский министр иностранных дел Лу Чжэньсян сделал официальное заявление В. Крупенскому о том, что Китай возвращает себе "свободу действий в Монголии... так как он решительно не видит, каким образом монгольский вопрос мог бы служить предметом соглашения между Россией и Китаем"⁹⁶.

Русско-китайские переговоры шли безуспешно в течение года. Трудности были обусловлены не только противоположностью позиций российского и китайского правительств, но и остротой борьбы в самом Китае по вопросам внешней политики между различными политическими группировками. Фактически, к 1913 г. в китайском парламенте сложилось две группы – группа противников соглашения с Россией, выступавших за продолжение военного давления на Монголию, и группа сторонников соглашения с Россией, высказывавшихся за диалог с последней по монгольскому вопросу, в обмен на поддержку Россией Китая против усиливающейся агрессии Японии.

Правительство Юань Шикая вынуждено было лавировать между двумя основными линиями в монгольском вопросе и ставить ход переговоров в зависимость от перевеса сил той или иной группировки в парламенте и от мнения китайской общественности. 23 мая 1913 г. по указанию Юань Шикая в ряде близких правительству газет было помещено сообщение о якобы уже заключенном соглашении России и Китая по Внешней Монголии на условиях автономии последней, вызвавших бурю протеста в Китае⁹⁷. Одновременно, "пробный шар", запущенный администрацией, позволил выявить и сторонников монгольской автономии, на которых стал опираться Юань Шикай в продвижении проекта соглашения.

В августе 1913 г в русско-китайских переговорах наступил перелом – китайские представители согласились на основные положения русского проекта (монгольская автономия и признание Ургинского соглашения 1912 г.) и приступили к постатейному редактированию. Причина такой эволюции была связана не только с умелым манипулированием пекинской администрации китайским общественным мнением, но и дальнейшим возрастанием японской угрозы, при которой правительство Юань Шикая реально рассчитывало получить от России помощь в борьбе против Японии в обмен на благоприятное для России разрешение монгольского вопроса⁹⁸.

5 ноября 1913 г. между российским посланником В. Крупенским и министром иностранных дел Китайской Республики Сун Баоци состоялось подписание в Пекине декларации о Внешней Монголии. По декларации Россия признавала сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а китайское правительство – автономию Внешней Монголии и обязалось не содержать там гражданских и военных властей и не проводить колонизацию. Китай признавал все статьи русско-монгольского соглашения и протокола от 3 ноября 1912 г.

Вводная часть декларации гласила: “Признавая исключительное право монголов Внешней Монголии самим ведать внутренним управлением автономной Монголии и решать все касающиеся этой страны вопросы, относящиеся к торговой и промышленной областям, Китай обязуется не вмешиваться в эти дела и посему не будет посылать войска во Внешнюю Монголию, не содержать там никаких гражданских или военных властей и будет воздерживаться от всякой колонизации этой страны. . Россия со своей стороны обязуется не содержать там войска, за исключением консульских конвоев, не вмешиваться в какую-либо отрасль управления этой страной и воздерживаться от колонизации” По декларации правительство Внешней Монголии получило право самостоятельно вести переговоры с другими государствами по экономическим вопросам, но ему было запрещено решать межгосударственные проблемы политического и территориального характера, оставляя это право за Пекином ⁹⁹

Российская пресса в целом положительно отнеслась к заключению русско-китайского соглашения. Газета “Харбинский вестник” писала: “Достигнутые результаты весьма значительны. . Будем надеяться, что новое монгольское государство окажется достойным той широкой политической автономии, которая ему предоставлена”¹⁰⁰ Другая газета – “Новая жизнь” – отмечала, что российской дипломатии “важно было добиться того, чтобы Китай признал автономию и чтобы Монголия в

административном и экономическом отношении была действительно автономной. Это и достигнуто”¹⁰¹

Подписание декларации в Пекине вызвало разноречивые отклики в иностранной прессе. Так, английская газета “Дейли экспресс” заявила, что русско-китайское соглашение 1913 г. - “это аннексия Россией одного миллиона квадратных миль китайской территории”¹⁰², имея в виду территорию Внешней Монголии. Японская газета “Дзидзи Симпо”, наоборот, утверждала, что Россия не имеет “захватнических намерений в Монголии... добываясь разумного экономического и политического влияния”¹⁰³.

16 ноября 1913 г. текст русско-китайской декларации был передан монгольским министрам, которые выразили свое категорическое несогласие с ним, заявив российскому представителю в Урге, что за их спиной Россия и Китай ликвидировали завоевания 1911 г. Параллельно русско-китайским переговорам, в декабре 1912 г. в Петербурге работала вторая монгольская миссия, возглавляемая министром иностранных дел правительства Богдо-гэгэна Ханда-Дорчжи, известного своими прорусскими настроениями и много сделавшего для заключения Ургинского соглашения 1912 г. В состав делегации были также включены заместитель министра Б. Цэрэндорж¹⁰⁴, Ширнин-Дамдин, Бабу-Дорчжи и др. Центральным вопросом переговоров была проблема юрисдикции богдо-гэгэновской монархии над Внутренней Монголией, где активно разворачивалось антикитайское освободительное движение, поддерживаемое Ургой¹⁰⁵. Царское правительство отвергло предложение монгольских делегатов о включении Внутренней Монголии в состав Ургинского автономного государства, но согласилось на присоединение к Урге Кобдоского округа (Западная Монголия), который к этому времени был фактически под личным контролем Джа-ламы. Одновременно, Россия обязалась предоставить Монголии новый, второй по счету беспроцентный 2-х миллионный заем¹⁰⁶. Была достигнута договоренность об инструкторской службе российских офицеров и о создании с их помощью монгольской армии, а также о поставках в Монголию оружия, боеприпасов, обмундирования и пр. Монгольские посланцы настаивали и на признании Россией полной независимости монгольского государства, расширительно толкуя Ургинское соглашение 1912 г. Российские представители выступали только за “гарантированную автономию”, в то же время они не отвергали в принципе идею полной независимости, но в “отдаленном будущем при благоприятном стечении обстоятельств”¹⁰⁷.

Переговоры не разрешили основных проблем Внешней Монголии - вопросы о статусе и границах. Позитивным результатом визита стало соглашение от 16 февраля 1913 г. о создании монгольской армии,

по которому российское правительство обязалось командировать в Ургу своих военных советников и начать подготовку и обучение монгольских цэриков (солдат), а также соглашение о назначении российского финансового советника при правительстве Богдо-гэгэна с широким кругом полномочий¹⁰⁸.

Несмотря на отрицательную реакцию Внешней Монголии на декларацию России и Китая 1913 г., Урга была заинтересована в дальнейшем развитии русско-монгольских политических контактов. В конце 1913 г. в Петербург прибывает очередная дипломатическая миссия во главе с премьер-министром Сайн-ноин-ханом Намнан-Сурэнгом. Визит монгольских князей, кроме традиционных причин, был вызван желанием монгольской стороны выяснить взгляд Петербурга на дальнейшее сотрудничество с Монголией в свете русско-китайской декларации. Монголы серьезно опасались новых "сюрпризов", в результате которых они могли остаться один на один с Китаем.

Общая тональность и реакция российской дипломатии на переговорах свидетельствовали о том, что Россия не собиралась отступать от своих принципов поддержки Внешней Монголии, выработанных в 1911 г., и была нацелена на восстановление нарушенного баланса в русско-монгольских отношениях. В ходе переговоров российское правительство обещало предоставить новую третью трехмиллионную ссуду. Данное решение было ускорено сообщениями из Урги о том, что китайские и японские агенты активно предлагали монгольскому правительству денежные кредиты¹⁰⁹. Обсуждая вопросы политического будущего Внешней Монголии, российские представители убедили монголов в необходимости проведения конференции с участием России, Внешней Монголии и Китая, на которой и будут решены все проблемы, и прежде всего вопрос о статусе монгольского государства. Местом проведения переговоров был определен пограничный г. Кяхта.

Начавшаяся мировая война ускорила подготовку к открытию трехсторонних переговоров. Специфика ситуации заключалась в том, что ни русско-монгольское соглашение 1912 г., ни русско-китайская декларация 1913 г. не определили окончательно официального положения Внешней Монголии. Китай продолжал считать ее частью своей территории, игнорируя положения Пекинской декларации, а монгольская сторона рассматривала Внешнюю Монголию как полностью независимое и политически самостоятельное государство. Военно-политические осложнения на Западе заставляли Россию торопиться с решением монгольского вопроса. Реагируя на соответствующие настроения в российских верхах, газета "Дальневосточное обозрение" писала: "Наши силы прикованы сейчас и, несомненно, будут прикованы в будущем к западной границе. Поэтому

для нас крайне нежелательна всякая неопределенность в монгольском вопросе, всегда грозящая перейти в какой-либо конфликт с Китаем"¹¹⁰.

После тщательной подготовки трехсторонняя конференция полномочных представителей Китая, Внешней Монголии и России открылась в г. Кяхте 8 сентября 1914 г.

На первом же заседании китайские делегаты потребовали: 1) отказа главы теократической монгольской монархии от титула "Верховного правителя Монголии"; 2) замены монгольского национального календаря китайским; 3) определение статуса Внешней Монголии как "автономного округа Китайской Республики"¹¹¹.

Китайские предложения вызвали резкий протест монгольских делегатов. Последних поддержали российские представители, сделав официальное заявление по поводу "недопустимого образа действий китайских делегатов на Кяхтинской конференции". Было также отмечено, что если в подходе китайских делегатов не произойдет коренного изменения, то это "приведет к разрыву переговоров"¹¹².

Жесткая позиция Китая на начальной фазе конференции была связана с информированностью последнего о настроениях в российском правительстве поскорее "покончить" с монгольским вопросом и, соответственно, с появившейся надеждой китайского правительства на отход России от положений Пекинской декларации 1913 г. Однако реакция Петербурга показала, что он продолжает курс на поддержку монгольской государственности в рамках Ургинского и Пекинского соглашений 1912 и 1913 гг.

8 октября 1914 г. переговоры в Кяхте возобновились. Китай снял ряд своих требований, и делегаты приступили к постатейному редактированию. В процессе работы над текстом отдельных статей также возникали серьезные разногласия. Так, в конце ноября 1914 г. при обсуждении таможенных статей китайцы потребовали права беспоплатного ввоза товара в Монголию и вывоза из нее, ссылаясь на статус Внешней Монголии как автономной "части Китая". Несмотря на возражения монголов, данный пункт был принят в китайском варианте. Одновременно, представители Пекина попытались провести статью о праве Китая вводить в Монголию военные отряды "в случае возникновения там беспорядков", на что российские и монгольские представители ответили отказом, так как это противоречило бы ст. 3 русско-китайской декларации 1913 г.¹¹³ Не прошли предложения и монгольских делегатов о расширительном толковании "монгольской автономии", дающие право на полностью независимое существование Внешней Монголии, -- право иметь своих дипломатических представителей за границей, право самостоятельно решать внешнеполитические вопросы и т.д. При выдвижении

монголами подобных предложений российские и китайские делегаты временно “блокировались”

В начале мая 1915 г. в результате упорных восьмимесячных переговоров были окончательно согласованы все 22 статьи соглашения. Торжественное подписание соглашения между представителями России, Внешней Монголии и Китая состоялось в г. Кяхте 25 мая 1915 г. По ст. 2-й тройственного соглашения международно-правовое положение Внешней Монголии определялось следующим образом: “Внешняя Монголия признает над собой сюзеренитет Китая. Россия и Китай признают автономию Внешней Монголии, составляющей часть китайской территории”. В соответствии с этим соглашением Внешняя Монголия лишалась права иметь свое дипломатическое представительство за границей, а равно и заключать с иностранными державами договоры по политическим и территориальным вопросам (согласно ст. 3-й).

Правительство Внешней Монголии получило “исключительное право вести всеми делами своего внутреннего управления, а равно и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности автономной Монголии” (ст. 5). Ст. 8 соглашения разрешала российскому правительству держать при своих представительствах в Урге не более 150, а в прочих пунктах – не более 50 человек конвоя. Китайскому правительству разрешалось иметь в Урге своего сановника для надзора за тем, чтобы “деятельность автономного правительства Внешней Монголии и подчиненных ему властей не нарушала сюзеренных прав и интересов Китая и его подданных в Автономной Монголии” (ст. 10). Конвой китайского сановника в Урге не должен превышать 200, а его помощников в Улусуте, Кобдо и Монгольской Кяхте – 50 человек (ст. 17).

Китайским купцам гарантировался беспощинный ввоз товаров, они обязывались уплачивать все виды внутреннего торгового обложения наряду с монголами (статья 12).

Что касается территории автономной Монголии, то она должна была охватывать “области, находившиеся в ведении китайского амбана в Урге, дзянь-дзюня в Улусуте и китайского амбана в Кобдо”, т. е. всю Халху и Кобдоский округ. О территории Внутренней Монголии речи не шло (ст. 11).

Русско-китайская декларация от 5 ноября 1913 г. и русско-монгольское соглашение и торговый протокол от 3 ноября 1912 г. оставались в полной силе (статья 21) ¹¹⁴.

Китайская пресса и общественное мнение отнеслись к тройственному соглашению неоднозначно. Одни газеты считали соглашение уступкой России, другие – “большим успехом Китая”. Однако все были единодушны в одном: тройственное соглашение 1915 г. в Кяхте рази-

тельно отличается от грабительского японо-китайского договора 25 мая 1915 г. (знаменитое “21 требование” Японии Китаю), аннексировавшего часть территории Северо-Восточного Китая в пользу Японии¹¹⁵.

Российская пресса в основном положительно оценила значение договора. Вместе с тем, анализируя соглашение с чисто юридической стороны, в публицистике и специальных правовых изданиях отмечались “запутанность и необычность” решения монгольского вопроса в международно-правовом плане. Так, известный российский юрист Б.Э. Нольдэ утверждал, что Кяхтинское соглашение – “нетипичное международное соглашение..., что оно не характерно для России”. “Соглашение, – продолжал он, – не отразило в полной мере вассальных отношений Монголии к Китаю”¹¹⁶.

Таким образом, русско-монгольское (1912 г.) и русско-китайское (1913 г.) соглашения не только способствовали становлению монгольского государства в качестве субъекта международных отношений, но и лежали в основе создания тройственной региональной системы: Россия – Внешняя Монголия – Китай. Кяхтинское тройственное соглашение от 25 мая 1915 г. между Россией, Внешней Монголией и Китаем определило международно-правовое положение монгольского государства как “автономное... в составе Китая”. По форме Кяхтинское соглашение было компромиссом между Россией, Монголией и Китаем, а, по сути, это была победа России, сумевшей, несмотря на неблагоприятную военно-политическую ситуацию, отстоять и укрепить свои позиции в Монголии и поддержать монгольскую государственность в рамках широкой автономии. Кяхтинская система, с одной стороны, отразила сложившийся баланс сил между Россией и Китаем, а с другой – уровень возможной самостоятельности Внешней Монголии. Монгольское руководство, пойдя на подписание соглашения 1915 г., рассчитывало в будущем пересмотреть некоторые его статьи и добиться признания полной независимости Внешней Монголии и включения в состав монгольского государства сопредельных территорий Внутренней Монголии и Барги.

§ 3. Внешняя Монголия в русско(советско)-китайских отношениях в 1915–1919 гг. Упразднение монгольской автономии Китая

Международная ситуация, складывавшаяся вокруг Внешней Монголии после Кяхты, характеризовалась жестким противоборством между Китаем и Россией по всем направлениям – экономическому, политическому, дипломатическому. Причем Россия, несмотря на участие в мировой войне и внутренние проблемы, не уступала своих позиций в Монголии, сохраняя вплоть до 1917 г. стратегическое равновесие.

Российское правительство на базе кяхтинских положений укрепляло созданные ранее политические и административно-финансовые институты в Монголии – прежде всего военную структуру¹¹⁷, положение российского финансового советника, консульские службы. Особое внимание уделялось деятельности финансового советника¹¹⁸. Политика последнего была направлена на реформацию теократической Монголии в плане постепенного преобразования ее через социально-экономические реформы в светское государство. Диапазон сферы деятельности советника был довольно широк – от контроля над доходами и расходами монгольского правительства, составления бюджета и сбора налогов до организации экспедиций по исследованию Монголии. Одновременно, российский советник и генконсульство энергично “проталкивали” способных светских князей и чиновников в высшие теократические структуры¹¹⁹.

В 1915 – 1917 гг. Россия демонстрировала в Монголии гибкую политику, сочетая открытость экономических границ, широкое частное предпринимательство с жестким политическим государственным регулированием и контролем. В условиях мировой войны, когда резко усилилась конкуренция со стороны Китая, Россия вводит в Монголии централизованные государственные закупки скота. С августа 1915 г. там действует экспедиция известного исследователя Монголии и Тибета П.К. Козлова, ежегодно закупавшая до 170 тыс. голов скота за наличный расчет рублями и серебром. В 1916 г. Российское правительство “закрыло” юго-восточную монголо-китайскую границу введением 70-процентной пошлины на китайский экспорт и импорт, компенсировав монгольскому правительству потери от данной операции¹²⁰.

Ключевым элементом в системе российских экономических мероприятий была деятельность Монгольского банка¹²¹, ставшего первым крупным кредитным учреждением России в Монголии. Банк выступал главным “регулятором” цен на монгольском рынке, ему отводилась роль основного кредитора российской торговли и предпринимательства, а также монгольских князей и чиновников. Российское правительство сознательно пошло на расширение сферы деятельности банка, предоставив ему также право самому выступать в качестве торговой фирмы, таким образом, усилив его позиции в конкуренции с Китаем¹²².

5 июля 1916 г. в Петрограде состоялось особое совещание Совета Министров по деятельности банка, на котором было решено 1) выпустить особый денежный знак для Монголии, равноценный рублю, 2) регулировать сбор податей и налогов, 3) обсудить с монгольским прави-

тельством вопрос о передаче банку права скупки монгольского сырья и шерсти¹²³

В течение 1915 – 1917 гг. обороты русско-монгольской торговли по линии импорта в Россию постоянно увеличивались. Так, по официальным данным российских таможен, в 1916 – 1917 гг. из Монголии было вывезено скота на 6 млн. руб., других монгольских товаров на 286 тыс. руб., китайских товаров, идущих транзитом через Монголию в Россию, – 1 млн. 837 тыс. руб. и монгольских продуктов животноводства – на 5 млн. 192 тыс. руб. Таким образом, весь монгольский экспорт в Россию с середины 1916 г. до середины 1917 г. оценивался в 13 млн. 412 тыс. руб.¹²⁴, в то время как в 1914 г. он составлял 9 млн. руб.¹²⁵, С другой стороны, ввоз российских товаров в Монголию имел стойкую тенденцию к понижению, отражая старые проблемы российской торговли в Монголии¹²⁶.

К началу 1917 г. российское правительство, сохранив монгольский рынок под русским контролем, наладило доставку иностранных товаров: в Монголию было завезено 20 тыс. ящиков чая, 360 тыс. аршин мануфактуры, 2 тыс. ящиков табака, 100 тыс. пудов крупчатки и другие товары¹²⁷. Таким образом, Россия даже в условиях 1917 г. не выпустила ситуацию из-под контроля, применив в данном случае государственные рычаги. Более того, она имела программу сохранения своих позиций в Монголии и противодействия Китаю на будущее. В докладной записке генконсула в Урге А. Орлова от 9 января 1917 г. сообщается о проведенном в Урге совещании по вопросу утверждения проекта железной дороги Кулгук – Монды – Улясутай – Кобдо – Семипалатинск, разработанного горным инженером Преображенским. Проект базировался на материалах экспедиций 1914–1917 гг. и поддерживался сибирским купечеством, членами правительства¹²⁸. Западное направление предполагаемой ветки было связано с возможностью строительства китайской железной дороги от Калгана до Урги, по этой же причине был “заморожен” в свое время проект Кяхта – Урга¹²⁹. Алтайский вариант мог стать не только экономическим, но и политическим бастионом России в Монголии.

Политика Китая в Монголии в 1915 – 1917 гг. осуществлялась при сочетании экономических и политических методов давления на Россию и Монголию, отработанных им еще до 1911 г. Используя громадные людские ресурсы, внутримонгольский плацдарм, географическую близость и другие факторы, Китай применял тактику постепенного “выдавливания” русских купцов из Монголии, тем более, что Кяхтинские статьи не ставили прямых запретов на восстановление активности торгово-ростовщического иностранного и китайского капитала. В течение 1915 – 1917 гг. в автономной Монголии появилось 70

новых китайских фирм, развернувших свою деятельность в Урге, Улясутае и Кобдо¹³⁰, что сразу сказалось на объемах монголо-китайской торговли: в 1915 – 1916 гг. она составляла 45–50 млн руб., превысив как объемы русско-монгольской торговли, так и показатели торговли собственно Китая за 1909 – 1910 гг.¹³¹

В обход Кяхтинского соглашения Пекин продолжал колонизацию Внешней Монголии в более скрытой форме. Так, агент российского министерства торговли и промышленности А. П. Болобан, изучая статистические материалы монгольского министерства внутренних дел, составил хронологические записи запаханных китайскими колонистами земель в 1915 – 1916 гг. по направлению главного торгового тракта Урга – Кяхта, с которых монгольское правительство получало налоги. Болобан сравнил эти записи с записями запаханных в 1913 – 1915 гг. китайцами земель и выяснил, что количество китайских запашек по данному тракту увеличилось в два, а в отдельных хошунах и в три раза¹³².

Несмотря на активные попытки Пекина реанимировать свою торгово-экономическую инфраструктуру в Автономной Монголии, в целом к началу 1917 г. русско-китайский баланс в Автономной Монголии сохранился. Каждая из сторон имела свои сильные стороны – Китай торгово-ростовщическую структуру, Россия – административно-военные органы, но общий политический паритет в рамках Кяхтинской системы оставался неизменным.

Как развивалась в этих международных условиях собственная внешняя политика Автономной Монголии?

Особенностью послекяхтинского периода международной деятельности Урги было то, что первая волна активности (визиты в Петербург, реализация панмонголистской политики и пр.), наблюдаемая в 1911–1913 гг., прошла, а новый подъем еще не наступил. Прагматичный подход Кяхты возымел свое действие, и монгольское руководство в 1915–1917 гг. не шло на явные нарушения тройственных обязательств, хотя и поддерживало постоянные контакты с Внутренней Монголией, Баргой и Тибетом. Проблема Тувы после установления над ней в 1914 г. российского протектората отошла на второй план, но не исчезла полностью. Урга продолжала считать Туву (как собственно и Внутреннюю Монголию) потенциально “своей” территорией, возможность присоединения которой представится в ближайшем будущем. Ургинское правительство, используя традиционный метод маневрирования в русско-китайских отношениях, делало определенную ставку на Китай. В январе 1916 г. Богдо-гэгэн отправляет в Пекин представительную делегацию, возглавляемую министром иностранных дел Авто-

номной Монголии Цэцэн-ханом. В состав делегации вошли семнадцать сановников правительства, а также влиятельные ламы Монголии¹³³. Формально цель миссии заключалась в принесении поздравлений и подарков Юань Шикаю по случаю движения в Китай за восстановление монархии. На деле открывшиеся в феврале переговоры отражали более глубокие намерения Автономной Монголии и Китая. Со стороны последнего это было осторожное зондирование вопроса о частичном или полном пересмотре автономного статуса 1915 г., а со стороны Монголии переговоры отражали естественное желание Урги развивать международную активность на китайском направлении, подчеркивая тем самым свою самостоятельность и "условность" автономного положения. Включение одного из духовных лидеров Внутренней Монголии в состав делегации означало также желание Урги обсудить внутримонгольский вопрос.

Переговоры не дали конкретных результатов. Стороны остались при своих интересах, но после отъезда Цэцэн-хана из Пекина китайские газеты, близко стоявшие к правительству, отмечали, что завершившиеся переговоры "это... подготовка к потере автономии"¹³⁴. Российский посланник в Пекине В.Крупенский, комментируя итоги визита, отметил, что "трудно сказать, какое влияние окажет на китайско-монгольские отношения посещение Цэцэн-ханом Пекина, но то, что он уезжает очарованный гостеприимством китайцев... нет сомнений"¹³⁵.

Россия и Китай внимательно наблюдали за развернувшейся в 1915 г. политической борьбой в монгольском руководстве, затрагивавшей напрямую интересы обеих держав. В связи с болезнью Богдо-гэгэна и неожиданной смертью ряда монгольских министров¹³⁶, придворные ламы в октябре 1915 г. выступили с требованием избрания преемника Богдо из окружения тибетского Далай-ламы. Российские наблюдатели считали, что подобное избрание усилит "ламскую партию" и, одновременно, угрозу со стороны Китая, так как тибетский перерожденец, возможно, окажется под влиянием Пекина. Подобное изменение внешнеполитической ориентации Урги не устраивало Россию. Другая группа высших монгольских князей во главе с премьером Сайн-ноин-ханом Намнан-Сурэнгом предлагала избрать преемника из халхасской среды, причем необязательно знатного происхождения (дискутировался вопрос о преемнике из числа родственников Эхе-Дагни – жены Богдо-гэгэна, по происхождению простой монголки). Россия в этих условиях поддерживала последнюю группировку, рассматривая ориентацию на светских князей и способных чиновников "из низов" как более перспективный путь развития Монголии¹³⁷.

Политический кризис 1915 г. высветил неоднозначную роль бурят в Автономной Монголии. Российская дипломатия всегда поддерживала стремление бурятской элиты (чаще всего агинской) внедриться в халхасское руководство, ограничивая, таким образом, влияние духовенства. Монголы в свою очередь, и светские князья, и высшие ламы, никогда не доверяли бурятам¹³⁸. Российские власти до 1917 г. регулировали взаимоотношения монголов и бурят в Урге, но в дальнейшем, по мере ослабления России, особенно после 1917 г., роль бурятских деятелей неуклонно возрастала.

В начале 1916 г. генконсул в Урге А. Я. Миллер предложил российскому правительству, используя бурят (военных инструкторов), осуществить в монгольской столице государственный переворот, т. е. с помощью бурятских казаков и части монгольской бригады отстранить высших лам от власти, провозгласить отделение церкви от государства и таким образом “расчистить” путь для светской группировки князей. Подобный план был прямым следствием событий 1915 г. (смерть князей и усиление духовенства). Российский МИД категорически отверг проект А. Миллера, охарактеризовав его как “непродуманный и авантюристичный”, и отметил, что на будущее со стороны консульства должна быть жесткая “дозировка” роли и влияния бурят на общественно-политическую жизнь Автономной Монголии¹³⁹.

Февральская революция и установление республиканского строя в России было воспринято монгольским руководством отрицательно. Как отмечал в своих донесениях генконсул А. Орлов, в ходе его бесед с монгольскими министрами и высшими ламами по поводу февральских событий в России, все как один высказывали удивление, недоумение и даже “скрытое раздражение” случившимся. Министры, ссылаясь на божественный и неприкосновенный характер монархической власти, говорили о “небесной каре, которая неминуемо обрушится на Россию” за содеянное¹⁴⁰.

Временное правительство не изменило принципы и стратегию монгольской политики. Оно также пыталось удержать баланс сил между Россией и Китаем в рамках Кяхтинского соглашения, хотя делать это ему было гораздо сложнее. МИД Временного правительства столкнулся с быстрым падением курса рубля на монгольском рынке, резкой активизацией китайского, японского и американского капитала. К середине 1917 г. в Урге ощущалась острая нехватка российских товаров, часть торговых фирм – магазины Урмачеева и Русско-Экспортного товарищества, а также “Торговый дом Коковин и Басов” и др. – прекратили свою деятельность. Причем, оставшуюся часть русских товаров скупали сами же сибирские купцы, специально приезжавшие в Монголию и

вывозившие товар через Кяхту для продажи в России, где также ощущался дефицит¹⁴¹. Если в начале 1917 г. ящик зеленого чая (24 кирпича) стоил 65 руб., то к концу года он оценивался в 250 – 270 руб. 1 лан серебра в декабре 1916 г. в Урге приравнялся к 3 р. 20 к., в январе 1917 г. – к 3 р. 90 к., а в декабре 1917 г. – к 14 руб.¹⁴², что отражало падение курса рубля.

Возросло политическое давление Китая на Ургу. 20 июня 1917 г. в управление по делам Монголии и Тибета при Пекинском правительстве было направлено предписание президента Китайской Республики Дуань Цижуня, в котором, в частности, говорилось: “Внутренняя разруха и неудачная война России окончательно ослабили эту страну, и она не в состоянии более заботиться о Халхе. Наступил подходящий момент для Китая принять меры к уничтожению автономии этого края и окончательно присоединить к Китайской Республике”¹⁴³.

К традиционным проблемам межгосударственных отношений России и Китая по Внешней Монголии прибавились специфические трудности, связанные с политическими процессами, происходившими в Ургинской русской колонии, насчитывавшей к тому времени примерно 3,5 тыс. постоянных жителей. Руководство колонии под влиянием событий, происходивших в России, постепенно превращалось в серьезную оппозицию генконсульству¹⁴⁴. Последнее обстоятельство не только дискредитировало российское правительство в глазах монгольского руководства, но и создавало прямую опасность использования Китаем фактора внутривосточных усобиц и фактического двоевластия между генконсульством и Ургинским общественным самоуправлением¹⁴⁵.

20 августа 1917 г. в Петрограде состоялось особое совещание Временного правительства по монгольскому вопросу. В работе совещания участвовали министр иностранных дел П. Н. Миллюков, его заместитель А. А. Нератов, бывший посланник в Пекине и Урге И. Я. Коростовец, известные монголоеды и исследователи В. Л. Котвич, С. А. Козин, П. К. Козлов и др. Накануне открытия и в кулуарах активно муссировалась идея о желательности отказа от традиционной линии на противодействие Китаю в Монголии и о необходимости “отхода” России отсюда. После острых дебатов участники совещания, отметив возросшую активность Китая и политические осложнения в самой Урге, пришли к выводу о невозможности и политической нецелесообразности “пересмотра основных линий монгольской политики, находящейся в тесной связи с общими задачами на Дальнем Востоке”. Было решено, что в развитии русско-монгольских отношений необходимо уделить особое внимание “экономической поддержке Внешней Мон-

голии, улучшению ее государственного хозяйства, проведению культурно-просветительных мероприятий"¹⁴⁶.

В первых числах октября 1917 г. Временное правительство, используя опыт царской дипломатии, осуществляет "инъекцию" русских и иностранных товаров, закупленных во Владивостоке, и через посредничество кяхтинских купцов доставляет их в Монголию, что сбалансировало русско-монгольскую торговлю¹⁴⁷.

10 октября 1917 г. состоялось последнее совещание Временного правительства по монгольскому вопросу, на котором была подтверждена правильность выбранной тактики целевых товарных "вливаний" и рассмотрена дальнейшая стратегия России в Монголии¹⁴⁸. Материалы совещаний и другие документы (включая большевистские отчеты Ургинской управы) свидетельствуют, что, несмотря на возросший китайский "прессинг", ухудшившееся экономическое и политическое положение, Россия в октябре 1917 г. сохраняла все основные рычаги влияния, созданные ею в 1911 – 1915 гг., - действующий банк, русскую торговлю, институт финансового советника¹⁴⁹, военную структуру, включая монгольскую бригаду, инструкторов и пр. Жесткий государственный контроль, а также периодическая товарная "интервенция" не позволили российским коммерсантам потерять монгольский рынок. Кроме того, не прекратились традиционно активные приграничная торговля и хозяйственная деятельность, которые развивались автономно и также способствовала сохранению российского влияния в Халха-Монголии.

Известия об Октябрьской революции и последующих событиях в Петрограде, поступившие в генконсульство 9 ноября 1917 г. через Пекин от Н.А. Кудашева, а 25 ноября лично от наркома Л.Д. Троцкого¹⁵⁰, были восприняты в Монголии неоднозначно. На монгольское руководство очередная смена власти в России в тот момент серьезного влияния не оказала. Оно считало, что Октябрьские события не приведут к кардинальной смене российской политики, воспринимая их под углом зрения Февральской революции. Значительно большее влияние эти события оказали на русскую колонию, обострив раскол в ней и усилив волнения в казачьих бригадах при консульстве и военной школе¹⁵¹. А. Орлов сообщал в середине ноября 1917 г. в Пекин, что "среди низших слоев Ургинской колонии, несомненно, имеются лица, разделяющие большевистские убеждения.. другая часть поддерживает свергнутое Временное правительство и отказывается признавать большевистскую власть"¹⁵². В тот исторический момент ни в монгольском руководстве, ни в генконсульстве еще не осознавали, что начинается мучительный и болезненный процесс ухода России из Монголии, рас-

тянувшийся на период с конца 1917 г. — по ноябрь 1919 г. Причем, особенностью этого ухода было то обстоятельство, что старые структуры продолжали работать, хотя это было скорее инерционное движение, оторванное от центра. Это продолжали функционировать своего рода “осколки” старой России, которые не могли сыграть роль полноценного “противовеса” в борьбе с Китаем. Новая же Россия (Советская) еще реально не присутствовала в Монголии, хотя революционные планы и определенная стратегия в отношении этого региона у большевиков имелись уже с момента установления советской власти в Центральной России и в Сибири в конце 1917 г. Для полноценного внедрения большевикам требовалось время, к тому же внешнеполитическая стратегия советского руководства в тот период основывалась на ожидании быстрого и автоматического подключения национальных окраин и полуколоний бывшей Российской империи к общемировому революционному процессу¹⁵³.

Докоминтерновский период советской внешней политики (ноябрь 1917 г. — март 1919 г.) для Монголии характеризовался двумя основными тенденциями. Первая была связана с попытками советского правительства заменить старые консульские и иные структуры новыми советскими представительствами и установить с автономным правительством официальные отношения. Подобные шаги предпринимались в конце ноября 1917 г., когда в автономную Монголию пытались проехать большевистские представители Васильев и Зинкевич (в марте 1918 г., когда Васильев вновь не был допущен, и в мае 1918 г., когда советское правительство уже в сопровождении вооруженного отряда безуспешно пыталось отправить в Ургу представителя Владимирского¹⁵⁴).

9 апреля 1918 г. в телеграмме наркома Г.В. Чичерина автономному правительству говорилось: “НКВД уведомляет, что все бывшие русские представители отрешены от должности. В случае неповиновения они будут преданы рев. суду. Мы надеемся, что монгольское правительство воздержится от всяких сношений с этими лицами, рассматриваемыми нами как преступники, всякая поддержка этих лиц будет рассматриваться нами как вмешательство во внутренние дела России”¹⁵⁵. В рамках данного направления активно пропагандировались декларации и заявления Советского правительства в отношении стран Востока — Воззвание к трудящимся Востока, Обращение председателя СНК В.И. Ленина и наркома национальностей И.В. Сталина к трудящимся мусульманам России и Востока об отмене неравноправных и тайных договоров, концессий, о подъеме освободительной борьбы против колонизаторов и местных феодалов и т.д.¹⁵⁶ Подобные акции имели несомненный резонанс в бывших колониях и полуколониях,

руководство которых воспринимало их как реальный шанс добиться национальной независимости.

Другая тенденция была связана с началом практической нелегальной революционной работы в Монголии через Центросибирь, а затем специальные органы Сиббюро ЦК РКП(б) - секцию восточных народов, монголо-тибетский отдел. В данной работе с ноября 1917 г. участвовала Ургинская управа, ее председатель большевик Чайванов регулярно информировал уполномоченного НКВД по Сибири Я.Д. Янсона о настроениях в Урге, положении китайцев и о многих других вопросах¹⁵⁷.

Первые документы советского руководства характеризовались довольно упрощенным и "ультрареволюционным" подходами. Так, в телеграмме наркома Г.В. Чичерина председателю Центросибири от 28 февраля 1918 г. говорится: "В Монголии необходимо положить конец всяким домогательствам хищников и капиталистов, работающих совместно с монгольской духовной бюрократией, и здесь Советам предстоит организовать пропаганду, для которой среди угнетенного населения имеется достаточно почвы. Для этой цели желательно привлекать монгол для участия в работах наших совдепов и насаждать эти учреждения среди полунезависимых народностей, данников либо хутухты, либо Китайского правительства"¹⁵⁸.

Другой документ (инструкция по организации революционной работы в Монголии), разработанный в Сиббюро и относящийся уже к апрелю 1918 г., составлен более грамотно, с учетом специфики монгольской истории. Большевистским агитаторам предлагалось: 1) всемерно поддерживать "на данном этапе традиционные движения (панмонголизм)"; 2) использовать княжескую аристократию и "их противоречия между собой"; 3) "установить в Монголии... престиж Советского правительства, путем искусной агитации, как среди масс, так и влиятельных княжеских кругов"¹⁵⁹.

В целом, влияние Советской России в Монголии в конце 1917 г. - первой половине 1918 г. не следует переоценивать. Советская политика, как по официальным дипломатическим каналам, так и по революционной линии, находилась только в начальной стадии своего формирования. Советская Россия реально в Автономной Монголии в этот период не присутствовала. После июльского 1918 г. восстания белочехов и установления власти сибирского временного (омского) правительства интерес большевиков к Монголии тем более сошел на "нет".

В период гражданской войны большевики использовали монгольский фактор, как средство своеобразного торга с кигайцами. Так, в июле 1918 г. Я.Д. Янсон провел в Иркутске переговоры с местным ки-

тайским консулом Вэй Бо по вопросу неофициальной помощи большевикам со стороны китайских властей в Монголии. Консул обещал доставку продовольствия из Монголии, оперативную информацию о численности и передвижениях белогвардейских отрядов в пограничных территориях Монголии и Маньчжурии и др. В обмен Я. Янсон заверил Вэй Бо о "соблюдении неприкосновенности Внешней Монголии... как исключительно китайской сферы влияния"¹⁶⁰. Успех переговоров был подкреплен золотом и драгоценностями, изъятыми в свое время из царской казны. Договоренность Вэй Бо -- Янсон действовала и в дальнейшем, когда сибирские большевики ушли в "подполье" и консул организовал через Монголию "коридор" Кяхта -- Урга -- Калган -- Пекин, по которому были переправлены многие сибирские большевики¹⁶¹.

В этих условиях Китай в 1918 г. начинает экономическую и военнополитическую "окупацию" Автономной Монголии.

1 марта 1918 г. вышел декрет президента Китайской Республики о выборах в парламент, в котором Внешняя Монголия и Урянхайский край объявлялись "обычными провинциями Китая" и должны были направить своих депутатов¹⁶². В октябре 1918 г. Ургинское отделение Китайского банка ("Чжунго иньхань") заключило с правительством Автономной Монголии соглашение, по которому при расчетах по любым коммерческим сделкам Автономная Монголия должна была пользоваться исключительно бумажными деньгами Китайского банка на всей своей территории¹⁶³. Китайские торговцы в течение 1918 г. стали фактически единственными поставщиками чая, мануфактуры, табака и других товаров, возобновив кредитно-ростовщические операции по всей стране¹⁶⁴.

В декабре 1918 г. в г. Кобдо состоялся суд по иску китайской фирмы "Дэтшун Чан" к байтскому князю Пунцук-гуну и его подданным. Фирма обвинила Пунцук-гуна и других байтских князей в подстрекательстве монголов против китайцев в период освободительного движения 1911--1912 гг., разграблении имущества фирмы и представила иск в 40000 лан серебром. Смешанный монголо-китайский суд с помощью попыток заставить признать Пунцук-гуна свою вину и обязал байтских князей возместить ущерб¹⁶⁵. Процесс носил политический характер, так как фактически реабилитировал и восстанавливал в правах китайцев и признавал освободительную борьбу монголов "как преступную деятельность". Цепной реакцией аналогичные процессы прокатились по всей Автономной Монголии в конце 1918 г. -- начале 1919 г., во время которых китайцы предъявляли монголам старые долги и иски по нанесенному ущербу за 1911 -- 1912 гг.

Параллельно шел активный "демонтаж" российских структур в Монголии. В январе 1918 г. правительство Автономной Монголии анну-

лирует русско-монгольское военное соглашение о подготовке монгольских цэриков и командиров и отстраняет от работы российских офицеров-инструкторов, назначив на эти должности своих лиц под началом бывшего хорунжего, бурята Г Бадмажапова¹⁶⁶. В первых числах октября 1918 г. была упразднена должность советника и управляющего госимуществом автономной Монголии (после С.А. Козина ее занимал Б.В. Вите), а 11 октября 1918 г. пришло известие из канцелярии автономного правительства об “изъятии концессии. . Монгольского банка, ввиду отказа в ссудах правительству” и о закрытии операций¹⁶⁷. Все эти мероприятия, отражавшие желание монгольского правительства освободиться от надоевшей российской “опеки”, были закономерны, так как эффективное функционирование данных институтов без государственной поддержки стало невозможным. Существовать же “автономно” они могли лишь определенное время, используя былой авторитет и собственные резервы. Единственным “старым” органом оставалось генконсульство и его службы, на которое также оказывалось серьезное давление со стороны Ургинской управы, постепенно прибирающей к рукам основные функции консульства.

Начало 1919 г. ознаменовалось новым всплеском китайской и особенно японской активности. Токио еще в феврале 1918 г. отправил в Ургу подполковника Мацуи, который в ходе переговоров с монгольскими министрами поставил вопрос о возможности пересмотра Автономной Монголией своей традиционной внешней политики – опоры на Россию, так как последней в прежнем виде уже не существовало, и предложил политическую и финансовую поддержку Японии, на что получил отрицательный ответ¹⁶⁸. 3 января 1919 г. посланник Японии в Китае Обата в беседе с российским посланником В. Кудашевым заявил, что японские фирмы выдали краткосрочную ссуду китайскому правительству на уплату долгов Пекин-Калганской железной дорогой и на продолжение строительства этой линии до Урги¹⁶⁹.

В Урге даный проект был известен. В апреле-мае 1919 г. между правительством автономной Монголии и местным китайским представителем состоялись переговоры о строительстве этой дороги. Генконсул А. Орлов в беседе с монгольским министром 16 мая 1919 г. спросил о состоянии переговоров. Министр ушел от ответа, заметив, однако, что японцы предоставили Китаю на строительство данной ветки трехмиллионную ссуду¹⁷⁰.

В июле 1919 г. в Урге был подписан договор между монгольским правительством и китайским предпринимателем Чжоу Цзиньшэнем о передаче последнему прав на разработку угольных месторождений в Хулунбуире в местности Уланбургасутай. За спиной китайского ком-

мерсанта стояло японо-китайское "Акционерное общество Цзинхуа по разработке каменноугольных копий" с уставным капиталом в 2 млн. ам. долл. Общество кроме разработки угля могло проводить в Монголии торговлю, кредитование, скупку земель и прочие операции¹⁷¹.

На этом историческом фоне активно развивалась собственная внешняя политика автономной Монголии. Рассматривая "уход" России из Монголии как исторический "шанс" и полагая, что в условиях распада Кяхтинской системы можно реализовать свои давние планы, монгольское правительство развернуло активную деятельность в сопредельных этнорегионах.

В конце 1917 г. – начале 1918 г. Урга предпринимает ряд шагов на тувинском направлении, предварительно заручившись поддержкой Пекина. 17 декабря 1917 г. между представителями автономной Монголии и Китая в Урге было подписано соглашение о том, что "...Урянхайский край отныне составляет нераздельную часть Автономной Монголии"¹⁷². Китайское правительство, считая и Внешнюю Монголию, и Туву "своими" территориями, охотно играла в "поддавки" с Ургой. В декабре 1917 г. уполномоченным по Туве от Автономного правительства был назначен видный лама Джалханцза-хутухта, а в январе 1918 г. из Урги в Туву отправляются посланцы Богдо-гэгэна и Джалханцзы-хутухты с петициями и воззваниями об объединении.

Тувинская элита данную политику воспринимала неоднозначно: были сторонники объединения, считавшие, что оно усилит их в борьбе с Китаем, а были и ярые противники подобной акции, указывавшие на опасный характер сближения, так как это автоматически делает тувинцев подданными Китая, а не Богдо-гэгэна. Кроме чисто субъективных мнений, существовали и объективные причины монголо-тувинского сближения – гражданская война в Туве и приграничных территориях Западной Сибири и Алтая, а также большевистские репрессии, развернувшиеся весной 1918 г. в этом крае¹⁷³. В депеше российского консула А. Хионина в Кобдо от 20 ноября 1918 г. говорится: "В марте сего года большевизм проник в Урянхайский край и последователи его принялись усердно искоренять то, что с таким трудом столетиями насаждалось русскими колонистами. Имущее население края было разграблено и частично бежало, а частью было расстреляно на месте, предприятия разорены. В своем увлечении насаждением райской жизни на земле большевики не щадили и туземцев, которые попадались под руку. Не видя ниоткуда помощи, а только разорение и мерзость, урянхайцы, подбодряемые агентами Джалханцзы-хутухты, обратились к монгольскому правительству и просили его прислать своих чиновников"¹⁷⁴.

В октябре 1918 г Автономная Монголия посылает в Туву миссию монгольских чиновников в сопровождении китайского представителя Ян Шичао и отряда монголо-китайских солдат, которые назначают в Урянхайском крае монгольского губернатора как главного управителя Тувы, а тувинцев объявляют “подданными Богдо-гэгэна”¹⁷⁵

Наметилась активизация Урги и по бурятскому направлению, носившая более многоплановый характер и затрагивавшая не только двусторонние монголо-бурятские отношения, но и широкий круг международно-политических проблем.

После “ухода” России роль бурятских деятелей в автономной Монголии неуклонно возрастала. В начале 1918 г. при ургинском правительстве создается бурятский комитет, в который вошли авторитетные и опытные деятели из числа бурят, живших и работавших долгое время во Внешней Монголии, – Ц. Жамцарано, Ц. Гармаев, Г. Бадмажапов и др. Многие из них к этому времени занимали ключевые посты в правительстве. Одновременно комитет был тесно связан с Читинской народной думой, созданной после 1917 г. на волне бурятского национального движения в Забайкалье. Активное монголо-бурятское сближение было выгодно комитету. Последний в течение 1918 г. развернул широкую агитацию через читинские органы среди бурят Забайкалья за перекочевку в Автономную Монголию. По данным российского советника Б.В. Витте, только за 1918 – 1919 гг. из Бурятии во Внешнюю Монголию откочевало 40 000 бурятских семей (это только официально учтенных), больше, чем за весь период, начиная с середины XIX в. до 1917 г.¹⁷⁶ Несомненно, что в основе подобного миграционного “взрыва” лежали не только общеполитические причины (гражданская война, разруха, террор и пр.), но и целенаправленная панмонголистская политика бурятского и монгольского руководства.

Панмонголизм в Бурятии имел свои особенности и окраску. Признавая единство исторического происхождения – корня (монголын ундысын), бурятские деятели рассматривали роль и значение бурят в истории и современном положении Автономной Монголии несколько иначе, чем их трактовали в Урге

В концентрированном виде бурятская концепция панмонголизма была изложена в докладе председателя Читинской народной думы (1919 г.) и менее известном манифесте Ц. Жамцарано от 18 февраля 1919 г. В докладе говорится, что после исчезновения царской России основным средством противодействия Китаю и Монголии становится Бурятия и ее комитет во главе с Бадмажаловым. Читинские деятели приветствовали упразднение российских структур в Монголии, но крайне негативно оценивали присоединение Урянхая к Монголии. “Урянхайс-

кое предприятие, возникшее под влиянием Китая, - говорится в докладе, - не может быть допустимо необходимо уговорить ургинское правительство отказаться от своих намерений¹⁷⁷. Вывод доклада - присоединение Автономной Монголии к Бурятии как единственное средство спасения от Китая. В манифесте Жамцарано в более мягкой форме проводится мысль о подчинении Монголии Бурятии и предлагается объединенной Бурят-Монголии обратиться в Лигу Наций и президенту США В. Вильсону, выдвинувшему тогда популярный лозунг независимости и самоопределения малых наций и народностей

Бурятский "вариант" панмонголизма, имевший антикитайскую направленность, предполагал известное подчинение монгольских племен себе Чувство превосходства бурятского менталитета над монгольским вызвало естественный протест и раздражение халхасской элиты, обостряя монголо-бурятские отношения¹⁷⁸.

С другой стороны, признавая несомненное участие японцев в панмонгольском движении и желание их через Семенова и майора Судзуки направить его в прояпонское русло, необходимо отметить, что в основе своей монголо-бурятское объединение развивалось в рамках массового панмонгольского движения бурятских и монгольских племен

В феврале 1919 г. в результате кадровых перестановок в монгольском правительстве пост министра иностранных дел занимает лидер Бурятского комитета Бадмажапов, а 28 апреля того же года после внезапной кончины авторитетнейшего князя, премьера Сайн-ноин-хана Намнан-Сурэна, на эту должность назначается бурят, лама Бадма-Дорчи¹⁷⁹. Все это создавало реальную опасность нового дворцового переворота, изменения внешнеполитического курса и подчинения Читинскому правительству

25 февраля 1919 г. в Чите открылся панмонгольский съезд представителей Бурятии, Внутренней Монголии и Барги. Присутствовали японские наблюдатели (Судзуки). Посланцев Автономной Монголии на съезде не было. Съезд провозгласил создание Великого Монгольского государства со столицей в г. Хайларе (Внутренняя Монголия) во главе с Нэйсе-гэгэном, одним из высших лам Внутренней Монголии. Семенов выдал из японских кредитов на нужды правительства 1 млн. руб., оружие и другую материальную помощь. Было решено послать делегацию во главе с Ц. Жамцарано на Парижскую мирную конференцию и обратиться к американскому президенту В. Вильсону с просьбой о поддержке¹⁸⁰. Однако, как отмечали наблюдатели, комментируя итоги съезда, он оказался неправомочным для решения столь важного вопроса, как образование независимого панмонгольского государ-

ства без главного действующего лица - Внешней Монголии¹⁸¹ Для решения этого вопроса была отправлена делегация в Ургу

Ургинское правительство не могло игнорировать происходящие события. Находясь под жестким прессингом бурятской оппозиции внутри правительства, монгольские князья и ламы, тем не менее, выдерживали нейтралитет. Поддерживая панмонгольскую идею Читы и Семенова в принципе, монгольское руководство очень настороженно воспринимало участие японцев, а также чрезмерную активность бурят в этом процессе. Китайские сановники в Урге со своей стороны сдерживали монголов, пугая их Японией и приводя свежие примеры ее агрессии на Шаньдунском полуострове Китая в 1914 - 1915 гг.

Прибывшая в Ургу летом 1919 г. читинская делегация потребовала от монгольского правительства участия Халхи в панмонгольском движении. Ургинские власти обязались созвать съезд к концу лета, стараясь оттянуть данное мероприятие, чтобы обработать аймачных князей в пользу неучастия "в бурягско-баргутской затее"¹⁸². Агенты Бурятского комитета развернули агитацию в противоположном направлении, ссылаясь на возрастающую опасность установления китайского господства в случае неприсоединения к движению. Несмотря на деятельность последних, собравшийся в начале августа 1919 г. во Внешней Монголии съезд без особых прений принял единогласное решение "не присоединяться к бурято-баргутам, сохраняя договорные обязательства в отношении России и Китая, а в случае вооруженной угрозы бурято-баргут и атамана Семенова защищать Внешнюю Монголию силою оружия"¹⁸³. Это решение было доведено до сведения Бурятской думы в Чите и правительства в Хайларе.

Подобное развитие монголо-бурятских отношений устраивало Китай. Тем более, что Семенов предпринял мобилизацию в Даурии и в Кяхтинском Маймачене 3-х тысячного корпуса из бурят и баргут с целью похода на Ургу одновременно с востока и с севера¹⁸⁴. Автономное правительство в этих условиях вынуждено было обратиться за помощью к китайскому правительству и просить его разместить на восточной и северной границах Автономной Монголии китайские отряды, на что Пекин охотно согласился¹⁸⁵.

Таким образом, бурятское направление внешней политики монгольского правительства вольно или невольно втягивало Ургу в необратимый водоворот международно-политических событий на Дальнем Востоке, в котором она, стараясь избежать одной опасности - Японии, Семенова и бурятского национализма, неизбежно приближалась к другой - китайской оккупации и ликвидации автономии.

В отношении Советской России официальная Урга проводила политику непризнания и изоляции страны от внешних контактов, обращаясь, как в случае с Семеновым, за помощью к Китаю. Так, в мае 1918 г., когда советское правительство пыталось в очередной раз “внедрить” своего представителя в Ургу (Владимирского), выехавшего к монгольской границе в сопровождении отряда, монголы направили ноту китайскому сановнику с просьбой “ввести 1 батальон китайских солдат...” для защиты границы и вывести его сразу после “исчезновения большевистской угрозы”¹⁸⁶.

Политика “закрытых дверей”, однако, не была абсолютной. Случаи отдельных контактов монгольских сановников с представителями советской власти имели место. В декабре 1917 г. князь Сайн-ноин-хан встретился в Маймачене с руководителями Центросибири С. Лазо, Б. Шумяцким. Эта встреча носила со стороны последних больше пропагандистский характер¹⁸⁷. 21 марта 1918 г. заместитель Маймаченского сайта князь Дунгуржав-гун посетил Троицкосавский совет. “На вопрос князя, — сообщал консул в Маймачене В. Лавловский, — что большевики делают с консулами, в Совете ответили, что консулы нужны, но они отказываются признавать большевиков и тем препятствуют установлению отношений совета с монгольским правительством. На это помощник сайта предложил совету.. обратиться непосредственно в его управление в Кяхте”¹⁸⁸.

Подобные контакты, тем не менее, были единичны и носили скорее характер личной инициативы отдельных князей. Официальная позиция автономного правительства оставалась неизменной вплоть до ликвидации автономии (ноябрь 1919)¹⁸⁹. Известное “Обращение Советского правительства к правительству автономной Монголии и монгольскому народу” от 25 июля 1919 г., которое провозглашало отмену всех царских договоров и соглашений в отношении Монголии, передачу всех концессий и имущества бывших властей монголам и предлагало установить равноправные официальные отношения, в тот момент не дошло до автономного правительства и попало в Ургу уже в 1920 г.

Взаимоотношения с Временным Сибирским правительством (Омск) Урга поддерживала с июля 1918 г. до осени 1919 г., когда русско-монгольские контакты были частично возобновлены в прежнем виде. На короткий период Омское правительство восстановило, хотя и в неполном объеме, Кяхтинскую систему отношений.

3 августа 1918 г. МИД омского правительства сделало официальное заявление Китаю, Японии и союзным державам, что оно в своей деятельности в Монголии основывается на принципах политики Рос-

сийской империи, выполняет все русско-японские соглашения 1907, 1910 и 1912 гг о разграничении "сфер влияния", выступает за экономическое и политическое противодействие Кигаю в целях сохранения автономии Внешней Монголии, строго придерживаясь Кяхтинского соглашения 1915 г.¹⁹⁰

Сообщения консулов из Урги в Омск о катастрофическом усилении Китая, о возросшей опасности отмены автономии, о включении Тувы и пр. вызвали резко отрицательную реакцию дипломатии Сибирского Временного правительства. В телеграмме от 1 декабря 1918 г. управляющий МИД омского правительства А. Ключников сообщает российскому представителю в Пекине Н А Кудашеву "Считаем сохранение автономии первостепенной важности вопросом и вполне соответствующим идее обеспечения прав малых народностей. Необходимо выступить по этому вопросу в переговорах с монголами, чтобы заручиться их заявлением о желании сохранить автономию. Мы надеемся, – продолжал Ключников, – что по урянхайскому вопросу мы придем с монголами к соглашению"¹⁹¹. В ответной телеграмме из Пекина и Урги говорилось: "Цэрэн Дорджи (министр автономной Монголии. С Л) официально заявил, что в вопросе ориентации монгольского правительства не произошло никаких изменений"¹⁹².

Омское правительство пыталось остановить деятельность Семенова, угрожавшую, по его мнению, не только автономной Монголии, но и ситуации в Забайкалье и на Дальнем Востоке в целом. На одном из заседаний Совета министров сибирского правительства 7 декабря 1918 г. действия атамана были объявлены незаконными, а сам он должен был предстать перед военным трибуналом. Одновременно А В Колчак обратился с официальной просьбой к американцам оказать давление на Японию, "явно покровительствующей атаману... и усмирить разбушевавшиеся банды Семенова"¹⁹³.

В начале 1919 г омское правительство, сознавая недостаточность обращений Верховного правителя к американцам, ищет способы подключения самого монгольского правительства к процессу сохранения автономии. 31 января 1919 г управляющий МИД Омска сообщает Н А Кудашеву о желательности через А. Орлова "подготовить монголов к тому, чтобы они обратились через наше посредничество к покровительству союзников и, в частности, Америке. для сохранения автономии"¹⁹⁴.

Правительство А В. Колчака пытается восстановить российские коммерческие проекты в Монголии, исходя больше из политической целесообразности, нежели из соображений экономического свойства. Так, в апреле 1919 г из Омска в Ургу прибывает миссия барона Фитингофа, который при поддержке консула А Орлова и при рекомендациях

Н.А. Кудашева подписывает с монгольским правительством соглашение на право разработки железной руды и строительства завода на территории Тушэту-ханского аймака, недалеко от русской границы¹⁹⁵. Летом того же года в Урге появляется инженер Смигельский, начавший переговоры с монгольскими министрами о возобновлении железнодорожного проекта Кяхта – Урга или ее “западного” варианта до Семипалатинска¹⁹⁶.

Осенью 1919 г., когда военно-политическое положение Омска резко ухудшилось, все основные проекты пришлось “заморозить”.

Таким образом, на короткой исторической фазе (июль 1918 г. – лето 1919 г.), временное сибирское правительство пыталось восстановить Кяхтинскую систему и сдержать на некоторое время Китай. Последний, несмотря на все благоприятные для него условия – мощную экономическую базу в Монголии, наличие вооруженных отрядов на восточной и северной русско-монгольской границах, монголо-бурятские противоречия и т.д., – не решился в условиях существования омского правительства на открытое уничтожение монгольской автономии и разрушение Кяхтинской тройственной системы.

10 сентября 1919 г. автономное правительство после получения известий об окончательном крахе Омска и быстром наступлении Красной Армии по территории Сибири отдает приказ монгольскому губернатору в Кобдо закрыть совместно с китайскими отрядами западную границу, оказывая в случае ее перехода Красной Армией “...вооруженное сопротивление большевикам”¹⁹⁷.

Уничтожение монгольской автономии – явление сложное и многоплановое. Кроме несомненных внешних причин (китайский фактор и разрушение Кяхтинской системы), оно имело серьезные внутренние предпосылки, связанные с традиционным противоборством ламской и светской группировок в монгольском руководстве, обострением общего кризиса в Автономной Монголии.

Сильные прокитайские настроения существовали среди большей части светских князей и чиновников. В депеше А. Орлова Н.А. Кудашеву от 11 марта 1919 г. по этому поводу говорится: “Князья – члены правительства бегут из Урги. Число сторонников возвращения под власть Китая как средства избежать японской опасности среди них увеличивается”¹⁹⁸. В другом сообщении от 12 апреля 1919 г. он пишет: “Слухи о существовании сторонников такого плана (отказ от автономии) ...усилились в начале февраля текущего года. Движение это имеет характер протеста против засилья ламского духовенства... По поводу отказа от автономии, привлекающей часть князей, я беседовал с министром иностранных дел, и он дал мне понять, что такая партия несомненно существует”¹⁹⁹.

Курс Пекина на отмену автономии находил некоторую социальную базу и поддержку и в монгольском обществе – в наиболее влиятельной его части – среди светских высших князей и ряда чиновников.

17 июля 1919 г. в газете “Гуньян бао” в Китае был опубликован план генерала Сюй Шучжэна по обустройству северо-восточных территорий. План предусматривал: распахку приграничных с Монголией пустырей китайскими воинскими формированиями и созданием там поселений военно-хозяйственного типа; эксплуатацию природных богатств с привлечением в качестве рабочей силы военных; сооружение железной дороги Пекин – Урга – Кяхта; просвещение монгольского населения “...дабы пробудить его к занятию земледелием, промышленностью и торговлей”²⁰⁰. 18 июля 1919 г. генерал Сюй указом президента назначается комиссаром-устроителем северо-западной границы, включавшей всю территорию автономной Монголии и Урянхайского края.

20 июля 1919 г. в Пекине проходит правительственное совещание, на котором президенту были доложены основные стратегические соображения по поводу китайской политики в этом регионе, включая необходимость переброски новых дивизий в Монголию и отмену автономии. На совещании было отмечено, что “угроза со стороны атамана Семенова для Внешней Монголии, слабость Омского правительства... опасность занесения в Китай большевизма” делают необходимым принятие в ближайшее время (осень 1919 г.) неотложных мер по восстановлению спокойствия на “данной территории Китая”²⁰¹.

8 июля 1919 г. в Ургу прибывает новый уполномоченный Пекина Чэнь И с китайским отрядом в 600 человек и начинает переговоры с монгольским правительством об изменении статуса Внешней Монголии. Результатом стало компромиссное соглашение под названием “64 пункта об улучшении положения Монголии”, которое, однако, сохраняло как автономию, так и теократические структуры, расширяя права китайских сановников в Урге²⁰².

В октябре 1919 г. китайское правительство, недовольное мягкой дипломатией Чэнь И, отзывает его, а вместо него направляет генерала Сюй Шучжэна с отрядом в 4000 человек. Приезд Сюя в Урге ожидали и со страхом, и с надеждами. Так, в депеше от 30 октября 1919 г. А. Орлова говорится: “Завтра ожидается прибытие генерала Сюй. Князь действительно в отчаянии от расточительства Хугухты и жадности духовенства и способен вопреки воле Хугухты признать китайскую власть, чтобы спасти свое достоинство”²⁰³.

12 ноября 1919 г. прибывший Сюй предъявляет Богдо-гэгэну петицию об отмене автономии, которую монгольский монарх сразу не пол-

писывает, а передает на рассмотрение правительству и созванному Хуралу При голосовании за отмену автономии высказались члены правительства и часть верхней палаты (князья), а большая часть духовных лиц и часть чиновников отстаивала сохранение автономии²⁰⁴. 17 ноября 1919 г. петиция об отмене автономии была подписана министрами и Богдо-гэгэном, а 23 ноября утверждена декретом президента Китайской Республики²⁰⁵.

Таким образом, процесс “демонтирования” Кяхтинской системы, начавшийся в 1917 г. после поражения омского сибирского правительства и уничтожения в 1919 г. монгольской автономии Китаем, к концу 1919 г. был полностью завершен. На территории бывшего “треугольника” проявились новые силы – активно оккупирующая российский Дальний Восток Япония и набирающая внешнеполитический потенциал Советская Россия; Китай в этой ситуации одержал только формальную победу, ибо, “вернув” в ноябре 1919 г. Внешнюю Монголию, он вместо сбалансированной Кяхтинской системы получил неопределенную и постоянно меняющуюся структуру с набором больших и малых центров силы (Советская Россия, режим атамана Семенова, режим Унгерна и т.д.), каждый из которых мог нести потенциальную угрозу положению Китая во Внешней Монголии.

Международно-политические события, развернувшиеся вокруг Внешней Монголии в 1915 – 1919 гг., подтвердили только гипотетическую возможность независимого существования монгольского государства. Утратив в лице России после 1917 г. гаранта сохранения независимости и попав в 1917 – 1919 гг. в многополюсную региональную систему “Омское правительство – Китай – Япония – Читинское правительство”, Внешняя Монголия вновь оказалась под властью Китая. Участие Советской России в монгольских делах до 1919 г. носило лишь номинальный характер ввиду гражданской войны и неблагоприятной военно-политической ситуации, сложившейся в Сибири и на Дальнем Востоке.

* * *

Международная история теократической Монголии условно прошла три этапа (фазы) развития, которые можно было бы образно назвать “рождение” независимости в 1911 – 1912 гг., ее “жизнь” в 1915 – 1917 гг. и “агония и смерть” в 1917-1919 гг. Рождение монгольской государственности в 1911 г. было обусловлено комплексом как внешних обстоятельств (русско-китайским противоборством, Синьхайской революцией и распадом Цинской империи в 1911–1913 гг.), так и внутримонгольскими процессами, главным из которых стало движение монголов за возрождение государственности и достижение независимости

Кяхтинская система, оформленная в 1915 г., органично дополнила общую дальневосточную структуру международных отношений. Она дала возможность Внешней Монголии частично реализовать себя в качестве субъекта международных отношений, хотя и в определенных пределах. Распад системы после "ухода" России в октябре 1917 г. был закономерен. Функционирование ее в случае утраты хотя бы одного участника стало бы невозможным.

На последнем этапе проявился новый фактор – Советская Россия, которая в 1917 – 1919 гг. потенциально могла вдохнуть новую жизнь в Монголию, но не сделала этого. Логика истории подсказывала, что монгольская государственность, пройдя этап автономии, должна возродиться в новой форме и в иных исторических условиях. Теократическая же монгольская монархия занимает достойное место в истории международных отношений. Возникновение монгольского государства и борьба монгольского народа в 1911–1919 гг. за независимость являлись звеньями одной цепи – проявлениями процесса национальной и государственной "эмансипации" малых народов Востока в первой четверти XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По материалам томской экспедиции (1910 г.) только в восточной части Внутренней Монголии к 1910 г. было распахано и заселено китайцами 5 млн. десятин земли, а в 1909 г. открыто регулярное движение по ветке Пекин – Калган (Внутренняя Монголия), ускорившее колонизацию. Часть внутримонгольских племен (туметы) к 1911 г. фактически забыли родной язык, полностью перейдя на китайский и маньчжурский. На этих же языках осуществлялось и начальное обучение монгольских детей во Внутренней Монголии – См. подробнее Соболев М.С., Боголепов М.Н., Очерки русско-монгольской торговли – Томск, 1911; Базарова Б. Положение монголов в цинском Китае накануне революции 1911 г.// XXIV науч. конф. "Общество и государство в Китае" Тез. науч. докл. – М., 1993. Ч. 2. С. 105 – 107.

² История Монгольской Народной Республики – М., 1983. С. 242.

³ Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург), ф. 23, оп. 1, д. 325, л. 8. – Далее: РГИА (СПб).

⁴ Торгово-промышленная газета – 1912. 11 (24) января; Московские ведомости. – 1913. 20 февраля (5 марта).

⁵ Архив востоковедов Санкт-Петербургского института востоковедения РАН, ф. 66 (Б. М. Гурьев), д. 2, л. 32 – 35 – Далее: АВСПО ИВ РАН.

° АВСПО ИВ РАН, ф 44, оп 1, д 203, л.16 - 18

⁷Сибирский купец А.Д. Васенев Дневники (Вступление и комментарии А.Д. Старцева). – Барнаул, 1994. Ч 1 С 20.

⁸ Там же. С 87

°Кузьмин Ю.В Русско-монгольские отношения 1911 – 1912 гг. и позиция общественных кругов России // Монголика-3. Из архивов отечественных монголоведов XIX – XX вв – Санкт-Петербург, 1994. С 77

¹⁰Государственный архив Иркутской области, ф.23 (Дипломатическая канцелярия Иркутского генерал-губернатора), оп 11, д.37, л.7. – Далее ГАИО.

¹¹ АВСПО ИВ РАН, ф 66 (Б.М. Гурьев), д.2, л 58,71.

¹² Об истории “Монголора” см подробнее: Даревская Е.М. Несколько дополнений к вопросу добычи золота в дореволюционной Монголии / Труды Иркутского государственного университета. – Иркутск, 1968 Вып.1. Т.55 С 107 – 129.

¹³ Главным проводником экономической политики России непосредственно в Монголии были русские купцы, длительное время жившие в монгольской глубинке (хошунах), знавшие язык, психологию и особенности кочевого быта монголов. Как правило, за счет своих знаний, авторитета и личных связей хошунным купцам удавалось поддерживать на плаву русскую торговлю в Монголии и как-то противостоять серьезной китайской конкуренции. Типичным представителем этого слоя русских был А.В. Бурдуков, проживший полвека в Монголии и оставивший богатое эпистолярное наследие – См Бурдуков А В В старой и новой Монголии Воспоминания: Письма – М., 1969, Даревская Е.М. Письма И.М. Майского А В Бурдукову // Монголика-3. Из архивов отечественных монголоведов XIX – нач XX вв – СПб., 1994 С 45 - 57

¹⁴Доржиев А (1853 – 1938) – российский бурят, первый наставник и официальный представитель тибетского Далай-ламы за границей, неоднократно выполнял ответственные поручения тибетского иерарха в Китае, России и Внешней Монголии, с 1913 г жил в России. Несмотря на большое количество работ и проведенных научных конференций, посвященных А.Доржиеву, в историографии не до конца ясны мотивы его деятельности: был ли он русским агентом в ставке Далай-ламы, тибетским “шпионом” в Петербурге и Пекине или вел “двойную” игру в интересах и Тибета, и России? – См. подробнее: Заятусев Г.Н Краткая биография цанит-хомбо Агвана Доржиева – Улан-Удэ, 1991, Базаров Б., Шагдуров Ю. Агван Доржиев. Последние страницы жизни // Байкал – 1991. №35 С. 121 – 128, Белов Е.А. На

заре российско-тибетских отношений // Азия и Африка сегодня. 1994 № 4 С 64 – 66; Раднаев В. Агван Доржиев – религиозный деятель и политик // Азия и Африка сегодня. – 1995. № 5. С. 71 – 74.

¹⁵ Бадмаев П. А. (1848 – 1920) – российский бурят, врач тибетской медицины, известный общественный деятель, неоднократно выступал перед Александром III и Николаем II с проектами политической интеграции России, Тибета и Монголии. Еще в конце XIX в. предсказал отделение Внешней Монголии от Китая, занимался активной предпринимательской деятельностью в Монголии и Китае. – См. подробнее: Бадмаев П. А. Россия и Китай. – СПб., 1905; он же. За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева – Пг, 1925; Гусев Б. Жамсаран и его дочь. Документальная повесть. – Л., 1989; он же. Возвращение Бадмаева // Известия. – 1991. 2 августа, Пубаев Р. Е. Петр Бадмаев // Национально-освободительное движение бурятского народа. – Улан-Удэ, 1989. С. 90 – 93; Кузьмин Ю. О предпринимательской деятельности в Монголии и Китае П. А. Бадмаева // XXIV науч. конф. “Общество и государство в Китае” – М, 1993. Ч 2. С. 107 – 109.

¹⁶ Lattimore O. Nomads and Commissars. Mongolia Revisited. – New-York, 1962. P.69.

¹⁷ Особенно ярко российская поддержка проявилась в “опеке” руководителя антикитайского движения в Монголии Тогтохо-тайджи в 1907 – 1910 гг., получавшего из России оружие, деньги и другую материальную помощь. После разгрома его отрядов китайцами он вынужден был укрыться на территории Забайкалья, причем в ответ на требование Китая выдать Тогтохо, российское правительство заявило Пекину, что “князь не разбойник, а политический выходец”, поэтому имеет право на политическое убежище в России. – См.: Бетов Е. А. Тогтохо-тайджи – деятель национально-освободительного движения монголов (1907 – 1915 гг.) // Владимирцовские чтения. Всероссийская конференция монголоведов. Тез докл. и сообщ. – М., 1995. С. 30 – 34.

¹⁸ АВСПО ИВ РАН, ф 44 (фонд А. М. Позднесва), оп 1, д 198 л. 1, д. 203, л. 22.

¹⁹ Там же. л. 22-24.

²⁰ До середины XIX в. Пекин проводил в отношении Внешней Монголии политику полной изоляции от внешнего мира, практически не занимаясь там колонизацией. В конце XIX – начале XX вв. политика изоляции была отменена и началось активное проникновение Китая в Халха-Монголию.

²¹ Фактор Внутренней Монголии в колонизации Северной Монголии для Китая схож с ролью Бурятии для России, хотя полную аналогию

проводить не следует, так как бурятские племена в отличие от внутримонгольских к началу XX в. были более интегрированы в российскую действительность

²² Архив внешней политики Российской Империи, ф. Миссия в Пекине, д. 878, л. 3 – Далее АВП РИ

²³ АВСПО ИВ РАН, ф. 66, д. 2, л. 140 – 141

²⁴ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 566, л. 11.

²⁵ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д. 876, л. 6.

²⁶ Русская ориентация в монгольском обществе имела многовековую историю и выражалась в причудливых сказаниях о “священной северной стране Шамбалы”, населенной праведниками и мудрецами, в народных легендах о возрожденных героях (Амурсана и др.), вернувшихся с севера для освобождения монгольского народа, в ламаистских писаниях о принадлежности дома Романовых, начиная с Екатерины II, к пантеону буддистских святых и пр. Все это не раз отмечалось в работах современников, глубоко и профессионально знавших Монголию, – Ю. Кушелева, Б.М. Гурьева, В. Томилина, А.П. Болобана, А.П. Свечникова, В.Л. Котвича, А.М. Позднеева, П.К. Козлова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Б.Я. Владимирцова, А.В. Бурдукова, Д.П. Першина (Даурского) и многих других. Несмотря на формальное противоречие между Российской (западной) и Монгольской (восточной, кочевой) цивилизациями, монгольское общественное сознание было значительно ближе к “западной” России, чем к “восточному” Китаю. Подобный феномен частично объяснялся политической зависимостью Монголии от Пекина. Однако полностью он не был раскрыт современниками. В этой связи интересна версия о “генетической” памяти монгольского народа, имевшего отчасти и русские корни с периода господства Золотой Орды на Руси

²⁷ Панмонголизм – религиозно-политическое движение за объединение всех монголоязычных племен, создание Великой Монголии и возрождение традиций империи Чингисхана. С XVII в. после включения Монголии в состав Китая и усиления роли ламаизма панмонголизм приобретает черты теократического и антикитайского движения.

²⁸ Белов Е.А. Россия и панмонгольское движение в 1911 – 1912 гг. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч.1. С. 175

²⁹ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д. 409, л. 312

³⁰ Российский государственный военно-исторический архив, ф. 2000, оп. 1, д. 4256, л. 176 – Далее. РГВИА

³¹ АВСПО ИВ РАН, ф. 66, д. 2, л. 144 – 145

³² АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 569, л. 34 – 35

³³ Китай, Монголия, Япония. Сводка сведений, полученных в штабе Иркутского военного округа – Иркутск, 1914. С. 17.

³⁴ АВСПО ИВ РАН, ф. 44, оп. 1, д. 203, л. 8

³⁵ АВСПО ИВ РАН, ф. 66, д. 2, л. 143 – 144

³⁶ Вестник Азии – 1911. № 8. С. 74 – 76.

³⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. – М., 1936. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. С. 271. – Далее МОЭИ.

³⁸ Полный текст письма см. Новый Восток. – 1926. Кн. 13 – 14. С. 253 – 254.

³⁹ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 96, л. 205

⁴⁰ МОЭИ. – М., 1936. Сер. 2. Т. 18. С. 401

⁴¹ Там же. С. 339 – 341

⁴² Новое Время. – 1911. 21 октября

⁴³ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 96, л. 205.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Лузянин С. Г. Монголия, которую мы потеряли // Азия и Африка сегодня. – 1994. № 6. С. 35–37

⁴⁶ Куропаткин А. Н. (1848 – 1925) – в течение 1898 – 1904 гг. был военным министром, выступал за активную политику России на Востоке.

⁴⁷ Кузьмин Ю. В. Русско-монгольские отношения 1911 – 1912 гг. и позиция общественных кругов России // Монголика-III. Из архивов. СПб., 1994. С. 76.

⁴⁸ МОЭИ. – М., 1936. Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. С. 341.

⁴⁹ Там же. С. 339 – 341.

⁵⁰ Московские ведомости. – 1911. 22 июня.

⁵¹ Русское знамя – 1911. 16 декабря

⁵² Речь. – 1911. 30 декабря

⁵³ Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчет. Сессия пятая. – СПб., 1912. Ч. 3. С. 2338 – 2442.

⁵⁴ Китай и Япония. Обзор периодической печати. – 1912. 19 мая, Вестник Азии – 1911. № 3. С. 166.

⁵⁵ Кузьмин Ю. Русско-монгольские отношения и позиция общественных кругов России не были серьезно изучены в Пекине // Монголика-3... С. 77.

⁵⁶ МОЭИ. – М., 1936. Сер. 2. – Ч. 1. С. 234 – 235.

⁵⁷ Новая история Китая. – М., 1972. С. 475 – 527.

⁵⁸ Полевой А. С. Периодическая печать в Китае – Владивосток, 1913. – С. 60–62, 75

⁵⁹ Чжунго бао -- 1911 20 августа (пер.с кит.) // АСПО ИВ РАН, ф.42, оп 1, д.33, л.144, 163.

⁶⁰ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.136, л. 87 -- 88.

⁶¹ Tienfong Chen History of Chinese-Russian Relations. -- Washington. 1957. Р. 79.

⁶² Вестник Азии. -- 1913. № 14 С. 41 -- 42.

⁶³ См. подробнее: Тихвинский С.Л. Сунь Ятсен: Внешнеполитические воззрения и практика. -- М., 1964.

⁶⁴ АВСПО ИВ РАН, ф.97 (Г.Ф. Смыкалов), оп.2, д.23, л.14.

⁶⁵ АВСПО ИВ РАН, ф.97 (Г.Ф. Смыкалов), оп.2, д.33, л.167.

⁶⁶ Там же, д.23, л.187.

⁶⁷ РГИА, ф.560, оп.28, д.443, л.18.

⁶⁸ МОЭИ. -- М., 1936. Сер.2. Т. 19. Ч. 2. С. 367.

⁶⁹ Там же. -- Ч.1. С. 85.

⁷⁰ Там же. -- Ч.2. С. 6 -- 7.

⁷¹ Подробно ход переговоров и обстановка в Урге описаны в мемуарах самого И.Я. Коростовца, изданных им позже в эмиграции. -- См.: Korostovets I.Y. Cinggis Khan zur Sowjetrepublik. -- Berlin, 1926.

⁷² Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1841 -- 1925 гг. -- М., 1927. С. 181.

⁷³ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1841 -- 1925 гг. -- М., 1927. С. 181

⁷⁴ Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1841 -- 1925 гг. -- М., 1927. С. 183.

⁷⁵ Китай и Япония. Обзор периодической печати. -- 1912 № 87 -- 19 мая. С. 35.

⁷⁶ Русское слово. -- 1912. 30 декабря.

⁷⁷ New-York Herald -- 1913. January, 15.

⁷⁸ Китай и Япония. Обзор . -- 1913. № 70. 14 декабря. С. 23 -- 25

⁷⁹ Там же. -- 1912. № 118. 12 декабря. С. 19 -- 20.

⁸⁰ Петербургские ведомости. -- 1912. 4 января.

⁸¹ Китай и Япония. Обзор... -- 1913. № 128. 28 февраля. С. 41 -- 42.

⁸² Там же. № 148. 13 июня. С. 16 -- 17.

⁸³ Там же. № 155. 31 августа. С. 17 -- 20.

⁸⁴ Там же № 139 11 мая. С. 39 -- 40; № 160; 5 октября. С. 24 -- 25.

⁸⁵ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.659, л.51; Вестник Азии. -- 1913. № 13 С. 79 -- 80; Миньцюань бао. 1912. 10 декабря (пер.с кит.)// А.С

Полевой. Периодическая печать в Китае - Владивосток, 1913 С. 77 - 78; Вакт. - 1912. 20 декабря // АВП РИ, ф. Китайский стол, д.450, л.39

⁸⁶ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.136, л. 435 - 436.

⁸⁷ Там же, л. 395

⁸⁸ РГИА, ф.560, оп.28, д.447, л.138

⁸⁹ Белов Е.А. Реакция в Китае на русско-монгольское соглашение 1912 г. // Проблемы Дальнего Востока. - 1994. № 4; см. также: Гомбо Л. Автономит Монголын цэргийн байдал. 1911 - 1919. - Улаанбаатар, 1958. X. 20.

⁹⁰ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.631, л. 32 - 33.

⁹¹ РГИА, ф.560, оп.28, д.449, л. 179 - 180.

⁹² Министерство иностранных дел. Сборник документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 - 2 ноября 1913 гг.). - СПб., 1914. С. 36.

⁹³ Министерство иностранных дел. Сборник документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 - 2 ноября 1913 гг.). - СПб., 1914. С. 36.

⁹⁴ АСПО ИВ РАН, ф.42, оп.1, д.43, л. 43, 49, 52.

⁹⁵ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.136, л. 231 - 232.

⁹⁶ Там же, л. 132.

⁹⁷ Там же, д.137, л. 328 - 329.

⁹⁸ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. 1841 - 1925 гг. - М., 1927. С. 184 - 185.

⁹⁹ Китай и Япония. Обзор.... - 1913. № 167. 23 ноября. С. 20 - 21.

¹⁰⁰ Там же. № 165. 9 ноября. С. 25

¹⁰¹ Daily Express 1913. November, 16

¹⁰² Китай и Япония. Обзор. - 1913. № 164 2 ноября. С. 14 - 15

¹⁰³ Цэрэндорж Б (1868 - 1929) - известный монгольский дипломат, политический деятель, после 1921 г. вошел в состав Народного правительства, в 1924 г. был избран премьер-министром МНР - См. подробнее Хичээнгуй сайд Цэрэндорж. - Улаанбаатар, 1965

¹⁰⁴ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.659, л. 69.

¹⁰⁵ Первый трехмиллионный заем был выдан монголам в рамках миссии Ханда-Дорчжи в августе 1911 г

¹⁰⁶ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д.881, л.43.

¹⁰⁷ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.572, л.79.

¹⁰⁸ Красный архив, 1929, т.6(37) С. 26 - 27

¹⁰⁹ Дальневосточное обозрение. - 1914 5 декабря.

¹¹⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. 6 Ч. 1 С. 426. -

¹¹¹ Там же.

¹¹² РГИА, ф.23, оп.1, д 251, л 36.

¹¹³ Тройственное соглашение об Автономной Монголии // Русско-китайские отношения 1689 – 1916. Официальные документы – М., 1958 С 103.

¹¹⁴ Вестник Азии. – 1915. № 34. С. 244.

¹¹⁵ Нольдэ Б.Э. Международное положение Монголии // Право. – 1915. № 35. С. 2216 – 2236.

¹¹⁶ По соглашению 1912 г. в Урге работал штат российских военных инструкторов по подготовке и обучению монгольских цэриков. К 1915 г в военной школе Хужир-Булун под Ургой прошло обучение 3,5 тыс монгольских солдат и 60 младших командиров, составивших ядро будущей монгольской национальной армии. Большая часть обученных цэриков была отправлена Ургинским правительством во Внутреннюю Монголию на поддержку идущего там освободительного антикитайского движения, причем это осуществлялось монгольским руководством без ведома Петербурга, т.к. отношение последнего к такой “помощи” было отрицательным. 20 октября 1916 г. русско-монгольское военное соглашение было продлено на новый срок и ежегодный набор в школу был увеличен с 400 до 1000 цэриков. Процесс создания армии в ламаистской стране имел свои особенности, т.к большая часть населения отрицательно относилась к военному делу и набор в монгольскую армию происходил за счет нетрадиционных социальных групп, изначально оппозиционных теократическому режиму. – См.. Гомбо Л Автономит Монголийн цэргийн байдал. 1911 – 1919. – Уланбаатар, 1958.

¹¹⁷ В рамках миссии С.А. Козина в 1915 - 1917 гг. была организована работа пяти научных экспедиций по исследованию природных ресурсов Монголии созданы телефонная сеть в Урге. телеграфная линия Кяхта – Удэ, налажена работа электростанции, начата разработка угольных залежей в Налайхе около Урги и т.д. Впервые в Урге была учреждена санитарная служба. Деятельность С.А. Козина по степени влияния на ургинское правительство, несмотря на ее формально финансовый характер, несомненно, носила политический оттенок и была важным административным рычагом России в Монголии После С.А. Козина (1879 – 1956), впоследствии известного советского ученого-монголоведа, эту должность с 1917 г по 1918 г. занимал барон Б В Вигте. После октября 1918 г. должность была упразднена монгольским правительством (АВПРИ, ф Китайский стол, д 730. оп 491, л 19, д.3090, л 233, 283)

¹¹⁸ АВПРИ, ф Китайский стол, д 3089, л 125, 129

¹¹⁹ РГИА, ф. 23, оп. 11, д. 515, л. 1

¹²⁰ История учреждения банка относится к 1912 г., когда 3 октября 1912 г. в Урге между российскими коммерсантами Д.В. Юферовым, В.С. Завойко и ургинским правительством была подписана концессия об учреждении частного банка. Вскоре выяснилось, что за концессией стоит крупный английский капитал, сам Юферов в докладной записке на имя министра торговли и промышленности России подтвердил данный факт. Российское правительство покупает концессию Юферова за 200 тыс. руб., отстранив английских конкурентов. – См.: РГИА, ф. 1276, оп. 7, д. 464, л. 235.

¹²¹ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 3087, л. 52.

¹²² РГИА, ф. 23, оп. 11, д. 515, л. 1.

¹²³ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 3087, л. 217.

¹²⁴ РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 235, л. 8.

¹²⁵ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 3087, л. 37 – 38.

¹²⁶ РГИА, ф. 23, оп. 11, д. 267, л. 146.

¹²⁷ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 645, л. 3.

¹²⁸ Там же, л. 10.

¹²⁹ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 140, л. 2 – 3.

¹³⁰ Там же, д. 3081, л. 281 – 286.

¹³¹ Там же, д. 671, л. 2.

¹³² Там же, д. 751, л. 2.

¹³³ Там же, д. 140, л. 28.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ В течение 1915 г. при загадочных обстоятельствах скончались сразу три министра из светских князей, ориентировавшихся на Россию, – министр иностранных дел Ханддорж, министр финансов – Тушету-ван и князь Цзасакту-хан. Российский консул предполагал, что они стали жертвой заговора придворных лам. Характерно, что члены враждующих группировок умирали от отравленной одежды, обуви, пропитанных ядом повордеев и пр. Сам Богдо едва не был отравлен придворным врачом, после чего его здоровье окончательно ухудшилось, он потерял остатки зрения, мало двигался. – См.: АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 568, л. 97.

¹³⁶ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 568, л. 87 – 88.

¹³⁷ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 334, л. 44.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ АВП РИ, ф. Китайский стол, д. 569, л. 31.

¹⁴⁰ АВП РИ, ф. Консульство в Урге, оп. 732, д. 25, л. 148.

¹⁴¹ Там же, л. 148 – 149.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ С середины XIX в. Монголия являлась основным убежищем и "транзитной" зоной для эмигрантов в Китай и другие страны, в том числе для российских революционеров всех оттенков и направлений - от народников, анархистов и большевиков. В начале XX в. здесь укрепились социал-демократы большевистской ориентации, создавшие в 1905 г. в пограничном г. Троицкосавске социал-демократическую группу в составе К. Москова, П.Ф. Парнякова, И.В. Барина, Ц. Ранжурова, М.И. Кучеренко, И.Н. Черепанова, В.Н. Чайванова и др. (см. подробнее: Даревская Е.М. Политические ссыльные Сибири в Монголии // Ссыльные революционеры в Сибири. - Иркутск, 1974. Вып.2. С. 91 - 121). После Февральской революции М.И. Кучеренко, Я.В. Гембаржевский, В.Н. Чайванов, С.И. Попов, И.А. Сороковиков и другие создают в Урге нелегальную большевистскую организацию. Одновременно, в противовес генконсульству создается легальный Ургинский исполком, куда кроме большевиков входили представители других политических течений. К концу 1917 г. исполком заменяется Ургинским общественным самоуправлением (управой), в которой большевики имели уже подавляющее большинство. - См. подробнее: Даревская Е.М. Февральская революция в России и русская колония в Урге // Труды Иркутского государственного университета. - 1958. Вып.1. Т. 25. С. 15 - 65.

¹⁴⁴ ГАРФ, ф.200 (Дипломатическая канцелярия Омского Сибирского Временного правительства), оп.1, д.453, л. 29 - 30.

¹⁴⁵ АВП РИ, ф. Китайский стол, д.3081, л.335.

¹⁴⁶ ГАРФ, ф.200, оп.491, д.724, л. 324 - 326

¹⁴⁷ Там же, л. 324 - 326, 329.

¹⁴⁸ С.А. Козин в 1917 г. даже расширил аппарат, создав Управление по реформам и госимуществу автономной Монголии, в которое вошли способные монгольские чиновники и князья, отдельные министры.

¹⁴⁹ ГАРФ, ф. 200, оп.1, д.480, л. 30 - 31

¹⁵⁰ Там же, д.453, л.28, 36.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² См. подробнее: Нежинский Л.Н. Идея "мировой революции" и внешняя политика советского государства в 1917 - 1921 гг. // Советская внешняя политика 1917 - 1945. Поиски новых подходов - М., 1992; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 - ноябрь 1918 гг. - М., 1992.

¹⁵³ ГАРФ, ф. 200, оп.1, д.453, л.28, д.477, л.2

¹⁵⁴ Архив внешней политики Российской Федерации, ф.111, Референтура по Монголии, оп.1, пап.1, л.1 - Далее: АВП РФ.

¹⁵⁵ Документы Внешней Политики СССР – М, Т С 34 – 35 – Далее. ДВП СССР.

¹⁵⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф.495, оп.154, д.53, л.101 – Далее: РЦХИДНИ.

¹⁵⁷ РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.1, л.2

¹⁵⁸ ГАРФ, ф.200, оп.1, д.474, л.6 – 7

¹⁵⁹ Там же, д.448, л.25, д.453, л.40, 48 – 49.

¹⁶⁰ Там же, д.453, л.40, л.48 – 49. Версия о использовании большевиками монгольского вопроса в обмен на китайскую помощь подтверждается другим документом – Запиской Читинской нар. думы (1919 г.), в которой, в частности, говорилось: “Предложение (большевикам. – С Л) об аннулировании автономии Внешней Монголии было предъявлено Китаем в конце июля 1918 г. через Маймаченского пограничного комиссара Чжан Цинхуна, причем Китай в виде компенсации за аннулирование автономии, предлагал Центро-Сибири доставку снаряжения, продовольствия и оружия для Красной Армии...”. – См.: АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д.361, л.80.

¹⁶¹ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д.361, л.7

¹⁶² Там же, оп.188, д.866-ОП, л.3

¹⁶³ Там же, оп.188, д.866-ОП, л.6

¹⁶⁴ ГАРФ, ф.200, оп.1, д.475, л.37.

¹⁶⁵ Там же, л.3.

¹⁶⁶ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д.361, л.11.

¹⁶⁷ Там же, оп.761, д.334, л.2.

¹⁶⁸ В 1916 г. России удалось заставить Токио отказаться от строительства ветки до Урги. – См.: АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д.648, л.8.

¹⁶⁹ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, д.649, л.2.

¹⁷⁰ АВП РИ, оп.761, д.124, л.15

¹⁷¹ ГАРФ, ф.200, оп.1, д.477, л.127

¹⁷² Следует отметить, что террор и репрессии в период гражданской войны в Туве, как и на остальной части бывшей Российской империи, носили обоюдный характер, отличаясь взаимной бессмысленностью и жесткостью

¹⁷³ ГАРФ, ф.200, оп.1, д.477, л.127 – 128.

¹⁷⁴ Там же, л.128.

¹⁷⁵ Там же, д.478, л.79.

¹⁷⁶ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, оп.761/4, д.887, л.85 – 86

¹⁷⁷ Специфику монголо-бурятских отношений того времени характеризует произошедший осенью 1918 г. случай, когда Богдо-гэгэн обратился к читинским властям с просьбой выдать ему статую Будды, вывезенную казаками-бурятами из Китая в период

восстания ихэтуаней (1900 г.) и хранящуюся в монастыре Игетуй около Даурии. Буряты после обсуждения вопроса на съезде в Верхнеудинске отклонили просьбу, послав делегацию в Ургу. Прибывшую делегацию Богдо не принял, предложив ей совершить молитвы на площади наравне с другими паломниками. - См.: АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761/4, д. 887, л. 72.

¹⁷⁸ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 78, д. 477, л. 3 - 4

¹⁷⁹ Каллиников А. Революционная Монголия - М., 1925. С. 68 - 69.

¹⁸⁰ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 1, л. 12

¹⁸¹ Там же, оп. 152, д. 1, л. 13.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 478, л. 167; д. 405, л. 63.

¹⁸⁴ АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 334, л. 40; д. 361, л. 50.

¹⁸⁵ РХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 1, л. 31

¹⁸⁶ Роль и значение МКД в становлении и развитии МНРП. - М. - У.-Б., 1978. С. 76.

¹⁸⁷ АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 261/4, д. 888, л. 22.

¹⁸⁸ Подробнее. Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 г. - М., 1971. История советско-монгольских отношений. - М., 1981. - С. 25 - 27.

¹⁸⁹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, л. 480, л. 7

¹⁹⁰ АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 334, л. 20

¹⁹¹ Там же, л. 12.

¹⁹² ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 407, л. 13

¹⁹³ АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 334, л. 29.

¹⁹⁴ Там же, оп. 761/4, д. 57, л. 7.

¹⁹⁵ Там же, д. 649, л. 7.

¹⁹⁶ Там же, оп. 761/4, д. 57, л. 44

¹⁹⁷ Там же, оп. 761, д. 334, л. 34.

¹⁹⁸ Там же, л. 44

¹⁹⁹ Гуньян бао. - 1919 17 июля (пер. с кит.) // АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 334, л. 60.

²⁰⁰ АВПР, ф. Референтура по Китаю, оп. 3, пап. 1, д. 2, л. 1 - 2.

²⁰¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 475, л. 5

²⁰² АВПР, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 334, л. 73.

²⁰³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 475, л. 4.

²⁰⁴ История МНР. - М., 1983 (3-е изд.). С. 236 - 237.

ГЛАВА III.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛИИ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ТЕОКРАТИИ К РЕСПУБЛИКЕ (1919 - 1924 гг.)

§ 1. Советская Россия, Коминтерн и Монгольская революция 1921 г.: международно-политические и дипломатические аспекты

Подготовка и проведение Монгольской революции 1921 г. явились составной частью общего процесса социального “взрыва” на гигантском пространстве бывшей Российской империи и сопредельных России дальневосточных территорий – бывших “зон” российского влияния. Все они в той или иной степени оказались вовлеченными в общероссийские процессы советизации, гражданской войны, разрушения старых и создания новых политических структур и т.д.

С начала и к концу 1919 г. военно-политическая ситуация вокруг Внешней Монголии ввиду восстановления над ней сюзеренитета Китая, устранения Омского правительства, усиления японского влияния заставила Советскую Россию и Коминтерн¹ серьезно скорректировать свои позиции в Монголии, в частности, относительно китайской агрессии в Монголии. В декабре 1919 г. в одном из циркуляров Восточного отдела ИККИ говорилось: “В настоящее время, когда Внешняя Монголия утратила свою автономию и превратилась в китайскую провинцию, необходимо выяснить значение этого события для Российской Республики. . возрождение Барги, Внутренней Монголии создало бы для России государственный буфер простирающийся с запада на восток на 3,5 тыс. верст, который в случае осложнений с Китаем не позволит последнему быстро перебросить войска к русской границе. Наоборот, колониальное положе-

ние Монголии выгодно Китаю, т.е. с русской точки зрения нам следует принять все меры к возрождению автономии Монголии”².

Помимо стратегических соображений, при анализе монгольского фактора советское руководство учитывало и обстоятельство “революционной целесообразности”. Причем, уже на данном этапе Коминтерн предлагал использовать в Монголии. 1) панмонголистскую основу для революционного движения, что дало бы “положительный материал к .. пробуждению национального самосознания монголов”; 2) тактику единого фронта “всех слоев населения Монголии на почве активной революционной борьбы с кигайским империализмом”. “Левые” лозунги на разжигание классовой борьбы внутри Монголии между аратами и князьями и организацию совдепов Коминтерн считал преждевременными, сохраняя их на будущее³.

Стратегически Китай оставался соперником Советской России, но тактически, в конце 1919 г - начале 1920 г., коминтерновское руководство рассматривало его как возможного временного союзника в борьбе с семеновским режимом и влиянием “старой” России.

1 марта 1920 г основные дипломатические функции перешли из рук консульства в руки большевистской Управы⁴ и избранной городской думы русской ургинской колонии. По этому поводу председатель Управы большевик В. Чайванов сообщал уполномоченному НКВД Я.Д. Янсону: “1 марта собралась новая Дума. Состав чисто пролетарский. Дума необходима, как учреждение, против которого ничего не имеют местные китайские власти, которые в борьбе с местными консулами и буржуазией фактически нам помогают”. Далее он приводит факты выдачи китайскими властями ургинской думе (по согласованию с Пекином) семеновских офицеров (Соломахо и др.), расстрелянных вскоре местными большевиками⁵. Пекинское правительство через своих ургинских представителей фактически блокировало русско-монгольскую границу для белогвардейских отрядов, которые при отступлении обходили монгольскую столицу, опасаясь попасть в руки китайских властей и ургинских большевиков.

14 января 1920 г. городские власти г. Троицкосавска во главе с председателем Думы А.Г. Эповым, опасаясь репрессий как со стороны большевиков, так и семеновцев, обратились к китайским властям в кяхтинском Маймачене с просьбой ввести войска в город и взять его “под охрану”. В этот период обстановка в городе и его окрестностях была действительно сложная. Политическая неразбериха, расстрелы, грабежи, обоюдная “партизанщина” и прочие атрибуты гражданской войны – все это имело место в погранич-

ном с Монголией городе⁶ Китайские власти, с большим энтузиазмом принявшие предложение, в середине января 1920 г заняли город, а также “красные казармы”, расположенные между Троицкосавском и кяхтинским Маймаченом, вытеснив оттуда семеновские отряды

25 марта 1920 г. в Кяхте состоялись переговоры между большевистскими представителями Г. Краснощековым (Сибревком), Мальковым, Ивановым (Троицкосавская управа) и китайской делегацией во главе с Чэнь И. После обсуждения вопроса о занятии Китаем г. Троицкосавска было решено: 1) “оставить . временно китайские войска на русской территории для сохранения спокойствия . от могущих быть беспорядков”; 2) обязать китайских чиновников в Кяхте не препятствовать русско-монгольской торговле⁷ Быстрое разрешение пограничного “конфликта” объяснялось намерением советского руководства использовать китайский фактор в гражданской войне⁸.

В апреле 1920 г. между Восточным отделом Коминтерна и монгольскими революционерами через И.А. Сорокикова была налажена постоянная связь. В Кяхте в этот период находился уполномоченный НКВД И. Макстенок, который в середине июня 1920 г. принял у себя монгольских революционеров С. Данзана и Чойбалсана, прибывших из Урги с рекомендательными письмами от М. Кучеренко. Одновременно И. Макстенок сумел “сагитировать” влиятельного князя Сумья-Бейсе, который со своим хошуном перешел на территорию Советской России и расположился вблизи г. Троицкосавска, создав основу для первого революционного отряда монгольских цэриков, сформированного на советской территории.

В начале июня 1920 г. в коминтерновском и советском руководстве принимается решение о создании специального органа в структуре Сиббюро ЦК РКП(б) по руководству всей легальной и нелегальной революционной работой в сопредельных дальневосточных регионах¹¹. В июле 1920 г. была образована секция восточных народов (далее СВН) и ее монголо-тибетский отдел¹², базировавшаяся в г. Иркутске, рядом с предполагаемой “зоной” деятельности. Секция, являвшаяся фактически филиалом Коминтерна, была основным центром “революционной дипломатии” в сопредельных странах Дальнего Востока. В задачи секции входило: подготовка и организация коммунистических групп и партий в Китае, Японии, Корее и Монголии; военно-техническая и идеологическая помощь оппозиционным силам (не обязательно коммунистическим) в этих странах, подготовка профессиональных революционеров из числа национальных кадров. В инструкции также говорилось: “По мере

подготовки (коммунистических групп – СЛ) секция перебрасывает их в соответствующие страны для организации и ведения работы на местах, как партий самостоятельных, предварительно представляя их на утверждение в ЦК и через него Коминтерну”¹³.

В конце июля 1920 г. в Ургу прибывает представитель монголо-тибетского отдела С.С. Борисов, который совместно с местными большевиками готовил монголов к поездке в Советскую Россию. С.С. Борисов завязал также контакты с влиятельным высшим ламой при дворе Джалханцзой-хутухтой, через посредничество которого удалось получить “Письмо – обращение от князей и монахов Внешней Монголии уполномоченному российского правительства” за подписью и с печатью Богдо-гэгэна¹⁴. Письмо, в частности, содержало следующее положение: “Мы (князья и ламы. – СЛ) желали бы . . . образовать самостоятельное небольшое государство, возвести Богдо в цари, вручив ему управление верой и государством, уничтожив фразу в тройном договоре, где говорится, что Монголия является частью китайской территории и стать совершенно не зависимыми от срединной республики. . . мы просим учесть эти обстоятельства и оказать непременно помощь и защиту. Года Белой Обезьяны, 6-й луны, 11-го дня”¹⁵.

16 августа 1920 г. в Иркутск пребывает монгольская делегация в составе: С. Данзан (руководитель), Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Бодо, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан и Д. Сухэ-Батор, переводчиком к ним был назначен Э.Д. Ринчино. 17 августа делегаты были приняты уполномоченными НКВД и руководителем секции восточных народов Ф.И. Гапоном¹⁶.

В ряде западных публикаций прочно утвердился тезис об ~~изначальной~~ подчиненности монгольской революционной партии Коминтерну и Советской России, что, по мнению авторов, снимало вопрос о собственной монгольской позиции по вопросам внешней политики или иным проблемам¹⁷. Вместе с тем, несмотря на существовавшую зависимость, монгольское революционное руководство не только имело собственный подход к внешнеполитическим проблемам, отличавшийся от позиции Коминтерна или теократической монгольской элиты, но и прошло существенную эволюцию в своих взглядах.

Впервые в оформленном виде монголы-революционеры изложили свою внешнеполитическую программу в августе 1920 г. в ходе переговоров в Иркутске с Ф.И. Гапоном. Данзан на первой же встрече заявил: “1) Нарревпартия Внешней Монголии¹⁸ в противовес задачам господствующих классов и групп – князей и высшего духовенства, требующих независимости от Китая, стремится к восстановлению автономии Внешней Монголии на основе тройственного русско-монголо-китайского до-

говора 1915 г. в Кяхте с некоторыми изъятиями в смысле расширения автономии и уничтожения двойного протектората над Внешней Монголией со стороны России и Китая. 2) Для выполнения намеченных задач Нарревпартия имеет намерения установить тесную связь и контакт с революционными группами и организациями Китая с одновременным обращением за помощью к правительству Советской России; причем помощь эту Нарревпартия мыслит в следующих формах. а) дипломатическое воздействие на Китай .. б) необходимый комплект оружия для двух конных дивизий и командирование военных инструкторов, в) 6 - 7 млн. ланов в виде займа"¹⁹. Одновременно Данзан изложил Ф.И. Гапону панмонгольскую программу, совпадавшую с традиционными подходами "старого" теократического руководства. "Нарревпартия, — сказал он, — интересуется отношением Советского правительства к следующим вопросам: а) урянхайскому вопросу; б) русско-монгольскому договору 1912 г.; в) объединению всей Монголии — Внутренней, Западной, Верхней (Внешней — СЛ), Барги, так как Нарревпартия имеет в виду распространение своего влияния на все части Монголии и объединение их в будущем в одно государство, связанное с Китаем в той или иной форме федерации или автономии"²⁰

В ходе обмена мнениями по предложенной монголами программе Ф.И. Гапон обратил внимание на разночтения между "Обращением" Богдо-гэгэна и заявлением делегатов о борьбе за автономию без разрыва с Китаем. В ответ Данзан подчеркнул, что никакого отношения его делегация к письму не имеет, которое отражает точку зрения князей, отличную от мнения "всего монгольского народа". Советские представители подняли также вопрос о формах антикитайской борьбы в Монголии и необходимости прямой военной помощи (введения частей Красной Армии) Советской России. На что делегаты ответили, что антикитайское движение начинать необходимо, но без прямого участия Красной Армии, силами самих монголов, ограничиваясь военно-технической и инструкторской помощью с советской стороны

Оценивая состоявшиеся переговоры, Ф.И. Гапон в донесении предсибревкома Смирнову от 26 августа 1920 г. отмечал, что часть делегатов ставила вопрос не только о борьбе с Китаем, но и с местными князьями и хутухтами, а часть делегатов была против этого. Гапон в связи с этим предлагал снять вопрос о "разжигании борьбы между самими монголами", рассматривавшийся до этого в коминтерновских структурах. Одновременно он отметил, что "оказание помощи (монголам — СЛ) должно быть настолько осторожным, чтобы исключить возможность видимости этого для Китая"²¹. Советские власти не хотели в этот период портить отношения с китайским режимом из-за Монголии и открыто "включаться" в монгольские дела

В Москве в беседах наркома Г.В. Чичерина и Я.Д. Янсона с делегацией Данзана были вновь подняты "иркутские" сюжеты и обещана военно-финансовая помощь оружием, кредитами, обмундированием и пр. Новым моментом московских переговоров было обсуждение вопроса, поднятого прибывшим с монголами Э. Ринчино, о бурятской автономии в контексте развития монгольских событий. Ринчино, которого поддержал и Я. Янсон, а также заместитель наркома Л.М. Карахан, предложил предоставить Бурятии право отделиться от России и в качестве автономной единицы войти в состав Монголии с перспективой вхождения в Китайскую Федерацию в расчете на углубление революции в Китае. Э. Ринчино убеждал Г. Чичерина в том, что это даст возможность "использовать бурятских автономистов для дипломатических комбинаций в Китае в монгольском вопросе"²². После отъезда монгольской делегации Янсон и Карахан выходили с данным проектом в наркомат по делам национальностей, но не получили там поддержки.

Идея "Китайской Федерации", прозвучавшая на переговорах в Иркутске и Москве, была вновь обозначена в "Платформе" (программе) Монгольской народной партии, принятой 1–3 марта 1921 г. в г. Кяхте. В ней, в частности, говорилось: "МНП стремится в будущем, объединив все монгольские народы, создать единое государство; ныне - сбросив жестокий китайский гнет, восстановить власть недавно уничтоженной автономной Внешней Монголии (п. 2)". В следующем пункте говорилось о том, что поскольку Китай населяют многие народы, различные по происхождению и вероисповеданию, то его следовало бы разделить на несколько независимых государств - Южный Китай, Северный Китай, Сычуань, Тибет, Туркестан, Маньчжурию, Монголию, которые были бы "связаны договором о взаимопомощи. Это было бы договорное (федеративное) Среднее государство, которое могло бы успешно бороться с внешними империалистическими хищниками. МНП за участие Монголии в таком государстве"²³.

В другом документе - "Обращении ЦК МНП ко всему китайскому народу, китайской компартии, профсоюзам, студенчеству и всем революционным группам Китая" от 25 марта 1921 г. - идея "федерации" рассматривалась в связи с ожидаемыми успехами революционного движения в Китае и "освобождения его от власти империалистов и дудзюнов (провинциальных милитаристов. - С.Л.)"²⁴.

Таким образом, внешнеполитическая позиция монгольских революционеров с июля 1920 г. до марта 1921 г. определялась двумя моментами: во-первых, революционной целесообразностью сближения МНП с национально-революционным движением в Китае, влиянием на них "старой" Кяхтинской системы с ее компромиссной фор-

мой тройственных отношений и автономным статусом Внешней Монголии. Во-вторых, ставкой на Советскую Россию и Коминтерн как реальную силу в осуществлении намеченной программы. Оба этих пункта дополнялись четкой панмонгольской программой, выдержанной в традиционном духе.

Осенью 1920 г. политическая ситуация в Монголии резко меняется. В октябре азиатская дивизия барона Унгерна²⁵ переходит монгольскую границу и движется на Ургу. Первый штурм (4 ноября 1920 г.) был неудачен, и китайские власти сумели организовать оборону, но зато второй поход из Восточной Монголии при поддержке монгольских князей и аратства (декабрь 1920 г. – февраль 1921 г.) закончился взятием Урги, изгнанием оттуда китайцев, которые вместе с Чэнь И бежали в г. Кяхту. Унгерн 26 февраля 1921 г. возводит на престол низложенного китайцами Богдо-гэгэна, восстанавливая на короткий период теократию в Монголии.

Унгерновский фактор ускорил ход событий. Унгерн, устранив Китай из Монголии, превратил ее в потенциальную “зону” для российской гражданской войны. Советское руководство теперь могло ориентировать свою монгольскую политику не только на цели освобождения монгольского народа от китайского и унгерновского режимов, но и на уничтожение классового врага на чужой территории, расширяя, таким образом, революционный плацдарм на Востоке.

В конце сентября 1920 г. в Ургу был командирован сотрудник монголо-тибетского отдела Гершевич для подготовки учредительной конференции монгольской нарреспублики, но изменившаяся обстановка в Монголии (походы Унгерна) не позволили реализовать задуманное²⁶. 15 ноября 1920 г. на заседании секции восточных народов был заслушан доклад Ф.И. Гапона “О руководстве революционным движением в Монголии”, а 17 ноября того же года совместно с прибывшими из Москвы монгольскими революционерами здесь же состоялось обсуждение дальнейших перспектив советско-монгольского сотрудничества²⁷. Одновременно, в конце ноября советское правительство передает на текущую работу в Монголии в распоряжение монголо-тибетского отдела 150 т серебра и 100 тыс. долл., а также оружие, провиант, обмундирование²⁸. В конце ноября С.С. Борисов выступает в отделе с тезисами “Принципы и пути революционной работы в Монголии”, которые и были приняты за основу на ближайший период. В частности, было решено перенести из Урги в пограничную Кяхту центр подготовительной работы, а также активно подключать к монгольским делам бурятских революционеров из Забайкалья²⁹.

В декабре 1920 г. на очередном заседании секции восточных народов была принята следующая программа действий: “1) создание

единого монгольского национального фронта для борьбы с китайским империализмом, 2) формирование монгольских партизанских отрядов и снабжение их оружием и инструкторами, 3) соблюдение монгольскими партизанскими отрядами нейтралитета в ходе борьбы между китайцами и унгерновцами-семеновцами, при каждом удобном случае выступать против ослабленных частей и тех, и других; 4) агитация среди семеновского-унгерновских отрядов, состоявших в основном из башкир, татар, алтайцев, бурято-монголов; 5) установить связь с Баргой и Внутренней Монголией”³⁰.

15 января 1921 г. Ф.И. Гапон сообщает в Москву заместителю наркома Л.М. Карахану, что секция восточных народов уже мобилизовала из числа бурят, алтайцев, калмыков и тувинцев более 1000 человек для военно-партизанских отрядов в Монголии. Одновременно, монгольская делегация, находившаяся еще в Иркутске после возвращения из Москвы, по словам Ф. Гапона, “получила 150 тыс. рублей золотом и оружие”, обещанные ей ранее советским руководством³¹.

В январе – феврале 1921 г. по инициативе Б.З. Шумяцкого происходили реорганизация секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) и создание новой, более мощной структуры – Дальневосточного секретариата Коминтерна. По поводу этой реорганизации Б. Шумяцкий сообщал в исполком Коминтерна в письме Кабецкому от 26 февраля 1921 г. следующее: “С этой целью я решил объединить все конкурирующие между собой коммунистические организации – как корейские, так и китайские, превратив их в единые секции секретариата. Центр тяжести мы переносим на места дальневосточных стран”³². Задачи деятельности монголо-тибетского отдела³³ в рамках секретариата Б. Шумяцкий оценивал в тот период следующим образом: “Монгольская работа, – писал он Кабецкому, – имеет 2 первоочередных задания: организационное усиление монгольской народной революционной партии, которая на днях должна захватить власть, провозгласить действительную независимость Монголии и начать партизанскую борьбу против нашествия белобанд Унгерна и реакционных монголохозяев; и организацию ее боевых партизанских сил”³⁴.

10 февраля 1921 г. Дальневосточный секретариат постановил: “Захват Унгерном Монголии создает угрозу потери Коминтерном и Советской Россией их революционной базы. Японией создается черный буфер из Приморской области с Семеновым, Маньчжурии с генералом Чжан Цзолинем, Монголии с бароном Унгерном. боевой задачей Коминтерна и Советской России является разрушение этого буфера, по крайней мере его монгольского звена”³⁵.

Содержание резолюции секретариата перекликалось с сообщениями из Урги, в которых говорилось об усилении влияния япон-

цев во Внешней Монголии, нащупывавших почву для соглашения с монгольскими князьями, о разгроме ургинской революционной группы монголов и большевистских организаций в Урге, о невозможности подъема силами одних монголов освободительного движения внутри страны³⁶. Акцент в революционно-подпольной работе все больше смещался в приграничные зоны Кяхты, Троицкосавска и Иркутска. 1 – 3 марта 1921 г. в Кяхте состоялся учредительный съезд МНП, избравший ее председателем Д. Бодо, а 13 марта – Временное народное правительство в составе: Д. Сухэ-Батор, Д. Бодо, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан, Беликсайхан, Сумья-Бейсе; были приняты первые официальные документы – “Обращение народного правительства к монгольскому народу”, “Обращение к правительству РСФСР”, ультиматум китайским властям и др.³⁷.

Советским руководством настойчиво побуждалось создание монгольских государственно-политических институтов (партия, временное правительство, монгольская армия и пр.). В кяхтинский период советско-монгольские отношения развивались при жестком давлении со стороны Дальневосточного секретариата на монголов, что частично объяснялось сложной обстановкой в самой Монголии. Специфику ранних советско-монгольских контактов ярко передает секретное донесение Б. Шумяцкого от 17 марта 1921 г. В.И. Ленину, Г.В. Чичерину, Кобецкому, Я. Янсону и другим руководителям. Шумяцкий пишет: “Мною были даны монгольской нарревпартии директивы форсировать образование монгольского правительства и занятие красномонголами Маймачена³⁸, выпуск Манифеста к монгольскому народу и официальное обращение к РСФСР с просьбой изъять территорию Монголии от белобандитов. Я потребовал от монгольского руководства занятия Маймачена, чтобы тем самым двинуть монгольские отряды против Унгерна, Комаровского и других и вывести нас из фальшивого положения и дав возможность свободы действий. Нарревпартия, – продолжает далее Шумяцкий, – в том вопросе последнее время колебалась, настаивая на проявлении активности со стороны наших частей, имея в виду лишь затем оказать им поддержку. Это означало, что нарревпартия пыталась уйти от борьбы с белогвардейцами, перенеся центр тяжести ее на китайские части, которые никакой угрозы и военной силы не представляют”³⁹.

Подобные колебания монголов были не случайны – умеренно настроенная часть монгольского революционного руководства из бывших лам и князей воспринимала антикитайскую борьбу (взятие Маймачена и т.д.) как свое кровное дело, в то время как войну против Унгерна, изгнавшего китайцев и восстановившего монгольскую теократию, оцени-

вала как искусственное "мероприятие", навязанное Коминтерном Их негативное восприятие Коминтерна усиливалось тем, что военные столкновения с отрядами барона, состоявшими на 90% из монголов и близких им народностей, означали фактически начало гражданской войны между красными и "белыми" монголами

Несмотря на колебания, монгольское руководство подчинилось секретариату. В телеграмме Временного монгольского правительства Б. Шумяцкому и С.С. Борисову от 14 марта 1921 г. говорилось. "Активность будет проявляться. . как по отношению к китайцам, так и русским бело-гвардейцам. Задержка в занятии Маймачена зависит исключительно от Советской России, от которой до сих пор не получена артиллерия. Заверение в нашей непоколебимой ориентации на Советскую Россию было передано Макстенеку от 7 марта. Обвинение партии в колебании и пассивности совершенно неосновательно, категорически просим с нас снять это обвинение и заявляем, что со стороны Наревпартии никаких колебаний не будет. Сухэ-Батор, Бадорчжин. 14 марта. г. Троицкосавск"⁴⁰

20 февраля 1921 г. Кяхте между И.О. Макстенеком и китайским представителем в Монголии Чэнь И состоялись переговоры по вопросу эвакуации через Дальневосточную Республику (ДВР) китайских беженцев из Монголии, спасавшихся от Унгерна. Чэнь И заверил советского представителя, что если "коридор будет предоставлен Советской Россией . то борьба с Унгерном (со стороны Китая) возобновится летом", одновременно он не возражал против действий Советской России в Монголии и вступления частей Красной Армии в ее пределы.⁴¹ С советской стороны переговоры носили формальный характер, так как Дальневосточный секретариат к этому времени рассматривал устранение Унгерна из Монголии как чисто советско-монгольскую акцию, без участия Китая, для реализации которой велась интенсивная подготовка в районе Кяхты, а "разрешение" Китая на ввод войск в Монголию уже по большому счету для Коминтерна не требовалось.

18 марта 1921 г. отряды Сухэ-Батора взяли кяхтинский Маймачен⁴², а оставшаяся часть китайцев во главе с Чэнь И эвакуировалась через ДВР в Маньчжурию

В военном отношении существовало два варианта уничтожения азиатской дивизии Унгерна. Б.З. Шумяцкий еще в декабре 1920 г. предложил план разгрома Унгерна в районе советско-монгольской границы, используя в качестве "приманки" монгольские революционные отряды. "Этот план, - отмечал он в одном из писем Г. Чичерину, - позволил бы избежать .изнурительного и не нужного для Советской России похода на Ургу"⁴³. План другого подхода, разработанный в правительстве ДВР, наоборот, предусматривал военную экспедицию на столицу Внешней Монголии⁴⁴.

Подобные расхождения были лишь частью более широкой дискуссии в советском руководстве по вопросу о целесообразности “революционизации” Монголии. Так, 1 июня 1921 г. на совместном заседании Дальбюро ЦК РКП(б), представителей НКВД РСФСР, Реввоенсовета 5-й армии и правительства ДВР развернулась острейшая полемика по проблеме монгольской революционной политики. Часть руководства ДВР – заместитель премьер-министра Н.М. Матвеев, а также командарм 5-й армии А. Матиясевич были категорически против обсуждавшегося на совещании плана военного похода на Ургу, называя его “недоброкачественной политической авантюрой”⁴⁵. Командарм, в частности, сказал: “Занятие Урги – это одно, об Унгерне – другое. Унгерн в военном отношении нам не грозит. Вопрос об Унгерне надо отделить от захвата Урги – это вопрос дипломатический”⁴⁶.

Другая группа политиков – премьер-министр ДВР Г. Краснощеков, военный министр ДВР Н. Буров, наоборот, считали, что занятие Урги необходимо именно с политической точки зрения в целях поддержки революционного движения в Монголии и Китае. В итоговой резолюции было записано: “а) монгольская операция важна как демонстрация силы ДВР и Советской России, как обеспечение нашего тыла и как метод противодействия Чжан Цзолиню и подготовки революционных сил Китая и Монголии, б) цель – полный разгром Унгерна... “чистка” Урги, пограничных районов и установление там национальной монгольской власти, в) власть должна быть национальной, а не советской и ставить целью не самостоятельность Монголии, а установление автономии на федеративных началах с Китаем”⁴⁷.

При голосовании резолюции “за” были все члены Дальбюро ЦК РКП(б), военный министр ДВР Н. Буров, представители НКВД “Против” – Н. Матвеев, командарм А. Матиясевич и главком Н. Лапин⁴⁸.

В Москве решение о “революционном походе” прошло более спокойно. 16 июня 1921 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) была утверждена директива о введении частей Красной Армии в Монголию. Из состава 5-й армии был выделен экспедиционный корпус под командованием Г.М. Черемисинова и К.А. Неймана, который совместно с монгольскими цэриками Сухэ-Батора 28 июня 1921 г. из г. Кяхты двинулся на Ургу.

В этот же период (в июне 1921 г.) монгольское революционное руководство отправляет очередную (вторую) группу в Москву в составе Бекзеева (Ц. Жамцарано) и Хорлоо, которая должна была

решить ряд принципиальных вопросов будущих советско-монгольских отношений

1 июля 1921 г. делегатов принял нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин⁴⁹. В ходе переговоров монголы сразу поставили урянхайский вопрос, заявив, что Советская Россия должна поддержать стремления “монгольских и урянхайских племен.. к единению”. Позиция Г. В. Чичерина по этому вопросу была неоднозначна. Формально на переговорах он не возражал против подобной постановки вопроса, заявив, что “Советская Россия отнюдь не рассматривает Урянхайский край как свою территорию и никаких видов на нее не имеет”⁵⁰. Но фактически Г. В. Чичерин и Б. З. Шумяцкий уже на данном этапе предполагали иное решение этого вопроса, воздерживаясь пока открыто излагать свою позицию. Так, в начале июня Б. Шумяцкий, оценивая перспективы советско-монгольских отношений, в одном из донесений Чичерину пишет: “Так как процесс сложения монгольского государства еще не закончился и еще неизвестно, в какие формы выльется ее государственное и международное бытие, вопрос о присоединении Урянхайского края к Монголии должен оставаться пока открытым”⁵¹.

Дополнительную сложность создавало руководство Исполкома Коминтерна, которое пыталось проводить “свою” линию в этом вопросе. Так, Бекзееву (Ц. Жамцарано) была дана недвусмысленная инструкция, которая гласила: “Необходимо, чтобы нарреволюционная партия Монголии... немедленно начала работу в Урянхайском крае в целях создания устойчивого политического ядра -- Урянхайской нарреволюционной партии, при помощи которой легче и безболезненней будет проводить нашу новотактику и Урянхайский край войдет в обще-монгольскую федерацию”⁵². Последнее обстоятельство особенно импонировало монголам, которые при обсуждении щекотливых вопросов с Г. Чичериным ссылались на позицию Коминтерна.

Заключительная фаза московского диалога “Чичерин – Бекзеев” была посвящена обсуждению будущего статуса русской колонии в Урянхае на началах местного самоуправления, охране интересов русских колонистов там и другим вопросам, не вызвавшим особых разногласий. По всем признакам монгольские делегаты рассматривали Урянхайский край как часть будущей Народной Монголии⁵³.

Урянхайский вопрос выходил за рамки чисто монгольской политики и рассматривался в НКВД и Коминтерне в более широком историческом контексте. В случае сохранения Урянхия в составе Советской России напрашивались прямые аналогии с действиями царской администрации, объявившей в 1914 г. официальный протекторат

над Тувой. С чисто идеологических позиций большевистскому руководству также следовало бы “отдать” Туву монгольским и (в перспективе) китайским революционерам, подчеркнув тем самым интернационалистский характер советской политики. Именно с учетом этого обстоятельства строилась позиция части руководства Коминтерна, а также деятелей Сиббюро ЦК РКП(б). В одном из постановлений сибирского руководства (июнь 1921 г.) было записано: “Сиббюро признало, что наш протекторат над Урянхайским краем в международных делах был бы большой политической ошибкой, которая осложнила бы наши отношения с Китаем и Монголией. Наша линия должна быть такой, чтобы сближать нас с Китаем и Монголией. Советская Россия не покушается на китайский суверенитет в Монголии и на суверенитет Автономной народно-революционной Монголии в Урянхае: Монголия входит в состав Китая на федеративных началах, а Урянхай – на широких автономных началах в состав Монголии”⁵⁴. Другая часть советского руководства (работники НКВД) считала, что Тува должна сохранить свой независимый статус, став “буфером” между Советской Россией и Монголией, если последняя войдет в состав Китая.

Другой вопрос, обсуждавшийся на встрече Чичерина с делегатами, – о сохранении советских войск на территории Монголии после разгрома Унгерна. Был выработан проект “Обращения Временного монгольского правительства к правительству РСФСР”, в котором, в частности, оговаривалось, что советское руководство оставит свои войска “в минимальном размере 1 отряда”, а остальные выводятся, как выполнившие свою задачу⁵⁵. Проект в редакции Чичерина – Бекзеева не был опубликован. Б. Шумяцкий 7 июля 1921 г. сообщил Чичерину о том, что настоял перед Д. Бодо и другими членами Временного правительства о принятии “Обращения” в новой редакции, без указания на минимальную численность советских войск, а об “оставлении наших войск вообще в целях сохранения большей свободы действий”⁵⁶.

5 – 6 июля 1921 г. советско-монгольские экспедиционные части, не встречая сопротивления (Унгерн накануне покинул Ургу), вошли в город, а 8 июля сюда прибыло революционное правительство Д. Бодо, провозгласившее переход власти из рук теократического правительства в руки революционеров. Статус Богдо-гэгэна был формально сохранен в рамках ограниченной монархии⁵⁷.

12 июля 1921 г. было опубликовано “Обращение Временного народно-революционного правительства к правительству РСФСР” за подписью Д. Бодо и Билик-Сайхана⁵⁸. Текст “Обращения” был

дан в редакции Б. Шумяцкого. Подобные уступки со стороны монголов были характерны для ранних советско-монгольских отношений, но они в этот период касались больше тактических, второстепенных вопросов.

Оценку июльских событий дал один из “конструкторов” революции в Монголии Б.З. Шумяцкий. В письме Г. Чичерину от 12 августа 1921 г. он писал: “Мы создали в лице монгольских масс определенных друзей, связавших судьбу своего национального объединения и отчасти даже существования с Советской Россией. Мы создали для себя... союзника, который прикрывает самые уязвимые места нашей тысячекилометровой границы. Мы получаем уже возможность начать мирно-хозяйственные отношения с Монголией”⁵⁹.

В другом документе – циркуляре НКВД от 4 сентября 1921 г. – также отмечались позитивные итоги революции. “Создание автономной Монголии, – говорилось в нем, – дружественной Советской России и опирающейся на нее, крайне полезно в интересах внешней безопасности Сибири и ДВР. Громадную границу между Сибирью и ДВР, с одной стороны, и Монголией, с другой, трудно защищать против враждебного соседа. Если бы Унгерну удалось превратить Монголию в белогвардейское гнездо, железнодорожная связь между Россией и Дальним Востоком подвергалась бы постоянной опасности”⁶⁰.

Однако не все отклики среди советского руководства на монгольскую “операцию” и ее результаты были однозначно положительны. Один из видных советских дипломатов А.А. Иоффе в одном из политических писем В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому, Г.Е. Зиновьеву, И.В. Сталину и другим руководителям писал: “Советизация Монголии не явилась результатом последовательного продуманного и организованного плана. Если бы в Монголии не было Унгерна и наши товарищи там не поспешили бы, мы также не советизировали бы Монголию, как не советизировали Восточный Туркестан (Синьцзян. – СЛ), несмотря на то, что там также был Бакич.. Чичерин не оказал должного отпора местному головатяпству”⁶¹.

Монгольская революция 1921 г. в итоге явилась проявлением двух противоречивых обстоятельств: 1) традиционного стремления монголов к суверенитету и независимости на основе панмонголистской концепции и идей движения 1911–1912 гг., перешедших от “старого” теократического руководства с незначительными изменениями к новому революционному правительству; 2) внешнего влияния Советской России и Коминтерна, видевших в Монголии удобный объект революционной политики, а также выливающийся в один стратегический “буфер” на дальневосточных рубежах

Внешнеполитическая линия монгольского руководства, оформившаяся в период 1920 г – июль 1921 г, базировалась на идеях сохранения и укрепления традиционной русской (советской) ориентации и сближения с революционным Китаем. По поводу последнего допускалось возможное вхождение Внешней Монголии в состав китайской революционной федерации.

§ 2. Внешняя политика народного правительства Монголии в 1921-1924 гг. Этнорегиональные и межгосударственные проблемы

Ввиду прихода к власти Монгольской народной партии (МНП) 7 – 11 июля 1921 г. советское направление во внешней политике Урги стало основным и приоритетным. Этому способствовало и возрастание китайской угрозы со стороны маньчжурского наместника Чжан Цзолиня, который в начале августа 1921 г. начинает концентрацию своих войск в районе г. Хайлара для соединения их с войсками Унгерна и свержения монгольского народного правительства. В Урге и Дальневосточном секретариате Коминтерна не знали точно сроки и маршрут предполагаемого похода китайского генерала. Одни считали, что Чжан Цзолинь выступит немедленно, другие говорили о возможной военной кампании весной 1922 г. или же вообще отрицали такую опасность, объясняя это “занятостью” генерала южнокитайскими делами и показным характером “бряцания оружием в отношении Внешней Монголии”⁶².

Летом 1921 г. в Ургу прибыл американский консул из Калгана Сокобин. Он официально предложил монгольским властям свое посредничество в их споре с Китаем, обещая мирным путем урегулировать все вопросы. Посредничество было отклонено, но консул остался в столице. Одновременно, американские торговые представители возобновили закупку животноводческого сырья⁶³.

В начале сентября 1921 г. Сокобин повторно предлагает посредничество. Монгольское руководство снова отклоняет его и 10 сентября 1921 г. отправляет в Москву “Обращение к правительству РСФСР с просьбой о посредничестве в установлении мирных отношений с Китаем”. 14 сентября был получен ответ – нота Г.В. Чичерина о согласии советского правительства выступить таковым. Одновременно, 14 сентября было опубликовано “Обращение премьер-министра Д. Бодо ко всем иностранным государствам и правительствам об установлении равноправных отношений”⁶⁵. Однако данный документ носил формально-декларативный харак-

тер и реального рассмотрения со стороны руководителей других государств не получил

Сложность внутривластической обстановки в Урге дополнялась и трудностями внешнеполитического свойства. Бюллетень Дальневосточного секретариата (октябрь 1921 г.), в частности, сообщал: «Подпольная работа иностранцев среди князей и лам по свержению МНП и установлению феодальной теократии усиливается. Переворот был назначен на 25 октября. Инициаторам переворота удалось привлечь на свою сторону тибетцев, находившихся в Урге, с помощью которых они надеялись свергнуть нарправительство. Последнему, однако, стало известно о готовящемся перевороте, и к 25 октября угроза была ликвидирована. Из допросов арестованных выяснилось, что заговорщики пытались связаться с китайско-японскими реакционерами в Маньчжурии и ими были посланы люди на Запад (в Западную Монголию – С Л), чтобы склонить на свою сторону Джалханцзу-хутухту»⁶⁶

В этих условиях в Урге принимается решение о посылке в Москву третьей официальной монгольской миссии для заключения с Советской Россией всеобъемлющего договора и решения основных спорных вопросов (статус Внешней Монголии, урянхайский вопрос, отношения с Китаем и др.) В состав делегации были включены все первые действующие на тот период лица монгольской политики. Б. Шумяцкий в письме от 19 октября 1921 г. Г. Чичерину так характеризует их персонально⁶⁷. «Дамзан, минфин и Пред. ЦК Нарпартии. Человек, несомненно, нашей ориентации, плебей, был мелким чиновником. Осенью 1920 г. был у Вас в составе 1 делегации, в качестве ее руководителя. Человек не особо широкого размаха, но верный делу национально-революционного движения. Как минфин, будучи человеком малого кругозора – не на месте. 2) Сухэ-Батор – главнокомандующий военными. Храбрый и настойчивый, пользуется несомненной популярностью среди народа. Но не без странностей, за последнее время у него пошли какие-то нелады с Бодо, и поэтому стало необходимым дать Сухэ немного «проветриться». Человек нашей ориентации. 3) Цэрэн Доржчи – замминдел. Это старейший и наиболее развитый монгольский чиновник – реформатор. По матери он монгол, по отцу – китаец. По-китайски и монгольски весьма образованный чиновник. Автор нескольких книг на монгольском языке. Цэрэн Доржчи является душой всей государственной, организационной работы. Он плебейского происхождения и занимал при автономном правительстве должность министра иностранных дел. Одно время его в нарправительстве считали китаефилом и участником ликвидации автономии,

но я проверял и узнал, что маленький Сюй (Сюй Шучжен – СЛ) обрушился с репрессиями в первую очередь на Цэрэн Дорчжи. Кроме того, перед приходом Унгерна китайцы таскали его по тюрьмам. с хутухтой отношения не важные. Он определенно ориентируется на нас. 4) Эрдэван – Ширнин Дамдин, неофициальный член делегации и представитель Хутухты. Один из умных дипломатов феодально-теократической партии. Его считают китаефилом. Его роль – быть “оком” Хутухты в Советской России. С остальными членами он не дружит, его рассматривают как чужака”⁶⁸. Оценка Б. Шумяцкого, несмотря на пристрастность приведенных характеристик, показывает определенную “плюралистичность” состава делегации – объединение старых (Б. Цэрэндоржа, Ширнин Дамдина) и новых кадров.

Для советской стороны монгольская инициатива на заключение договора с Советской Россией была не так ясна, как для ургинского руководства. Неопределенность статуса Внешней Монголии в советско-китайских отношениях, возросшая после июльских событий 1921 г., вызвала острую политическую борьбу в советском руководстве по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки монгольского правительства и заключения с ним соглашения. С точки зрения геополитических и революционных задач для Советской России необходимо было закрепить достигнутые результаты революции 1921 г. официальным признанием монгольской народной власти. Однако в плане задач, стоявших перед советской дипломатией в Китае, это соглашение было крайне невыгодно, так как оно могло осложнить и без того запуганную проблему установления официальных отношений с пекинским правительством.

Основным “двигателем” и вдохновителем идеи заключения соглашения был Б. Шумяцкий, который сразу по приезде вместе с монгольской делегацией в Москву в октябре 1921 г. развернул энергичную деятельность и агитацию советского руководства за официальное признание Монголии. Однако его аргументы о значении Внешней Монголии для России наталкивались на неприятие частью работников НКВД (Л.М. Карахана, А.А. Иоффе и др.), открыто заявлявших “...о принципиальной невозможности накануне посредничества (между Китаем и Монголией – СЛ) высказывать с сепаратным соглашением”⁶⁹.

В течение октября 1921 г. состоялось три заседания специально созданной комиссии в рамках НКВД и Исполкома Коминтерна, на которых бурно обсуждалась эта проблема. Судя по имеющимся документам, лично Г. Чичерин, высоко ценивший Б. Шумяцкого и доверявший его компетентности в монгольских делах, склонялся к поддержке подписания соглашения. Другой веский аргумент в пользу

заключения соглашения был связан с геополитическим значением Монголии для Советской России в этот период, да и в будущем тоже. Так, Г. Чичерин в письме В. И. Ленину от 18 октября 1921 г. пишет: "Революционное правительство (Монголии – С Л) есть в наших руках очень крупный козырь. Его создание совершенно опрокинуло японские планы установления контрреволюционного фронта от Тихого океана до Каспийского моря. Наши границы на громадном протяжении вполне безопасны, будучи прикрыты дружественной Монголией"⁷⁰. То есть положительному решению вопроса о заключении соглашения "благоприятствовал" и японский фактор – продолжающаяся война с Японией за советский Дальний Восток.

В результате дискуссии переговоры были назначены, причем сам Б. Шумяцкий, чтобы не быть связанным ими, отказался от официального представительства на переговорах, действуя как бы "за кулисами", но фактически проводя огромную работу по проработке в советских государственных структурах частных вопросов – от получения миллионного кредита серебром для монголов до размещения заказа на печатание монгольских денег

Переговоры начались в конце октября 1921 г. С монгольской стороны в них участвовали: С. Данзан, Д. Сухэ-Батор, Б. Цэрэндорж, Ширнин Дамдин и переводчик Батухан. От советской стороны – С. И. Духовский и Б. В. Гец. На переговорах сразу обозначилась проблема монголо-китайских отношений и определения, в связи с этим, статуса Внешней Монголии. Примечательно, что к открытию переговоров монголы значительно отошли от своей первоначальной "автономной" позиции и трактовали положение Внешней Монголии как "независимое от Китая". Изменение позиции монгольской стороны прослеживалось уже в августе 1921 г., когда в ноте НКВД РСФСР монгольскому правительству "О согласии правительства РСФСР оставить советские войска в Монголии" два раза был использован термин "автономная Монголия"⁷¹, что вызвало резкое недовольство большей части руководства ЦК МНП и правительства, рассматривавших положение Монголии как независимое⁷². Вскоре термин "автономная Монголия" исчез из официальных советско-монгольских документов.

Позиция советского руководства предполагала начало в Китае (Пекине) тройственных переговоров на основе российского посредничества и сохранения автономии Внешней Монголии в составе Китая⁷³. Требовалось, однако, уточнить форму участия монголов в будущих переговорах с Китаем. По мнению Б. Шумяцкого и Г. Чичерина, это необходимо было сделать после приезда в Китай предста-

вителя РСФСР (А К Пайкеса) и последующего прибытия Б Цэндоржа как наиболее опытного и авторитетного монгольского дипломата. Одновременно советская сторона, ссылаясь на ранние монгольские документы, предложила определить положение Монголии в соглашении как часть “будущего федеративного союза народов Китайской Республики. на правах автономии”⁷⁴

Данное предложение было отвергнуто монголами, после чего произошел обмен декларациями, в которых и был найден компромисс. Советское руководство заявило, что “ближайшие переговоры свободной Монголии с Китайской Республикой при посредничестве России приведут к скорейшему устранению препятствий”⁷⁵. Причем, термин “свободная Монголия” в советской декларации был воспринят Данзаном и другими членами делегации как подтверждение курса советского руководства на поддержку монгольской независимости.

Ход переговоров выявил также две другие не менее острые проблемы – вопрос об Урянхайском крае и о бывших российских концессиях. В отношении последних монголы были против советского предложения о том, что за Россией при новой сдаче кому-либо этих концессий сохраняется “право третьей стороны”. Данзан, упорно ссылаясь на официальное заявление НКВД монгольской делегации осенью 1920 г., заявлял о том, что советское правительство должно полностью отказаться от концессий бывшей царской России и без каких-либо оговорок.

По урянхайскому вопросу Данзан предложил включить в текст соглашения пункт о том, что этот край будет находиться под властью и управлением монгольского народного правительства. Официальная же точка зрения НКВД, изложенная в ноте Г Чичерина от 9 сентября 1921 г к урянхайскому народу, характеризовалась следующими моментами: Советская Россия не рассматривает эту территорию как свою и связывает ее самоопределение “с освободительным движением Монголии”⁷⁶. За этой обтекаемой формулировкой стояло конкретное обстоятельство. В советском руководстве не без оснований считали, что рано говорить о реальной передаче Тувы Монголии до определения международного места последней как государства и до устранения опасения касательно возможности возврата Монголии и Тувы под власть Китая.

Урянхайская проблема и концессионный вопрос поставили переговоры на грань срыва. Так, Б Шумяцкий, вспоминая позже об этом кризисе, писал “Был в переговорах момент, когда мне хотелось все бросить и бежать, куда глаза глядят. Причина этому -- полное непо-

нимание Данзаном и другими интересов дела. Понадобилось 3 дня для увещевания наших работников, что Данзан просто не понимает и что Урга . совершенно надежна”⁷⁷

5 ноября 1921 г “Соглашение между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии” было подписано. Итоговый текст соглашения, состоявший из вводной части и 13 статей, носил обтекаемый и компромиссный характер. По взаимной договоренности в него не вошли статьи о международно-правовом статусе Внешней Монголии и ее отношениях с Китаем, а также пункт об Урянхайском крае. Вопрос о концессиях был внесен в “Дополнительный протокол к соглашению” от 5 ноября 1921 г, в котором Советская Россия при передаче российских концессий новым акционерам получала требуемое “право третьей стороны”⁷⁸. Одновременно были подписаны секретные соглашения об изготовлении в Москве для Монголии бумажных денежных знаков и о миллионной ссуде банковским серебром монгольскому народному правительству для обеспечения денежной эмиссии и на другие нужды⁷⁹.

Соглашение от 5 ноября 1921 г между Советской Россией и Монголией стало первым международным актом в процессе формирования советско-монгольского политического союза. Соглашение объективно способствовало возрождению традиционных российско-монгольских связей, прерванных “смутными временами” 1917 – 1920 гг. Факт официального признания Монголии со стороны Советской России давал ей определенные политические, экономические и военные гарантии сохранения государственности и достижения в будущем полной независимости от Китая. Для советской стороны, помимо идеологических соображений (поддержка национально-революционных движений на Востоке), оно было выгодно с позиций соблюдения государственных интересов, ибо вело к созданию на границе дружественного государства – “буфера” в случае возможной конфронтации с Китаем и Японией.

В отличие от серии русско-монголо-китайских договоренностей 1912 – 1915 гг, соглашение 1921 г не положило начало международно-правовому оформлению Внешней Монголии, отложив решение этого вопроса на будущее в зависимости от хода советско-китайских как официальных межгосударственных, так и революционно-идеологических отношений. Одновременно, наблюдались и некие исторические параллели – соглашение 1921 г, как и русско-монголо-китайские договоры, не решило панмонгольской проблемы.

Межгосударственное (дипломатическое) сближение Советской России и Монголии дополнялось активным военным сотрудничеством

3 августа 1921 г. комиссия военспецов 5-й армии закончила работу над проектом организации военной системы в Монголии⁸⁰. В основу проекта был положен принцип территориальности при военных призывах, наличия постоянной кадровой армии, сохранения института советских военных инструкторов во главе с начальником штаба. 5 августа в окончательном виде проект был рассмотрен Б. Шумяцким, находившемся в Урге, который внес некоторые изменения, предложив военный проект оформить не в виде советско-монгольского соглашения, а в форме “внутреннего” постановления народного правительства 5 августа 1921 г. за подписью Д. Бодо, Сухэ-Батора, Даламы Пунцукдорджа (министр внутренних дел), Данзана, Х. Максарджаба “Положение об организации Народной революционной армии” было принято⁸¹.

Советско-монгольское военное сотрудничество дало свои результаты уже на раннем этапе. 12 декабря 1921 г. Б. Шумяцкий в телефонном разговоре с Духовским (ИККИ) сообщил следующее. “В районе Алашан, 600 – 700 верст южнее Урги, в Тибете, индусский отряд численностью 390 человек под командованием тибетца Садиси Ламу поднял восстание с лозунгом: без красных русских и монгол. Отрядом было послано 2 уведомления и подарки Богдо. Богдо не дал определенного ответа. Означенный отряд был разбит и переловлен русско-монгольским красным отрядом. Указанное движение гармонирует будто бы с общим реакционным настроением лам Монголии”⁸².

Одновременно были разбиты остатки отряда Бакича, отступившего на территорию Западной Монголии из Синьцзяна⁸³, а также соединения Кайгародова, Унгерна (сам барон был уже под арестом в Новониколаевске) и др. В результате совместных операций советских и монгольских войск вся территория Западной Монголии к началу 1922 г. была освобождена.

В феврале 1922 г. в Кобдо были созданы две новые административные должности представителей ургинского правительства. 1) джанджина, который ведал военными и иностранными делами, и 2) сайда, занимавшегося внутренними вопросами, связанными с Кобдоским округом. В инструкции ургинского правительства по поводу пограничных споров с Китаем (западная, синьцзянская граница) рекомендовалось разрешать их на основе ст. 11 Кяхтинского соглашения 1915 г., в которой, в частности, говорилось, что “территория автономной Монголии... есть территория, бывшая под управлением ургинского сайда и кобдоского сайда”⁸⁴.

Установлению власти Урги в Западной Монголии препятствовал Джа-лама, который по степени своего влияния и авторитету пре-

восходил всех наместников. В конце 1922 г по решению государственной внутренней охраны (ГВО) Внешней Монголии он был убит⁸⁵.

Особое место во внешней политике Урги занимало бурятское направление. 5 ноября 1921 г областной съезд трудящихся бурят-монгол РСФСР постановил: "1) признать абсолютно необходимым культурно-национальное объединение монгол с бурят-монголами РСФСР и ДВР; 2) признать необходимым, чтобы Центральный национальный комитет бурят-монгол Восточной Сибири вошел в соглашение с ЦК МНП .. об общемонгольском культурно-национальном объединении"⁸⁶.

В ходе советско-монгольских переговоров в Москве в конце октября – 5 ноября 1921 г монгольские представители попросили советское руководство "не чинить препятствий переходу в монгольское подданство бурятам, проживающим как в пределах России, так и на территории Монголии, если они на основании идей национального единства пожелают вместе со своим имуществом поселиться в Монголии"⁸⁷. Советские представители ответили, что поддержат данное предложение монгольской стороны и не будут препятствовать миграции населения⁸⁸.

Советское руководство не ожидало, что переселение бурят из Советской России в Монголию и Баргу достигнет значительных размеров, приобретая политический оттенок. Так, только за 1922 г = начало 1923 г. из Бурятии в Монголию откочевало 20 000 семей⁸⁹.

3 марта 1923 г. МИД монгольского народного правительства направило советскому представителю в Монголии Юдину "Сообщение ..", в котором информировало о приеме в подданство переселившихся бурят, ссылаясь на московские договоренности от 5 ноября 1921 г⁹⁰. В ответном сообщении советского представителя МИД Монголии от 20 марта 1923 г говорилось: "Поскольку такой переход носит не единоличный, а массовый характер, вопрос этот должен оставаться открытым. В силу изложенного представительство РСФСР имеет честь уведомить, что состоявшееся постановление монгольского правительства о приеме в монгольское подданство бурят, проживающих на территории Монголии, оно считает для себя необязательным"⁹¹. Тем самым советская сторона дезавуировала как свои заявления от 5 ноября 1921 г по миграционному вопросу, так и решения монгольского правительства относительно принятия в монгольское подданство прибывающих бурятских переселенцев.

Развитие бурятского вопроса в советско-монгольских отношениях проходило на фоне интеграции бурятских областей Забайкалья и

Восточной Сибири (Иркутской губернии) в единое политическое целое и их “дрейфа” в сторону Монголии Бурятское партийное руководство писало бесконечные записки в ЦК РКП(б) и Дальбюро РКП(б) с обоснованием идеи объединения бурят. Причем, монгольский фактор фигурировал в качестве основного аргумента. Так, в докладной записке в ЦК Ербанова и Амагаева от 1 марта 1923 г., в частности, говорилось: “...племенное и религиозное родство (с монголами. — С. И.) делает из бурят незаменимых проводников советского влияния в соседней Монголии, которая играет теперь роль дружественного буфера, прикрывающего нашу южносибирскую границу. Наиболее ответственные посты в центральных органах монгольского правительства как, например, председательство в Реввоенсовете, руководство делом просвещения и органами монгольского ГПУ в данное время фактически заняты бурятами, работающими под контролем НКВД и Коминтерна. Кроме того, если обстановка потребует от нас формирования на Дальнем Востоке революционно-подпольной работы против японского империализма, буряты могут дать работников для ведения агитработы в зоне японского влияния, а именно на населенных монголами территориях Внутренней Монголии”⁹². В другой записке (председателя монголо-бурятских областей Архинчеева), направленной в ВЦИК СНК, говорилось о необходимости создания Единой Бурятской Республики для “политической смычки” с монголами и тибетцами, что даст возможность “демонстрировать советские преимущества всему монголо-тибетскому миру, явится большим плюсом для усиления советской внешней политики на Дальнем Востоке”⁹³.

Советское руководство довольно сдержанно реагировало на бурятские инициативы. В заключении НКВД от 10 января 1923 г. отмечалось, что “образование автономной республики должно явиться фактором культурного влияния на народы Дальнего Востока, родственные русским бурятам”⁹⁴. Дальбюро и Сиббюро ЦК РКП(б) были категорически против подобного объединения, называя эту акцию “панмонголистскими и националистическими замашками” бурятского руководства. Отрицательно к этому относились и отдельные работники Коминтерна (в частности, представитель ИККИ в Монголии Т. Рыскулов), выступавшие против чрезмерного политического усиления бурятских деятелей в Монголии и их попыток “выйти” самостоятельно на Внутреннюю Монголию. Последнее обстоятельство подкреплялось информацией из ГПУ о “прояпонских” настроениях отдельных бурятских деятелей. Так, 9 августа 1924 г. в письме заместителя начальника бурят-монгольского ОГПУ Волленберга,

направленном в НКВД и ИККИ, сообщалось, что у умершего Сампилона брата Даша Сампилона (советника при монгольском правительстве) были найдены письма и документы Э Ринчино, относившиеся к 1919 г. Последний являлся председателем Реввоенсовета Монголии и одним из ключевых фигур монгольской политики. Письмо явно компрометировало не только Э. Ринчино, но и в целом тенденцию к монголо-бурятской интеграции⁹⁵

Для Урги союз с единой и политически сильной автономной Бурятией давал не только возможность обновления панмонголистских лозунгов, но и приводил к появлению реального, близкого по духу союзника. Советское же руководство, исходя из общероссийских национальных интересов, было против сепаратистских структур, возрождавшихся в той или иной форме (Единая Бурятская Республика) на его восточных территориях

Заметную эволюцию в этот период претерпела тувинская политика монгольского правительства. Ободренное советскими заявлениями осенью 1921 г. монгольское руководство в 1922 г. по согласованию с представителем в Урге Охтиным отправляет в административный центр Урянхая г. Кызыл своего резидента для организации и распространения власти нарревправительства. Однако благодаря действиям местного консула Фальского монгольский посланник не был допущен в Туву⁹⁶.

В июне 1923 г. в Урянхайском крае вспыхнуло восстание против тувинского правительства и влияния русских. 2 – 3 апреля 1924 г. восстание вновь повторилось с теми же антирусскими лозунгами. Причем, как отмечалось в одном из секретных донесений советских спецслужб, “политическая сторона движений вытекала из запутанности взаимоотношений Урянхая с Монголией при наличии недовольства местным населением политикой танну-тувинского правительства. Руководящая, идейная сторона движения, – отмечалось в донесении, – принадлежит Западной Монголии”⁹⁷

В 1923 г. ЦК МНП направляет в ЦК народной партии Тувы и МИД тувинского правительства ряд петиций и заявлений о желательности “единения Монголии и Тувы”, ссылаясь на исторический опыт вхождения Тувы в Цинскую империю до 1911 г. 17 сентября 1923 г. в ответ на ургинские послания ЦК народной партии Тувы передает следующее заявление: “В настоящий момент урянхайский народ, объединенный общим стремлением для укрепления своей национальности на основе самоопределения, организовал свое народное правительство, которое признала Советская Россия, о чем было доведено до сведения МНП. Тем не менее, МНП продолжает проводить по

отношению народа Танну-Дива старую империалистическую политику”⁹⁸.

Монгольское правительство в ответ на тувинские обвинения в “империалистических намерениях” направляет новое послание в ЦК Тувинской нарпартии. Ссылаясь вновь на советскую поддержку делу монголо-тувинского объединения, оно пишет. “Если общие стремления Урянхайского народа будут направлены к организации самостоятельного государства и его народное правительство будет признано Советской Россией, то этому наша партия и народное правительство не будут противиться. Однако монгольскому правительству известно, что в виду отсутствия единодушия... Урянхай до сего времени не признан российским советским правительством”⁹⁹. Последнее замечание было совершенно справедливо, так как сомнения по вопросу статуса Тувы, волновавшие советских руководителей в октябре-ноябре 1921 г, сохранились и на период 1922 – 1923 гг. Монгольское правительство, со своей стороны, соглашаясь на словах с признанием независимости Тувы, тем не менее последней инстанцией выдвигало Советскую Россию, которая и должна была, по его мнению, разрешить спор.

Последовательно и довольно динамично развивалось китайское направление монгольской политики. В 1922 г. маньчжурский наместник Чжан Цзолинь продолжал выжидать в Мукдене, не предпринимая вооруженного похода на Ургу, на что так надеялись его политические противники – У Пэйфу, Сунь Ятсен и др. Версия Коминтерна о том, что шумные приготовления Чжана всего лишь тактический маневр, оказалась верной. Назначение Чжан Цзолиня в 1921 г. верховным комиссаром Монголии было необходимо ему, главным образом, для военных приготовлений в 1922 г. в Мукдене против Пекина¹⁰⁰. Монгольское правительство, получив обнадеживающую информацию по каналам Коминтерна о планах Чжана, в декабре 1922 г. принимает решение об “изгнании из Монголии всех китайцев, не имеющих определенных занятий”¹⁰¹. Фактически, это был первый шаг революционного правительства по политическому вытеснению Китая из Внешней Монголии.

Пекин пытался организовать контрмероприятия. В течение 1922 – 1923 гг. на политическую сцену выводятся две фигуры – князь Внутренней Монголии Наянту-ван, которого китайская пресса именovala “жертвой красных”, “представителем Внешней Монголии”, а также ламский иерарх (Внутренней Монголии) Джанцанхутухта. Оба они представлялись “истинными посредниками” между монгольским народом и Пекином, причем с ярко выраженной

китайской ориентацией. Для убедительности было реанимировано пекинское "Бюро по Монгольским и Тибетским делам", от которого выступал Наянту-ван. С другой стороны, китайское правительство организовало "Союз по охране территории Внешней Монголии" в составе У Цзифу, Цао Куня и других известных китайских политиков и генералов. В задачи этой организации входило: 1) критика пассивной позиции парламента в отношении Внешней Монголии; 2) разработка эффективных путей "спасения Внешней Монголии"; 3) пресечение панмонгольских тенденций во Внешней и Внутренней Монголии в сторону "объединения монгольских племен в обособленное государство"¹⁰².

Осенью 1923 г. монгольский премьер-министр Б. Цэрэндорж в интервью корреспонденту РОСТА излагает официальную позицию Монголии по вопросу взаимоотношений с Китаем. Премьер, в частности, сказал "Сейчас не может быть и речи о возврате Монголии к системе автономии и сюзеренитета. Единственный выход - это признание Монголии независимым государством"¹⁰³. Здесь же премьер подверг резкой критике гоминьдановскую политику в отношении Монголии. "Одна из китайских партий Гоминьдан, - сказал он, - хотя и называет себя демократической, но в отношении с окраинами и национальными меньшинствами ведет себя крайне шовинистично. До сего времени мы не видим, что партия Гоминьдан переменила свои взгляды на национальный вопрос"¹⁰⁴.

Под влиянием тревожных сообщений из Пекина о советско-китайских переговорах монгольское правительство отправляет с визитом в Китай председателя ЦК МНП А. Данзана (Япон-Данзана) для "ознакомления с планами и настроениями в китайском правительстве, партийных кругах и отдельных группировках"¹⁰⁵. Программа его переговоров охватывала вопросы: 1) самоопределение наций и малых народностей в контексте монгольской проблемы; 2) объединение больших и малых народностей, входящих в Китай. Последний пункт предполагалось обсуждать под углом зрения будущей победы китайской революции, когда "Китай окончательно освободится от власти империалистов..., - отмечалось в инструкции ЦК МНП Данзану, - только в этом случае речь может пойти о добровольном присоединении Монголии к Китаю"¹⁰⁶.

Советским представителям миссию А. Данзана объявили как частную, неофициальную поездку, стараясь не привлекать особого внимания к этому делу. Указывалось, что основная цель поездки - принесение поздравлений президенту Китайской Республики Цао Куню по случаю его избрания на этот пост. Однако, судя по географии ви-

зита — Пекин, Шанхай, Кантон и Мукден, он был задуман как важное политическое мероприятие самостоятельной монгольской политики в отношении Китая. Основные цели миссии были выполнены — установлена связь с Гоминьданом, получена разнообразная информация о настроениях в Китае по монгольскому вопросу, Данзан был представлен Цао Куню и встретился в Пекине с Я. М. Караханом, ведущим переговоры с пекинским правительством. Вместе с тем визит показал, что основные политические режимы Китая не рассматривали Внешнюю Монголию в тот период как равноправного союзника и партнера, большинство китайских лидеров отводило ей заранее спланированную роль, без учета монгольских национально-государственных интересов.

Кроме дипломатических задач, монгольское правительство пытается проводить в Китае и свою революционную линию на поддержку национально-освободительного движения во Внутренней Монголии, Бар-ге и в других регионах, заявляя о себе как о потенциальном руководителе этих движений. Особая ставка делалась на баргутских националистов, имевших большой опыт в антикитайской борьбе, начиная с 1911 г.¹⁰⁷

Летом 1923 г. из Барги в Ургу прибыли Мэрсээ (Го Даофу) и Буян-гэрэл (Фу Минтай), организовавшие накануне Баргинскую молодежную партию. Позже, 15 января 1925 г. она была переименована в Нарревпартию Восточного края (Нарревпартия на восточной границе). Осенью 1923 г. выехавший в Баргу представитель ЦК МНП заключил с баргутскими революционерами секретное соглашение из девяти пунктов. Основные из них гласили: 1. Баргуты обязуются следовать национально-демократической политике без ориентировки на те или иные группы китайских империалистов. 2. Со своей стороны Монголия обязуется не забывать Баргу при возникновении переговоров о дальнейшей судьбе независимой Монголии. 3. Обе стороны обязуются оказывать всяческое покровительство и содействие всем направляющимся с благонамеренными целями из Монголии в Баргу и обратно. 4. Барга обязуется не допускать на своей территории группировок и лиц, враждебных Монголии. 5. В случае передвижения через Баргу в Монголию войск Барга принимает все меры для воспрепятствования этому. Мелкие банды, орудующие на границах обеих стран, должны быть уничтожены.¹⁰⁸

В декабре 1923 г. в Пекине состоялась встреча Мэрсээ и Буян-гэрэла с известным в Китае монголом-гоминьдановцем Бай Юн-ти (Цэрэн Донров)¹⁰⁹. Последний в 1924 г. прибывает в Улан-Батор, где ведет переговоры с ЦК МНП и правительством об укреплении постоянных связей между Гоминьданом и МНП, а также о создании

Народно-революционной партии Внутренней Монголии Уже на этой встрече обозначились противоречия по вопросу руководства движением во Внутренней Монголии (МНП или Гоминьдан). Монгольское руководство, ссылаясь на национальную и территориальную близость, отстаивало свое право и приоритеты на Внутреннюю Монголию, а представитель Гоминьдана, указывая на единство Внутренней Монголии с остальным Китаем, — свое право на руководство¹¹⁰.

В 1923 г. ургинские революционеры развернули активную работу во внутримонгольских сеймах. Так, в Уланцабском сейме действовал отряд члена МНП Балдан Дорчжи, который распространял там революционную литературу, вел агитацию местных князей и лам. В одном из донесений он сообщал: “Я подробно изложил Мейрен Церену (князь Внутренней Монголии. — С Л) о задачах Народного правительства и народной партии. Просил его передать на обсуждении сейма вопрос об автономии Внутренней Монголии Князья, чиновники, араты имеют здесь такое сведение о Халхе, что она перешла в руки Красной России, позабыла религию и увеличила налоги”. “Уланцабский сейм, — делает вывод Б Дорчжи, — не склонен следовать за какими-либо странами”¹¹¹

Проблема внутримонгольской работы постоянно изучалась как в ЦК МНП, так и на других уровнях. Незадолго до открытия I съезда МНП в Урге состоялось заседание ЦК МНП, на котором обсуждался вопрос “О работе среди монгольских племен”. Большинство склонялось к необходимости активизации данного направления. Так, Ц. Жамцарано, в частности, сказал: “Ставить заграничную работу — основная задача партии, ибо если не присоединить к Монголии соседних племен, то монгольская государственность останется куцей, недееспособной, и в таком случае для Монголии будет лучше соединиться с Китаем”¹¹² В ходе работы II съезда (июль — август 1923 г.), несмотря на все попытки части монгольского руководства и советских представителей убрать этот вопрос с обсуждения, Ц. Жамцарано удается “провести” его от партиячейки военного министерства, поставив его в прения по основному докладу председателя ЦК МНП¹¹³

После прибытия в Улан-Батор в начале 1924 г. уполномоченного Коминтерна Т. Рыскулова¹¹⁴ внутримонгольские и баргутские сюжеты попадают под его пристальное внимание Т. Рыскулов понимал, что запретить монголам действовать в этих областях Китая было нельзя, так как это отрицательно сказалось бы в целом на революционном движении и “остудило бы пыл” баргутских и других “региональных” революционеров С другой стороны, он был против чрезмерной самостоятельности и активности монголов в этом вопросе,

считая, что разумнее монгольскую инициативу поставить под жесткий контроль и руководство Коминтерна. В сообщении от 24 декабря 1924 г. в ИККИ он писал: "Ход жизни вынуждает все равно Монголию связываться с этими районами (Внутренняя Монголия, Барга, Тибет, Синьцзян), а последних в свою очередь стремиться связаться и искать опору во Внешней Монголии. С точки зрения общей обстановки на Дальнем Востоке, несомненно, освободительная борьба монгольских племен, при условии твердого руководства Коминтерном, имеет революционное значение"¹¹⁵.

Таким образом, результатом активной монгольской политики начала 20-х годов было подписание советско-монгольского соглашения 1921 г., фактически признавшего монгольский суверенитет, а также усиление политического влияния Урги в сопредельных регионах Тувы, Бурятии и Внутренней Монголии.

§ 3. Внешняя Монголия в советско-китайских отношениях 1920-1924 гг. Первый опыт международно-правового оформления Монголии

Внешнеполитическая история Монголии в 20-е годы была бы неполной без анализа советско-китайских отношений по монгольскому вопросу, во многом определявших общий характер и специфику международной ситуации в регионе.

В июле 1920 г. в Пекин была направлена миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным с целью установления официальных экономических и дипломатических отношений между Китаем и ДВР. После ряда задержек в Кяхте делегация 21 августа 1920 г. прибыла в Пекин и приступила к обсуждению вопросов о КВЖД и о проекте торгового соглашения¹¹⁶. В этот период, когда Внешняя Монголия еще находилась под властью Китая (аньфуистский режим), а Коминтерн только приступил к разработке там революционных операций, монгольский вопрос в дипломатическом плане не стоял так остро, поэтому в ходе переговоров И.Л. Юриным он специально не затрагивался¹¹⁷. Единственным результатом миссии явилось подписанное 7 марта 1921 г. в г. Маньчжурия соглашение о порядке пограничного сообщения и железнодорожного движения¹¹⁸.

В ответ на советские заявления китайское правительство 31 декабря 1920 г. через лондонского представителя отправило телеграмму, в которой сообщалось: "Считаем нужным отметить, что переход границ иностранными войсками нарушает суверенитет страны и что заключающееся в первой телеграмме (от 10 ноября – СЛ) указа-

ние на то, что мы просили помощь, не соответствует действительности. Просим вас уведомить советское правительство, что китайское правительство приняло все необходимые меры предосторожности для охраны монгольской границы и не нуждается в иноземном вмешательстве”¹¹⁹

После вторжения Унгерна в Монголию и захвата им Урги советское правительство через дипломатические каналы ДВР пытается как-то “прикрыть” коминтерновские акции в Монголии и найти приемлемую для обеих держав – России и Китая – форму существования Внешней Монголии. 27 июня 1921 г. (когда решение о переходе монгольской границы уже было принято на Политбюро ЦК РКП(б) и экспедиционный корпус на следующий день – 28 июня – должен был вступить в Монголию) Г.В. Чичерин посылает в Верхнеудинск любопытную депешу И.Л. Юрину, вернувшемуся к этому времени из Китая и назначенному министром иностранных дел ДВР. Депеша гласила: “Опасность столкновения с Китаем становится с каждым днем острей. Поезжайте в Пекин для улаживания монгольского вопроса на основе автономии Монголии и признания суверенитета Китая. Объясните, что наши военные действия имеют целью нанести удар Унгерну, который враг Китая, что мы признаем права Китая и сейчас же уйдем, как только уничтожим врага”¹²⁰

Второй визит И.Л. Юрина¹²¹ состоялся в начале июля 1921 г., он был напрямую связан с монгольскими событиями. Несмотря на то, что китайская сторона отказалась серьезно обсуждать монгольский вопрос, официальная постановка И.Л. Юриным проблемы на переговорах означала, что Москва через ДВР пытается прозондировать позицию Пекина о будущем статусе Внешней Монголии. Причем, советская дипломатия исходила из принципов известной Кяхтинской системы в советской трактовке, которая, в частности, предусматривала возрождение “автономной Монголии под сюзеренитетом Китая”¹²². Подтверждая позицию И.Л. Юрина, руководство ДВР по согласованию с Москвой в августе 1921 г. сделало специальное заявление пекинскому правительству, в котором сообщалось, что “положение Монголии (Внешней. - С.Л.) будет определяться старыми царскими договорами России и Китая по Монголии, и правительство ДВР не допустит отпадения Монголии от Китая”¹²³, однако и это заявление было оставлено Пекином без ответа.

Основная фаза дипломатической завязки относится к периоду пребывания в Пекине первого официального и полномочного представителя РСФСР А.К. Пайкеса с 12 декабря 1921 г. Программа переговоров А.К. Пайкеса по монгольскому разделу строилась на троийственной (Кяхтинской) “методике”, т.е. предполагала известные

вещи – участие монгольских представителей, российское посредничество и автономию Внешней Монголии в составе Китая. Программа была составлена в Москве в период советско-монгольских переговоров при непосредственном участии Г.В. Чичерина, Б.З. Шумяцкого и самого А.К. Пайкеса. Советское руководство рассчитывало через А. Пайкеса найти с Китаем приемлемую форму существования Внешней Монголии – автономную, не теряя при этом завоеванных позиций, сохранив там свои войска, политико-идеологическое влияние, а также советско-монгольское соглашение от 5 ноября 1921 г. в неизменном виде. Вместе с тем оно не учитывало в полной мере серьезности того положения, что Китай, несмотря на внутренние распри, не намерен в принципе воспринимать советский подход в решении монгольского вопроса. То, что удалось в свое время сделать царской России, советской повторить было уже невозможно. К тому же А.К. Пайкес, отправляясь в Пекин, был в какой-то степени заранее обречен на неудачу, так как имел тактически неверную установку Москвы на замалчивание советско-монгольского соглашения¹²⁴

Первые донесения из Пекина подтвердили общие опасения. Так, в телеграмме Г.В.Чичерину от 27 декабря 1921 г. сообщается, что А.К. Пайкес сделал заявление представителю Чжан Цзолиня о том, что “войска из Монголии не будут выведены до урегулирования взаимоотношений с нею китайского правительства”¹²⁵. В январе 1922 г. он сообщил, что на него обрушилась волна обвинений, связанных с поступившей информацией о советско-монгольском соглашении. Обвинения выдвигались как в прессе, так и по официальной линии. 1 мая 1922 г. китайское министерство иностранных дел представило А.К. Пайкесу специальное отношение по Монголии, в котором, в частности, говорилось: “Вы по своему приезду в Пекин заявили, что такового (советско-монгольского соглашения – С.Л.) не существует, в личном же разговоре, на днях, когда был представлен текст договора, Вы признали его существование... наше правительство обращается к Вам с энергичным протестом и заявляет, что все договоры рабоче-крестьянского правительства, заключенные с Монголией, китайское правительство не признает”¹²⁶

Несмотря на мощное давление Пекина, А.К.Пайкес до конца боролся за реализацию московских инструкций. В течение февраля – июля 1922 г. у него шел долгий и мучительный спор с представителями китайского МИД о “суверенитете Монголии” или “сюзеренитете Китая над Монголией”, о том, должно или нет монгольское правительство участвовать в переговорах или же Советская Россия выступит посредником между Китаем и Монголией¹²⁷. Одновременно он

пытался обсудить ряд других вопросов - проблему КВЖД, китайских долгов царской России, но монгольский вопрос предопределял общий ход переговоров и без его предварительного решения Пекин отказывался обсуждать другие темы. Таким образом, начальная позиция Москвы по монгольскому вопросу обусловила крах второй (после И. Л. Юрина) дипломатической миссии в Китае.

Приезд нового дипломатического представителя РСФСР А. А. Иоффе в Китай в июле 1922 г. был не просто формальной сменой миссий, он означал, что советское руководство ищет принципиально новые подходы к Китаю, в том числе и по монгольской проблеме. Относительно сложности последней у самого А. А. Иоффе не было иллюзий: "Монголия, — пишет он в одном из первых политических писем советскому руководству в Москву, — самое уязвимое место нашей китайской политики и единственный козырь в руках империалистов против нас"¹²⁸. С самого начала своей миссии он поставил цель убедить Москву кардинально пересмотреть ее позицию по Монголии, т. е. отказаться от идеи тройственных переговоров, специального обсуждения монгольского вопроса отдельно или предварительно, как это делали И. Л. Юрин и А. К. Пайкес, а самое главное — отказаться от автономии Внешней Монголии, передав ее в полное распоряжение Китая¹²⁹.

Такой подход, особенно последний пункт, был воспринят в Политбюро ЦК РКП(б) резко отрицательно. Политбюро, обсудив в начале сентября 1922 г. первые письма А. Иоффе, направило ему директиву с прежними требованиями добиваться как автономии в составе Китая, так и участия монгольского правительства в переговорах, отметив, что это "не нарушает китайского суверенитета в Монголии"¹³⁰.

В этих условиях, чтобы спасти переговоры и убедить Г. В. Чичерина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и др., А. А. Иоффе дает более серьезную аргументацию, явившуюся результатом его тщательного анализа монголо-китайских событий.

Во-первых, отказ от Монголии, разъяснял А. Иоффе, "пойдет на пользу революционному движению в Китае, а в конечном счете и мировой революции. Специфика китайской революции, продолжал он далее, связана с борьбой юга против "дудзюнов" — провинциальных милитаристов, которые ассоциируются в Китае с понятием "автономизма". Советскую же поддержку "монгольского автономизма" в Китае воспринимают не только как вмешательство во внутренние дела, но и, что гораздо хуже, как антиреволюционную позицию, направленную против Сунь Ятсена"¹³¹.

Во вторых, обосновывая целесообразность передачи Монголии Китаю, А. Иоффе коснулся проблемы права наций на самоопределение, напомнив советскому руководству условность и относительность этого права в ходе осуществления классовой политики. Он пишет: «Мы совершенно правильно иной раз предаем интересы маленького армянского народа интересам большого турецкого, потому что национальное движение турок в мировом масштабе гораздо важнее... национальной борьбы армян. Но я никак не могу понять, — продолжает он далее, — почему буряты Монголии, которых мы величаем монгольским народом, столь милы сердцу нашему, что мы в угоду им должны жертвовать всей нашей дальневосточной политикой и рикошетом нашей мировой революцией»¹³². Из этого он делает вывод о том, что право монголов на самоопределение и отделение от Китая становится «вредным и ненужным» ввиду грандиозных задач революционного движения в Китае и на Востоке.

Подобный революционный «практицизм» и манипулирование судьбами целых народов и государств ради «великой идеи» были типичными явлениями того времени. А.А. Иоффе по существу развивал мысли, прозвучавшие в дискуссии VIII съезда РКП(б) в 1919 г. по проблеме права наций на самоопределение. На съезде обсуждался представленный В.И. Лениным проект программы, в частности, раздел по национальной политике. Выступавший по докладу Н.И. Бухарин, заявил, что в основу национальной программы следует положить не право наций на самоопределение, а тезис «об объединении пролетариата всех наций». Со своей стороны он предложил свою схему — «право трудящихся каждой национальности на самоопределение». Для стран, где пролетариат не сформировался, Н. Бухарин допускал существование «права наций на самоопределение». «Если для колоний, — уточнял он, — мы выставим лозунг «право наций на самоопределение», мы ничего не потеряем. Наоборот, мы выиграем, потому что весь национальный комплекс будет вредить чужеземному империализму»¹³³. Другими словами, Н. Бухарин указывал на временно-агитационный характер этого «права», которое в одних случаях можно предоставить, а в других нет, исходя, главным образом, из классовой целесообразности. «Любимца партии» поддержали Г.Д. Пятаков и заместитель В.И. Ленина по совету народных комиссаров А.И. Рыков, и, хотя ленинское положение вошло в программу с небольшими корректировками, дискуссия показала формальной и «прикладной» характер данного пункта, применяемого в зависимости от хода мирового революционного движения. Именно на это и «бил» А. Иоффе в своей аргументации монгольского вопроса, и, в конечном счете, не согласиться с его доводами в Москве не могли

Последний аргумент А. Иоффе в пользу "передачи" Монголии был связан с особенностями расстановки политических сил в Китае в этот период. Сунь Ятсен и его временный союзник У Пэйфу, на которых тогда ориентировался Коминтерн, выступали за единый, централизованный Китай, в концепцию кося не вписывалась автономия Внешней Монголии. Несмотря на то, что А. Иоффе заручился поддержкой в 1922 г. Сунь Ятсена и У Пэйфу в вопросе о временной задержке советских войск в Монголии, тем не менее, каждый из китайских лидеров имел собственный расчет. Сунь планировал использовать Монголию и стоящий за ней СССР как плацдарм и материально-техническую базу в его грандиозном плане переброски миллионной армии из Сычуани к границам Монголии¹³⁴, а У Пэйфу вообще заявлял А. Иоффе, что его войска весной 1923 г. просто заменят советские части и вопрос о Монголии разрешится сам собой. Оставался еще Чжан Цзолин, который на словах поддерживал идею монгольской автономии, но А. Иоффе с большим сомнением относился к искренности подобных заявлений маньчжурского наместника, готового при первом же удобном случае собственными силами захватить Монголию, тем более что, в отличие от Сунь Ятсена, Чжан не являлся стратегическим союзником СССР и Коминтерна в Китае.

Исходя из такой мотивировки, А. Иоффе предложил следующую тактику ведения переговоров: а) не заострять внимания на Монголии в будущем советско-китайском соглашении, ограничившись только одной статьей о признании СССР суверенитета Китая там; б) сохранить советско-монгольское соглашение 5 ноября 1921 г., а если китайцы потребуют аннулировать его, то предложить Китаю "официально его не рассматривать", в) объявить о готовности СССР вывести войска из Монголии, оговорив сроки вывода после подписания советско-китайских документов¹³⁵.

Надо сказать, что "плагформа" А. Иоффе по решению монгольской проблемы с трудом, но пробивала себе дорогу в Москве. Согласившись, в целом, с его тактической линией ведения переговоров по Монголии, советское руководство не теряло еще надежды отстоять монгольскую автономию, используя другие каналы влияния. Осенью 1923 г. в ходе визита делегации Чан Кайши в Москву Л. Д. Троцкий и Г. В. Чичерин вновь подняли идею монгольской автономии, предложив гоминьдановскому генералу рассмотреть вопрос о предоставлении Внешней Монголии права на самоопределение, что вызвало серьезное недовольство Чан Кайши, усилив, в целом, его недоверие к политике СССР¹³⁶.

5 сентября 1923 г. на смену посланному в Японию А. Иоффе в Пекин прибыла официальная дипломатическая миссия под руководством

135 \

ством заместителя наркома по иностранным делам Л. М. Карахана. К этому времени идеи А. Иоффе относительно Монголии воспринимались в Москве как отражение суровой “классовой” необходимости, диктуемой потребностями революционного движения в Китае. В сущности, “концепция” А. Иоффе по Монголии и легла в основу переговоров Л. М. Карахана и будущего соглашения. Л. М. Карахан официально завершил долгое и мучительное для обеих сторон дело. И хотя по другим вопросам – КВЖД, выплата царских долгов и др., – все обстояло еще не так гладко, монгольский вопрос после ряда официальных заявлений Л. М. Карахана отошел на второй план. Так, в феврале 1924 г. на встрече с представителями “Ассоциации национальной внешней политики” в Пекине Л. М. Карахан сказал, что “вопрос о Монголии является вопросом пустяжным. Мы считаем, что Монголия входит в состав Китайской Республики. Суверенитет Китая в Монголии не подвергается нашему сомнению”¹³⁷.

В связи с многочисленными заявлениями Л. М. Карахана любопытный комментарий дала газета японского посольства в Пекине “Норс Чайна Стандарт” “В первый раз, – писала газета, – большевистский представитель признает, что Монголия есть часть Китая. Теперь монголы приносятся в жертву их освободителям, потому, что на карту поставлены большие интересы. Господин Карахан приехал с одной целью – КВЖД и признание советского правительства”¹³⁸.

Завершение переговоров в Пекине и изменение позиции Москвы по монгольскому вопросу сказались на тактике советских представителей в Монголии. Новый полпред СССР А. Н. Васильев, прибывший в Улан-Батор 3 января 1924 г., получил от Г. В. Чичерина инструкцию обратить внимание на нежелательные антикитайские настроения в монгольском руководстве, сделав все по их искоренению и подводя монголов постепенно к осознанию “автономии в составе Китая на длительных период”¹³⁹. Развивая этот тезис, А. Н. Васильев на банкете 9 января 1924 г., устроенном монгольским правительством в честь нового посла, сказал: “Трудовые массы Китая, столь радушно встретившие товарища Карахана, стоят за дружбу с Россией, поэтому говорить о настроениях Китая в таких выражениях, которые здесь прозвучали, неосторожно. Нельзя так легко и беспричинно брехать оружием”¹⁴⁰. Упрек относился персонально к военному министру Х. Максарджабу, выступившему накануне с пламенной антикитайской речью, но по сути касался всего курса монгольского руководства. В феврале 1924 г. в интервью газете “Ургинские новости” посол сказал, что “настоящая обстановка не позволяет говорить о независимости Монголии. Пока что приходится говорить об автономии Вашего государства”¹⁴¹.

Новые веяния из Пекина и Москвы вызывали скрытое раздражение монгольских руководителей – премьер-министра Б. Цэрэндоржа, министра иностранных дел А. Амора и др. Установки советских представителей на свертывание антикитайских лозунгов и автономии Внешней Монголии противоречили всем предыдущим высказываниям советских и монгольских лидеров о монгольской независимости от Китая.

31 мая 1924 г. в Пекине были подписаны следующие документы:

- 1) Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой;
- 2) Декларации, уточняющие отдельные положения соглашения;
- 3) Ноты об установлении дипломатических отношений;
- 4) Соглашение о временном управлении КВЖД.

Ст. 5 “Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов..” определяла Внешнюю Монголию как “составную часть Китайской Республики”. СССР обязался уважать там китайский суверенитет. Одновременно Л.М. Карахан официально заявил о готовности СССР вывести свои войска из Внешней Монголии по взаимному согласованию сроков вывода¹⁴².

Полученные известия о пекинских документах¹⁴³ вызвали в Улан-Баторе взрыв недовольства. Было созвано экстренное заседание ЦК МНП и правительства по этому поводу, на котором в ходе ожесточенной дискуссии и эмоциональных выступлений определились следующие позиции. Председатель ЦК МНП С. Данзан, член ЦК и министр просвещения Ц. Жамцарано, министр иностранных дел А. Амор и др. трактовали соглашение как предательство со стороны СССР, проявление “двуличности” Москвы, заключившей “за спиной Монголии” соглашение об уничтожении монгольской независимости, предлагая не признавать его и военным путем защищать монгольскую государственность. Так, С. Данзан, в частности, сказал: “Монголия будет отстаивать свою независимость от Китая. . и если подтвердится новая линия России, сопротивляться до конца. Речь пойдет о вхождении в Китай голько, когда Китай сам освободится от империалистов”¹⁴⁴. Другой подход, предполагавший, наоборот, поддержать соглашение, как “революционизирующее Китай” и помогающее сближению Китая и Монголии, высказывался председателем реввоенсовета Монголии Э.Д. Ринчино. Его отчасти поддерживали новые “выдвиженцы” Коминтерна Н. Жадамба и Ц. Дамбадорж, а также руководство революционного союза молодежи во главе с Буян Нэмху и представителем Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ) С. Старковым (Зорикто). Э. Ринчино отмечал, что

Монголии тактически выгодно соглашение, которое приближает революционные народы Китая и Монголии и "работает" на общее благо мировой революции. Промежуточную, компромиссную позицию занял премьер-министр Б. Цэрэндорж. Его позиция и возобладала, в конечном итоге, в официальной оценке монгольского правительства пекинских событий. Не отрицая тяжелого положения, вызванного пекинским соглашением, и появление определенной угрозы монгольской государственности, он, тем не менее, указал на относительность и временный характер автономного статуса Монголии. "К тому же, – добавил премьер, – без России все равно ничего не получится. а вооруженное сопротивление Китаю безнадежно"¹⁴⁵. Таким образом, прагматичный и взвешенный подход Б. Цэрэндоржа помог монгольскому руководству определить оптимальную линию в данной кризисной ситуации, сохранив, с одной стороны, "лицо" (МНР никогда официально не признавала действие соглашения), а с другой – своего единственного союзника – СССР, хотя антисоветские настроения среди части монгольского руководства значительно окрепли.

В июне 1924 г. из Москвы от наркома Г. Чичерина на имя монгольских руководителей пришла телеграмма, в которой говорилось о том, что СССР не ведет "двойной игры" за спиной Монголии, что Москва не бросает монголов на произвол судьбы и "один на один с Китаем" и что советские войска не уходят из Монголии, а "перейдут на службу к монгольскому правительству в качестве добровольцев", изменив, таким образом, всего лишь свой статус¹⁴⁶. Это послание, а также постоянные заявления о дружбе и поддержке со стороны А.Н. Васильева несколько успокоили монголов, сняв первоначальное шоковое напряжение, однако общая неуверенность в будущем в партийных и государственных структурах Монголии сохранилась.

4 августа 1924 г. открылся III съезд МНП, на котором, кроме внутривополитических вопросов, вновь остро встала проблема оценки советско-китайского соглашения.

В ходе работы съезда на втором заседании Э. Ринчино, развивая мысли, высказанные на экстренном заседании ЦК МНП, отметил: "Появление советских представителей в Китае и общесоветская политика приведут к пробуждению китайского народа. При наличии нормальных отношений между Россией и Китаем и наша Монголия легче сумеет связаться с китайскими революционерами. .. При этом надо иметь в виду, что миллионы внутренних монголов стонут под игом Китая"¹⁴⁷. Речь А. Амора прозвучала полным диссонансом революционным лозунгам Э. Ринчино. Амор в жесткой и недвусмысленной форме сформулировал свое видение проблемы "Русско-китайское

соглашение от 31 мая 1924 г., – сказал он. – признает суверенитет Китая над Монголией. Но наше правительство требует от Китая 1) признания независимости Монголии, 2) уплаты Монголии всех тех интервентских расходов, которые нанесло Монголии пребывание в ней до Унгерна гаминов, 3) присугствия при монголо-китайских переговорах представителей СССР, 4) ведения переговоров в Урге”¹⁴⁸. Фактически, выступления Э. Ринчино и А. Амора обозначили “в чистом виде” революционно-классовый (коминтерновский) и национально-государственный (монгольский) подходы. Реальное же решение проблемы в тех исторических условиях для Внешней Монголии лежало посередине, т. е. не признавать юридической силы соглашения, но продолжать курс на укрепление союза с СССР и Коминтерном, единственными гарантами монгольской государственности, хотя бы и в зависимой, урезанной форме. Последнее обстоятельство прекрасно понимал Б. Цэрэндорж, прошедшего большую школу дипломатии компромиссов царской России и Китая 1915 – 1917 гг. и его сторонники. Поэтому, именно данный подход и возобладали в резолюциях и решениях съезда.

В период подготовки I-го Великого хурулдана (8 – 28 ноября 1924 г.), принявшего конституцию и провозгласившего Внешнюю Монголию республикой (4 мая 1924 г. умер Богдо-гэгэн), острота “китайского вопроса” была сведена советскими представителями до минимума. Так, в ходе обсуждения проекта доклада А. Амора из первоначального текста по настоянию уполномоченного Коминтерна Т. Рыскулова были изъяты урянхайский раздел, где говорилось о проблеме объединения Монголии и Тувы, и материал о советско-китайских переговорах в Пекине, включая характеристику соглашения. По поводу этих “купюр” Т. Рыскулов, выступая на заседании ЦК МНРП¹⁴⁹, сказал. “По 1 пункту (по Туве – СЛ) можно ограничиться общей формулировкой, указав, что вопрос будет решен в соответствии с желанием урянхайцев. соглашение же (СССР и Китая. – СЛ) необходимо обойти молчанием, так как упоминать лишний раз об этом и портить настроение хурулдану нет надобности, ибо мы все равно стоим перед новыми переговорами” (с Китаем – СЛ)¹⁵⁰

Итоговая резолюция Хурулдана, несмотря на “редакцию” Т. Рыскулова, сохранила ряд важных положений, отразивших национальное начало во внешнеполитической линии монгольского правительства. В резолюции, в частности, было записано. “. Стремиться к установлению дружественных связей с трудящимися Китая, углублять и проводить великое дело предоставления свободы монгольским племенам 3) Подтвердить .. политику об уменьшении числа проживающих в стране китайцев и ограничение их числа и их переселения

4) МИД (Монголии - С'Л) надлежит разрешить вопрос об объединении с Гувой в соответствии с пожеланиями самого Урянхайского народа . 7) Одобряя переход в подданство бурят-монгол, переход утвердить и спешно отвести им особую территорию"¹⁵¹ Оценка советско-китайского соглашения не вошла в резолюцию.

В конституции (ст 1) была провозглашена независимость МНР и аннулированы все дореволюционные договоры и соглашения Монголии (ст.3)¹⁵² Одновременно декларировалось, что одной из задач внешней политики МНР является "объединение монгольских племен в единое свободное государство, способное защитить религию и интересы народа"¹⁵³.

Принятие республиканской конституции идеологически и политически сближало СССР и Внешнюю Монголию и еще более отдаляло последнюю от Китая. Составленная по советскому образцу и с помощью советских, коминтерновских представителей (Т. Рыскулова, В.И. Юдина, А.Н. Васильева и др.), она, как отмечал в донесении в Москву Т. Рыскулов, "определяет социально-политическую организацию республики, приближая ее по своей структуре к советскому типу государства"¹⁵⁴.

Таким образом, в 1920 – 1924 гг. взгляды советского руководства на статус Внешней Монголии и на ее роль в советско-китайских отношениях прошли путь непростой эволюции. Отказавшись от тройственной системы и признав суверенитет Китая над Внешней Монголией (1924 г), советское правительство, таким образом, решало свои задачи в Китае, связанные с подготовкой китайской революции 1925 - 1927 гг. Что касается Внешней Монголии, то она, не признавая советско-китайское соглашение 1924 г, вынуждена была по-прежнему следовать стратегическому курсу на союз с СССР и Коминтерном, являвшимися единственными гарантами сохранения ее независимости

* * *

Рождение новой монгольской государственности происходило под влиянием мощных социальных катаклизмов в сопредельных Монголии странах – России и Китае. Являясь отчасти продуктом коминтерновской политики и гражданской войны в России, Монгольская народная революция 1921 г вобрала в себя многовековой опыт борьбы Монголии за суверенитет, независимость и объединение монгольских племен.

Исторический опыт теократической Монголии, не выдержавшей испытаний, заставил искать новую форму государственности. Вариант республики в союзе с СССР, но не зависимой от него, давал перспективы сохранения монгольского суверенитета

В 1919 - 1924 гг. во внешней политике монгольского правительства определились такие направления, как "выход" монгольского руководства в политическом смысле в сопредельные этнорегионы, закрепление результатов революции 1921 г. путем сближения с Советской Россией, сохранение независимости и суверенитета в отношениях с Китаем. Последнее направление было наиболее сложным для Монголии, так как в связи с китайскими революционными событиями, Монголию в Москве рассматривали в качестве стратегического "коридора" в общей революционной политике Коминтерна в Китае.

Реализация внешней политики Монголии была невозможна без материальной, военной, дипломатической и идеологической поддержки Москвы. Специфика советско-монгольских отношений в этот период заключалась в наличии своеобразного "баланса" между влиянием Коминтерна/СССР и интересами соблюдения самостоятельности Монголии.

Первый опыт международно-правового оформления Монголии согласно советско-китайскому соглашению 1924 г. был неудачен для Москвы и Улан-Батора. Внешняя Монголия юридически становилась "частью" Китая, а расчет на быструю победу китайской революции и пересмотр соглашения оказался несостоятельным. Провозглашение в 1924 г. Монгольской Народной Республики и ее фактически независимое развитие от Китая создавали в правовом отношении двойственную и противоречивую ситуацию – с одной стороны, МНР существовала и развивалась как суверенное государство, а с другой – юридически оставалась "частью" Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О политике Советской России в Монголии до марта 1919 г. см. гл. 2, § 3.

² РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 1, л. 25.

³ Там же, д. 5, л. 26, 29.

⁴ Состав Ургинской управы на 1 марта 1920 г.: В. Чайванов, М. Запарин, С. Попов, Н. Дешевых, И. Черепанов – См.: РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 7, л. 2.

⁵ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 7, л. 1.

⁶ См.: Кожиков И. П. (Ивин). Борьба за Советскую власть у ворот Монголии // Пролетарская революция и Октябрь. 1926. № 10 (57) С. 156 – 206.

⁷ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 48, л. 1, д. 52, л. 15, 17.

⁸ АВП РИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761/4, д. 887, л. 141.

⁹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 11, л. 8.

¹⁰ Там же, л. 9.

¹¹ Следует добавить, что в основе решения лежал не только учет монгольского фактора, но и необходимость “революционизации” других регионов

¹² В монголо-тибетский отдел на тот период входили С.С. Борисов, Г. Данчинов, М. Сахьянова, Э. Ринчино, Старков (Зорикто), Цырендтжапов, Ф. Коняев, Нацов (Шойжелов), В.И. Юдин, Ишитдорж. Отдел курировался Ф.И. Гапоном и Б.З. Шумяцким

¹³ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 21, л. 81.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Перевод письма был сделан Э. Ринчино 20 августа 1920 г. См. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 7, л. 6 – 7

¹⁶ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 4, л. 1.

¹⁷ R. Rupen. Now Mongolia is Really Ruled. A Political History of the Mongolian People's Republic 1900 – 1978 – Stanford, 1979; P.S.H. Tang. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911 – 1931 – Durham, 1959.

¹⁸ Речь идет о революционной группе, партия была организована позже 1 – 3 марта 1921 г. в г. Кяхте.

¹⁹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 4, л. 3.

²⁰ Там же

²¹ Там же, оп. 154, д. 5, л. 19 – 20

²² Там же, ф. 372, оп. 1, д. 61, л. 93.

²³ Монгол ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр их хурал (1921 оны гуравдугаар сарын 1 – 3. Ундсэн баримт бичгууд). – Улаанбаатор, 1971. С. 28 – 29

²⁴ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 8.

²⁵ Унгерн-Штернберг Р.Ф. (1885 – 1921) – учился в кадетском корпусе, с 1914 г. воевал в Пруссии, награжден Георгиевским крестом, в 1918 г. обосновался в Даурии, 16 августа 1919 г. вступил в брак с маньчжурской принцессой свергнутой династии Цин. Политические взгляды – смесь монархизма, евразийства и панмонголизма. Теократия в восточной форме (маньчжурская, монгольская) по Унгерну – идеальная форма государственного устройства. Цель борьбы Унгерна – возрождение монархий на Востоке – в Монголии, Китае и т.д. – Подробнее см.: Л. Юзефович. Самодержец пустыни. Феномен барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. – М., 1993.

²⁶ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 7, л. 12

²⁷ Там же, д. 28, л. 35.

²⁸ Там же, д. 33, л. 10, д. 89, л. 3.

²⁹ Там же, д. 7, л. 16, 34

³⁰ Там же, д. 89, л. 3

³¹ Там же, д. 105, л. 1

³² Там же, д.97, л.1

³³ Сотрудниками монголо-тибетской секции Дальневосточного секретариата на тот период являлись: Э.Д. Ринчино, Г.Г. Данчинов, С.С. Борисов, Цыден-Еши Дашепилов, Цебен Бекзеев (Жамцарано), Аюр Ванчиков, Б. Цырендтжалов, Б. Ишитдоржин, Д. Далданов, А. Хунданов, Мария Ринчино, С. Жамбалон, Д. Дамдин-Циренов, и др. – всего 46 сотрудников. Курировали работу секции Ф.И. Галон и Б.З. Шумяцкий.

³⁴ РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.97, л.7.

³⁵ Там же, д.89, л.3.

³⁶ Там же, д.105, л.1.

³⁷ См.подробнее: Ширендыб Б. История Монгольской Народной Революции 1921 г. – М., 1971; Очерки истории МНРП. – М., 1971; История МНР. – М., 1983.

³⁸ В Маймачене находились китайские отряды, бежавшие от Унгерна из Урги.

³⁹ РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.105, л.13.

⁴⁰ Там же

⁴¹ Там же, ф.372, оп.1, д.109, л.13.

⁴² Подробнее см.: Кунгуров Г.Ф., Сороковиков И.А. Аратская революция – Иркутск, 1957.

⁴³ РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.9, л.10.

⁴⁴ Там же, л.10 – 11.

⁴⁵ Там же, ф.372, оп.1, д.61, л.57 – 59.

⁴⁶ Там же, л.59.

⁴⁷ Там же, л.57.

⁴⁸ Там же

⁴⁹ Там же, ф.495, оп.154, д.106, л.4

⁵⁰ Там же

⁵¹ Там же, д.97, л.3.

⁵² Там же

⁵³ Подобную уверенность подкрепляли указания Коминтерна по организации и отправке в мае-июне 1921 г. трех советско-монгольских военных экспедиций в Урянхайский край для "усиления там революционного процесса" – См.: РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.105, л.39(об.).

⁵⁴ РЦХИДНИ, ф.372, оп.1, д.61, л.233.

⁵⁵ Там же, ф.495, оп.154, д.105, л.7

⁵⁶ Там же, л.7 – 8.

⁵⁷ См.подробнее: Б. Ширендыб Ук.соч.

⁵⁸ Советско-монгольские отношения 1921 – 1940. Документы. – С.28

⁵⁹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 12

⁶⁰ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 4, пор. 5, палка 1, л. 6

⁶¹ РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 145, л. 38

⁶² РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 105, л. 66.

⁶³ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 105, л. 83.

⁶⁴ Советско-монгольские отношения Документы. , № 35 – 36 С. 43 – 46

⁶⁵ Там же, № 37 С. 46 – 48

⁶⁶ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 112, л. 226. – Джалханцза-хутухта был направлен в этот период Ургой в Западную Монголию, как представитель нарревправительства. Он, пользуясь своим высоким духовным авторитетом, должен был “отвлечь” западных монголов от влияния Джа-ламы, который, несмотря на все старания Урги, не собирався с ней сотрудничать, вызывая большое беспокойство центральной власти – См.: РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 22.

⁶⁷ Подробнее о Данзане, Бодо и Сухэ-Баторе см.: Рошин С. К. Они возглавляли революцию // Азия и Африка сегодня – 1995 № 9 С. 63 – 68

⁶⁸ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 9, л. 42.

⁶⁹ Там же, оп. 152, д. 9, л. 72.

⁷⁰ Там же

⁷¹ Советско-монгольские отношения Документы. , с. 36

⁷² РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 33.

⁷³ Подробнее о ранних советско-китайских отношениях по проблеме Внешней Монголии см. § 3 этой главы

⁷⁴ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 34

⁷⁵ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 9, л. 47

⁷⁶ Там же, л. 73

⁷⁷ Там же, л. 73 – 74.

⁷⁸ Советско-монгольские отношения Документы – С. 58 – 62

⁷⁹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 11, л. 70, д. 9, л. 57.

⁸⁰ Там же, оп. 154, д. 105, л. 55 – 56

⁸¹ Там же, д. 97, л. 17 – 19.

⁸² Там же, л. 60 – 61

⁸³ Отряды Бакича захватили Алтайский округ Синьцзяна в 1921 г. Ян Цзэнсинь (губернатор Синьцзяна) 26 сентября 1921 г. подписал с уполномоченным Реввоенсовета Сибири в г. Чугучаке “Соглашение о вводе красных войск РСФСР в пределы Кит. Республики для ликвидации белых, находящихся в Алтайском округе” – См. Советско-китайские отношения 1917 – 1957 М., 1959 С. 59 – 60

⁸⁴ Гонгор Д. Ховдын хураангуй туух – Улаанбаатар, 1964 С. 121 – 123

⁸⁵ В новейшей российской историографии не раз затрагивался данный сюжет и высказывались различные предположения о гибели Джа-ламы – от убийства его сотрудниками Коминтерна до чудесного спасения и бегства в Китай – См., например. Ломакина И. Голова Джа-ламы – СПб., 1993; Белов Е.А. Загадка Джа-ламы // Азия и Африка сегодня. – 1995. № 6; Даревская Е.М. Материалы П. Садецки-Добс о Джа-ламе // Взаимоотношения народов России – Иркутск, 1995. С 98 – 102. Наиболее обстоятельной выглядит версия Ломакиной И об убийстве Джа-ламы сотрудниками ГВО в конце 1922 г. (Ломакина И. Указ соч С 152 – 161). Эта версия подтверждается недавно открытыми документами ИККИ. – См.. РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.20, л 1-1(об).

⁸⁶ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.10, л.15

⁸⁷ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп 6, порт.24, пап 6, л 1

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ РЦХИДНИ, ф 372, оп.1, д.210, л 88

⁹⁰ АВП РФ, ф Секретариат Карахана, оп 6, порт.24, пап.6, л.1.

⁹¹ Там же, л.2

⁹² РЦХИДНИ, ф.372, оп.1, д.127, л 2 - 3.

⁹³ Там же, д 210, л 87 – 88.

⁹⁴ РЦХИДНИ, ф.372, оп.1, д.127, л 87.

⁹⁵ Полный текст письма Э. Ринчино-Даши Сампилону (подл.) см . РЦХИДНИ, ф.495, оп 154, д.224, л. 81 – 83.

⁹⁶ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 17, пап.17, пор.3, д. 171, л. 69.

⁹⁷ РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.224, л 109

⁹⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.6, порт.25, пап.6, д.720, л 29

⁹⁹ Там же, л.31

¹⁰⁰ РЦХИДНИ, ф.495, оп 152, д 20, л 143

¹⁰¹ Там же

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, л.13 – 14.

¹⁰⁴ Там же, л.127.

¹⁰⁵ Там же, л.129.

¹⁰⁶ Там же, л.10 “а”.

¹⁰⁷ Подробнее о движении в Барге до 1917 г. Белов Е.А. Баргинский вопрос по материалам русских архивов (1911 – 1915 гг.) // Восток 1993. № 1.

¹⁰⁸ РЦХИДНИ, ф 495, оп 152, д.20, л.135 – 136

¹⁰⁹ Бай Юнги (монг имя Церен Донров) – выходец из Внутренней Монголии, в 1915 г. вступил в Гоминьдан в качестве представителя

от Внутренней Монголии, в 1921 – 1923 гг. входит в состав ЦК Гоминьдана, постоянно контактирует с Сунь Ятсеном. Последний назначает Бай Юнти уполномоченным Гоминьдана в Монголии и организатором народно-революционной партии Внутренней Монголии, жестко связанной и подчиненной Гоминьдану.

¹¹⁰ Подобные дискуссии были известны коминтерновскому руководству, но до приезда в Улан-Багор представителя Коминтерна Т. Рыскулова, в Москве на них смотрели лояльно, не придавая особого значения активизации МНП в сопредельных китайских регионах.

¹¹¹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 246 – 249.

¹¹² Там же, д. 19, л. 36.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Подробнее о деятельности Т. Рыскулова в Монголии см.: Рошин С.К. Турар Рыскулов в Монголии // Владимирцовские чтения. Всероссийская конференция монголоведов. – М., 1995. С. 100 – 105; он же. Турар Рыскулов в Монголии. Из архивов // Азия. 1994 № 35, сентябрь.

¹¹⁵ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 241

¹¹⁶ См. подробнее. Персиц М.А.. Дальневосточная Республика и Китай – М., 1962; Капица М.С. Советско-китайские отношения. – М., 1958

¹¹⁷ АВП РФ, ф. 2, оп. 4, пап. 2, порт. 5, д. 190, л. 2

¹¹⁸ Капица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 64.

¹¹⁹ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 4, пап. 2, д. 16, л. 10. Следует добавить, что между Чэнь И, предложившем весной 1921 г. в Кяхте советским руководителям ввести войска в Монголию, и Пекинским правительством, отрицавшим это, не было связи, каждый действовал “автономно”, сообразно складывавшимся обстоятельствам.

¹²⁰ АВП РФ, ф. 11, оп. 4, порт. 5, пап. 1, д. 190, л. 2

¹²¹ Советской историографии был известен только один визит И Л. Юрина (июль 1920 – март 1921 гг.), о втором визите, напрямую связанном с Монголией, почти ничего не было известно

¹²² АВП РФ, ф. 11, оп. 4, порт. 5, пап. 1, д. 190, л. 2 – 3

¹²³ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 97, л. 32

¹²⁴ А. Пайкесу было рекомендовано в крайнем случае ссылаться на прецедент маньчжурского соглашения А. Л. Юрина от 7 марта 1921 г. с пров. Цицикар, хотя при ближайшем рассмотрении аналогия с советско-монгольским соглашением выглядела совершенно неуместной.

¹²⁵ РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2194, л. 40

¹²⁶ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 5, порт. 19, пап. 3, д. 110, л. 1

¹²⁷ РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2194, л. 73, д. 2145, л. 12

¹²⁸ Там же, л. 15

- ¹²⁹ Там же, л. 3.
- ¹³⁰ Там же, д.2145, л.16.
- ¹³¹ Там же, л.17.
- ¹³² Там же, л.78.
- ¹³³ VIII съезд РКП(б). Москва, 18 – 23 марта 1919 г. Стенограф. отчет. – М., 1919. С. 41– 42.
- ¹³⁴ РЦХИДНИ, ф.5, оп.1, д.2147, л.32
- ¹³⁵ Там же, д.2145, л.79.
- ¹³⁶ Григорьев А.М. К оценке поездки делегации Гоминьдана в Москву в 1923 г. //Китайская традиционная культура и проблемы модернизации Тез. докл V Междун.науч конф. – М., 1994. Ч.II. С. 47 – 48.
- ¹³⁷ АВПРФ, ф.Референтура по Монголии, оп.7, пап.2, порт.11, д.720, л.22.
- ¹³⁸ Там же, л.27.
- ¹³⁹ Там же, л.184.
- ¹⁴⁰ Там же, л.10.
- ¹⁴¹ Там же, л.18– 19.
- ¹⁴² Советско-китайские отношения. 1917 – 1957. Сборник документов.– М., 1958. С.83.
- ¹⁴³ Монгольское правительство не располагало текстами подписанных в Пекине документов, но получило информацию о факте подписания и общую характеристику ст. 5 от советских представителей и посла Монголии в Москве.
- ¹⁴⁴ АВПРФ, ф.Референтура по Монголии, оп.7, пап.2, пор.11, д.720, л.274
- ¹⁴⁵ Там же, л. 274 – 275.
- ¹⁴⁶ Там же, л. 277.
- ¹⁴⁷ Там же, ф. Вост.отдел. Референтура по Монголии, оп.11, пор.10, пап.7, д.60, л.21 - 22.
- ¹⁴⁸ Там же, л.84.
- ¹⁴⁹ С августа 1924 г Монгольская народно-революционная партия (МНРП).
- ¹⁵⁰ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.24, л.125.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² БНМАУ-ын ард улсын удэсэн хууль. – Улаанбаатар, 1924. х..3–5.
- ¹⁵³ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.24, л.181.
- ¹⁵⁴ Там же, л.142

ГЛАВА IV.

СССР, МНР И КИТАЙ: ПОИСК НОВОЙ СТРАТЕГИИ И ПРИОРИТЕТОВ (1925-1936 гг.)

§ 1. Коминтерн, Монголия и Китайская революция 1925-1927 гг.

Китайская революция 1925—1927 гг. всколыхнула не только внутренний Китай, но и национальные окраины, затронув многочисленные не китайские народности. Революционные события в Китае оказали влияние на дальнейшую судьбу разделенного на части монгольского народа, а также дали импульс дальнейшему развитию идеи панмонголизма.

Заключенное 31 мая 1924 г. советско-китайское соглашение предусматривало созыв через шесть месяцев специальной конференции, на которой предполагалось выработать соглашение по Монголии в соответствии с принципами, изложенными в ст. 5 указанного соглашения¹. В силу ряда обстоятельств, связанных с внутренней обстановкой в Китае и обострением международной ситуации на Дальнем Востоке, такая конференция не была созвана. Однако проблема вывода советских войск из Монголии сохранилась. По этому поводу 6 октября 1924 г. Г. Чичерин писал Л.М. Карахану в Пекин: «На тов. Косича (начальник штаба Монгольской армии. — С.Л.) возложено проведение в жизнь нашего плана военной защиты Монголии. Нынешние части постепенно будут пополняться бурятами, и, когда их наконец выведут, останутся добровольцы-буряты. Одновременно много внимания уделяется реорганизации военной школы в Урге с тем, чтобы она сделалась источником коммунистического ядра будущей мон-

гольской армии Уход наших войск из Монголии не должен произойти раньше середины 1925 г”²

24 января 1925 г в ноте Г Чичерина монгольскому правительству было заявлено о выводе частей Красной Армии с территории Монголии В ответной ноте премьер-министра Б. Цэрэндоржа подчеркивалось, что он согласен с соображениями, изложенными в советской ноте относительно вывода частей Красной Армии из МНР³.

Политическая борьба в Китае осенью 1924 г. вновь неожиданно выдвинула монгольский вопрос в связи с усилением позиций У Пэйфу 27 сентября 1924 г. Л.М. Карахан сообщал Г. Чичерину: “Победа У Пэйфу грозит еще и следующей неприятностью. Несомненно, что, покончив с Чжан Цзолинем и аньфуистами, У Пэйфу направит свое внимание на Внешнюю Монголию, и сейчас, в случае победы У Пэйфу, эта опасность (заяятие Монголии – С Л) может быть очень реальной, ибо У Пэйфу – фанатик, который носит с идеей объединения всего Китая вооруженной рукой”⁴. Здесь следует добавить, что до 1924 г У Пэйфу был союзником Сунь Ятсена, который также развивал идеи объединения Китая.

В октябре 1924 г. в ходе войны чжилийской (У Пэйфу) и фэнтяньской (Чжан Цзолинь) группировок, генерал Фэн Юйсян, являясь командующим группой войск У Пэйфу, неожиданно поднял против последнего восстание, захватив Пекин и сформировав свое правительство Такой поворот дела попытались использовать в Москве, что бы пересмотреть монгольский вопрос. 12 ноября 1924 г. Л. Карахан писал Г. Чичерину: “Теперешний кабинет, созданный Фэном, я бы назвал лучшим кабинетом . (для) урегулирования вопроса о Монголии . Монгольские делегаты могут приехать в Пекин не для того, чтобы принять участие в строительстве нового Китая, что Вы считаете одиозным, а для того, чтобы вступить в переговоры с пекинским правительством. Когда в Пекине такая каша, как сейчас. . их можно было бы заставить принять такое соглашение с Монголией, которое было бы приемлемо и для нас, и для Монголии”⁵

Режим Фэн Юйсяна не мог долго продержаться в Пекине В конце ноября 1924 г воспользовавшись вспыхнувшим в г. Калгане бунтом местного гарнизона Фэн Юйсян посылает туда свои войска для подготовки новой базы на территории Внутренней Монголии Одновременно, он объявляет свои войска “народно-революционной армией”, предлагая союз Сунь Ятсену 5 декабря 1924 г. Л.М. Карахан сообщал Г. Чичерину “Задача, которую поставил себе сейчас Фэн Юйсян, заключается в том, чтобы тем или иным способом заполучить себе несколько провинций, по возможности ближе к нашим

границам . а в дальнейшем в комбинации с партией Гоминьдан, Монголией и нами укрепиться, увеличив свою армию и совершив новый переворот, который даст ему возможность создать сильное и устойчивое правительство Мне кажется, что партия Гоминьдан должна установить хороший контакт с Фэнгом и иметь на своей стороне народную армию. Это увеличило бы удельный вес Сунь Ятсена на севере, и, когда наступит время, армия Фэна в комбинации с партией Гоминьдан решили бы положение на Севере”⁶.

Москва проинформировала монгольское правительство о возможных изменениях по тактическим вопросам в связи с новым положением Фэн Юйсяна и его сближением с Сунь Ятсеном 22 ноября 1924 г монгольское руководство через своего представителя в Москве А. Данзана изложило свою позицию В документе, в частности, говорилось: “Правительство полагает, что СССР примет меры, чтобы убедить д-ра Сунь Ятсена не увлекаться пекинскими перспективами “Объединения”, тем более, что д-р Сунь уже был раз использован покойным Юанем (Юань Шикай – С Л) для укрепления реакционной власти Правительство просит НКВД принять меры, чтобы Пекин непосредственно сделал Урге предложение о посылке представителя Правительство намерено через будущего неофициального представителя в Пекине потребовать гарантии национальных интересов монгольского народа, восстановления автономии Барги, предоставления автономии синьцзянским монголам и предоставление во временное управление Монголии округов Жехе-гол, Чахар, Суйюань”⁷.

Осенью 1924 г заметно обостряется обстановка на монгольской границе с Синьцзяном. Часть населения Западной Монголии, в основном казахи и киргизы, недовольные мерами Урги “по собиранию” монгольских племен и включению их в состав Внешней Монголии, уходит на территорию Китая в район г. Шара-Сум⁸ Монгольское правительство пытаясь силой вернуть беженцев, вступает в конфликт с китайской администрацией и выдвигает часть своих отрядов на пограничный перевал Урмагайты. В течение августа - октября 1924 г между монгольскими и китайскими пограничными отрядами произошло несколько столкновений⁹. Одновременно, Урга заявляет синьцзянским властям свои претензии на территорию Алтайского округа¹⁰ Так, в письме ЦК МНП за 1924 г. говорится “Алтайский округ во времена прежнего господства Цин находился под управлением кобдоского наместника. Алтайский Урянхай и другие хошуны, а также массы казахов, придерживаясь прежнего законного управления, охотно подчинились правительству прежней автономной Монголии Они

и сейчас неоднократно обращались к нынешнему монгольскому правительству с просьбой об управлении ими по-старому”¹¹

20 мая 1924 г уполномоченный монгольского правительства в Кобдо отправляет китайскому губернатору в Шара-Сумэ Ли Чжунси следующее послание: “Наше монгольское правительство, следуя помыслам народа, организовало для алтайских урянхайцев отдельный аймак. Ваше же китайское правительство, жестоко подавив национальные права монголов, живущих в Алтайском округе, самовольно присоединило эту область к пров. Синьцзян, организовало уезд, а поданных монголов, не спрашивая их согласия, отдало под управление высокого чиновника.. Право Китая захватывать Алтайский округ и управлять им не имеет никакого отношения к учению великой китайской революции, а проистекает из произвола силы”. В конце послания монгольский представитель предлагает Ли Чжунси покинуть Алтайский округ¹².

Союз Фэн Юйсяна с Коминтерном и Гоминьданом предполагал превращение Монголии в транзитный пункт доставки оружия и потенциальную базу революционного движения в Северо-Восточном Китае. Вместе с тем этот союз невольно приводил к заострению “старых” проблем, таких, как не реализованные Ургой идеи панмонголизма, вопрос о независимости Внешней Монголии и др. В декабре 1924 г уполномоченный Коминтерна в Монголии Т. Рыскулов предлагает Москве рассмотреть примерный план деятельности Коминтерна в китайских национальных окраинах, основанный на использовании в подпольно-революционной работе специально подготовленных киргизов, калмыков, уйгуров, а также китайских коммунистов. Одновременно, он не исключал возможность активной работы ЦК МНРП во Внутренней Монголии, но под контролем Коминтерна¹³.

Предложение Т. Рыскулова относительно активизации роли Внешней Монголии в Китае не встретило на этом этапе поддержки в Москве. Тактика Коминтерна в монгольских областях Китая в начальный период революции носила весьма осторожный характер. Советское руководство считало преждевременным открытое вмешательство монголов в китайские дела, что ярко проявилось в баргутском вопросе. В середине октября 1924 г в Улан-Батор прибывает делегация Баргинского комитета нарревпартии Восточного края во главе с секретарем Мэрсээ (Го Даофу), которая поставила перед ЦК МНРП вопрос о подготовке и проведении совместно с монголами восстания в Барге. “Цель восстания, – как было записано в послании баргутских революционеров, – объединение монгольских племен и подготовка Великой революции народов в Восточной Азии”¹⁴. Со-

ветские представители (Т Рыскулов и полпред А Н Васильев), со своей стороны, заявили монгольским руководителям о том, что, "учитывая их прошлогодний ляпсус, когда Монголия заключила с баргутами секретное соглашение", СССР никакой реальной помощи и руководства в этом деле оказать не сможет"¹⁵ Чуть позже Юдин сообщил в НКВД: "С тов Рыскуловым мы договорились, чтобы монгольское правительство никаких официальных переговоров с приехавшей делегацией не вело, и вопрос был передан на рассмотрение ЦК МНРП"¹⁶.

ЦК МНРП на заседании в октябре 1924 г., заслушав доклад Мерсэ и других баргутских революционеров, принял следующую резолюцию: "Принимая во внимание неясность положения во Внутренней Монголии... считать несвоевременным какие-либо открытые выступления во Внутренней Монголии и Барге.. в то же время считать необходимым продолжение и углубление нелегальной партийной работы во Внутренней Монголии и Барге, в особенности в районах, где больше всего выражено недовольство народных масс иностранным угнетением"¹⁷. Однако, по мере усиления революционного движения в Китае, менялась и позиция монгольских революционеров. Так, уже на IV съезде МНРП в сентябре 1925 г во временной программе партии было записано. "Трудящиеся Монголии окажут горячую поддержку освободительной борьбе китайского народа против мирового империализма и продавшей ему китайской буржуазии"¹⁸

В конце 1924 г. – начале 1925 г руководство Коминтерна совместно с иностранным отделом ОГПУ изучает возможность нанесения удара в тыл маньчжурскому наместнику Чжан Цзолиню через Баргу. Для этой цели предполагалось использовать три основные группировки 1) хунхузские формирования¹⁹, 2) отряды баргутских революционеров, 3) влиятельных князей Барги, настроенных оппозиционно Пекину. На последнюю группу делался особый упор в связи с тем, что баргинская элита могла придать движению традиционно-исторический характер, т.е характер движения за отделение от Китая. Начальник иностранного отдела ОГПУ В Б Трилиссер 22 июля 1925 г. в секретном письме Г. Чичерину сообщал. "Баргинские экстремисты еще с 1912 г сохранили организационные силы и традиции по борьбе за отделение Барги от Китая. . и способность к быстрой военной организации партизанских отрядов». "Необходимо, -- отмечает он, -- использовать таких влиятельных князей, как Даманда, Наймэ-вана. Фушуна, Цэдагуна и др., способных предоставить до 1000 всадников"²⁰

В июне 1925 г. начались регулярные поставки из СССР оружия для народной армии Фэн Юйсяна, перебазировавшегося во Внутреннюю Монголию, в г. Калган. Первоначально оружие шло из Верхнеудинска до Калгана в течение двух недель. Решив ускорить этот процесс, советское руководство сделало из Улан-Батора, после согласования с МНРП, основную транзитную базу, откуда оружие доставлялось до ставки Фэна за 7 дней автомобильного пути. На транспортные расходы советской стороной было выделено 20 тыс. ам. долл.²¹

4 августа 1926 г. в Москве состоялось совместное совещание по китайским делам представителей НКВД, Реввоенсовета, ИККИ, ОГПУ, на котором был рассмотрен вопрос "О связи народной армии Фэн Юйсяна с Внешней Монголией и организации Северо-Западного бюро Революционного комитета Гоминьдана". Была утверждена смета расходов на армию Фэна, составившая за 1925 г. около 1 млн. долл. Причем в донесениях советников в Китае отмечалось, что и этой суммы недостаточно, так как японцы на армию Чжан Цзолина при той же примерно численности (80 тыс. человек) тратят ежегодно 20 млн. долл.²²

Весной 1925 г., проездом из Китая в Москву, в Улан-Баторе побывал член исполкома Коминтерна Сэн Катаяма. Выступая перед монгольскими и советскими представителями на заседании ЦК МНРП, он сказал: "Гоминьдан ничего не будет иметь против независимого существования Внешней Монголии. Идея воссоединения всех монгольских племен в одну самостоятельную Федеративную Республику с ближайшим курсом на советизацию и с отдаленной перспективой вхождения в СССР... это прекрасная идея... Пусть Внешняя Монголия пойдет к своим сородичам во Внутреннюю Монголию, Баргу, Синьцзян и организует их всех против мирового империализма"²³ Катаяма своим выступлением фактически дал санкцию на активизацию политики "революционного" панмонголизма, давно вынашиваемой монгольским руководством.

Подобная постановка вопроса вызвала категорические возражения полпреда А.Н. Васильева, который в ответ на пламенную речь Катаямы сказал: "Линия НКВД такова, чтобы не ссориться с китайской общественностью. Поэтому полпредство СССР в Монголии всячески сдерживает революционно настроенные элементы среди монголов, уговаривая их воздержаться от шагов, которые могли бы вызвать антикитайское движение. Обстоятельство это (объединение монгольских племен. - С.Л.) неизбежно вызовет тревогу и сопротивление у всех китайских группировок, за исключением крайне левых.

Официальный же Кигай встанет на дыбы. Таким образом, затронутый вопрос из коминтерновского обращается в НКВД-овский, которому приходится действовать в конкретной обстановке”²⁴

Дискуссия между Катаямой и А. Васильевым подтвердила “нестыковку” революционного (коминтерновского) и государственно-дипломатического (НКВД-овского) подходов в вопросах о статусе Внешней Монголии и проблеме объединения, наблюдающуюся еще с 1921 г. Монгольское руководство, со своей стороны, пыталось использовать эти разногласия, усиливая свою роль в руководстве революционным движением на национальных окраинах Китая. 11 марта 1925 г. на совместном заседании ЦК МНРП, монгольского правительства и президиума малого хурала, при рассмотрении вопроса о доставке из СССР через МНР оружия и боеприпасов для народной армии Фэн Юйсяна, было принято постановление о необходимости создания на окраинах Китая сети революционных баз из местного монгольского, уйгурского, казахского населения, контролируемой единым центром из Улан-Батора, в составе представителей ЦК МНРП и Коминтерна. Право на свое руководство монголы-аргументировали тем, что “Гоминьдан, возникший на далеком юге, не связан с этими народами ни идейно, ни организационно... поэтому целесообразно было бы возложить таковые задачи на монгольскую народную партию”²⁵.

Руководство Гоминьдана не признавало такого права за Внешней Монголией и рассматривало последнюю как подчиненную часть будущего революционного Китая. Этот подход был изложен А. Данзану еще в 1923 г., в ходе его визита в Китай. Монголы начали активные переговоры с другими политическими лидерами — генералом Фэн Юйсяном и Дуань Цижунем. К первому весной 1925 г. выехала специальная делегация в Калган, а 19 октября 1925 г. во Внутренней Монголии состоялась встреча Ц. Дамбадоржа с Дуань Цижунем, после чего Ц. Дамбадорж и Гурсэд вели переговоры в Пекине с руководящими деятелями Гоминьдана об укреплении связей между партиями. В апреле 1926 г. в Монголии находилась делегация Гоминьдана и КПК под руководством Тань Пиншаня²⁶.

Самостоятельные действия Улан-Батора вызывали отрицательную реакцию Москвы. Так, в ответ на ноту монгольского правительства НКВД СССР от 21 апреля 1925 г., в которой излагались предложения ЦК МНРП по руководству им революционной работой в национальных окраинах и отделению последних от Китая, Г. Чичерин “устроил монгольскому послу (А. Данзану — С.Л.) сцену с выражением негодования .. заявив, что нота основана на смешении двух поня-

тий революционной работы и правительственной дипломатии". "Если Коминтерн, - заявил Г. Чичерин послу, - работает среди ирландцев с лозунгом независимости Ирландии, это не значит, что мы можем обратиться к английскому правительству с требованием независимости Ирландии. Мы находимся в таком же положении по отношению к Китаю в вопросе о монгольских областях"²⁷.

Несмотря на жесткую позицию Москвы, к лету 1925 г. большая часть монгольского руководства твердо выступала за активное объединение монгольских племен и самостоятельность действий во Внутренней Монголии. Выразителем и идейным вдохновителем этих настроений был Э.Д. Ринчино. 26 мая 1925 г. в Улан-Баторе на заседании ЦК МНРП был заслушан доклад Э. Ринчино "Панмонголизм и наша зарубежная работа", в котором, в частности, он сказал: "Отрицать, что мы "панмонголисты", не приходится. в наших руках общемонгольская национальная идея - опасное и острое революционное оружие". И далее он отметил, что монголы сами должны взять инициативу "в свои руки" и что именно такой панмонголизм - без отделения от Китая - приемлем и МНРП, и Коминтерну²⁸.

В ходе обсуждения доклада развернулась острая политическая дискуссия между Э. Ринчино и Т. Рыскуловым, выявившая их принципиальные расхождения в подходах к данной проблеме. Т. Рыскулов заявил, что вопрос о работе во Внутренней Монголии должен решаться в Москве, так как МНРП не в состоянии своими силами осуществить ее, "ограничиваясь только провоцированием восстаний" "Самое радикальное, что может сейчас дать Коминтерн, - сказал Т. Рыскулов, - это согласие на нелегальную партийную работу. СССР не может заявить открыто Пекину о том, чтобы за Внешней Монголией из Китая выделилась и Внутренняя"²⁹.

Конфликт Ринчино - Рыскулов³⁰ отражал особенности двух подходов в политике СССР в Монголии. Позиция Т. Рыскулова соответствовала настроениям части руководства Коминтерна, желавшей поставить над всеми структурами в Монголии своего представителя, сделав его единственным и реальным руководителем ЦК МНРП и советского полпредства³¹. Подобный жесткий, механистический подход вызывал естественное недовольство монгольского руководства, рост антикоминтерновских и антисоветских настроений. Позиция Э. Ринчино была более радикальной и противоречивой. Он пытался совместить интересы Коминтерна с интересами монголо-бурятского национального движения. Так, 23 октября 1924 г., находясь в Верхнеудинске, он отмечал "Монголия, неизбежно должна будет пойти по пути советизации и войдет в недалеком будущем в

СССР в качестве нового члена Союза. Она неизбежно должна будет повторить то, что проделал Азербайджан, Бухара. При вхождении Монголии в СССР существование Бурятии потеряет всякое значение, и она должна будет присоединиться к Монголии"³¹ Однако уже в декабре 1925 г. в своей работе "Монголия, СССР и Китай", написанной под влиянием бурно развивавшихся китайских событий, он отстаивает идею создания "Федеративной Республики народов Китая", в которой бы существовал единый монгольский народ при соблюдении Гоминьданом следующих условий: 1) предоставление национальным меньшинствам конституционно декларированных суверенных прав; 2) отказ от системы буржуазного централизма, 3) союз с КПК; 4) размежевание с монгольской политикой Чжан Цзолина, особенно беспокоившей монгольских лидеров³². Одновременно Э. Ринчино подчеркивал, что "нельзя считать монголов детьми и полностью подменять их на ключевых постах советскими специалистами" "Влияние Коминтерна, — писал он, — должны проводить сами монголы"³⁴

В июле 1925 г. конфликт был разрешен Москвой путем компромисса. Советское руководство отозвало из Монголии и Т. Рыскулова, и Э. Ринчино, а также полпреда А. Васильева, поддерживавшего последнего по многим вопросам. Фактически, оно вынуждено было пойти навстречу пожеланиям монгольского правительства и МНРП относительно скорейшего отзыва Т. Рыскулова и смягчения в дальнейшем подходов со стороны уполномоченных Коминтерна. ИККИ ограничился небольшой критикой в адрес ЦК МНРП. В постановлении Восточного отдела Коминтерна от 17 августа 1925 г. отмечалось, что впредь "без предварительных переговоров с Коминтерном он (ЦК МНРП. — С. Л.) не может давать отвод представителям последнего"³⁵

С устранением Э. Ринчино проблема панмонголизма не исчезла. В начале 1926 г., в связи с временными успехами Фэн Юйсяна, в правительстве МНР вновь была поднята идея объединения Монголии. Усиление панмонголистских настроений было связано с тем, что монгольское руководство в ходе снабжения армии Фэна советским оружием и припасами получило определенную инициативу и самостоятельность в контактах с последним и, пользуясь этим, развернуло агитацию в монгольских частях Фэна. Он, со своей стороны, учитывая эти настроения, подыгрывал им, обещая поддержать политику создания единой Монголии. Он регулярно посещал Улан-Батор, давая явно завышенную оценку политической и военной мощи МНР. Фэн, имея точные сведения о численности Монгольской народной

армии, и зная, что монголы не в состоянии самостоятельно помочь ему военной силой, тем не менее, в феврале 1926 г официально обращается к монгольскому правительству, чтобы оно к весне 1926 г. поставило ему 30 тыс. монгольских всадников³⁶. Сам факт подобных обращений подогревал честолюбие монгольского руководства, рассматривавшего Фэн Юйсяна как своего нового союзника в создании объединенной Монголии.

В марте 1927 г Фэн Юйсян обсудил с представителями ЦК МНРП план формирования монгольской кавалерии под видом "восточно-монгольской национальной милиции" для наведения порядка в восточных хошунах Внутренней Монголии в количестве трех полков по 5000 всадников каждый³⁷.

Подобные "вольности" монголов не могли пройти мимо внимания советских руководителей. Новые представители – полпред Ф.М. Никифоров и уполномоченный Коминтерна И. Амагаев – в жесткой форме потребовали от монгольского правительства искоренения "всех панмонгольских проявлений". Так, Ф.М. Никифоров в беседе с премьер-министром МНР Б.Цэрэндоржем заявил: "Положение Внешней Монголии не настолько крепко, чтобы она могла считать себя обеспеченной от будущих политических изменений, не исключена возможность победы реакционных сил в Китае. Тогда, естественно, что Китай... наложит свою руку на Внешнюю Монголию. СССР не склонен идти навстречу панмонголистским тенденциям монгольского руководства"³⁸.

Вместе с тем полностью игнорировать проблему "двух Монголий" советские представители не могли. В политическом отчете полпреда Ф.М. Никифорова Г. Чичерину за 1926 г., в разделе о перспективах монголо-китайских отношений на 1927 г., рассматривались два возможных варианта объединения Внешней и Внутренней Монголии: 1) экономическое сближение и 2) колонизация Внешней Монголии Китаем через Монголию Внутреннюю. Оба эти варианта полпред считал политически выгодными для СССР в случае полного контроля Москвой данных процессов при пресечении панмонгольских устремлений монгольского руководства. "В связи с этим, – делает вывод Ф. Никифоров, – нам необходимо добиться, чтобы Гоминьдан определил свое отношение к самостоятельности Внешней Монголии и к автономии Внутренней Монголии. Разрешение этого вопроса ослабит панмонгольские возможности в будущем и даст шанс установить правильные, политические отношения Монголии к Китаю"³⁹.

Предложенная Ф. Никифоровым схема – "самостоятельность" Внешней Монголии под советским контролем и автономия Внутрен-

ней Монголии в составе Китая – в тот период больше всего устраивала советское руководство, ибо она, с одной стороны, являлась реальной альтернативой известным теориям единения монгольского народа в составе Китайской Федерации, а с другой, – позволяла Коминтерну сохранить свою зону влияния.

Проблема объединения Монголии также нашла свое отражение и в деятельности Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРП ВМ) в период китайской революции.

В октябре 1925 г. в Калгане состоялся Учредительный съезд НРП ВМ и выборы ЦК. Подготовку съезда и другую организационно-идеологическую работу провел сотрудник аппарата уполномоченного Коминтерна в Китае Г. Войтинского – Оширов, действовавшего во Внутренней Монголии⁴⁰. Одновременно в октябре 1925 г. была образована Лига рабочих, крестьян и солдат Внутренней Монголии, созданная китайскими коммунистами и состоявшая в основном из китайцев. Секретарем Лиги стал Ли Дачжао⁴¹. НРП ВМ приняла декларацию, в которой, в частности, говорилось. “Мы начинаем работу для народной революции во Внутренней Монголии... с целью образования свободной Китайской Федеративной Республики”⁴². Содержание декларации и других документов НРП основывалось на известных трех принципах Сунь Ятсена и гоминьдановских программах. Председателем НРП был избран Бай Юнти (Цэрэн Донров), имевший определенное влияние в центральных структурах Гоминьдана. Партия с момента своего существования и материально, и организационно “состояла” при штабе Фэн Юйсяна, который умело использовал авторитет и опыт руководителей НРП для агитации и мобилизации монгольских князей и аратов Внутренней Монголии на сторону Народно-революционной армии. Особенностью политической ситуации в ЦК НРП было разделение его на два основных течения 1) прогоминьдановское руководство Бай Юнти (Цэрэн Донров) и его сторонников и 2) баргутскую группу Мэрсээ, Буянгэрэла, Эрхимбату и др., вошедших с согласия Улан-Батора в единую НРП в 1925 г. Последняя была тесно связана с Улан-Батором и Коминтерном. Обе группы находились в состоянии скрытого соперничества, претендуя на собственную роль во Внутренней Монголии.

В 1926 г. баргутская группа взяла под контроль Ордосский и Уланцабский сеймы Внутренней Монголии. В сентябре 1926 г. отряд в 400 человек под командованием Эрхимбату провел мобилизацию населения в этих районах⁴³. Оружие для подобного ополчения доставлялось непосредственно из Улан-Батора через представителей МНРП и Коминтерна, минуя контроль Фэн Юйсяна, который, в свою очередь, давал оружие отрядам Бай Юнти.

Летом 1926 г между группировками Мэрсээ и Бай Юнти произошел раскол. Помощники Фэна попытались арестовать Мэрсээ на территории Внутренней Монголии, когда тот проводил там вооружение новых отрядов. С помощью коминтерновских агентов Мэрсээ удалось бежать в Улан-Батор, где он обвинил руководство НРП в предательстве и попытке с помощью Фэна провести переворот⁴⁴. Представители Коминтерна, учитывая на тот момент перспективы китайской революции и союзнические отношения с Фэн Юйсяном, подавили конфликт. Тем не менее, данные события окончательно обозначили раскол между гоминьдановской и баргинской группировками в руководстве НРП ВМ. Тактика Коминтерна в этот период строилась на "отделении" влиятельных князей Внутренней Монголии через Мэрсээ и его людей от Фэн Юйсяна и Бай Юнти, для чего велась соответствующая агитация и выплачивались большие денежные вознаграждения⁴⁵.

В начале 1927 г руководство Коминтерна, в результате затянувшегося обсуждения вопроса о роли Улан-Батора в революционном движении Китая, пришло к важному решению. 17 января 1927 г на заседании ИККИ было принято следующее постановление: "1) Подтвердить, что национально-революционное движение Внутренней Монголии - часть общекайтайского национально-освободительного движения, руководимого Гоминьданом и КПК, 2) Национально-революционное движение во Внутренней Монголии должно находиться вне непосредственного руководства со стороны Внешней Монголии, для руководства этим движением существует самостоятельная Народно-революционная партия Внутренней Монголии, работающая по директивам Коминтерна. 3) Работа Нарревпартии Внутренней Монголии должна вестись под лозунгом борьбы с феодальным строем и автономии Внутренней Монголии в составе Федерации Революционной Китайской Республики"⁴⁶.

Проблема "двух Монголий" вновь прозвучала на заседании политсекретариата ИККИ 1 марта 1927 г. При обсуждении вопроса о национальной политике Гоминьдана Н.И. Бухарин неожиданно выступил против единой линии исполкома, сформировавшейся к тому времени на базе принципов резолюции от 17 января 1927 г., о невозможности объединения монголов и о "монополии" Гоминьдана и КПК на революционное руководство во Внутренней Монголии. Н. Бухарин сказал: "Есть еще один вопрос - это вопрос объединения обеих монгольских областей и Танну-Тувы с однородным населением. Из того, что одна часть Монголии, и как раз большая часть, находится под иггом Чжан Цзолия, а маленькая республика (МНР - СЛ) под на-

шим влиянием, еще не следует что мы должны быть против объединения этих 3-х частей, которые этнографически составляют одно целое. Мы должны установить перспективы для объединения этих частей, но в революционной форме”⁴⁷ Высказывания Н Бухарина перекликались с идеями Э Ринчино о “революционном объединении монголов” Несмотря на дискуссию, навязанную Н Бухариным, окончательная позиция Коминтерна по монгольскому вопросу на заключительном этапе китайской революции осталась неизменной: ИККИ твердо держал курс на сохранение “двух Монголий” и борьбу против панмонголизма.

Финал китайской революции – поражение Юга, переворот, осуществленный Чан Кайши, и другие события – прямым образом сказались на состоянии монгольской проблемы Переход летом 1927 г Фэн Юйсяна на сторону Чан Кайши и разрыв последнего с Коминтерном окончательно раскололи Народно-революционную партию Внутренней Монголии. В июле 1927 г в Улан-Баторе прошло совещание баргутской части ЦК НРП, обсудившей дальнейшую политику в отношении Фэн Юйсяна Совещание констатировало, что “никаким гоминьдановским генералам не будет доверия, так как много предательства Внешняя Монголия терпела от китайских “революционных” генералов и ничего не видела от Гоминьдана”⁴⁸

Другая часть руководства во главе с Бай Юнти в августе 1927 г. собралась в г. Нинься на свой съезд. 25 октября 1927 г. из Китая в Улан-Батор в адрес ЦК МНРП в виде радиосообщения поступила декларация Народно-революционной партии Внутренней Монголии, в которой говорилось: “В последнее время меньшинство, состоящее из соглашательских элементов, вернувшихся из Москвы, повело... коммунистическую агитацию, направленную против нашей партии Эти элементы хотят установить во Внутренней Монголии социализм, что приведет к тому, что она, так же как и Внешняя, станет объектом красного империализма .. Мы исключили из рядов нашей партии всех членов-коммунистов В настоящее время наша партия ставит задачи защиты постановлений I съезда Нарревпартии Внутренней Монголии, деклараций Гоминьдана и выполнение 3 великих принципов Сунь Ятсена”⁴⁹.

Поражение китайской революции и раскол революционной партии Внутренней Монголии на группировки Мерсээ (Го Даофу) и Бай Юнти (Цэрэн Донров) означали свертывание революционной работы МНРП во Внутренней Монголии Хотя в Улан-Баторе в течение первой половины 1928 г (до 8 июля) при ЦК МНРП находился личный представитель Фэн Юйсяна Чен Цзычень, председатель ЦК МНРП

Ц. Дамбадорж и другие монгольские руководители официально подчеркивали отсутствие каких-либо отношений с Фэном или революционной партией Внутренней Монголии (группой Бай Юнти), ссылаясь на запрет Коминтерна "руководить или готовить революционные действия" в этом регионе Китая. Последнее обстоятельство, тем не менее, не мешало монгольскому руководству поддерживать неофициальные контакты с Внутренней Монголией, ее революционными группами. Особенно активными сторонниками курса на углубление революционных связей являлись Н. Жадамба, Ц. Жамцарано и Х. Чойбалсан.

В марте 1928 г. во Внутреннюю Монголию из МНР тайно выехало десять функционеров МНРП, трое из которых входили в состав ЦК, двое являлись выпускниками Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ)⁵⁰. В этот период здесь вновь активизировался баргут Мерсээ, сохранивший тесные связи с Коминтерном. В начале 1928 г. Мерсээ, а также члены ЦК революционной партии Внутренней Монголии – Хорлоо и Баянбатор выехали в Москву, где приняли участие в работе очередного конгресса Коминтерна⁵¹. Другой лидер – Бай Юнти (Цэрэн Донров) находился в этот период в Нанкине. На очередном пленуме Гоминьдана он был назначен заведующим монгольским отделом, вновь созданным в структуре ГМД⁵².

В Москве сознавали опасность потери контроля над Внутренней Монголией, тем более, что постоянный представитель ИККИ после отъезда Оширова в этом регионе отсутствовал. В начале марта 1928 г. во Внутреннюю Монголию был направлен представитель ИККИ Степанов. 17 марта 1928 г. из Улан-Батора в Москву по коминтерновским каналам поступила следующая телеграмма: "ЦК Внутренней Монголии пока ничем себя не проявил. Присматривается к Степанову, последний изучает обстановку. В ближайшее время оставшиеся члены ЦК выезжают на места, ждут денег от ИККИ"⁵³.

В ходе визита председателя ЦК МНРП Ц. Дамбадоржа в Москву в мае-июне 1928 г. на переговорах и различных встречах с представителями Коминтерна последние указывали на опасность контактов монгольских революционеров с группой Бай Юнти и посланцами Фэн Юйсяна. 11 июня по итогам доклада Ц. Дамбадоржа, сделанного им в исполкоме, была принята специальная резолюция, в которой говорилось: "Опасность захватнических планов буржуазно-помещичьей реакции Китая усилилась с переходом на сторону Фэна и Нанкинского правительства группы Бай Юнти во Внутренней Монголии. Этот переход Бай Юнти трудящимися массами Внешней Монголии должен рассматриваться как прямая измена делу национального освобождения и демократической революции. Торжество Фэна во Внут-

ренной Монголии, облегченное этой черной изменой, является реальной угрозой самому существованию независимой Монгольской республики”⁵⁴

8 июля 1928 г из Улан-Батора в г Калган выехал представитель Фэн Юйсяна в МНР Чен Цзычень в сопровождении монголов Алтана и Мурэн-гана, входивших в ЦК революционной партии Внутренней Монголии Их отъезд произошел по настоянию Ц. Дамбалдоржа, вернувшегося к этому времени из Москвы. Одновременно в Улан-Баторе состоялась встреча Мерсээ и представителя ИККИ Климова, на которой последний дал подробные инструкции по организации революционной работы во Внутренней Монголии Инструкции охватывали такие вопросы, как 1) начало нового этапа массовой работы среди простого населения; 2) создание местных самоуправлений из мелких князей, чиновников и аратов; 3) организация “отрядов самообороны”; 4) разоружение крупных князей и “созыв народного Хурала Внутренней Монголии”⁵⁵

14 июля 1928 г на границе МНР и Барги состоялась конференция Баргинской революционной партии⁵⁶ Работой конференции руководили Мерсээ (председатель Баргинской партии), Фу Минтай, бурят Тойдыпов, Эрхимбат и представитель ИККИ Степанов Конференция приняла итоговое постановление, в котором говорилось: “1) Признать ситуацию благоприятной для немедленного восстания. 2) Создать ревком, военный совет, (разработать) оперативный план военных действий. мобилизовать национальную армию из 1000 человек”⁵⁷

Оперативный план предусматривал быстрый захват г. Хайлара (административный центр Барги), ст Маньчжурия и передвижение боевых отрядов на Хинган. Предполагалось через Степанова получить от Коминтерна оружие и деньги, а также послать делегацию в МНР для согласования плана восстания и получения дополнительной помощи Степанов, со своей стороны, заверил баргинцев в получении от Коминтерна оружия и общей поддержки их военной акции”⁵⁸

8 - 9 августа 1928 г в Улан-Батор прибывает баргутская делегация, посланная Мерсээ и Степановым за помощью Прибывшие сообщили монгольскому руководству, что к восстанию все подготовлено и что они ждут дальнейших распоряжений ЦК МНРП 11 августа состоялось совещание части членов ЦК МНРП, в котором принимали участие А. Амор, Х Чойбалсан, Ж Гэлэгсэнге, Ц Жамцарано, представитель ИККИ Климов, а также баргутские революционеры После краткой информации баргутов и выступления Гэлэгсэнгэ слово взял А. Амор Он выразил удивление, что ЦК партии Внутренней

Монголии в лице Мерсээ и Фу Минтая, а также представителя ИККИ Степанова решили вопрос о восстании. "не согласовав его с руководством МНР". Позиция Ц. Жамцарано, в отличие от позиции А. Амора, была за безоговорочную поддержку баргинской операции и немедленное включение МНР в военные действия. Представитель ИККИ Климов в своем выступлении сказал, что "настоящий момент не благоприятствует восстанию, оно сыграет на руку Японии, стремящейся прикрыть смутами свою агрессию в Маньчжурии. Революционное движение в Барге, — далее отметил он, — не может быть изолировано от другой части Внутренней Монголии, поэтому совету заняться укреплением партийного руководства, отказавшись от вопроса о выступлении"⁵⁹ Таким образом, итоговое решение ЦК МНРП по вопросу оказания помощи восставшим оказалось отрицательным. Причем деятельность Степанова в Барге была охарактеризована Климовым как личная, ошибочная инициатива, никакого отношения к политике Коминтерна во Внутренней Монголии не имеющая.

Отрицательная позиция МНРП и Коминтерна не могла уже повлиять на ход начавшегося в первых числах августа восстания в Барге. К 7 августа отряды численностью до 300 человек под командованием Мерсээ, Фу Минтая и др. захватили шесть хошунов Барги, изгнав оттуда китайскую администрацию и подняв в хошунных центрах красные флаги. К середине августа численность восставших возросла до 1000 человек, они овладели Халун Аршаном, Чжалайнором, Угунором, Унуром. Сам Мерсээ двигался в направлении Хинганского перевала. Оружие, после отказа в нем Улан-Батора, было в основном добыто в хошунных управлениях Барги, а также у русских и китайских купцов. Японцы со своей стороны предлагали повстанцам оружие, но получили отказ⁶⁰. Перелом в восстании произошел 23 августа, когда китайцы сумели перебросить из Цицикара в Баргу крупные воинские части и начали теснить повстанцев. К концу августа большая часть отрядов баргутов была рассеяна и уничтожена, часть взята в плен. Последние очаги сопротивления были ликвидированы 12 сентября 1928 г.⁶¹ Самому Мерсээ удалось выйти из окружения и бежать во Внутреннюю Монголию, а затем перебраться в Мукден.

В период Баргинского восстания правительство МНР и МНРП сохраняли выработанную позицию. 20 августа монгольское правительство официально заявило о своей непричастности к событиям в Барге⁶². Одновременно ЦК МНРП издало постановление, в котором говорилось "1) от оказания помощи воздержаться, 2) принять меры к приостановке движения (из Барги. — С. И.), поручив это членам ЦК

Внутренней Монголии и делегатам, прибывшим из Барги за помощью, 3) в связи с угрожающим положением на границе, отправить комиссию под председательством инспектора МНРКА Даризаба, начальника погранотдела государственной внутренней охраны (ГВО) и члена ЦК МНРП. Комиссии поручено пропустить в МНР мирных беженцев из Барги, вооруженных повстанцев, переходящих границу МНР, разоружать и интернировать⁶³.

В советской прессе появились заметки под названием "Баргинская провокация", в которых говорилось о якобы подготовленном японцами и белогвардейцами восстании в Барге. Целью восстания, утверждалось в этих публикациях, было создание условий для японской интервенции в Северной Маньчжурии и отвлечение внимания китайской и мировой общественности⁶⁴. Однако реально версия о "японской операции в Барге" и сговоре Мерсээ и других руководителей с японцами серьезного подтверждения в структурах Коминтерна и иностранного отдела ОГПУ не получила. Тем не менее, чтобы скрыть изначальную связь баргинских руководителей с Коминтерном, в Москве было принято решение об их аресте и объявлении "японскими агентами". Эрхимбат и ряд других руководителей были арестованы, Мерсээ продолжал скрываться в Маньчжурии⁶⁵.

В результате баргинских событий проблема Внутренней Монголии вновь встала перед Коминтерном. Так, 28 ноября 1928 г. уполномоченные ИККИ в Монголии Шмераль, И. Амагаев направили в Москву программу деятельности Коминтерна во Внутренней Монголии. В ней говорилось: "1) обратить больше внимания на работу во Внутренней Монголии в связи с усиленной работой японцев; 2) партию (Внутренней Монголии. – С.Л.) как самостоятельную сохранить; 3) в Улан-Баторе созвать расширенное совещание ЦК Внутренней Монголии, на котором делегаты осудят путчистский уклон и предложат вести работу согласованно с Китайской компартией, 4) после совещания ЦК следует из Улан-Батора перебросить во Внутреннюю Монголию; 5) в феврале – марте созвать II съезд (Внутренней Монголии); 6) отношения партии с МНРП МНР сохраняются прежние. Улан-Батор помогает, но не руководит. Вопрос о руководстве партией со стороны КПК поставить на II съезде"⁶⁶. Программа Шмералья-Амагаева получила одобрение ИККИ, причем, усилению связей МНРП с КПК было уделено в Москве особое внимание.

Другим, не менее важным последствием баргинского провала стало обострение монголо-китайских/маньчжурских отношений на восточной границе МНР. Так, после вторичного заявления МНР от 29 сентября 1928 г. о непричастности монгольского руководства к

деятельности баргинских повстанцев, из Мукдена от китайской администрации в адрес МНР поступают новые обвинения в желании "разжечь войну" в Маньчжурии. В течение октября 1928 г маньчжуро-китайские отряды численностью от 100 до 400 всадников четыре раза вторгались на территорию МНР, осложняя и без того серьезную военно-политическую ситуацию в регионе⁶⁷

Таким образом, Баргинские события в августе 1928 г показали, что Коминтерн и МНРП отказались от непродуманной тактики разжигания "революционного пожара" во Внутренней Монголии, перейдя к более взвешенной тактике, учитывающей факт японской угрозы. С другой стороны, восстание в Барге, возникшее как результат отчасти традиционного подхода Коминтерна, ярко проявлявшегося в период китайской революции 1925 - 1927 гг и политики баргинских националистов, показало сохранение революционно-классового элемента в структуре политических отношений СССР - МНР - Китай, хотя его роль и значение после 1928 г. стала резко снижаться, уступая место линии на укрепление государственности и национальной безопасности всех трех сторон.

8 января 1929 г. Мерсээ и его единомышленники направили в ЦК МНРП "Заявление Баргинской Аратской партии", в котором говорилось: "Мы, члены партии, работали в течение нескольких лет под руководством данного ЦК (МНРП. - С Л.). Мы стремились к быстрому достижению революционных завоеваний в Барге, но осуществление собственными силами оказалось трудной задачей". И далее баргуты просили "по-прежнему руководить революционным движением в Барге"; возвратить всех баргинцев, находившихся в МНР, домой, предоставить кредит в 10 тыс. тугриков⁶⁸. Ответ из Улан-Батора был предельно лаконичен. По первому пункту МНРП "не отказывалась от революционной борьбы во Внутренней Монголии", но уклонялась от прямого руководства, по второму пункту говорилось, что возвращение баргинцев "зависит от воли указанных аратов", и по третьему отмечалось "сметой ЦК этот расход не предусмотрен, для нас затруднительно выбрасывать средства на воздух"⁶⁹

Подобная позиция Улан-Батора, исключавшая баргинских лидеров из круга союзников, заставляла баргинское руководство искать новое место в революционном движении Китая. Так, в начале 1929 г. Мерсээ в одном из выступлений перед князьями Внутренней Монголии сказал "Летом прошлого года мы восстали вместе с аратами, не щадя свою жизнь. Завершить революцию не удалось, но Баргинское революционное движение нашло другой путь - возможна борьба аратов за освобождение и конституционным путем"⁷⁰. Объективно

Мерсээ и его люди были готовы пойти по пути Бай Юнти – на союз с Гоминьданом.

Таким образом, смена “курса” в китайской революции и раскол НРП провели не только географическую, но и идеологическую “границу” между Внутренней и Внешней Монголией на длительный период

Поражение Коминтерна и его союзников в китайской революции 1925 – 1927 гг. явилось началом формирования “оси” СССР– МНР, в которой Монголии отводилась роль “буфера” в надвигающемся конфликте с Японией, более серьезным и опасным противником, чем разрозненные китайские режимы.

§ 2. Советско-монгольские отношения 1925-1932 гг.: проблемы взаимной политической адаптации

В середине 20-х годов монгольское правительство устанавливает экономические и культурные связи с европейскими странами, прежде всего с Германией. Данный процесс шел в контексте динамично развивавшихся советско-германских отношений в рамках Рап-пальского договора (16 апреля 1922 г.) и собственного курса на развитие самостоятельных отношений с другими, помимо СССР, странами. В 1925 г. по поручению правительства министр просвещения МНР Батухан выехал в Германию для организации обучения 40 монгольских студентов в немецких и французских школах, подготовки специалистов по текстильному, кожевенному, горно-механическому делу и пр. Попутно Батухан закупил в Германии комплект оборудования для небольшой фабрики по производству 21 тыс. аршин сукна в год⁷¹.

В течение 1925 – 1926 гг. монгольское правительство приглашает из Германии специалистов по горному делу, механике и текстильному производству, всего 26 человек. Немецкие специалисты организовали строительство кирпичного и механического завода, двух электростанций на 500 квт, винокуренного завода и лесопилки на р. Иро. Однако приглашенные, видя полное непонимание монгольским руководством технико-экономических вопросов, сбывало монголам старое оборудование, пытаясь извлечь личную выгоду.

К 1926 г. в монгольском руководстве определился так называемый “правый уклон”. В его основе лежала стратегия национальных демократов во главе с Ц. Дамбадоржем, направленная на плавное, эволюционное развитие Монголии и гражданский мир между различными социальными группами.

“Правый уклон” Улан-Батора проявлялся на фоне обозначившихся политических разногласий между МНР и СССР. Монгольское национально-демократическое руководство во главе с Ц. Дамбадоржем было недовольно советско-монгольским торговым соглашением 1923 г.⁷², считая, что оно ущемляет права монголов. Ц. Дамбадорж и премьер Б. Цэрэндорж летом 1926 г. заявили, что нарушение “баланса” в советско-монгольских отношениях повлечет “полное подчинение МНР и возможное включение ее в состав Советского Союза”⁷³.

В 1926 г. монгольское правительство через своего посла Б. Чулууна поднимает в Москве ряд вопросов, в частности, о желании МНР в лице Монценкоопа подписать договор с англо-американской компанией “Вильсон и К°”, а также о “невыносимом хозяйствовании советских хозорганов в Монголии” и еще ряд пограничных проблем⁷⁴. По поводу соглашения с иностранной компанией Б. Чулууну было рекомендовано воздержаться от его заключения. Другие вопросы советская сторона была готова обсудить.

В сентябре 1926 г. на V съезде МНРП и на октябрьском, ноябрьском пленумах ЦК МНРП того же года часть ЦК поддержала Ц. Дамбадоржа и его сторонников. В этих условиях советские представители в Монголии по поручению Москвы пытаются создать оппозицию Ц. Дамбадоржу из представителей сельских районов (худонов).

8 декабря 1926 г. полпред П. Никифоров писал Г. Чичерину, что “необходимость предоставления худонцам по партийной линии места зам. председателя ЦК — и по государственной линии — зам. правительства — диктуется нашими политическими соображениями: шаткой политикой чиновничьей интеллигенции должна быть противопоставлена устойчивая политическая линия худонцев, стремящихся к тесному сближению с СССР”⁷⁵.

Политика “худонцев”, руководимых П. Гэндэном, базировалась на двух моментах — критике правительства за пассивность в отношениях с СССР и собственных инициативах во внешнеполитической сфере. Так, в ноябре 1926 г. группа П. Гэндэна, обвинив полпреда в Москве Б. Чулууна в “антикоминтерновских и антисоветских действиях”, предложила отозвать его. Одновременно они выдвигают план “политического сближения с СССР” путем ликвидации министерства иностранных дел как “ненужного” и перехода на чисто межпартийные отношения, предлагая направить в Москву своего представителя Дорлиджаба III Великий Хурулдан после обсуждения данного вопроса отклонил предложение “худонцев”, министерство ино-

странных дел было сохранено, а посол Б. Чулуун после встречи с П. Никифоровым в Улан-Баторе, вновь был отправлен на работу в Москву. По этому поводу П. Никифоров писал Г. Чичерину: "Таким образом, план о тесной увязке с СССР не удался. Понятно, не скрой они (худонцы – С.Л.) этого от меня, я бы помог выполнить им этот план в допустимых пределах"⁷⁶. Последнее замечание советского посла о "допустимых пределах" говорит о том, что идея вхождения МНР в состав СССР в 1926 г. вряд ли была осуществима.

Дополнительную напряженность в советско-монгольские отношения внес тувинский вопрос. В марте 1924 г. тувинцы Хемчикского хошуна Тувы подняли восстание. Используя сильные в южных хопунах промонгольские настроения, руководитель восстания князь Содном-Балчир из Кызыла направил правительству МНР заявление с просьбой принять Туву в состав Монголии⁷⁷. В августе 1924 г. в Кызыле прошла конференция представителей ТНР, СССР и МНР, окончательные итоги которой были подведены в Москве. 23 июля 1925 г. там было подписано соглашение между ТНР и СССР об установлении официальных, дружественных отношений и об обмене дипломатическими представителями. Ранее – 16 августа 1924 г. – в Улан-Баторе также было заключено соглашение об установлении отношений между ТНР и МНР, в котором в ст. 1-й правительство МНР признавало правительство Танну-Тувинской Народной Республики. Последнее было сделано под влиянием советского правительства. В августе 1925 г. в ИККИ был разработан проект программы Танну-Тувинской народной партии, в котором говорилось о независимости этой партии и Тувинского государства от МНРП и монгольского правительства⁷⁸.

В октябре 1926 г. П. Никифоров заявил монгольскому премьер-министру Б. Цэрэндоржу, что идея монгольского правительства "подчинить себе Урянхай, представляет большую опасность", так как последний "фактически имеет полную самостоятельность, а в случае захвата Монголии Китаем, естественно, она распространится и на Урянхай, если он к этому времени будет присоединен к Внешней Монголии. Будучи же самостоятельным, – продолжал П. Никифоров, – Урянхай даже при крайне неблагоприятной ситуации может оставаться самостоятельным"⁷⁹.

Часть руководства – премьер Б. Цэрэндорж, Ц. Дамбадорж, А. Амор, Ц. Жамцарано – продолжали отстаивать подход "Урянхай – часть Монголии", другая группа – представители "худонской" оппозиции – имели иное мнение. Так, на одном из заседаний правительства осенью 1926 г. при обсуждении урянхайской проблемы, пред-

ставитель "худонцев" заявил "Если мы получили свободу, пусть и другие ею пользуются, нам нет никакого смысла силой присоединять к себе не находящиеся среди нас племена"⁸⁰.

Отношение "худонцев" к урянхайскому вопросу позволило им поставить его более широко – в плане осуждения политики панмонголизма как таковой. В ноябре 1926 г. был созван пленум ЦК МНРП, на котором принято решение "отказаться от панмонголистских тенденций и признать правительство Урянхая". "Худонцев" на пленуме, как сообщал советский представитель, поддержала часть "молодых левых членов ЦК из ургинской интеллигенции"⁸¹.

Вопросы монголо-советских отношений были подняты делегацией Ц. Дамбадоржа и А. Амора в Москве на встрече с Г. Чичериным и Уншлихтом, состоявшейся в апреле 1926 г. Обсуждались также деятельность советских хозяйственных и военных инструкторов, погранично-поселенческие дела и др.⁸² 15 мая 1926 г. была принята директива Политбюро и советского правительства от 17 июня 1926 г. "О практике работы советских хозорганов в Монголии", в которых отмечались отдельные недостатки и допущенные ошибки инструкторов и различных организаций в Монголии.

17 января 1927 г. заведующий отделом Дальнего Востока НКВД В.Н. Мельников в докладной записке Л. Карахану пишет. "В последнее время в чиновничье-правительственных кругах Монголии наблюдается усиление шовинистических настроений и недовольства СССР, причем настроения такого рода не чужды и руководящей верхушке Народной партии. Формой таких настроений является: 1) скрытая, а порой и открытая борьба с нашим инструктажем, проводимая под флагом монголизации аппарата (Монценкооп, Монголбанк); 2) тенденция к освобождению от нашей хозяйственной и культурной опеки в виде попыток установления самостоятельных, помимо СССР, торговых и культурных связей с капиталистическими странами".⁸³ Характеризуя причины ухудшения отношений, Мельников выделил два основных их блока – общеполитический, обусловленный намерениями "старого" монгольского руководства притормозить сближение с СССР и сохранить большую самостоятельность и хозяйственно-организационный блок, который был связан с проведением неверной торговой политики (высокие цены, слабое качество и ассортимент), низким уровнем подготовки советских инструкторов и пр., те отражал тактические ошибки советского руководства. Причем, если последний блок проблем, по мнению Мельникова, можно было устранить легко, то первый – только "через замену монгольского руководства"

5 февраля 1927 г в ЦК МНРП был организован банкет по случаю 60-летия премьер-министра МНР Б. Цэрэндоржа. На чествовании "патриарха" монгольской политики присутствовали руководители монгольской партии и государства, советские представители. После протокольных и формальных поздравлений юбиляр, поблагодарив всех, сказал: "Целью моей жизни всегда было укрепление монгольского национального корня. Я не знаю, чего хочет в Монголии Коммунистическая партия, но я ясно понимаю, что лет через 20 – 30 Монголия встанет перед двумя опасностями -- обрусеть или окитаиться. К каким печальным последствиям приводит обрусение можно видеть на бурятах"⁸⁴ Выступивший затем Н. Жаламба, отметил, что главная задача партии и государства – это не допустить раскола в монгольском обществе и что для страны пагубно "деление партийцев на ургинцев и худонцев"⁸⁵

В марте 1927 г. большинство ЦК МНРП и правительства поддержало "национальную платформу" Б. Цэрэндоржа – Ц. Жамцарано, содержавшую основные положения стратегии развития МНР. В платформе отмечалось, что главным ее моментом является "укрепление монгольского национального корня" и "постепенное освобождение от политического влияния СССР"⁸⁶. На базе платформы прошел мартовский пленум ЦК МНРП, укрепивший позиции Ц. Дамбадоржа и Н. Жадамбы.

8 марта 1927 г. в Улан-Баторе состоялась беседа поверенного в делах Л. Е. Берлина и Ц. Дамбадоржа. Характер беседы отразил остроту проблем. Так, Л. Е. Берлин выразил озабоченность состоянием советско-монгольских отношений в связи с "новым курсом" монгольского руководства, на что Ц. Дамбадорж выдвинул свои доводы, подчеркивая односторонний характер этих отношений, выражавшийся в деятельности "прежде всего советской стороны", осуществляемой "без согласования с монголами". Руководитель МНРП также сказал, что создание чисто советской организации "Совмонг", в которой не присутствуют монгольские представители, и "безнаказанная деятельность" русских поселенцев в Алтан-Булаке вызвали отрицательную реакцию в монгольском правительстве и ЦК⁸⁷

25 мая 1927 г. в Москву прибывает монгольская делегация Ж. Гэлэгсэнгэ, которая совместно с полпредом Б. Чулууном в ходе переговоров с В. Н. Мельниковым и С. С. Борисовым выдвинула следующие первоочередные вопросы: 1) о советских поселенцах; 2) об инструкторах; 3) о взаимоотношениях советских хозяйственных органов с Монценкоопом; 4) о порядке выселения из МНР советских граждан; 5) о переговорах по уточнению границ МНР и СССР. Пред-

ложенная монголами программа была обсуждена на коллегии НКВД и лично рассмотрена Г. Чичериным и Л. Караханом. Общий характер переговоров свидетельствовал о желании советских представителей идти на компромиссы и найти взаимоприемлемое решение по большей части вопросов. По п. 1 коллегия НКВД постановила: "Пойти на переговоры о выселении из Монголии заведомых правонарушителей... принять решение на основании материалов советско-монгольской смешанной комиссии". По пограничному вопросу было записано: "Общего вопроса не ставить, но согласиться на размежевку в отдельных спорных пунктах в районе Алтан-Булака"⁸⁸.

28 мая 1927 г. Л. Карахан официально сообщил монгольскому послу результаты коллегии. Одновременно он проинформировал Б. Чулууна, что Советское правительство намеревается отправить в Монголию экспедицию для изысканий и подготовки строительства железной дороги Кяхта – Улан-Батор⁸⁹. Последнее замечание Л. Карахана было не случайно, так как в Монголии слухи о возможности строительства подобной ветки без согласования с правительством вызывали большой резонанс.

Несмотря на московские переговоры, в Улан-Баторе ситуация оставалась напряженной. В июле 1927 г. Ц. Дамбадорж, ссылаясь на заявление советского инженера НКПС Важеского о том, что "СССР будет строить линию Кяхта – Урга без участия самих монгол", предъявил поверенному в делах Л.Е. Берлину протест, указав на элементы "железнодорожного экспансионизма". Советский представитель, пытаясь уладить инцидент, отметил, что еще I Великий Хурал в одном из постановлений указал "на необходимость строительства в Монголии железной дороги"⁹⁰.

30 августа 1927 г. Ц. Дамбадорж на заседании ЦК предложил пересмотреть отдельные постановления I Хурала "как навязанные силой монголам". Одновременно он выдвинул проект организации "чисто монгольского" Национального государственного банка, являвшегося в основном советским кредитным учреждением⁹¹. Все эти и многие другие вопросы предполагалось обсудить на очередном VI съезде МНРП. Позиция монгольского руководства накануне VI съезда строилась на положениях "платформы". В тезисах ЦК, в частности, говорилось: "Курс на постепенное высвобождение Монголии из-под влияния Советского Союза, а МНРП из-под влияния Коминтерна... должен сохраниться. Необходимо сокращение советского присутствия (инструкторов и советников) и монголизация аппарата, расширение экономических и культурных связей с европейскими странами – Германией, Францией"⁹².

Позиция НКИД и Коминтерна в этих условиях была однозначна – выждать время и укреплять “худонскую” оппозицию. Однако, анализируя поступавшую информацию из Улан-Батора, в Москве понимали, что на предстоящем VI съезде “худонцы” не возьмут власть. Соотношение сил было не в пользу последних. Так, полпред А.Я. Охтин в донесении на имя Л. Карахана пишет: “К VI съезду худонская группа, как и следовало ожидать, не смогла удовлетворительно подготовиться и не только не выдвинула каких-либо положений, но и провалилась на попытке войти перед съездом в контакт с группой Жамба и теперь возлагает все свои надежды на нашу поддержку. О решительном бое с правительством, – делает вывод А.Я. Охтин, – нечего было и думать”⁹³.

VI съезд МНРП открылся 22 сентября 1927 г. Развивался он в целом по коминтерновскому прогнозу. “Худонцы” не смогли блокировать основные документы группы Ц. Дамбадоржа и составить им реальную конкуренцию. В отчетном докладе Ц. Дамбадоржа, как отмечал А.Я. Охтин, прямых выпадов против СССР не наблюдалось. Относительно реорганизации банка председатель ЦК МНРП сказал: “При росте торговли, промышленности банк, созданный 2 государствами на акционерных началах, не может являться достаточным и ему едва ли можно поручить дело накопления национальных государственных богатств”⁹⁴. Советские представители на съезде Шотман и И. Амагаев формально заняли нейтральную позицию между “правыми” и “худонцами”, хотя влияние на ход борьбы несомненно оказывали. Так, А.Я. Охтин писал: “От выступлений против худонцев на съезде правые под давлением т. Шотмана и Амагаева воздержались, также они (“правые” – С.Л.) воздержались и от выдвижения железнодорожного вопроса. Но резолюцию, – продолжает далее А.Я. Охтин, – о необходимости учреждения Государственного банка они провели, дополнив ее постановлением о необходимости разработки законодательства о сдаче концессий”⁹⁵. Единственным для “худонцев” позитивным решением было постановление съезда о расширении числа членов ЦК до 45 человек и о выборах Президиума ЦК на пленуме, а не на съезде, что позволяло им сохранить позиции в ЦК МНРП.

Таким образом, VI съезд МНРП сохранил политическое “статус-кво” в Монголии, не изменив кардинально и советско-монгольские политические отношения. Последние оставались сложными и напряженными. Улан-Батор твердо стоял на позициях национального возрождения без руководящей роли СССР. Москва вынуждена была считаться пока с этим курсом, занимая выжидательную и осторож-

ную позицию. Основные надежды советское руководство связывало с "худонской" группой П. Гэндэна. Специфику советской политики характеризует один из коминтерновских документов этого периода – инструкция ИККИ, разработанная и составленная для Ф. Петрова⁹⁶ – заведующего Восточным отделом ИККИ в ноябре 1927 г. в связи с его перепиской с Ц. Дамбадоржем. В инструкции, в частности, говорилось: "Тон письма Петрова должен быть полудружественным, поскольку положение вещей обязывает нас пока считаться с данным большинством ЦК и наши взаимоотношения не доводить до острых осложнений и открытой борьбы с правой узко-националистической политикой, на рельсы которой перешло данное большинство ЦК"⁹⁷.

8 – 9 марта 1928 г. состоялись советско-монгольские переговоры по поселенческим вопросам. С советской стороны участвовали А.Я. Охтин и А. Климов, с монгольской – Н. Жадамба, Дорликджаб – министр иностранных дел. Подписанный из 19 статей протокол в целом учитывал просьбы монгольского правительства, высказывавшиеся ранее в плане ограничения деятельности русских колонистов. Ст. 5 гласила: "Органы власти СССР не разрешают въезд новых поселенцев на территорию Монголии. Проживающие в Монголии поселенцы – граждане СССР не имеют право, согласно существующим законам, продавать или передавать свое недвижимое имущество без разрешения монгольских властей"⁹⁸. Был издан также ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) о хозяйственно-экономической деятельности в Монголии (постановление от 14 июля 1927 г.)⁹⁹ и др., но внутреннее напряжение в советско-монгольских отношениях, связанное с политическими проблемами, сохранялось.

28 марта 1928 г. А. Я. Охтин сообщил в Москву, что Ц. Дамбадорж, Н. Жадамба и другие члены ЦК подготовили к очередному VII съезду МНРП проект программы партии, в котором "отношение к Коминтерну определялось не как признание его руководства, а фразой – ориентируясь на Коминтерн". В разделе о внешней политике говорилось о помощи народам Востока, о дружественных отношениях с СССР, подчеркивалось положительное значение экономических связей с ним, но задача укрепления политических отношений с СССР не ставилась. "Вообще, – делает вывод А. Я. Охтин, – во внешних взаимоотношениях на первое место ставятся интересы монгольского государства"¹⁰⁰.

Международная обстановка – поражение китайской революции и политические события в Монголии – заставляла Коминтерн искать более радикальные пути решения "классовых" задач в Монголии. Так, 14 сентября 1928 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) была утверждена резолюция ИККИ от 28 июня 1928 г. в которой было записано:

173

“Ввиду того, что теперешнее руководство МНРП все больше склоняется в сторону торгового капитала, ввиду того, что при теперешнем положении Коммунистический Интернационал стеснен в деле необходимой критики деятельности. ИККИ постановляет. 1) Исходя из необходимости ликвидации подчинения Народно-революционной партии Внешней Монголии Коминтерну пересмотреть прежние формы связи между монгольской партией и Коминтерном. 2) Признать нецелесообразным нахождение постоянного представителя Коминтерна при ЦК МНРП 3) Обеспечить и в дальнейшем всемерную поддержку трудящихся масс Внешней Монголии в деле их организации... 4) Принять к сведению заявление представителя ВКП(б) о полной готовности ВКП(б) способствовать выяснению всех недостатков организаций СССР в Монголии”¹⁰¹

24 сентября 1928 г. в Улан-Батор на VII съезд МНРП прибыла делегация Коминтерна под руководством Б. Шмералья. В инструкции ИККИ, составленной делегации, говорилось: центральная задача – “поддержка левых худонских элементов, организация их на платформе экономических и политических требований, выработанных ИККИ”¹⁰²

25 сентября состоялась беседа Б. Шмералья с Ц. Дамбадоржем, в которой последний изложил свои взгляды на взаимоотношения с Коминтерном. Ц. Дамбадорж отклонил обвинения в “правом уклоне”, отметив, что еще в 1926 г. МНРП хотела вступить в Коминтерн, но ей было отказано. Одновременно, он сообщил Б. Шмералью, что финансовое состояние страны неудовлетворительно – весь доходный бюджет МНР составляет 10 млн. тугр./руб, из них 8 млн. идет на армию¹⁰³.

Накануне съезда Б. Шмераль с сотрудниками разработали вариант отставки монгольского руководства. Часть “правых” предполагалось сохранить, “худонцы”, по мнению коминтерновских представителей, еще не способны были самостоятельно управлять страной. 8 октября 1928 г. Б. Шмераль в совершенно секретном донесении В. Молотову, Н. Бухарину (генсек Коминтерна), О. В. Куусинену (член Президиума и секретарь ИККИ), И. А. Пятницкому (секретарь ИККИ) пишет: “Вожди оппозиции слабы, существует сильное недовольство в массах, которое могут использовать и мы, и третья сила. Доступное нашему влиянию большинство партии – молодежь, делегаты с мест. При нашей открытой поддержке – возможно левое большинство на съезде. Все-таки полного переворота в партии не считаем политически возможным, а только значительное усиление левых в руководстве”. И далее Шмераль предлагает следующий кадровый

вариант "Председателем остается Дамба Дорчжи. Влить в ЦК новую группу художников. Добиться снятия секретаря ЦК Гэлэгсэнгэ, начальника ГВО и панмонголиста Жамцарано, из оппозиции должен быть Бадрах секретарем ЦК, Гэндэн председателем ЦКК (Центральной контрольной комиссии. - С И), Дамдин Сурэн остается председателем Малого Хурулдана, левые - председатель и секретарь профсоюза"¹⁰⁴

6 - 20 октября прошел пленум ЦК МНРП, на котором и был в основном решен вопрос об отставке "правого" руководства. Делегация Б.Шмералья открыто выступила на пленуме на стороне "худонской" оппозиции, настояла на снятии доклада Ц. Дамбадоржа, предложив вместо него основным сообщением сделать доклад "худонцев", подготовленный заранее коминтерновскими представителями. Драматические события октябрьского пленума, вполне вероятно, могли завершиться арестом Ц. Дамбадоржа и его расстрелом самими монголами. Это подтверждается следующим обстоятельством: 13 октября 1928 г. на одной из квартир в Улан-Баторе прошло совещание группы ЦК МНРП, на котором обсуждался вопрос об аресте Ц. Дамбадоржа¹⁰⁵. Коминтерновские работники, присутствовавшие на совещании, отклонили подобный вариант. После Б. Шмераль в донесении писал: "Мы знали из истории партии случаи, когда в 1922 г. был расстрелян Бодо, когда затем в 1924 г. были расстреляны Данзан и секретарь ревсомола. Мы пошли на собрания в военные части. Начальник военной дивизии заявил, что от имени армии обещает верность Коминтерну"¹⁰⁶. 20 октября пленум закончил работу - жизнь Ц. Дамбадоржу была сохранена, но политически он потерпел поражение, признав курс МНРП ошибочным. Пленум осудил "правый" уклон.

23 октября 1928 г. открылся VII съезд МНРП. Основной доклад, посвященный больше экономическим проблемам - скотоводству, торговле, финансам, денежной системе и другим вопросам, - делал Н. Жадамба. Выступивший на съезде Ц. Дамбадорж, также говорил о насущных социально-экономических проблемах Монголии (о госбюджете, системе налогов, Монценкоопе и т.д.). Речь Б. Шмералья по сути явилась политическим обвинением монгольского руководства в "правом уклоне". Характеризуя проблему взаимоотношений МНР, СССР и Коминтерна, он сказал: "Выслушав всю дискуссию, делегация заявляет, что в руководстве партии действительно существовала тенденция сознательно ослаблять отношение к Коминтерну и СССР. Создается теория, что Монголия может развиваться без чужой помощи, здесь подразумевалось без помощи СССР"¹⁰⁷

Дискуссия между “правыми” и “худонцами” носила формальный и predetermined характер. Выступивший на съезде Х Чойбалсан, в частности, сказал. “Отход от Коминтерна означал бы грызть землю зубами. Я считаю, что сейчас наша самостоятельность не защищается никем, кроме СССР”¹⁰⁸

К концу работы съезда Б Шмераль отправляет в Москву информацию о формировании более радикального состава ЦК и других структур. “Мы берем курс, – сообщал он, – на исключение из руководства Дамбадорчи и Жадамбы. Считаю сохранение Амора возможным. Считаю возможным полную перемену руководства”¹⁰⁹. Решение делегации оставить А. Амора вызвало недовольство в ИККИ, так как последний, наряду с Ц. Дамбадоржем и Ц. Жамцарано, считался в Москве одной из ключевых фигур “правого” руководства. По этому поводу Б Шмераль дает следующее объяснение: “Мы считали целесообразным содействовать тому, чтобы сохранить некоторых вождей прежнего руководства. Мы не закрываем глаза, что новое руководство очутится в довольно серьезном положении, поэтому мы открыто защищали Амора, чтобы он был избран в ЦК и правительство”¹¹⁰

По кадровому составу Б Шмераль сообщил следующее: “Председателем Контрольной комиссии (ЦКК) избран Лаган, который был арестован, вследствие партийного зажима. Секретариат партии из вождей оппозиции – Гэндэн, Бадрах, Ельдегбочир (кутивист) (имеется в виду Эльдеб-Очир. – С.Л.). Председатель правительства – Амор, министр юстиции – Банзад, министр просвещения – Дугурджап, министр внутренних дел – Санжа”¹¹¹.

Опальные Ц. Дамбадорж и Н. Жадамба обратились с просьбой к советским представителям о выезде в СССР на 1–2 года. Просьба была удовлетворена. В декабре 1928 г. V Великий Хурулдан утвердил кадровые и политические решения VII съезда МНРП.

Монгольские события требовали специального анализа в Москве. 2, 7 и 9 января 1929 г. в ИККИ состоялось совещание по результатам работы делегации Б Шмераль. Участники совещания констатировали, что после съезда в Монголии имеется “революционное, близкое нам правительство”. Б Шмераль прямо заявил, что “мы создали там новый Центральный комитет, новое правительство”¹¹². Вместе с тем, анализируя причины случившегося, ряд деятелей – Мадьяр, Райтер, О. Куусинен, И. Амагаев, Юдин, – говорили о том, что реального политического влияния Коминтерна до VII съезда МНРП фактически не было, что и явилось, по их мнению, одной из причин “правого уклона”¹¹³.

В ходе дискуссии монгольский вопрос приобрел более широкие очертания: была обсуждена проблема места и роли Монголии в коминтерновской и советской стратегии. В какой-то степени данная дискуссия перекликалась со спорами начала 20-х годов в связи с Монгольской революцией 1921 г и подписанием первого советско-монгольского соглашения, однако на данном совещании она носила более широкий и фундаментальный характер. Так, Б. Шмераль подчеркивал: "Нашей задачей является сохранение влияния на этой территории, и хотя бы негативно, но добиваться того, чтобы Монголия не подпала под влияние империалистов. Эта задача важнее, чем строительство социализма в стране, населенной 800 000 пастухов. Территория (МНР. - С Л) имеет большее значение, чем население, и если мы поведем это... население по пути некапиталистического развития и превратим движение в Монголии в классовую борьбу аратов, только таким образом мы сможем удержать эту территорию под своим влиянием"¹¹⁴

Райтер, И. Амагаев и ряд других деятелей отстаивали свой подход, в котором во главу угла была поставлена реализация социалистических, классовых идей в Монголии. При этом, Райтер отмечал, что "на печальном опыте Монголии мы должны проверить, могут ли вообще коммунисты работать в тех странах, где нет пролетариата". Он подчеркивал универсальное значение Монголии для отсталых стран и регионов как "испытательного полигона" теории "некапиталистического развития"¹¹⁵. Несмотря на разногласия, участники совещания были едины в одном - "в праве Коминтерна на вмешательство" во внутренние дела МНРП и монгольского государства¹¹⁶. Последнее, по мнению участников совещания, было обусловлено как сложной международной обстановкой (поражением китайской революции, подъемом реакции в Китае и Японии), так и внутренними делами в Монголии - существованием социальной базы для возникновения различных "уклонов".

В результате совещания была принята резолюция ИККИ от 3 декабря 1929 г. во изменение известного постановления исполкома от 28 июня 1928 г. В новом документе говорилось: "В связи с решениями VII съезда МНРП, сменившего прежнее руководство партии новыми руководителями, представляющими худонские массы, и в связи с твердым и категорично выраженным решением партии о безограничительном подчинении руководству Коминтерна установить взаимоотношения между ИККИ и МНРП на следующих основаниях: НРП МНР, являясь организацией, сочувствующей Коммунистическому Интернационалу, работает под его непосредственным идейно-политическим руководством"¹¹⁷

Победа Коминтерна на VII съезде МНРП как для советского, так и нового монгольского руководства открывала большие перспективы в плане дальнейшего экономического и политического сближения СССР и МНР. На повестку дня снова встал вопрос о подготовке базового договора о межгосударственном сотрудничестве.

Необходимость подписания такого документа подчеркивалась еще в декабре 1926 г. полпредом П. Никифоровым в одном из его донесений Г. Чичерину¹¹⁸. По замыслу советской стороны договор не только должен был способствовать созданию в Монголии тех или иных отраслей народного хозяйства, но и в перспективе "включить" МНР в единую экономическую систему СССР при сохранении в Монголии собственной государственной структуры.

В апреле 1929 г. в Москву прибывает делегация П. Гэндэна для выработки совместно с советскими представителями проекта основного и дополнительных соглашений. Состав делегации, а также само влияние VII съезда МНРП способствовали быстрой и безболезненной разработке основных положений проекта. Русский и монгольский варианты были заверены обеими сторонами. 26 апреля 1929 г. монгольская делегация возвращается в Улан-Батор для доработки документов.

29 апреля между П. Гэндэном и премьер-министром А. Амором состоялась беседа, прошедшая в резких тонах. А. Амор был недоволен беспринципной, по его мнению, позицией П. Гэндэна в Москве. А. Амор, в частности, сказал: "Я вообще не понимаю, почему бы не передать СССР все отрасли нашего хозяйства?"

3 мая 1929 г. в ЦК МНРП состоялось специальное заседание по итогам работы делегации в Москве. Доклад П. Гэндэна большинством ЦК был воспринят довольно лояльно, без серьезных политических выпадов. Однако А. Амор обрушился с критикой на выступавшего. Особенно серьезные возражения вызвали у Амора разделы проекта о таможенных тарифах, о ветеринарном деле, об обязательстве МНР вести внешнюю торговлю только через СССР, о банке и др. В своем выступлении премьер, в частности, сказал: "Как они (Гэндэн и Чжигжитжаб – С.Л.) могли руководствоваться такими текстами проектов... при таком варианте логичнее сначала присоединить Монголию к СССР, а затем уже подписать договор. Фактически, текст говорит о захвате СССР внешней торговли Монголии, ветеринарного дела, руководства государственными финансами, транспорта, ... разработки полезных ископаемых"¹¹⁹. Однако большинство ЦК не поддержало А. Амора. Проект был утвержден без каких-либо изменений. Правительству и Великому Хуралу было поручено оформить "договор по государственной линии"¹²⁰.

10 мая 1929 г состоялось заседание правительства по данному вопросу. Общий настрой, царивший на заседании, передает запись, сделанная одним из его участников, министром просвещения Дугурджапом. “Ну что же, утвердим договор? – спросил Амор, – общее молчание было ответом на вопрос Амора. Начались перешептывания между министрами.. чувствовалось, что договор (проект. – СЛ) принимается правительством не по внутреннему убеждению в его целесообразности, не по желанию, а в силу создавшегося положения, почти вынужденно”¹²¹.

Часть министров поддержали проект как отвечающий “национальным интересам и независимости МНР”, часть заняли нейтральную позицию, ожидая окончательной реакции Амора. Позиция последнего также не была однозначна. С одной стороны, он отрицательно относился к данному договору, рассматривая его как покушение на суверенитет Монголии, а с другой – Амор понимал, что в сближении с СССР есть и колоссальный для Монголии позитив, возможность для отсталой страны сделать шаг вперед как в экономическом (создание инфраструктуры, промышленности, здравоохранения и т.д.), так и международно-политическом плане. Главной задачей данного союза Амор считал сохранение “баланса” в отношениях

Подобную двойственность его настроений точно уловил И. Амагасв. “Амор. – сообщил он в Москву, – понимает весь договор, как стремление СССР добиться экономического укрепления в Монголии и поставить ее в зависимость от себя. Однако Амор не рассматривает договор как проявление прямой экспансии СССР. Амор идет на договор потому, что, как он говорит, в нем содержится ряд чрезвычайно положительных для Монголии моментов”¹²².

Заключительный этап переговоров состоялся в Улан-Баторе. С монгольской стороны в них участвовали П. Гэндэн, Гурсэл, Дамдинсүрэн, с советской – полпред А.Я. Охтин и его сотрудники. 11 июня 1929 г был рассмотрен основной проект соглашения. “Обсуждение носило, – сообщал А. Охтин в Москву, – характер вопросов монгольской стороны и наших по ним ответов и разъяснений”. Советские представители под давлением А. Амора пошли на ряд уступок и компромиссов – по таможенному тарифу (право монголов самостоятельно устанавливать таможенный тариф), по режиму в пограничной зоне (были сокращены приграничная полоса и срок действия для русских пропусков), по вопросу размежевания границы в районе Ималки¹²³.

27 июня 1929 г соглашение “Об основных принципах взаимоотношений между СССР и МНР” было подписано. Оно, как и пос-

ледующие дополнительные протоколы и соглашения, носило секретный характер. что объяснялось нежеланием советского руководства давать информацию Западу, раздувать шумиху вокруг этого вопроса

По соглашению от 27 июня 1929 г СССР обязался оказывать содействие в развитии отраслей промышленности по обработке всех видов монгольского сырья, снабжать МНР оборудованием и строительными материалами, предоставлять долгосрочные, льготные кредиты, обеспечивать научно-исследовательскую и промышленную разведку природных богатств и др. На базе данного соглашения, а также акта ВСНХ СССР (ноябрь 1929 г.) и материалов инженерно-технической экспедиции, 10 мая 1930 г. монгольское правительство принимает решение о строительстве первого крупного предприятия – промкомбината¹²⁴.

Прямым следствием соглашения “Об основных принципах..” стало подписание целого блока майских 1929 г. соглашений и протоколов. Так, 20 мая были подписаны: Протокол о правах граждан по таможенным вопросам (7 статей), Конвенция о борьбе с эпизоотиями (15 статей); утвержден Протокол решений по поселенческим вопросам от 14 марта 1928 г. (19 пунктов); Протокол об урегулировании вопросов в области гражданства (4 статьи); Конвенция об упрощенном переходе государственной границы СССР и МНР для проживающих в 100-км полосе, (13 статей основного и 11 дополнительного протокола); телеграфное соглашение (9 статей)¹²⁵. Одновременно был подписан Протокол заседания монголо-тувинской комиссии по установлению и уточнению государственной границы между Танну-Тувой и МНР¹²⁶.

10 января 1930 г. под влиянием начавшихся репрессий А. Амор официально объявляет Кучумову (уполномоченному Коминтерна) о своей отставке, обосновав решение “состоянием здоровья”, а также своим “старым прошлым”. Просьба Амора была удовлетворена. В феврале 1930 г. состоялся VIII съезд МНРП, подтвердивший “тесную связь с СССР” и фактически развязавший руки новому руководству “по борьбе с феодалами и ламами в Монголии”¹²⁷.

9 июля 1930 г. на празднование 10-летия революции в МНР прибывает делегация правительства СССР. Прибывших встречали председатель правительства Жигжитжап, секретари ЦК МНРП П. Гэндэн, О. Бадрах, Чинжия, министр иностранных дел Чойбалсан, полпред А. Я. Охтин и др. 10 июля состоялось горьжественное заседание Президиума Малого Хурала, правительства и Центрального совета профсоюзов, посвященное 10-летию Монгольской революции. С докладами выступили О. Бадрах, уполномоченный ИККИ Черномордик

и Чункаев. На заседании также выступали руководители делегаций советских районов Китая и Тувы.

К 10-летию революции частично был урегулирован и тувинский вопрос. 18 октября 1929 г. между П. Гэндэном и председателем ЦК ГНРП Пулжином было подписано соглашение "Об установлении межпартийных связей". В нем, в частности, говорилось, что "аратские массы МНР и ТНР, благодаря поддержке СССР, добились своего освобождения". Констатировалось, что "МНРП, удалив от руководства правые элементы и имея большой опыт государственной и политической работы, будет оказывать помощь ТНРП". В разделе о межгосударственных отношениях подчеркивалось, что МНР будет с уважением относиться к суверенитету Тувы¹²⁸.

В монголо-тувинских отношениях нерешенными оставались пограничные проблемы. В 1932 г. при посредничестве СССР между монгольской и тувинской пограничными комиссиями было подписано соглашение, по которому часть спорных территорий, включая Соляную гору, передавалась Туве. Соглашение явилось уступкой Туве со стороны МНР и воспринималось в монгольском руководстве неоднозначно. В конечном счете, соглашение 1932 г. после ряда дискуссий в правительстве так и не было ратифицировано¹²⁹.

Таким образом, процесс взаимной политической адаптации СССР и МНР в 1925 г. – начале 30-х годов носил обоюдоострый и болезненный, особенно для монгольской стороны, характер. Попытки Ц. Дамбадоржа дистанцироваться от Коминтерна и СССР, проводить собственный независимый курс были охарактеризованы Москвой как "правый уклон" и жестко пресечены. Подобный итог политики монгольских демократов был обусловлен желанием части советского и коминтерновского руководства искусственно ускорить ход революционных и социально-экономических преобразований в Монголии без учета национальной и исторической специфики, что отрицательно сказывалось на ситуации в Монголии и на советско-монгольских отношениях.

§ 3. "Треугольник" СССР - МНР - Китай и японский фактор (1928-1932 гг.)

Политическая ситуация в "треугольнике" СССР – МНР – Китай к 1928 г. складывалась под влиянием двух основных факторов. Во-первых, поражение в Китае национальной революции и стоявшего за ней Коминтерна вызвало изменение стратегии и тактики Москвы. Последняя из внутренних и южных районов Китая перенесла свое внимание на

национальные окраины – Синьцзян, Внутреннюю Монголию, Северную Маньчжурию и Тибет

Во-вторых, ситуация определялась и внутриполитическими событиями в самом СССР – началом формирования системы сталинизма, репрессиями, выдвинутой И. В. Сталиным новой линией на построение социализма в одной, отдельно взятой стране и на свертывание курса на активную мировую большевизацию стран Запада и Востока. Сталинская стратегия существования СССР в капиталистическом окружении предусматривала приоритетность интересов национально-государственной безопасности над классовыми, интернациональными интересами мировой революции¹³⁰. Подобное смещение акцентов происходило плавно и постепенно, при сохранении основных лозунгов и программ международной коммунистической помощи трудящимся других стран. Однако при решении ключевых международных вопросов на первый план стали выходить национально-государственные интересы Советского Союза.

МНР в данном контексте событий являлась единственным в тот период идеологическим союзником СССР на межгосударственном уровне, автоматически вовлекаясь в общее русло сталинской стратегии и выполняя свою, локальную роль на Дальнем Востоке. Последняя сводилась к двум основным моментам: 1) МНР постепенно превращалась в показательное государство для отсталых стран Востока, переходящее при помощи СССР от феодализма сразу к социализму; 2) МНР стала выполнять геостратегические функции в зависимости от складывающейся международной ситуации. Причем, данная роль вполне устраивала монгольское руководство, так как позволяла МНР укрепить свой политический и государственный статус в условиях возрастающей китайской и особенно японской угрозы.

Тревожным фактором для традиционного «треугольника» стала деятельность Японии, в полный голос заявившей о себе во второй половине 20-х годов. В 1931 г. в коминтерновской печати был опубликован меморандум генерала Танака от 25 июля 1927 г., содержащий подробную программу военно-политической экспансии Японии в Азии и, в частности, в отношении МНР¹³¹. Основные элементы политики Японии прорабатывались в Токио с учетом новых политических реалий – поражения китайской революции, сепаратистских и антимонгольских настроений северных китайских милитаристов – Чжан Цзо-линя¹³², Чжан Сюэяня, Фэн Юйсяна и др., панмонгольских тенденций в МНР и Внутренней Монголии. В октябре 1927 г. на заседании НКВД в Москве, посвященном японской политике на Дальнем Востоке, после анализа дипломатических и агентурных данных, посту-

павших из Японии. Маньчжурии и Монголии. участниками совещания была дана следующая оценка создавшейся ситуации. "Разрешение монгольского вопроса японские военные круги в настоящее время считают приемлемым в следующей форме. а) вытеснение советского влияния посредством У Пэйфу, Чжан Цолиня и монгольских князей из Северной Монголии, б) объявление объединенной Монголии независимой от Китая; в) создание буферного государства в составе Монголии (всей) и 3 восточных провинций Китая"¹³³

В японских правительственных кругах понимали, что прямой захват МНР вызовет не только отрицательную реакцию Москвы, но и волну японофобии в Китае и в мире. Поэтому идею создания "автономного буфера" из МНР, Внутренней Монголии и части Маньчжурии Токио рассматривал как перспективную цель, реализация которой будет преподнесена мировой общественности как инициатива самих монгольских князей и лам. Первый же импульс по созданию подобного "государства" должен был исходить от Чжан Цолиня, которому японское правительство в 1927 г. предоставило 10-миллионный заем на организацию монгольской экспедиции¹³⁴. Предполагалось, что маньчжурский генерал подключит внутримонгольских князей, находившихся в его сфере влияния. Непосредственной агитацией князей занимались Дархан-ван во Внутренней Монголии, Харчин-ван в Китае (Пекине)¹³⁵.

Западная пресса своеобразно отреагировала на монголо-маньчжурское обострение. Лондонская "Дэйли Ньюс" от 16 февраля 1927 г. сообщила о том, что советское правительство якобы вербует экспедиционный корпус в Туркестане, Бурятии и Монголии, который предназначен для войны против Чжан Цолиня¹³⁶. Одновременно 7 апреля 1927 г. в немецкой газете "Берлинер Тагеблатт" было опубликовано пространное интервью Чжан Цолиня, данное корреспонденту газеты Э. Эллиотону, в котором он, в частности, сказал: "Хотя Россия и признает суверенитет Китая над Монголией, однако последняя фактически является чисто русской сферой влияния. Если бы Советская Россия не боялась мирового общественного мнения, то Монголия уже была бы присоединена к Советскому Союзу. Внешняя Монголия, — продолжал Чжан, — находится под прямым контролем Советской России, ее политические деятели — марионетки в руках Москвы. Китайской Монголии (Внутренней — С.Л.) угрожает опасность когда-нибудь разделить эту участь"¹³⁷. Откровения Чжан Цолиня не являлись мировой сенсацией, но свидетельствовали о его желании создать в западной среде благоприятное общественное мнение о себе

Другим возможным лидером монгольского направления Токио рассматривал атамана Семенова. В марте 1926 г. последний получил от японского правительства 0.5 млн. иен на подготовку монгольской экспедиции. Семенов связался с группой генерала Глебова, находившейся в Шанхае, развернув широкую пропаганду в белоэмигрантской среде. В сентябре 1926 г. в г. Нагасаки был проведен съезд князей и лам Внутренней Монголии под лозунгами "объединения азиатских народов" и "борьбы с большевизмом". Предполагалось, что на съезде удастся создать ядро будущей армии в составе русских офицеров под командованием Семенова, монгольских князей и духовенства, однако в силу ряда причин (неприбытия многих внутримонгольских князей и пр.) представительным съезд не получился¹³⁸.

24 января 1927 г., в связи с решением ЦК МНРП о въезде японского консула в Маньчжурии Танака в МНР, в исполкоме Коминтерна (Дальневосточном секретариате) была принята резолюция, в которой данный шаг монгольского руководства квалифицировался как "большая политическая ошибка ЦК МНРП, который не учел политической опасности японской экспансии". Вскоре состоялось новое заседание ЦК МНРП, отменившее въезд Танака в Монголию¹³⁹.

Существенное влияние на политическую ситуацию в регионе оказывала деятельность известного ламаистского иерарха, потенциального преемника покойного Богдо-гэгэна хутухты VIII – Панчен-ламы, выехавшего в этот период из Тибета и курсировавшего по маршруту Пекин – Внутренняя Монголия. Начиная со съезда в Нагасаки (сентябрь 1926 г.), в организации и проведении которого иерарх принял непосредственное участие, шаги Панчен-ламы вызывали международный резонанс и привлекали пристальное внимание Москвы, Улан-Батора, Пекина и Токио. Каждая из сторон, в том числе и советская, не исключала возможность использования известного ламы в своих интересах. Так, полпред в МНР П. Никифоров в одном из секретных донесений в Москву, передавая содержание своих бесед с неофициальным представителем Далай-ламы в Улан-Баторе, сообщил, что по информации из Тибета, в Пекине Панчен-ламе чинятся препятствия со стороны китайцев. "Я полагаю, – пишет далее посол, – что может нам пора вмешаться в смысле содействия возвращению Панчен-ламы в Тибет и, если нужно, то помочь бежать из Китая"¹⁴⁰. План П. Никифорова получил одобрение у Г. В. Чичерина и ряда других советских руководителей. Со своей стороны содействие в попытке возвращения Панчен-ламы в Тибет оказывал известный художник и исследователь Азии Н. К. Рерих, находившийся в Улан-Баторе с лета 1926 г. по пути в Тибет. По поводу роли Н. К. Рериха в деле Панчен-

ламы полпред П Никифоров в секретном письме Г Чичерину от 8 декабря 1926 г пишет. “В Монголии, в настоящее время в Улан-Баторе появился известный художник, путешественник Николай Константинович Рерих, который в августе направляется в Тибет Этот Рерих настойчиво ставит вопрос о необходимости возвращения Богдо в Тибет, приводя теологические обоснования. Я полагаю, что Рерих на кого-то работает, а может быть даже хочет установить наше отношение к этому вопросу”¹⁴¹.

В 1927 г. японские представители в Китае через людей Чжан Цзолиня попытались добиться у Панчен-ламы письменного разрешения на “религиозную” деятельность Японии во Внутренней Монголии и МНР Чтобы пресечь подобную акцию, в Москве был разработан контрвариант – приглашение Панчена в СССР через посредничество бурятских и калмыцких ламаистов “Вырвав таким образом Панчен Богдо из рук Японии и Чжан Цзолиня, – писал П Никифоров Г Чичерину, – мы сможем оказать ему содействие вернуться в Тибет (через СССР – СЛ), куда он, по-видимому, весьма желает поехать”¹⁴² Некоторые бурятские ламаисты по заданию Москвы пытались тайно встретиться с Богдо на территории Китая (в Пекине, Внутренней Монголии) и обсудить возможность и сроки его визита в Советский Союз, однако иерарх уклонился от подобной встречи

Весной 1927 г. внимание общественности было приковано к советско-китайскому конфликту, вызванному разгромом китайской полицией советского посольства в Пекине. 9 апреля 1927 г за подписью М. Литвинова была опубликована советская нота протеста по поводу данных событий, а 10 апреля в газете “Правда” была помещена ответная нота китайского поверенного Чен Иеньши, в которой говорилось о покровительстве, оказываемом официальными советскими представителями в Китае коминтерновским агентам и китайским коммунистам, а также о превращении посольства в революционный центр по “распространению агитационной литературы”. В советских комментариях к китайской ноте указывалось, что факты, изложенные поверенным, не соответствуют действительности¹⁴³

Японская пресса по поводу пекинских событий отреагировала однозначно Газета “Кокумин” заявила, что теперь “Японии воздержаться от интервенции (в Китай. – СЛ) будет нелегко, раз третья сторона (СССР – СЛ) осуществляет неограниченную интервенцию”¹⁴⁴.

Другая газета, находившаяся под патронажем Чжан Цзолиня, “Манчжоу бао” в передовой статье от 26 апреля 1927 г сообщила о якобы сконцентрированном на границе с Маньчжурией со стороны

МНР 3-х тысячном корпусе "азиатской Красной Армии для похода во Внутреннюю Монголию и Северную Маньчжурию"¹⁴⁵

Японские мероприятия во Внутренней Монголии и Маньчжурии вызывали обеспокоенность в Москве и Улаан-Баторе. Летом 1927 г. через советских представителей в Японии Наркоминделом был сделан запрос относительно позиции японского правительства по проблеме сохранения мира и баланса сил в монголо-маньчжурском регионе. В ответном послании японского МИД говорилось: "Японское правительство, исходя из интересов поддержания мира в Маньчжурии и Монголии, будет стремиться к экономическому развитию последних, действуя на основе соглашений, для чего оно будет придерживаться политики открытых дверей и равных возможностей. При этом, однако, японское правительство ни в коем случае не допустит нарушения географического и исторического преобладающего положения Японии в этих районах. Японское правительство будет содействовать поддержанию мира и спокойствия в Маньчжурии и Монголии. Поскольку фактическим правителем 3 провинций в настоящее время является Чжан Цзолинь, с ним Япония и будет вести переговоры в части, касающейся монголо-маньчжурских вопросов"¹⁴⁶.

В начале августа 1927 г. в г. Дайрене (Китай) состоялось совещание японских и маньчжурских чиновников. Со стороны Японии на совещании присутствовал заместитель министра иностранных дел Мори. Рассматривались железнодорожные и концессионные вопросы. Было решено "провести разграничение территориальных сфер собственно Китая от Маньчжурии и Монголии для того, чтобы... определить границы приложения политики открытых дверей и равных возможностей". Одновременно, в документах дайренского совещания было записано, что "Япония будет согласовывать свои действия с Китаем и Россией для того, чтобы Монголия и Маньчжурия не оказались ареной международных осложнений"¹⁴⁷.

Характерно, что во всех японских документах этого периода, связанных так или иначе с монгольской проблемой, фигурировал неопределенный термин "Монголия", который с успехом можно было применять и распространять как для обозначения территории Внутренней Монголии, так и остальных монгольских земель, включая МНР и Бурятию. Другой особенностью данных документов была изначальная констатация "прав" Японии на маньчжуро-монгольский регион и исключение из этого региона СССР и Китая, несмотря на формальные обязательства согласовывать свои действия с этими странами.

Осложнение международной ситуации вокруг МНР, связанное с активизацией Японии и поражением китайской революции, повлияло

на изменение позиции монгольского и советского правительства по проблеме “двух Монголий”. В течение лета 1927 г. – весны 1928 г. наблюдается заметная ее эволюция: от стремления Улан-Батора и Москвы объединить в той или иной форме МНР и Внутреннюю Монголию до полного отказа от подобной идеи. Так, 14 августа 1927 г. полпред П. Никифоров в письме Г. Чичерину заявлял, что “настал момент ее (МНР – СЛ) объединения с Внутренней Монголией. Наши отношения с Китаем позволяют нам делать шаги по объединению Монголии без особого ущерба для нашей политики в Китае”¹⁴⁸. В сентябре-октябре того же года в ходе VI съезда МНРП данная проблема ни в выступлениях представителя Коминтерна Шотмана, ни в речи присутствовавшего на съезде М.М. Бородина не фигурировала. Выступавшие разоблачали “предателей китайской революции... Тан Шенчи и Чан Кайши”, отмечая, что “единственным другом отныне монгольского народа в Китае является Китайская коммунистическая партия”¹⁴⁹. А 2 февраля 1928 г. в инструкции ИККИ по поводу внутривнутриполитических событий в МНР (“правый уклон”), утвержденной на политсекретариате исполкома, уже прямо говорилось о необходимости борьбы с панмонголизмом, “являющимся... орудием японского империализма”. Причем, отмечалось, что “идею национальной независимости и перспективу объединения монголов следует выдвигать в будущем”¹⁵⁰. А VII съезд МНРП (23 октября – 11 декабря 1928 г.) дал определенную оценку панмонголизму как “узкого и опасного... национализма”¹⁵¹.

Новая международно-политическая ситуация вокруг МНР усилила антикитайскую линию в монгольской политике, намеченную еще “старым” руководством – премьером Б. Цэрэндоржем и председателем ЦК МНРП Ц. Дамбадоржем, официально заявившими в 1927 г. “о недоверии к Китаю вообще и революционной части Гоминьдана в частности”¹⁵². В Улан-Баторе был принят закон “Об иностранцах”, по которому ограничивался въезд прибывавших из Внутренней Монголии китайских колонистов, торговцев и других “контрреволюционных элементов”. Одновременно со стороны монгольской администрации усилился нажим на проживавших в МНР китайцев, вплоть до их полного выселения. Пик антикитайской политики пришелся на период деятельности руководства П. Гэндэна, Бадрах и др. В российских архивах сохранилось большое количество жалоб и петиций за 1927 – 1930 гг. от проживавших в МНР китайцев, поступавших высшим военным и гражданским сановникам Китая. В одной из таких петиций, в частности, сообщается, что после 1927 г. в Улан-Баторе революционными властями было казнено 200 китайс-

ких купцов¹⁵³ К 1929 г монгольское правительство окончательно закрыло МНР для китайской колонизации, уменьшив до минимума число китайцев в самой Монголии, хотя доля китайской торговли в монгольском товарообороте оставалась довольно значительной – 31,1%¹⁵⁴ Так, в письме полпреда А. Охтина от 4 июля 1929 г заведующему отделом Дальнего Востока НКВД Б. И. Козловскому говорится: “Для полпредства проблема китайского населения в МНР в настоящее время не актуальна, так как ни китайское купечество, ни китайское население в настоящее время политической роли не играют и играть не могут”¹⁵⁵

Определенное место в системе отношений СССР – МНР – Китай занимали официальные советско-китайские контакты по монгольской проблеме. Так, 3 февраля 1928 г. министр иностранных дел Китайской Республики Ван Интай через китайское посольство в Москве направил руководству НКВД следующее заявление: “Внешняя Монголия, организовав самостоятельную почту. в минувшем году начала выпускать и собственные кредитные билеты, причем советский Дальневосточный банк в Урге поддержал эти действия. Так как выпуск почтовых марок и кредитных билетов составляет исключительно прерогативу Центрального правительства и. (внешнемонгольская сторона – *СЛ*) действует в резком противоречии со ст. 5 Соглашения 31 мая 1924 г., тем самым вновь подтверждая существование между СССР и Внешней Монголией тайного договора, несоответствующего вышеуказанному соглашению Поэтому Вай Цзяобу (МИД Китая. – *СЛ*) . поручает посольству выразить протест правительству СССР”¹⁵⁶.

Ответ советского руководства, предъявленный китайским дипломатам 31 марта 1928 г., строился на признании действия ст. 5 советско-китайского соглашения в отношении МНР, но и содержал ссылки на факты выпуска марок и кредитных билетов отдельными китайскими провинциями, наряду с центральным правительством¹⁵⁷ Термин “МНР” в официальной советско-китайской переписке был заменен на “Внешнюю Монголию”, и статус МНР трактовался в духе ст. 5¹⁵⁸.

Помимо вопросов, обсуждавшихся на официальном уровне, острой проблемой “треугольника” оставалась и возможность революционизации Китая через Внутреннюю Монголию со стороны Коминтерна и МНРП. Однако в условиях постепенного отхода сталинского руководства от активного курса на мировую революцию данная проблема стала принимать новые очертания. Наиболее ярко эволюция этой проблемы прослеживалась в политике Москвы и Улан-Бато-

ра в отношении баргинского восстания 1928 г и революционной партии Внутренней Монголии

Поражение Баргинской народной партии в 1928 г совпало со временем активизации Китая и Японии во Внутренней Монголии. В мае 1929 г в Чаньчуне прошел съезд монгольских князей, организованный мукденской группировкой маньчжурских генералов. Заметно активизировался Нанкин. Монголо-тибетской отдел Гоминьдана, возглавляемый Бай Юнти и Ян Сишанем, предоставил в МИД нанкинского правительства план по "возвращению Внешней Монголии" Китаю. План предусматривал использование в основном мирных средств и агитации¹⁵⁹.

Одновременно отдел проводит съезд монгольских князей и чиновников в Калгане, на котором были рассмотрены вопросы строительства железной дороги от Калгана до Далай-Нора, колонизации Чахари (Внутренней Монголии) и др. Любопытно, что обстановка и на Чаньчунском, и на Калганском съездах, вместо ожидаемого в Мукдене и Нанкине одобрения китайских мероприятий в Монголии, свидетельствовала о росте среди делегатов настроений внутримонгольского национализма и симпатий к МНР¹⁶⁰. Реальной силой в Китае, влиявшей на монгольскую проблему, обладал также генерал Чжан Сюэлян, который рассчитывал превратить Баргу в основной плацдарм для своей армии¹⁶¹.

Для СССР и МНР ситуация во Внутренней Монголии складывалась неблагоприятно: реальной политической партии, способной противостоять китайскому и японскому натиску у них (после 1928 г) в этом регионе не было. Так, 30 июня 1929 г. полпред в МНР А.Я. Охтин в секретном донесении сообщает: "К сожалению, деятельность этой партии (ревпартии Внутренней Монголии. — С.Л.) в настоящее время почти не проявляется. Остатки партийных кадров, находящихся в Улан-Баторе, в значительной мере питаются материальной поддержкой МНРП, мало пригодны. План деятельности партии, выработанный в Улан-Баторе в июне текущего года, не содержит реальных мероприятий, которые бы могли повести аратскую бедноту и чиновничество Внутренней Монголии". И далее он прямо ставит проблеме "Нужна серьезная и энергичная работа по сколачиванию новой революционной партии"¹⁶².

Официальная позиция ЦК МНРП по поводу китайской угрозы через Внутреннюю Монголию была изложена в резолюции 2-го пленума ЦК и ЦКК МНРП в июне 1929 г., в которой говорилось: "Китайские милитаристы Ян Сишань и Чжан Сюэлян готовят политику вооруженного нападения и посягательства на нашу свободу

Организация специального совета по монголо-тибетским делам при нанкинском правительстве, куда вовлечены наши изменники говорит о серьезной компании. С другой стороны, извне МНР угрожает опасность японской агрессии”¹⁶³

В советском и монгольском руководстве, при анализе степени опасности для МНР со стороны Китая и Японии летом 1929 г., китайская угроза считалась основной. Это мнение еще более укрепилось, когда в начале августа 1929 г. китайские власти захватили КВЖД, находившуюся в совместном управлении, и Советский Союз предпринял ответные шаги, приведшие к советско-китайскому вооруженному конфликту в районе дороги и разрыву отношений 18 августа 1929 г. министр иностранных дел МНР Гурсэд сделал по этому поводу официальное заявление полпреду А.Я. Охтину о полной и безоговорочной поддержке советского правительства в маньчжурском конфликте¹⁶⁴.

События на КВЖД привели к дальнейшему росту националистических антикитайских настроений среди монголов Внутренней Монголии и их симпатий к МНР и СССР. Так, в секретном донесении А.Я. Охтина Л.М. Карахану от 28 сентября 1929 г. говорится “Даже среди умеренных и лояльных к Китаю князей Барги и Внутренней Монголии отмечается недовольство стягиванием китайских войск. Не подлежит сомнению, что реальное осуществление похода на МНР еще более усилит националистические настроения и создаст благоприятную обстановку для работы во Внутренней Монголии. Возможность войны с СССР еще более активизирует внутримонгольских националистов, не исключена возможность втягивания в это дело мусульман”¹⁶⁵. Монгольские руководители, со своей стороны, также не исключали возможность войны МНР на стороне СССР против Китая. Данный вопрос стал предметом обсуждения на специальном заседании ЦК МНРП и правительства 19 августа 1929 г. Итоговая резолюция заседания подтверждала верность МНР “советско-монгольскому союзу... и готовность выступить против китайской агрессии”¹⁶⁶.

Конфликт на КВЖД способствовал экономическому “закрытию” МНР для Китая, который до 1929 г. занимал в монгольской торговле еще довольно прочные позиции. В июле 1929 г. Пекином была объявлена экономическая блокада МНР, ударившая как по интересам китайского (калганского) купечества, так и по интересам монгольского населения. Блокада привела к товарному голоду в МНР и полному прекращению ее операций с Китаем, на долю которых накануне июля 1929 г. приходилось 43,5% монгольского импорта и 22% экспорта¹⁶⁷. В ноябре 1929 г. монгольское правительство, учитывая тяжелое эконо-

мическое положение в стране, вызванное блокадой, официально ставит вопрос перед советским правительством о скорейшем открытии китайско-монгольской границы, восстановлении торговых отношений и возобновлении прерванных банковских операций с Китаем. Данный вопрос обсуждался как на уровне советских представителей в МНР, так и на правительственном уровне в СССР. В итоге в Москве было принято следующее решение: "признавать нецелесообразным разрешение этих вопросов в полном объеме и в прямой форме до ликвидации советско-китайского конфликта"¹⁶⁸. Полпред А. Охтин, со своей стороны, так мотивировал монголам данное решение: "Нет надобности, – сказал он, – возвращать монгольский рынок в такую же зависимость от Китая, в какой он находился до конфликта"¹⁶⁹. Другими словами, политические интересы СССР и МНР данным случае были поставлены превыше экономических потребностей монголо-китайской торговли.

Конфронтация СССР–Китай 1929 г. стимулировала сближение Улан-Батора с коммунистическими силами Китая. 15 сентября 1929 г. состоялся 4-й пленум ЦК МНРП, на котором были утверждены документы и материалы совместного заседания представителей ЦК МНРП и ЦК КПК, состоявшегося 9 сентября 1929 г. Пленум одобрил идею совещания по созданию прочного союза между двумя партиями и принял ряд постановлений – "Об установлении постоянных контактов МНРП и КПК", "О взаимоотношениях с КПК" и др., в которых декларировались задачи МНРП и КПК, подчеркивалась реакционная роль Гоминьдана в китайском и монгольском революционном движении, говорилось о необходимости международного единства пролетариата и ведущей роли СССР¹⁷⁰. Однако проблема будущего статуса МНР даже в данных документах и выступлениях китайских коммунистических лидеров трактовалась неоднозначно. Часть руководства КПК была согласна с правом монголов на национальное самоопределение и независимое существование, а другая часть (руководитель Политбюро КПК Ли Лисань) – заявляла о необходимости вхождения МНР в состав будущего революционного Китая¹⁷¹.

1-й Всекитайский съезд Советов (ноябрь 1931 г.) признал право малых наций и народностей, населявших Китай, на самоопределение. По поводу МНР было сказано, что "Китайская Советская Республика признает независимость Внешней Монгольской Республики"¹⁷².

Накануне японского вторжения в Маньчжурию Л. М. Карахан, руководивший в этот период советско-китайскими переговорами по урегулированию отношений после конфликта на КВЖД, в совершен-

но секретном донесении на имя И. Сталина, Л. Кагановича, В. Молотова и М. Литвинова сообщил, что баргинский амбань Гуй Фулинь через цичикарского губернатора Ван Фулина выдвинул идею военной акции против МНР и данное предложение получило горячую поддержку Чан Кайши, который даже изложил схему военного выступления непосредственному исполнителю этой акции – Чжан Сюэляну. По информации Л. Карахана, Чан Кайши сказал: “Настоящий момент является наиболее подходящим для окончательного разрешения монгольского вопроса.. через нанесение удара против Урги по 2 направлениям – из Калгана и из Хайлара (Барги), так как СССР не посмеет в силу международных условий открыто вступить за монголов”¹⁷³. “Я считаю, – пишет Л.М. Карахан, – необходимым обратить серьезное внимание на планы Нанкина в отношении Монголии, приобретающие главную опасность в связи с тем, что в данном случае эти планы несомненно совпадают с планами японского генштаба. Заинтересованность японцев в монголо-китайской войне достаточно очевидна”¹⁷⁴. Письмо Карахана Сталину подтверждает, что Китай сам готовил нападение на МНР, пытаясь использовать японскую угрозу в своих целях, причем опасность нападения Японии на собственные территории он явно недооценивал.

Японская агрессия в Маньчжурии опрокинула планы Нанкина в отношении МНР. В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. японские части, расположенные в зоне ЮМЖД, овладели Мукденом (Шэньянем), захватив большую часть Маньчжурии. Потенциально японцев мог остановить генерал Чжан Сюэлян с его 300-тысячной армией, но по приказу Чан Кайши значительная часть этой армии без боя была отведена на юг.

Расчет Нанкина строился на привлечении внимания Лиги Наций к японской агрессии. Однако решение Лиги от 10 декабря 1931 г. о посылке в Маньчжурию специальной комиссии (комиссия Литтона) не сыграло принципиальной роли. Япония, воспользовавшись затяжкой дела, в марте 1932 г. на захваченных территориях провозгласила марионеточное государство Маньчжоу-Го, в состав которого вошли часть земель Внутренней Монголии (Восточная Монголия), Барга и Маньчжурия.

20 февраля 1932 г. японский представитель Сато, выступая в Женеве на Совете Лиги Наций, попытался отвести обвинения в агрессии и провести “аналогию” между действиями Японии в Маньчжурии и политикой СССР в отношении МНР. Он сказал: “Лига Наций ни разу не подняла голоса против исчезнувшей с карты Китая Внешней Монголии, которая присоединена к советской стране. Прежде чем

обвинять нас за наши действия в Маньчжурии, следовало бы Лиге Наций выступить против такого исчезновения Внешней Монголии. Если же оно не вызывает возражений, то и мы не затрагиваем китайского суверенитета и должны рассматриваться как совершающие допустимые действия”¹⁷⁵. В ответ на речь Сато представитель Китая заявил, что его правительство отвергает подобную “параллель” и что “хотя Монголия и была отторгнута от Китая, однако это сделано... до создания Лиги Наций, которая не могла, естественно, заниматься этим вопросом. Никакого сравнения, – добавил китайский представитель, – между Монголией и Маньчжурией проводить нельзя”¹⁷⁶. Речь китайского представителя до конца не прояснила ситуацию, хотя с формально-юридической стороны действие ст. 5 советско-китайского соглашения 1924 г. полностью сохранялось, и Китай не выдвинул в адрес СССР официальных обвинений. Поэтому предъявить обвинение СССР в агрессии против Китая у Лиги Наций не было оснований.

Японская агрессия в Маньчжурии объективно устранила угрозу китайского военного вторжения в МНР, которая несомненно существовала накануне 19 сентября 1931 г.¹⁷⁷ Новая политическая ситуация, сложившаяся в “треугольнике” СССР – МНР – Китай после вторжения Японии, была проанализирована на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 25 сентября 1931 г. Выступивший Л. Карахан обратил внимание членов Политбюро на сохранение проблемы повышения обороноспособности МНР, но уже в связи с японской угрозой¹⁷⁸.

Более детальное рассмотрение данной проблема получила 26 марта 1932 г. на встрече руководителей Восточного секретариата Коминтерна Пятницкого и Мифа с монгольской делегацией. На переговорах обсуждались маньчжурские события и новые задачи, встающие в этой связи перед МНРП во Внутренней Монголии и в других оккупированных Японией районах. И коминтерновские, и монгольские представители констатировали, что Япония попытается использовать традиционные антикитайские настроения во Внутренней Монголии и Барге, представив себя защитницей монголов “Фактически, – отмечалось в стенограмме переговоров, – Япония хочет проглотить, кроме Маньчжурии и Внутренней Монголии, и МНР. японский империализм будет нажимать (на монголов – СЛ) куда сильнее, чем китайская администрация”. “Поэтому, – подвел итог Пятницкий, – партия Внешней Монголии кровно заинтересована в создании честного, революционного движения Внутренней Монголии, которое было бы независимо от японского империализма”¹⁷⁹. Примечательно, что в ходе переговоров выяснилась определенная рас-

терянность коминтерновских лидеров относительно тактики борьбы. Так, при осуждении одного из вопросов, руководитель монгольской делегации Шиджия спросил Пятницкого: “От чего теперь зависит в сложившихся условиях внутримонгольская революция?” Пятницкий ответил: “Теперь я не знаю, от чего зависит – от монгольской или японской революции. Если Япония пойдет войной на СССР, – рассуждал Пятницкий, – возникнет партизанская война и со стороны китайского народа, и маньчжуров и возможно, что Внутренняя Монголия может объявить себя независимой”¹⁸⁰.

Таким образом, новые политические реалии, сложившиеся в “треугольнике” СССР – МНР – Китай в 1928–1932 гг., приостановили революционную интеграцию “двух Монголий”, имевшую место в предшествующий период. Обострение официальных советско-китайских отношений и их разрыв в 1929 г. способствовали, с одной стороны, сближению Улан-Батора с коммунистическими силами Китая, а с другой – политической и экономической изоляции МНР от официального Китая. Последний рассматривался Москвой и Улан-Батором как более опасный противник для МНР, чем Япония.

§ 4. МНР и Маньчжоу-Го в 1932-1936 гг. Советско-монгольский протокол о взаимопомощи 1936 г. и его международное значение

Политика левого руководства МНР (О. Бадрах, З. Шижэ и др.) по ограничению в стране частной собственности, прав и свобод человека, перегибы, допускавшиеся в отношении ламства и религии, ввергли Монголию в глубокий кризис. В 1930-1932 гг. происходили вооруженные восстания и мятежи в различных монгольских аймаках. В этих восстаниях участвовали простые араты, ламы и послушники. 3-й чрезвычайный пленум ЦК МНРП и Центральной контрольной комиссии (июнь 1932 г.), рассмотрев ошибки левых, принял решение отказаться от задачи строительства социализма в Монголии. Деятельность руководящих партийно-государственных органов, проводившаяся согласно этому решению, вошла в монгольскую историю под названием “нового курса”, в рамках которого в 1932–1934 гг. предпринимались попытки развить политический плюрализм, рыночные отношения, преодолеть отсталость страны, укрепить независимость¹⁸¹.

На международное положение МНР оказывало влияние созданное на восточных границах МНР марионеточное государство Маньчжоу-Го. Газеты и журналы различных агентств и компаний обсуж-

дали политические реалии и будущие перспективы нового регионального “треугольника” МНР – Маньчжоу-Го – Внутренняя Монголия, а также политику стоявших за ним СССР, Японии и Китая. Разброс мнений был довольно значительным, но при общей разногласности периодические издания США, Англии, Китая и Японии по ряду проблем высказывали сходную точку зрения. Во-первых, многим в ином свете представлялась политическая судьба Внутренней Монголии, ее дальнейшее развитие ввиду проявления новой “волны” внутримонгольского национализма, независимого как от советского (коминтерновского) и китайского (гоминьдановского) влияния, так и от японского нажима. Так, известный уже тогда американский синолог и путешественник О. Латтимор в статье “Неизведанные границы Маньчжурии”, опубликованной в “Форин Афферс” за январь 1933 г., пишет: “Некоторые монгольские вожди Внутренней Монголии надеются, что из антагонизма Китая, Японии и России они сумеют выкроить монгольское независимое государство, объединенное с Маньчжоу-Го, но не подчиненное ему.. монголы полагают, что позже или раньше Япония и СССР померятся силами и тогда в конце концов монголы скажут свое слово”¹⁸². Английский журнал “Фортнайтли Ревью” по этому поводу писал: “Внутренняя Монголия – убежище того, что разрушено большевиками во Внешней Монголии – старых традиций, религии, монгольской культуры. Во Внутренней Монголии старые силы, однако, подвергаются ударам со стороны.. растущей партии молодых монгол – организации, которая выступает против китайцев, религии и аристократии, призывает к независимости и прогрессу”¹⁸³.

Во-вторых, появилось много статей, по-новому трактующих положение в самой МНР – не только как “сателлита” Москвы, но и как независимого государства, развивающегося на собственной национальной основе. Так, журнал “Фортнайтли Ревью” писал “Правительство МНР преследует цель создания великой и свободной монгольской нации, и орудием этого является прогресс и цивилизация. Монгольские лидеры считают, что древние монгольские традиции, не менее чем туземная китайская культура, разрушает монгол, как единый народ. Они очарованы силой и быстрым движением к цели в Союзе, и они убеждены, что это их образец. Знаменательно, тем не менее, что Внешняя Монголия не добивается включения ее в состав Союза, но остается вне его, свободно подражая СССР и стремясь к собственной политической независимости”¹⁸⁴. Данный сюжет развивает О. Латтимор в “Форин Афферс” за 10 января 1933 г. “Советская Россия, – пишет он, – не нуждается в покорении Внешней Монголии, она

лишь организовала население, которое было расположено в ее пользу и хотя русские принимали участие в политической реорганизации, она была проделана руками монгол”¹⁸⁵. В другом выпуске этого журнала за 17 апреля 1933 г он отмечает “Возможно, что правительство Внешней Монголии находится под влиянием Советской России .. Истина заключается в том, что сила монгольского правительства лежит не в русском терроризме и не в дьявольских уловках русских, вводящих якобы в заблуждение полуварварский народ, а в том, что контроль находится в руках молодых и энергичных людей из монгол и нигде, кроме России, они не находят помощи или симпатии”¹⁸⁶.

В-третьих, в новом ключе обсуждалась проблема переплетения интересов СССР, Японии, США, Китая вокруг “оси” МНР – Маньжоу-Го. Так, еженедельник “Чайна Уикли Ревью” за 12 января 1934 писал “Японские планы реставрации маньчжурской династии жизненно затрагивают интересы 3 наций: Америки, Китая и СССР. Америки, потому что японская политика ведет к дальнейшему нарушению соглашений, принятых на Вашингтонской конференции, и поэтому усиливает хаос на Дальнем Востоке Китая, потому что реставрация маньчжурской династии означает дальнейшую консервацию позиций Японии в северо-восточных провинциях Китая и Монголии и может привести к потере северного Китая потому, что японские мероприятия угрожают Внешней Монголии, которая граничит с советской территорией”¹⁸⁷. Французский журнал “Котидиен”, развивая международную тему, в свою очередь писал “Заметен некоторый параллелизм между советскими и японскими действиями в их сферах влияния (МНР и Маньжоу-Го – *СД*)”¹⁸⁸. Что касается японской прессы и китайских изданий, находившихся под японским контролем. – “Нциро Цусин”, “Мансю Ниппо”, “Гун бао” (Харбин), “Иомиури”. агентства “Демпо Цусин” и др., т.е. они были явно тенденциозны в освещении данной проблемы, сводя ее либо к описанию “ожиданий монголов скорее войти под покровительство Японии”, либо к “коварной руке” Москвы, действующей по всему Китаю¹⁸⁹. Хотя спектр политических ориентаций и мнений на самом деле был гораздо шире как во Внутренней Монголии, так и в самом Китае (и среди сторонников Гоминьдана, и среди независимых националистов). Причем, в данный спектр входили и мнения немногочисленных групп бывших союзников Коминтерна и МНРП, пытавшихся найти “свое” место в революционном движении. Что касается “руки Москвы”, то после 1927 г она не была уже всемогущей. Революционно-классовый запал Москвы сменился жестким прагматизмом, и ее амбиции уже не простирались дальше МНР и Внутренней Монголии.

В условиях политической разноголосицы к 1933 г во Внутренней Монголии на первый план выходит националистическое крыло под руководством авторитетного и независимого в тот период от японцев князя Западного сунита Шилингольского сейма Дэмчиг Донрова (Дэвана), который 23 апреля 1934 г., объединив князей, не вошедших под японское покровительство, добился от нанкинского правительства права на создание автономного внутримонгольского государства с центром в монастыре Пайлан пр. Суйюань¹⁹⁰. Создание подобного государственного образования было прямым результатом борьбы Дэвана против китайской администрации, продолжавшейся во Внутренней Монголии с начала 30-х годов. Одновременно новый лидер занимал и жесткую антияпонскую позицию, подразумевавшую и ведение, совместно со сторонниками, широкой партизанской войны против Японии¹⁹¹. Последняя, учитывая это, старалась найти с Дэваном точки соприкосновения, предлагая ту или иную форму сотрудничества с Маньчжоу-Го. В свою очередь, в Улан-Баторе и Москве также внимательно следили за маневрами Дэвана, но в этот период занимали выжидательную позицию.

В отличие от противоречивой оценки деятельности Дэвана, официальная реакция МНР на японскую агрессию была однозначна. В резолюции Президиума ЦК МНРП, Малого Хурала и правительства, принятой в октябре 1931 г., говорилось о полной поддержке «рабоче-крестьянских масс Китая, борющихся под руководством коммунистов Китая против контрреволюционной диктатуры Гоминьдана и японских агрессоров»¹⁹². В течение 1932 – 1933 гг. в МНР прошел ряд пленумов ЦК МНРП (июньский 1932 г., октябрьский 1933 г.), на которых специально рассматривалась проблема японской угрозы и возможность нападения Японии на МНР и СССР. В связи с этим были расширены советско-монгольские связи по военной линии из СССР были приглашены известные военачальники К.К. Роковский, Я.З. Прокус, И.А. Плиев, В.А. Сулец, Д.И. Косич и др. МНР были предоставлены кредиты оборонного назначения, модернизирована монгольская армия¹⁹³.

24 февраля 1933 г. проблема японской агрессии в Китае вышла на новый уровень. На заседании Лиги Наций в Женеве была принята специальная резолюция о японо-китайском конфликте, в которой предлагалось создать специальный комитет из 19 государств с представителями СССР и США для разработки механизма урегулирования инцидента. Вопрос же о признании Маньчжоу-Го, активно проталкиваемый Японией, остался открытым. 4 марта 1933 г. Япония оккупирует китайскую пров. Жэхэ, а 27 марта, в знак протеста против политики Лиги Наций, Япония выходит из этой организации.

Противодействие Японии во Внутренней Монголии пытался оказать генерал Фэн Юйсян, который летом 1933 г направляет под Долоннор две дивизии под командованием генералов Фэн Чжена и Цзи Хуанчена. 4 июля 1933 г войска Цзи Хуанчена заняли Долоннор, оттеснив маньчжуро-японский гарнизон в пров. Жэхэ. В китайской прессе появился ряд сообщений о том, что действия Фэн Юйсяна и его помощников “возрождают надежду в Китае” и что “генерал Фэн действительно борется за благо китайской нации”¹⁹⁴. С другой стороны, публиковались сообщения о возможном подкупе Фэна Москвой: в частности, фигурировала информация о получении генералом денег и оружия в Улан-Баторе от коминтерновских агентов и его готовности по заданию Коминтерна “установить советское правительство в Чахаре (Внутренняя Монголия. – С Л)”¹⁹⁵.

Осенью 1933 г. администрация Маньчжоу-Го и японская дипломатия через советских представителей в Китае и Японии начинают зондировать почву на предмет установления прямых отношений между Маньчжоу-Го и МНР¹⁹⁶. Советское руководство, рассматривая данный вопрос, учитывало различные его аспекты: и возможность получения от Японии серьезных уступок в ходе идущих в Маньчжурии советско-японских переговоров о продаже КВЖД¹⁹⁷, и вероятность заключения с Японией соглашения о разграничении “сфер влияния” в маньчжуро-монгольском регионе с гарантией от Токио не вмешиваться в дела МНР.

Весной 1934 г. вопрос о возможном признании Маньчжоу-Го и установлении официальных монголо-маньчжурских отношений приобретает новое звучание. В связи с коронацией Пу И (1934 г.) в правительственных кругах ряда ведущих держав распространились слухи о якобы готовящемся признании Маньчжоу-Го отдельными государствами вопреки резолюции Лиги Наций. Инициатива попеременно исходила от: Германии, Польши и США¹⁹⁸. В связи с этим нарком по иностранным делам М.М. Литвинов в совершенно секретном донесении на имя И.В. Сталина, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова и других членов Политбюро ВКП(б) 9 марта 1934 г. писал: “По всему видно, что некоторые правительства тяготеют взятыми на себя в Женеве обязательствами о непризнании (Маньчжоу-Го – С Л) не следует ли нам взять на себя инициативу или, скорее, подбить на эту инициативу Америку, чтобы придать организованный характер и попытаться взамен этого получить уступки от Японии”. И далее он предлагает следующий план: 1) заключение соглашения между США, Японией, Великобританией, СССР, Китаем и некоторыми другими странами о сохранении в бассейне Тихого океана “существующего порядка, включая Маньчжоу-Го”; 2) принятие этими го-

сударствами постановления о признании Маньчжоу-Го “при условии отказа Японии от дальнейшей агрессии”, 3) подписание “тройственного пакта о ненападении между СССР, США и Японией на базе признания Маньчжоу-Го в заранее определенных границах” “Если нет возражений, – заключает М. Литвинов, – то я прозондировал бы через Буллита Рузвельта с тем, чтобы, в случае его согласия, он взял на себя инициативу выступления перед другими державами, а также в Женеве”¹⁹⁹ Как видно, в предложениях М. Литвинова МНР прямо не фигурировала, но, тем не менее, очевидно, что в основании данной “конструкции” лежала озабоченность советского руководства проблемой сохранения “статус-кво” вокруг Монголии, даже за счет признания Маньчжоу-Го.

Советский вариант, однако, не заинтересовал американцев, и процесс подготовки пакта о ненападении оказался двусторонним (СССР – Япония) Что касается реакции Токио, то там были склонны к решению вопроса о “статус-кво” вокруг Монголии исключительно в рамках контактов Маньчжоу-Го – МНР Японские дипломаты при этом ссылались на советские заявления о “независимом статусе МНР” и праве монгольского правительства “самому и по своему желанию... поддерживать или разрывать” отношения. После выхода из Лиги Наций Токио явно не рассчитывал на международные или, тем более, американские гарантии, учитывая остроту японо-американских противоречий на Дальнем Востоке.

Летом 1934 г Япония продолжает наращивать военно-политическое присутствие во Внутренней Монголии. В июле-августе в районе Долоннора она строит большое количество военных объектов – аэродромы, укрепленные пункты, оружейные склады, размещаются радиостанции, подводятся дорожные коммуникации. В сентябре того же года Япония учреждает специальную военную миссию в Калгане под руководством полковника Мацуи. Внутренняя Монголия была заполнена японскими офицерами и агентами, занимавшимися самой различной работой – от сбора разведывательной информации до обычной агитации местных князей Особое внимание уделялось Силингольскому и Уланцабскому сеймам, граничащим с МНР В конце сентября 1934 г представитель японского Генерального штаба генерал Доихара с инспекционной поездкой посетил пров Жэхэ²⁰⁰

11 октября 1934 г заместитель наркома по иностранным делам Б.С. Стомоняков отправил в Улан-Батор поверенному в делах И.Я. Златкину следующее сообщение “Отдельные факты, имевшие место за последние 2 месяца на восточной границе, вскрывают характер возможных провокаций японцев. переброску разведпартий под ви-

дом охотников, нападение диверсионных групп со стороны Барги. То обстоятельство, что японское посольство в Москве заявило, что “Внешняя Монгольская Республика самовольно передвигает свои границы на Восток”, показывает, что вопрос о границах МНР стоит в центре внимания не только японского военного командования, но и МИД. В связи с этим, полпредству усилить бдительность монгольского руководства. Быть готовым к осложнениям на восточной границе. Необходимо специально заняться вопросом о границе, как с точки зрения исторической, так и ее юридического статуса и фактического положения”²⁰¹. Последнее замечание Б.С. Стомонякова было не случайно. Точной границы между МНР и Маньчжоу-Го фактически не существовало. Вместо нее была пограничная зона шириной от нескольких десятков до сотни километров без каких-либо опознавательных знаков. Исторически эта территория не была спорной, по ней столетиями кочевали восточные монголы, баргуты и другие местные племена. Однако в условиях растущей напряженности, в связи с японской агрессией в Китае, эта территория превращается в место постоянных стычек и столкновений монгольских и маньчжурских пограничных разъездов, причем процесс этот был обоюдным и установить изначальную виновность той или иной стороны было практически невозможно.

Новые политические реалии – агрессия Японии, образование Маньчжоу-Го и государства Дэвана – заставляли монгольское руководство искать оптимальный вариант развития своей внешнеполитической стратегии. Несмотря на этническую близость и некоторое сходство с Маньчжоу-Го по внешним признакам (неопределенность международно-правового статуса, влияние “старшего” партнера), МНР объективно не могла идти на союз с ним, во-первых, из-за японской опасности, и без того волновавшей Улан-Батор, во-вторых, по причинам идеологического характера, определявших оба государства по противоположным полюсам. Причем, в отличие от МНР, имевшей собственную национально-историческую и государственную основу, Маньчжоу-Го являлось по своей природе образованием искусственным и временным, созданным Японией исключительно из своих политических расчетов. Союз с автономным внутримонгольским государством, несмотря на его привлекательность в плане реализации панмонгольской идеи, предполагал разрушение советско-монгольского блока и отход от Москвы, что также не устраивало Улан-Батор. Поэтому в сложившихся условиях наиболее реалистической линией и в плане сохранения государственности, и в плане поддержания национальной безопасности был курс на дальнейшее военно-политическое

кое и экономическое сближение с СССР. В обстановке растущей угрозы со стороны Японии, данный союз хотя и утратил ореол былого "революционного романтизма" 20-х годов (когда МНР была "коминтерновским коридором" в Китай), но зато приобретал черты жесткого военно-оборонительного механизма. В октябре – ноябре 1934 г. состоялся официальный визит П. Гэндэна в СССР. После посещения Киева П. Гэндэн провел в Москве переговоры с советским руководством, где и сделал предложение о заключении договора о взаимной помощи и поддержке в связи с японской угрозой²⁰².

27 ноября 1934 г. стороны договорились о заключении джентльменского (устного) соглашения, предусматривавшего в случае нападения на одну из договаривающихся сторон поддержку и оказание помощи, в том числе и военной.

В декабре того же года в Улан-Баторе между советскими и монгольскими представителями были подписаны: Соглашение об основах советско-монгольских смешанных обществ, Соглашение о временном расчетном курсе тугрика, Соглашение о советниках, инструкторах и специалистах; Соглашение о расчетах в советско-монгольском обороте. Кроме того, монгольской стороне были направлены: письмо председателя правления Госбанка СССР на имя председателя Монголбанка о временном курсе тугрика; нота Стомонякова на имя Гэндэна о конверсии военных займов, нота Б. Стомонякова о сокращении монгольской задолженности по торговле с СССР²⁰³. Всего восемь документов, которые логически развивали базу, заложенную советско-монгольскими соглашениями 1929 и 1930 гг., и закрепляли в экономическом плане военно-политическую договоренность, достигнутую в Москве 27 ноября 1934 г. Логически дополнило блок советско-монгольских соглашений постановление ЦК МНРП от 11 декабря 1934 г. "Об экономической и политической помощи СССР монгольскому народу и о связях двух стран"²⁰⁴.

В январе 1935 г. взаимоотношения МНР и Маньжоу-Го получают новый импульс – маньчжурская дипломатия предлагает Улан-Батору обсудить проблему спорных территорий²⁰⁵ на специальной встрече уполномоченных двух государств. Одновременно власти Маньжоу-Го поднимают вопрос об установлении официальных дипломатических отношений и обмене представителями. Подобные инициативы имели место на фоне разрастания пограничных конфликтов между монгольскими и японо-маньчжурскими погранотрядами.

Монгольское руководство, после консультаций с Москвой, уклоняется от маньчжурских предложений, ограничиваясь в очередной раз констатацией через монгольские и советские информационные

агентства “нарушений монгольской границы” со стороны Маньчжоу-Го, квалифицируя эти нарушения как “японские провокации”²⁰⁶. Однако идея о прямых монголо-маньчжурских переговорах с января 1935 г. стала активно обсуждаться как на уровне советских дипломатических представителей в Улан-Баторе, так и на уровне ЦК МНРП и правительства МНР. Весной того же года проблема урегулирования монголо-маньчжурских отношений была рассмотрена на нескольких совещаниях руководящих работников Наркоминдела в Москве. Дополнительным стимулом для принятия решения об открытии монголо-маньчжурской конференции стали сообщения о новых столкновениях в Халхин-Сумэ, произошедших в июне – начале июля 1935 г.²⁰⁷

3 июля 1935 г. на станции Маньчжурия начался первый раунд официальной Монголо-маньчжурской конференции по урегулированию пограничных конфликтов. Монгольскую делегацию возглавлял опытный дипломат, долгое время работавший в ранге полномочного представителя МНР в Москве Ж. Самбу. Маньчжурскую – губернатор Северного Хингана Лин Шин. Накануне конференции была выработана совместная советско-монгольская позиция по тактике ведения переговоров. Особенностью ее являлась установка Москвы и Улан-Батора на сведение переговоров исключительно к обсуждению конкретного пограничного инцидента. Как отмечалось в письме Таирова Самбу, требовалось “...недопущение расширения переговоров в плане обсуждения общих перспектив в развитии отношений МНР и Маньчжоу-Го”²⁰⁸. В инструкции НКВД, специально разработанной для монгольской делегации, подчеркивалось, что монголам на первом заседании необходимо добиться включения в повестку дня вопроса о конфликте в районе Халхин-Сумэ, освобождение которого от японцев и маньчжур входит в “ближайшие задачи делегации”²⁰⁹. Маньчжурская делегация, фактически руководимая японским представителем Канаки, на первом заседании поставила вопрос о необходимости расширения повестки переговоров и предварительного установления официальных дипломатических отношений между МНР и Маньчжоу-Го. Японцы ссылались на прецедент задержания на востоке МНР топографической группы Инукаи, посланной туда японцами в июне 1935 г., и на предложение руководителя японской миссии на ст. Маньчжурия майора Сакураи о проведении прямой телеграфной линии между Улан-Батором и ст. Маньчжурия²¹⁰.

5 июля монгольское правительство опубликовало свое заявление “О вторжении японо-маньчжурских войск на территорию Монголии”, а 8 июля полпредом В. Х. Таириным была получена телеграмма Б. С. Стомонякова с выражением поддержки позиции МНР на переговорах на ст. Маньчжурия²¹¹.

9 июля 1935 г. монгольская делегация отклоняет маньчжурские предложения об установлении официальных дипломатических отношений, выдвигая свое требование – создать постоянную смешанную комиссию из представителей МНР и Маньчжоу-Го для урегулирования пограничных вопросов и демаркации границы на спорных участках. Маньчжуры в принципе были согласны на образование таких комиссий, но предлагали расширить их полномочия и еще до начала их работы обменяться официальными представителями. 29 июля Самбу заявил, что монгольская делегация “не возражает против подобного обмена .. при условии, что их функции будут ограничены урегулированием вопросов, возникающих на границе”. Переговоры перешли в фазу обсуждения прав, обязанностей, количественного состава и мест постоянного пребывания уполномоченных МНР и Маньчжоу-Го²¹². Маньчжуры предложили представительство в три человека от каждой стороны, выразив желание видеть своих людей в Улан-Баторе, Баин-Тумене и Тамцак-Булане, монголам они соответственно предложили – Чаньчунь, Хайлар и ст. Маньчжурия. Одновременно они были согласны на ограничение статуса уполномоченных рамками компетенции по пограничным вопросам. Последнее обстоятельство было явной тактической уловкой японцев, желавших поскорее иметь свое представительство под любым предлогом.

В августе 1935 г. Самбу на очередном заседании конференции сообщил о согласии монгольского правительства вступить в официальные переговоры по вопросу обмена уполномоченными, но по одному человеку от каждой стороны, и по учреждению пограничной комиссии. Маньчжуры в свою очередь настаивали на прежнем количестве (по три человека) и на дислокации представительств в названных выше местах²¹³. Обе стороны объявили перерыв.

2 октября 1935 г. переговоры на ст. Маньчжурия возобновились. Самбу получил жесткие инструкции советских представителей ни в коем случае не идти на уступки японцам, стараясь всячески затягивать переговоры. Вновь были подтверждены установка на бойкот предварительного условия японцев об установлении отношений и тактика на обсуждение статуса пограничных комиссий. Причем, удобным предлогом для нового перерыва Москва считала возникшее противоречие в ходе переговоров по количеству и местам пребывания будущих представителей МНР и Маньчжоу-Го. В течение октября-ноября 1935 г. монгольская делегация упорно настаивала на своей версии представительства – по одному человеку в Тамцак-Булане и на ст. Маньчжурия, а японо-маньчжурская делегация на своей – по три представителя в Улан-Баторе, Баин-Тумене, Тамцак-

Булане и Чаньчуне, Хайларе. ст Маньчжурия соответственно от Маньчжоу-Го и МНР²¹⁴. Наступил новый кризис, и 25 ноября 1935 г, на 21-м заседании конференция прервала свою работу. Делегация Самбу покинула ст Маньчжурия, выехав в Улан-Батор

Советская и японская пресса дали сходную трактовку причин неудачи конференции. Так, газета "Мансю Нидзини" писала: "Главной причиной разрыва конференции было расхождение во взглядах на цели конференции. Правительство Маньчжоу-Го, считая, что установление прежде всего нормальных добрососедских отношений между обеими странами, является предпосылкой для урегулирования пограничных вопросов. Между тем, правительство МНР отвергло установление нормальных отношений и настаивало на урегулировании исключительно конфликтов текущего характера"²¹⁵. Советские газеты "Правда" и "Известия" отмечали, что "причиной разрыва переговоров явился решительный отказ монгольской делегации от принятия требования о признании Маньчжоу-Го МНР и обмене между ними дипломатическими представителями"²¹⁶.

Однако за формально схожими оценками крылись глубокие противоречия между СССР и Японией. Советский Союз и МНР не хотели легализации марионеточного Маньчжоу-Го в рамках официальных монголо-маньчжурских отношений, дававшей Японии стратегический простор и формально-юридические основания для расширения своей экспансии в МНР. С другой стороны, полностью игнорировать маньчжурские предложения также было нельзя, так как это подтверждало бы тезис о "сателлизме" Внешней Монголии и отсутствии у нее собственной политики. Москва, в принципе, была не против признания Маньчжоу-Го, но только как акта совместной инициативы великих держав – США, Англии и др. Маньчжурская же конференция, фактически навязанная монголам, тактически была выгодна Японии и невыгодна Советскому Союзу. Одновременно опыт первого этапа конференции означал углубление и дальнейшее развитие договоренностей Москвы и Улан-Батора, достигнутых в форме джентльменского соглашения от 27 ноября 1934 г. 3 января 1936 г в советской прессе было опубликовано интервью П. Гэндэна, данное им в Улан-Баторе после возвращения из очередной поездки в СССР, в котором Гэндэн подчеркивал, что "монгольский народ... рассчитывает на помощь СССР в трудную минуту"²¹⁷.

26 ноября 1935 г состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), одоблившее действия делегации Самбу и рассмотревшее ключевые проблемы советско-японских и советско-монгольских отношений. Было отмечено, что СССР, согласно устной договоренности с МНР, выступил гарантом безопасности МНР.

В декабре 1935 г в отношениях МНР – Маньчжоу-Го наступает новый этап напряженности и пограничных конфликтов 19 декабря произошло столкновение монгольских и маньчжурских отрядов в районе Буин-Дерсу на восточной границе МНР Правительство МНР направило Маньчжоу-Го ноту протеста 30 января 1936 г. произошел новый пограничный конфликт, в котором японцы потеряли 12, а монголы 5 человек. 12 февраля того же года происходит еще один пограничный инцидент недалеко от оз. Буир-Нур, в котором также имелись жертвы – 8 японских и 7 монгольских пограничников. Западная пресса с тревогой начинает говорить о том, что японцы пытаются использовать проблему “неопределенности монголо-маньчжурской границы” для “дальнейшей эскалации напряженности”. Так, английская “Дэйли Телеграф” заметила, что “любая серьезная попытка (японцев. – С Л) отбросить монголов из спорных районов может вызвать войну”²¹⁸. Газеты “Манчестер Гардиан”, “Ньюс Кроникл” и “Экономист” указывали, что японское наступление против МНР и СССР в значительно “большей мере грозит катастрофой, чем японская экспансия в Китае”, и нападение “марионеточного Маньчжоу-Го на советское марионеточное государство Внешней Монголии.. неизбежно вызовет советско-японскую войну”²¹⁹.

Проблемы монголо-маньчжурских отношений все больше попадали под влияние логики и механизма советско-японских контактов 16 декабря 1935 г. в Токио состоялась беседа между членом правительства виконтом Иноуэ и советским полпредом в Японии К. Юреневым. В ходе беседы Иноуэ заявил, что “монгольский вопрос . не может считаться снятым с повестки дня. Квантунская армия будет и впредь добиваться установления дипломатического контакта с Монгольской Республикой”²²⁰. На встрече К. Юренева с членом парламента Сидехарой в начале февраля 1936 г. послу был задан вопрос о причинах срыва маньчжурской конференции и о возможности возобновления ее работы, на что К. Юренев уклончиво ответил. “Нельзя требовать от стран дипломатических отношений, если они их не хотят. В случае, если бы штаб Квантунской армии отказался от политики террора в отношении Внешней Монголии, то . не исключено, что Внешняя Монголия согласилась бы на установление нормальных отношений с Японией”²²¹.

14 февраля 1936 г. в Москве состоялась беседа японского посла Ота и заместителя наркома иностранных дел Б. Стомонякова. В ходе разговора последний изложил советскую позицию относительно монголо-маньчжурского конфликта, подчеркнув, что СССР не допустит агрессии против Внешней Монголии и окажет необходимую поддер-

жку монгольскому народу Информация о разговоре была передана в Токио, где 17 февраля состоялось совещание в министерстве иностранных дел Японии, на котором обсуждались возможные сценарии дальнейшего развития советско-японских отношений по монгольской проблеме Судя по поступившей информации в Москву по дипломатическим и разведывательным каналам, заявление Б. Стомонякова несколько остудило пыл японских политиков, заговоривших о сохранении "статус-кво" в спорных регионах и поиске между МНР и Маньчжоу-Го приемлемого обеим сторонам компромисса²²²

Маневры советской дипломатии в Токио были направлены на то, чтобы как-то оттянуть конфликт с Японией из-за Монголии и выиграть время, необходимое для укрепления военно-экономического потенциала МНР, создания в восточных районах оборонительных коммуникаций. Одновременно, не снимая с повестки дня возможность японской агрессии, и в Москве, и в Улан-Баторе считали, что Япония пока не готова вести широкомасштабную войну Так, в секретном послании Б. Стомонякова послу в МНР В.Х. Таирову говорится: "Международное положение Японии и ее военная подготовка не таковы, чтобы решиться начать войну против МНР и, следовательно, против СССР"²²³

17 февраля 1936 г. Б.С. Стомоняков собрал небольшое совещание в Наркоминделе, пригласив также представителей Наркомата обороны — А.И. Егорова и С.П. Урицкого, а также работников, ответственных за топографическое дело и издание географических карт Главной темой совещания стала проблема границ между МНР и Маньчжоу-Го Совещание, несмотря на тщательную подготовку и долгую дискуссию, не прояснило картину. В письме от 20 февраля 1936 г. послу Таирову Б. Стомоняков, излагая вопросы, рассмотренные на совещании, просит прислать в Москву "точную официальную карту с нанесением на ней указанных границ" Далее он пишет: "Ввиду чрезвычайной настойчивости, с которой японцы и маньчжуры настаивали и настаивают на том, что столкновения происходили на территории Маньчжоу-Го, и, в особенности, ввиду того, что мы имеем серьезные доказательства, что на этот раз японское правительство действительно было уверено, что столкновения происходили на маньчжурской территории, я запросил Вас, уверены ли Вы полностью в верности монгольской информации по этому вопросу. Этот запрос был еще более естественен, ввиду отмеченной выше неточности наших карт"²²⁴. Однако ответ Таирова не содержал четких ориентиров — в Улан-Баторе имелось несколько картографических версий восточной границы МНР, и ни одна из них не могла быть взята за основу.

В условиях японской угрозы серьезную эволюцию претерпели советско-китайские отношения в их монгольском аспекте. Деятельность Коминтерна во Внутренней Монголии по многим направлениям была свернута, хотя интерес иностранного отдела ОГПУ и военной разведки Наркомата обороны ко Внутренней Монголии сохранился. Ими выполнялись конкретные (прикладные) задачи – сбор информации, агентурная работа и т.д. Так, в феврале 1936 г. в Силингольский сейм Внутренней Монголии Восточно-гобийским отделом МВД МНР совместно с ОГПУ был направлен агентурный отряд в основном из монголов-коминтерновцев с целью выяснения позиций Японии, изучения политических настроений местного населения, создания опорных баз. По информации, полученной вскоре в Улан-Баторе, выяснилось, что часть населения, не вошедшая в японскую зону, реально ориентируется на две силы: 1) на армию Фэн Юйсяна, популярность которого вновь пошла вверх и на 2) движение Дэвана. Проходивший в феврале-марте 1936 г. хурулдан князей и чиновников Внутренней Монголии выявил также серьезные антисоветские настроения и враждебность в отношении МНР²²⁵.

Основным направлением политических отношений СССР с Китаем Москвой считалась деятельность по созданию единого анти-японского фронта в Китае (Гоминьдан – КПК) и недопущению сговора между Нанкином и Токио по созданию японо-китайского альянса против СССР и МНР. Вероятность последнего была проанализирована в одном из донесений К. Юренева М. Литвинову и Б. Стомонякову от 17 января 1936 г., в котором К. Юренев сообщает: “Никакой позитивной программы сближения Японии и Китая, за которую можно было бы купить Нанкин, японцы не предлагают и не предложат.. Японцы хотели бы поссорить нас с Китаем в вопросе Внешней Монголии и Синьцзяна, но они могли бы иметь серьезные шансы на это в том случае, если бы великодушно вернули Китаю Маньчжоу-Го. Китаю ссориться с нами из-за Внешней Монголии в нынешних условиях более чем не ко времени”²²⁶.

В феврале 1936 г. правительство МНР ведет активную переписку с администрацией Маньчжоу-Го по двум основным проблемам. Во-первых, по вопросу сохраняющейся напряженности и пограничных конфликтов на восточной границе. Обе стороны направляют друг другу сотни нот и заявлений с протестами и взаимными обвинениями в “агрессии, нарушении суверенитета” и “территориальной целостности”. Во-вторых, по вопросу создания смешанных пограничных комиссий и возобновления работы конференции. По последнему направлению монгольскими дипломатами и советскими представите-

лями был разработан проект соглашения между МНР и Маньчжоу-Го "О проверке существующих между двумя государствами границ", в который вошло 11 статей²²⁷. Проект, однако, носил обтекаемый характер и не содержал параметров размежевания на спорных участках.

29 февраля 1936 г. монгольское правительство предлагает маньчжурской администрации "образовать смешанные комиссии для расследования инцидента 12 февраля 1936 г. и других конфликтов", соглашаясь на предварительную встречу делегатов²²⁸. А 1 марта состоялась известная в истории беседа И. В. Сталина с председателем американского газетного объединения "Скрипс Говард Ньюс пейперс" Роем Говардом, в ходе которой советский руководитель заявил: "В случае, если Япония решится напасть на МНР, нам придется помочь МНР"²²⁹. В развитие данного заявления и джентльменского соглашения, 14 марта 1936 г. в Улан-Баторе состоялось подписание Протокола о взаимной помощи между СССР и МНР. Со стороны правительства МНР протокол подписали председатель Малого Хурала А. Амор и премьер-министр П. Гэндэн, со стороны СССР — полпред Таиров. Заявление Таирова, сделанное А. Амору вскоре подписание, о том, что текст Протокола будет опубликован, вызвало в монгольских политических кругах большое одобрение. Подобный шаг подтверждал однозначность советской линии на поддержку своего союзника²³⁰.

Вместе с тем Протокол 14 марта 1936 г. вскрыл и ряд старых проблем, связанных с определением официального статуса Внешней Монголии (МНР) в советско-китайских отношениях. По заданию Москвы посол Таиров провел переговоры с А. Амором о желательности подписания дополнительного заявления к Протоколу по вопросу признания Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой Пекинского соглашения 1924 г. А. Амор остался недоволен постановкой вопроса. В ходе переговоров он сделал следующее официальное заявление: "Соглашение, заключенное между СССР и Китаем в 1924 г. в г. Пекине, является только советско-китайским делом этих 2 сторон. Поэтому, пункт относительно Монголии является соглашением, достигнутым лишь между СССР и Китаем. МНР неоднократно заявляла советскому правительству, что она никогда не сможет признать это соглашение и в настоящее время она по-прежнему придерживается этого"²³¹.

В связи с подписанием Протокола 7 апреля 1936 г. МИД Китая заявил советскому правительству решительный протест. В ноте, в частности, говорилось: "Поскольку Внешняя Монголия является со-

ставной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие либо договора или соглашения. Поэтому я (министр иностранных дел. — СЛ) обязан заявить Вашему правительству, что Китайское правительство ни при каких обстоятельствах не может признать такой протокол и никоим образом им не связано”²³².

В ответной ноте от 8 апреля 1936 г. народный комиссар по иностранным делам М.М. Литвинов заявил: “Ни факт подписания протокола, ни отдельные его статьи ни в малейшей степени не нарушают суверенитет Китая, не допускают и не заключают в себе каких-либо территориальных притязаний СССР в отношении Китая или МНР. СССР, подписывая протокол о взаимной помощи, исходил из того, что заключенное в Пекине советско-китайское соглашение 1924 г. не потерпело никакого ущерба и сохраняет свою силу. Советское правительство настоящим вновь подтверждает, что означенное соглашение, поскольку это относится к Советскому Союзу, сохраняет свою силу и в дальнейшем”²³³.

Подтвердив действие советско-китайского соглашения 1924 г., М. Литвинов тем самым подтвердил и неопределенность и двойственность положения МНР²³⁴. С другой стороны, обмен нотами, по сути, не мог изменить реальную ситуацию, сложившуюся вокруг МНР. А ситуация была такова, что МНР, формально входя в состав Китая, фактически существовала с 1921 г. независимо от него. Причем сам Китай в условиях японской агрессии с 30-х годов не мог, да и не хотел реально защищать МНР как часть “своей” территории. Эту дипломатическую игру СССР и Китай продолжали вести потому, что она позволяла Китаю “сохранить лицо” в надежде на изменение ситуации в будущем, а Москве — беспрепятственно решать свои задачи в Монголии при осознании того, что дальше протестов Нанкин не пойдет.

Что касается советско-монголо-маньчжурских отношений, то они после очередного военного конфликта на границе МНР и Маньчжоу-Го 30 марта 1936 г. вновь вышли на уровень дискуссии о создании пограничных комиссий. Так, 31 марта Б.С. Стомоняков в беседе с японским послом Ота сказал “Советское правительство считает важным образование пограничной комиссии... на монголо-маньчжурской границе. Советское правительство учитывает ссылку японского правительства на ведущиеся между Маньчжоу-Го и МНР переговоры, однако не понимает сообщения японского правительства о желании остаться в стороне от этих переговоров... Советское правительство не видит оснований против того, чтобы японское правительство,

приняло советское предложение об оказании содействия образованию названных комиссий на границе МНР и Маньчжоу-Го²³⁵ Другими словами, если до подписания Протокола 1936 г СССР формально отстранялся от вопросов монголо-маньчжурских отношений, действуя как бы за кулисами событий, то теперь очевидными стали его попытки открыто вместе с Японией участвовать в разрешении монголо-маньчжурской проблемы

30 апреля 1936 г правительство МНР в ноте руководству Маньчжоу-Го подтвердило свою позицию по поддержке советской инициативы касательно создания смешанной пограничной комиссии и предложило начать подготовку ко второму этапу Маньчжурской конференции²³⁶. 5 мая маньчжуры дали Улан-Батору ответ с согласием "начать подготовку к конференции" и включить в повестку дня вопрос об учреждении комиссии по проверке границ²³⁷

13 августа 1936 г. в Москве состоялось заседание НКВД, на котором в числе прочих, рассматривался проект соглашения между МНР и Маньчжоу-Го о демаркации границы. В протоколе заседания было записано: "Решение. Утвердить проект с внесенными поправками. Тов. Борисову несколько "монголизировать" текст. Тов. Колчановскому сделать конструктивные изменения, чтобы он (проект. — С. Л.) не походил на проект соглашения, врученный нами японцами"²³⁸.

Комментируя советско-монгольские инициативы по подготовке нового раунда Маньчжурской конференции, японская газета "Харбин ниници" писала: "Мы должны сделать вывод, что искать мирного разрешения вопросов демаркации границ между Маньчжоу-Го и Монголией и установления добрососедских отношений уже стало абсолютно невозможно. Другой вывод, что внешнемонгольский проект пограничной комиссии является обманом, чтобы оттянуть срок вполне ясного столкновения между двумя странами". И далее газета делает вывод: "Вопрос отношений с СССР является для Японии буквально вопросом смерти или жизни, т. е. вопросом о том, съест или быть съеденным"²³⁹

Таким образом, в 1932 - 1934 гг процесс формирования военно-политической "оси" "Москва - Улан-Батор" шел наиболее интенсивно. Военно-политическое сближение СССР и МНР было официально закреплено заключением джентльменского соглашения от 27 ноября 1934 г и подписанием между СССР и МНР Протокола о взаимопомощи от 14 марта 1936 г. Союз СССР и МНР базировался не только на идеологической близости советского и монгольского правительств, но и на общности национально-государственных за-

дач и интересов двух стран, и был направлен против агрессии Японии на Дальнем Востоке.

* * *

Система международных отношений, сложившаяся вокруг МНР в 20 – 30-е годы, формировалась под воздействием широчайшего спектра факторов и мотиваций. В него входила и проблематика официальных советско-монгольских отношений – от интересов подъема монгольской экономики до условий оказания военной помощи (Протокол 1936 г.), и революционно-идеологические установки Коминтерна, МНРП, Гоминьдана и КПК, и задачи японской политики и т.д. Фактически, к середине 30-х годов классический “треугольник” СССР – МНР – Китай превратился в новую системную конструкцию “СССР – МНР – Китай – Маньжоу-Го”. Последняя отличалась большей конфликтностью и противоречивостью, что приводило к усилению общей напряженности в регионе.

Структура “СССР – МНР – Маньжоу-Го – Китай”, во многом державшаяся на стремлении вовлеченных сторон успешно манипулировать советско-японскими и японо-китайскими противоречиями, имела два варианта существования – мирное развитие с последующим разделом “сфер влияния” в монголо-маньчжурском регионе между СССР и Японией (по аналогии с русско-японским союзом 1907 – 1917 гг.); и существование в военных условиях – как в рамках монголо-маньчжурской пограничной конфронтации, так и в обстановке более масштабного столкновения СССР и Японии или Японии и Китая. Ввиду особенностей мировой ситуации того времени – формирования “оси” “Рим – Берлин – Токио” и агрессивного характера панasiatской стратегии Японии, – к 1936 г последний вариант развития названной структуры стал наиболее реальным

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советско-китайские отношения. 1917 – 1957... – С. 82 – 83

² АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 8, порт. 2, пап. 110, д. 2, л. 164.

³ Советско-монгольские отношения 1921 – 1974 – Т. 1. – С. 104, 106.

⁴ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 8, порт. 2, пап. 110, д. 2, л. 182.

⁵ Там же, л. 419 – 420

⁶ Там же, л. 410

⁷ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 28, л. 12.

⁸ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 9, пап. 116, д. 9, л. 6

⁹ Там же, л.8

¹⁰ Алтайский округ был выделен из Кобдоского округа китайским правительством в 1907 г. Официальная причина – вражда между монголами и казаками из-за пастбищных угодий. Точной границы между Кобдоским и Алтайским округами не существовало. В 1912 г. Пекин назначает амбанем Алтайского округа тергоутского князя Палта-вана, известного китаефила и врага Урги. Русско-китайское соглашение 1913 г. определило, что Кобдоский округ остается за Внешней Монголией, а Алтайский округ – за Китаем. Тройственное соглашение 1915 г. также определило Алтайский округ за Китаем, но описание границы было самым общим. В 1915 – 1919 гг. Алтайский округ только формально относился к Китаю. 7 марта 1919 г. там вспыхнуло антикитайское восстание, и китайское правительство после подавления бунта официально включило его в состав Синьцзяна.

¹¹ Kitad-un tugai. – Neyisilel Kuriyen: Monggl-ur arad-un nam-un Keblel, olan-a ergugedsen-u arban dorbeduger on, 1924 20.05 – Р. 26 – 28.

¹² Там же. – Р. 55 – 56.

¹³ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп.9, д.9, пап.116, л.275

¹⁴ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.24, л.99.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ МАХН-ын Их бага хурал Тов Хорооны бугд хурлын тогтоол шийдвэр 1921 – 1939. – Улаанбаатар, 1956. Х.104

¹⁹ Представители ИККИ сотрудничали с руководителями различных хунхузских (бандитских) отрядов с Юн Сандином (отряд до 1000 чел.), действовавшим в пров. Жэхэ и контролировавшим район Калганского трактата (см.: РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.293, л.27). Так, в донесении Мордвинова Уборевичу говорится о результатах работы военной экспедиции 5-й армии на территории Маньчжурии и организации сети хунхузских отрядов в 1923 – 1924 гг., об инспирировании там “беспорядков” среди местного населения и пр. Мордвинов предлагает для большей эффективности использовать в качестве руководителей хунхузских отрядов китайцев, которые, “находясь в рядах Красной армии, получили известный опыт и могут быть использованы в зарубежной работе” – См.: РЦХИДНИ, ф.372, оп.1, д.223, л.55 – 57.

²⁰ АВП РФ, ф.Референтура по Китаю, оп.9, пор.116, д.9, л.511–512.

²¹ Там же, оп.11, пап.135, д.19, л.112.

²² Там же, д.10, л.103, л.115

²³ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.45, л.31

²⁴ Там же, л.33, 38 – 39

- ²⁵ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 9, пап. 116, д. 9, л. 277.
- ²⁶ Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. – М., 1996
- ²⁷ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 9, пап. 116, д. 9, л. 274.
- ²⁸ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 8, порт. 3, пап. 3, д. 60, л. 97 – 98
- ²⁹ Там же, л. 140 – 141.
- ³⁰ О конфликте Ринчино – Рыскулов см. также: Рошин. С.К. Турар Рыскулов в Монголии //Владимирцовские чтения. – М., 1995. С. 100 – 105.
- ³¹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 23, л. 59
- ³² Там же, д. 24, л. 290, 292.
- ³³ Там же, д. 44, л. 110.
- ³⁴ Там же, л. 96 – 97
- ³⁵ Там же, д. 31, л. 50.
- ³⁶ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, порт. 106, пап. 32, д. 021, л. 1.
- ³⁷ АВП РФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 11, пап. 135, д. 10, л. 116.
- ³⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, порт. 166, пап. 32, д. 021, л. 3.
- ³⁹ Там же, л. 22 – 23.
- ⁴⁰ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920 – 1925. – М., 1994. Т. 1. С. 625.
- ⁴¹ Гарушянц Ю. Рецензии. “ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920 – 1925. – М., 1994. // Проблемы Дальнего Востока – 1995. № 3. С. 144.
- ⁴² АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, порт. 178, пап. 32, л. 2.
- ⁴³ Там же, порт. 173, пап. 32, д. 110-МГ6, л. 81.
- ⁴⁴ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 154, д. 293, л. 26.
- ⁴⁵ Там же, л. 26, 31
- ⁴⁶ Там же, л. 11
- ⁴⁷ Там же, оп. 152, д. 49, л. 37.
- ⁴⁸ Там же
- ⁴⁹ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, порт. 178, пап. 32, л. 2 – 4
- ⁵⁰ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 64, л. 19
- ⁵¹ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 11, порт. 19, пап. 7, д. 720, л. 5.
- ⁵² РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 64, л. 18.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же, д. 59, л. 22.
- ⁵⁵ Там же, д. 64, л. 112.
- ⁵⁶ В июле 1928 г. Баргинская революционная партия состояла из 25 ячеек общей численностью примерно 500 человек

⁵⁷ РЦХИДНИ, ф.495, оп 152, д.64, л 117

⁵⁸ Там же Факты причастности Степанова к баргинскому восстанию и его организации подтверждаются и альтернативными источниками – белоэмигрантскими документами См.: Русское слово. – Харбин, 1929. – 5 сентября; 10 октября// АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп 16, пор.12, пап.2, д.23, л.50.

⁵⁹ РЦХИДНИ, ф 495, оп.152, д.64, л.117.

⁶⁰ Там же, л 124.

⁶¹ АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп.16, пор.12, пап.12, д.23, л.50.

⁶² Там же, оп.11, пор.6, пап 7, д.13, л.102.

⁶³ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.64, л.124

⁶⁴ Правда. – 1928. 21 августа; 24 августа.

⁶⁵ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.64, л.175, – отсутствие предварительного сговора Мерсээ и других руководителей с Японией и их зависимость от Коминтерна подтверждается рядом альтернативных документов. Так, в секретном циркуляре парткома Внутренней Монголии партии Гоминьдан от 14 октября 1928 г., направленном руководству в Нанкин, говорится. “В ЦК ГМД Честь имеем доложить, что по полученным нами достоверным сведениям коммунист Го Даофу (Мерсээ), исключенный из партии ГМД в июне прошлого года, летом сего года воспользовался тем, что армия вела северный поход, получил приказ III Интернационала и вошел в смычку с коммунистами Внутренней Монголии и Барги. . Сейчас Го под давлением обстоятельств внешне подчинился Мукдену, но в действительности за его спиной стоит заговор III Интернационала Просим Вас дать приказ . Чжан Сюэляну о строгом надзоре за Го Даофу”. – АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп 11, пор 19, д.720, пап 7, л 5 – 6 (пер с кит)

⁶⁶ РЦХИДНИ, ф.495, оп 152, д 64, л 175

⁶⁷ АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп 11, пор 6, пап.7, д 13, л 102

⁶⁸ Там же, ф. Секретариат Карахана, оп 12, пор 155, пап 81, д 021-МО, л 132 – 133

⁶⁹ Там же, л 135.

⁷⁰ Там же, л 84.

⁷¹ Там же , оп 16, пор.81, пап 159, д. 250-МО, л 5 – 6, 8

⁷² В мае 1923 г монгольское правительство направило делегацию в Москву для переговоров. В июне 1923 г в Урге соглашение было подписано Соглашение предусматривало деятельность советских торговых организаций на территории Монголии – См История советско-монгольских отношений. – С. 49.

- ⁷³ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, пор. 178, пап. 32, л. 188
- ⁷⁴ Там же, пап. 123, д.2-а, л. 92
- ⁷⁵ Там же, пап.32, л.196.
- ⁷⁶ Там же, пор.101, пап.19, л.15.
- ⁷⁷ Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Кызыл, 1960. Вып.8. С.103.
- ⁷⁸ РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.242, л.1–4.
- ⁷⁹ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, пор. 166, пап. 32, д. 021/МО, л. 2.
- ⁸⁰ Там же, л.3.
- ⁸¹ Там же, л.4.
- ⁸² Там же, ф. Референтура по Китаю, оп. 10, пап. 123, д.1-а, л.92.
- ⁸³ Там же, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, пор. 178, пап. 32, л.188.
- ⁸⁴ Там же, л.208.
- ⁸⁵ Там же, л.208 – 209.
- ⁸⁶ Там же, л.9.
- ⁸⁷ Там же, л.222 – 223.
- ⁸⁸ Там же, л.227.
- ⁸⁹ Там же, л.228.
- ⁹⁰ Там же, д.110-МО, л.88.
- ⁹¹ Там же, л.87 – 88.
- ⁹² Там же, л.9 – 11.
- ⁹³ Там же, л.9 – 11.
- ⁹⁴ Там же, д.110-МО, л.89.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Петров Ф. (псевдоним) – Ф. Ф. Раскольников (1882 – 1939), в 1924 – 1928 гг. – зав. Восточным отделом ИККИ.
- ⁹⁸ РЦХИДНИ Ф.495, оп. 152, д.54, л.92
- ⁹⁹ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 11, пор. 216, пап. 58, д.150-МО, л. 5 – 7.
- ¹⁰⁰ АВП РФ, оп.10, пор.172, пап.32, д.037-МО, л.17, 27.
- ¹⁰¹ РЦХИДНИ, ф.495, оп. 152, д.64, л. 27
- ¹⁰² Там же, д.59, л.74.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же, оп. 154, д.389, л.16.
- ¹⁰⁵ Там же, оп. 152, д.64, л.114.
- ¹⁰⁶ Накануне Ц. Дамбадорж в личном разговоре с одним из членов советской делегации сказал. “Видимо, повторится история с Бодо – расстрел. Вечером я, вероятно, на заседании (пленума. – С.И.) не буду” – РЦХИДНИ, ф.495, оп. 154, д.389, л.26.

¹⁰⁷ РЦХИДНИ, ф.495, оп. 154, д.389, л.31 – 33.

¹⁰⁸ Там же, д.387, л.11, 13, 14.

¹⁰⁹ Х Чойбалсан, по определению Б Шмералья, принадлежал к “правой” группировке, но его “раскаяние в ошибках” и переход в лагерь “левых” в ходе съезда позволили ему успешно начать карьеру. Так, Шмераль в одном из донесений пишет: “Чойбалсан был. . . один из основателей партии, имеет Орден Красного Замени. . . но правые ошибки он делал. Он был назначен решением нового ЦК председателем Малого Хурулдана – пост формальный, но если расширить сферу деятельности, то работа МВД войдет в его компетенцию” – РЦХИДНИ, ф.495, оп. 154, д.389, л.61.

¹¹⁰ РЦХИДНИ, ф.495, оп. 152, д.64, л.

¹¹¹ Там же, оп. 154, д.389, л.59.

¹¹² Там же, л.621

¹¹³ Там же, л.5.

¹¹⁴ Там же, д.391, л.18, 20, 29.

¹¹⁵ Там же, д.389, л.46

¹¹⁶ Там же, д.391, л.28

¹¹⁷ Там же, л.9 – 10

¹¹⁸ Там же, оп. 20, д.424, л.2.

¹¹⁹ АВПРФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 10, пор. 166, пап.32, д.021-МО, л.17.

¹²⁰ Там же, оп. 12, пор. 156, пап.81, д.021-МО, л.31, 34

¹²¹ Там же, л.42.

¹²² Там же, л.47 – 48.

¹²³ Там же, л.42

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, оп. 16, пор. 81, пап.159, д.250-МО, л.7

¹²⁶ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп. 12, пор.4, пап.7, д.100, л.4 – 6, 15 – 17, 21 – 24, 33 – 34, 43 – 45

¹²⁷ Там же, оп.13, пор.3, пап.9, д.410, л.3

¹²⁸ АВПРФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 13, пор. 128, пап.106, д.32, л.4

¹²⁹ РЦХИДНИ, ф.495, оп. 152, д.90, л.61

¹³⁰ АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 8, пап.158, д.4, л.39

¹³¹ Подробнее см.: Ватлин А.Ю. Коминтерн: первые 10 лет – М., 1993; Советская внешняя политика 1917-1945 гг. Поиски новых подходов. – М., 1992

¹³² Коммунистический Интернационал – 1931. №33 – 34 С.48 – 49

¹³³ О деятельности Чжан Цзолиня см. подробнее Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-х гг. – М., 1984

¹³⁴ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.10, пор.321, пап.41, д.722/ Япония, л.32.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, л.33-34

¹³⁷ Там же, ф.Референтура по Китаю, оп.11, пап.147, д.131, л.42

¹³⁸ Там же, пап.135, д.10, л.13

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ РЦХИДНИ, ф.495, оп.154, д.293, л.7.

¹⁴¹ АВП РФ, ф.Секретариат Карахана, оп.9, пор.101, пап.19, л.19.

¹⁴² Там же, л.19 – 20.

¹⁴³ Там же, оп.10, пор.178, пап.32, л.197.

¹⁴⁴ Правда – 1927. – 10 апреля

¹⁴⁵ АВП РФ, ф.Референтура по Китаю, оп.11, пап.135, д.10, л.47.

¹⁴⁶ Там же, пап.147, д.131, л.15

¹⁴⁷ АВП РФ, ф.Секретариат Карахана, оп.10, пор.321, пап.41, д.722 (Япония), л.47 – 48.

¹⁴⁸ Там же, л.50 – 51

¹⁴⁹ Там же, пор.173, пап.32, д.110, л.94

¹⁵⁰ Там же, л.39.

¹⁵¹ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.59, л.6.

¹⁵² Там же, оп.154, д.387, л.17

¹⁵³ АВП РФ, ф.Секретариат Карахана, оп.10, пор.166, пап.32, д.021/ МО, л.17 – 18

¹⁵⁴ Там же, оп.12, пор.9, пап.8, д.181, л.11.

¹⁵⁵ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.143, л.63.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.12, пор.156, пап.81, д.021-МО, л.75.

¹⁵⁹ АВП РФ, ф. Восточный отдел Миссия в Пекине, оп.11, пор.8, пап.7, д.15, л.2

¹⁶⁰ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.93, л.22.

¹⁶¹ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.12, пор.157, пап.81, л.34

¹⁶² Там же, пор.156, пап.81, л.149, 151.

¹⁶³ Там же, л.25.

¹⁶⁴ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, д.90, л.195.

¹⁶⁵ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.12, пор.157, пап.81, л.51.

¹⁶⁶ Там же, л.87.

¹⁶⁷ Там же, л.39.

¹⁶⁸ РЦХИДНИ, ф.495, оп.152, л.63.

¹⁶⁹ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.12, пор.157, пап.81, л.91

- ¹⁷⁰ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп. 12, пор. 157, пап. 81, л. 120
- ¹⁷¹ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 90, л. 71, 73 – 80, 82 – 84 (всего в деле шесть документов на китайском и старомонгольском языках)
- ¹⁷² Григорьев А. М. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928 – 1930) // Коминтерн и Восток. – М., 1969. С. 331 – 332
- ¹⁷³ Капица М. С., Иваненко В. И. Дружба, завоеванная в борьбе. – М., 1965. С. 58.
- ¹⁷⁴ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 11, пор. 65, пап. 77, л. 84.
- ¹⁷⁵ Там же, л. 84, 89.
- ¹⁷⁶ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 143, л. 59
- ¹⁷⁷ Там же
- ¹⁷⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 11, пор. 65, пап. 77, л. 88 – 89.
- ¹⁷⁹ Там же, л. 87.
- ¹⁸⁰ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 93, л. 20.
- ¹⁸¹ Там же
- ¹⁸² Дашдаваа Ч. Некоторые вопросы политики Коминтерна в Монголии // Научно-информационный бюллетень. РЦХИДНИ. – М., 1966. Вып. № 8. С. 15.
- ¹⁸³ Foreign Affairs – 1933 (Vol. 21). – January. P. 57
- ¹⁸⁴ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 16, пор. 12, пап. 12, д. 23, л. 56 – 57.
- ¹⁸⁵ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 16, пор. 12, пап. 12, д. 23, л. 56 – 57. На факт формирования независимого внутримонгольского движения указывали также китайские газеты “Шунь бао”, (15.01.1932), “Хуабэй жибао”, (30.09.1933 г., 17.09.1932 г.) // Там же, оп. 16, пор. 12, пап. 12, д. 23, л. 56 – 57.
- ¹⁸⁶ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 16, пор. 12, пап. 12, д. 23, л. 2
- ¹⁸⁷ Там же, л. 1
- ¹⁸⁸ Там же, пор. 13, пап. 12, д. 24, л. 7.
- ¹⁸⁹ Там же
- ¹⁹⁰ Там же, л. 8
- ¹⁹¹ Bisson T. A. Outer Mongolia. A New Danger Zone – the Far East // Foreign Policy Reports – New York, 1935. P. 31 – 33.
- ¹⁹² Фань Цзю. Мэнгу гайкуан юй нэйменгу цзычжи юньдун (Обзор Монголии и движение за автономию во Внутренней Монголии) – Шанхай, 1934 – С. 14
- ¹⁹³ История советско-монгольских отношений – М., 1981. С. 67
- ¹⁹⁴ Боевое содружество Дайчин нохорлол – М., 1983. С. 73 – 74
- ¹⁹⁵ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 16, пап. 12, пор. 13, д. 24, л. 50.

¹⁹⁶ Там же, л 47

¹⁹⁷ Там же, д 23, л.58.

¹⁹⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп 14, пор 111, пап.102, д.021, л 17.

¹⁹⁹ Там же, л 3.

²⁰⁰ Там же, л 3 – 4

²⁰¹ Там же, пор.57, пап.99, д.021–022, л.14

²⁰² Там же, л.14 об.

²⁰³ Там же, ф.011, оп.15, пап 23, л.2.

²⁰⁴ Советско-монгольские отношения – Т1. С 300 – 304.

²⁰⁵ Там же, С. 322 – 323.

²⁰⁶ Особенно острой была ситуация в районе южнее оз Буир-Нур, в местности Халхин-Сумэ, в которую в январе 1935 г. вошли маньчжурские отряды. Обе стороны имели свои картографические версии этого района – монгольская сторона ссылалась на древние китайские карты, а маньчжурская – на более поздние цинские карты, однако полной ясности в этом вопросе ни в Москве, ни в Улан-Баторе, ни в Токио не было

²⁰⁷ История советско-монгольских отношений... – С.70.

²⁰⁸ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.18, пап.158, д.5, л 54.

²⁰⁹ Там же, л.53 – 54.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же, л 54

²¹³ Там же, л.53.

²¹⁴ Там же, л 52 – 53

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же, оп.19, пап 8, инв.421, д.МО-024а, л 1.

²¹⁷ Известия – 1935 27 ноября

²¹⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп 16, пор 140, пап. 124, л 137

²¹⁹ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.19, пор 11, пап 18, инв.420, д МО-025, л 58

²²⁰ Там же, л.53.

²²¹ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп 16, пор.140, пап. 124, л 26.

²²² Там же, л 137.

²²³ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп.19, пор 11, пап.18, инв 420, д.МО-025, л.3.

²²⁴ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп.16, пор. 88, пап. 121, д.021/022-МО, л 1

²²⁵ Там же, л.2

²²⁶ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, л. 155, л. 79 – 81

²²⁷ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 140, пап. 124, л. 159.

²²⁸ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп. 19, пор. 12, пап. 18, инв. 421, л. МО-024, л. 31 – 32

²²⁹ Там же, пап. 158, л. 5, л. 51

²³⁰ Советско-монгольские отношения. – Т. 1. С. 337.

²³¹ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 88, пап. 121, л. 021-022(МО), л. 13.

²³² Там же

²³³ Там же, ф. Секретариат Молотова, оп. 7, пор. 557, пап. 38, д. МНР-020, л. 12.

²³⁴ Там же, л. 12 – 13.

²³⁵ В 1991 г. монгольский посол в Москве Н. Мишигдорж в интервью корреспонденту газеты “Известия” (04.11.1991), характеризуя ноту 1936 г. М. Литвинова китайскому МИД, сказал, что “даже сегодня нам трудно объяснить такую позицию советского руководства того времени. советская сторона могла бы по-иному реагировать на китайские протесты”. Комментируя данное высказывание, необходимо заметить, что советское руководство объективно не могло реагировать иначе, ибо в 1936 г. СССР не обладал той поддержкой союзников, которую он имел в 1945 г, к тому же перед советской дипломатией стояли серьезные задачи и в самом Китае – создание единого антияпонского фронта

²³⁶ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 18, д. 5, л. 51

²³⁷ Там же, л. 49.

²³⁸ Там же, л. 49 – 59

²³⁹ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 88, пап. 121, л. 021-022(МО), л. 19

²⁴⁰ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп. 19, пор. 11, пап. 18, инв. 420, л. МО-025, л. 9

ГЛАВА V.

СССР И БОРЬБА ЗА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ МНР в 1937-1946 гг.

§ 1. Монголо-маньчжурская конференция 1937 г.

Международная обстановка, сложившаяся в 1937 г на Дальнем Востоке, отличалась крайней напряженностью. 7 июля 1937 г Япония напала на Китай. Западные державы осудили японскую агрессию, но их протесты не дали должного результата. 21 августа 1937 г был подписан договор о ненападении между Советским Союзом и Китаем. Было подтверждено, что в случае нападения третьей державы на одну из сторон другая сторона обязуется не оказывать помощи третьей стране или странам¹. В Лиге Наций на Брюссельской конференции (ноябрь 1937 г) был рассмотрен вопрос о японской агрессии против Китая. 5 октября 1937 г Лига Наций приняла решение, в котором она рекомендовала своим членам воздержаться от действий, могущих ослабить Китай, а также рассмотреть вопросы помощи Китаю. Одной из внешнеполитических задач МНР в 1937 г являлась подготовка Маньчжурской конференции, первый этап которой закончился в 1935 г. Конференция по урегулированию монголо-маньчжурских пограничных отношений как в зеркале отразила целый комплекс противоречий и, прежде всего между Советским Союзом и Японией.

В начале декабря 1936 г. новым руководителем монгольской делегации на Маньчжурской конференции был назначен заместитель военного министра МНР Дарижав. Он был вызван в Москву, где имел обстоятельную беседу с заместителем наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняковым. Беседа прояснила как советскую, так и

монгольскую позицию касательно целей и задач готовящейся конференции, помогла выработать единую линию в будущих монголо-маньчжурских переговорах. Б.С. Стомоняков сказал: «Японцы хотят использовать переговоры для проникновения в МНР. На 1-м месте они поставили вопрос о проверке границы, на 2-м – о комиссиях по пограничным конфликтам. Свои прежние требования о посылке представителей в МНР они предъявляют при обсуждении 2-го вопроса. Однако, – продолжал Б. Стомоняков, – по 1-му вопросу повестки они попытаются протащить требование, которое является основным – определить границы МНР и Маньчжоу-Го заново. Следует (вести) речь только о границах, сложившихся при маньчжурах»². Далее он отметил, что желательно скорее договориться по 1-му пункту – о проверке границ, так как для «МНР выгодно смягчение остроты отношений с Маньчжоу-Го, и заключение соглашения о проверке границ способствовало бы этому. Такую же позицию надо занять и по вопросу о посылке монгольских представителей в Баин-Тумен или Улан-Батор. В настоящее время основной вопрос – соглашение о проверке границ»³. Фактически Б. Стомоняков задал Дарижаву план и тактику ведения переговоров, выделив те моменты, на которые следовало обратить особое внимание, и те, которые обсуждать не стоило, затягивая время.

Международный фон готовящейся Маньчжурской конференции создавали стремительно развивавшиеся события во Внутренней Монголии. Созданный еще в 1935 г. автономный Хэбэй-Чахарский политический совет в мае 1936 г. выдвинул князя Дэвана (Дэмчиг Донрова) председателем сформированного военного правительства пров. Чахар. Японцы, со своей стороны, в апреле-мае 1936 г. в Чахаре и Суйюане проводят ряд совещаний и съездов монгольских князей и чиновников под прояпонскими лозунгами и программами, пытаясь создать политическое движение, альтернативное правительству Дэвана⁴. Одновременно на оккупированных японцами территориях баргутских хошунов зреет волна недовольства японским режимом, вылившегося в ряд антияпонских акций. В первых числах мая командование Квантунской армии по подозрению в подрывной деятельности арестовало бывшего руководителя делегации от Маньчжоу-Го на Маньчжурской конференции, предводителя монгольских князей и чиновников в Барге Лин Шэня и без долгих разбирательств расстреляло его и его ближайших помощников⁵. Известие о казни быстро распространилось по хошунам Внутренней Монголии, усилив антияпонские настроения даже среди лояльно расположенных к Японии князей и чиновников и поднимая симпатии к Дэвану⁶. Резко упали шансы

Японии на создание объединенной Внутренней Монголии под названием “Мэнгу-Го”, нового варианта уже существовавшего Маньчжоу-Го. Последнее обстоятельство особо отмечено в беседе, состоявшейся в Тихоокеанском институте (г. Владивосток) 14 апреля 1936 г между О. Латтимором и советскими представителями – Войтинским, Мотылевым, Сванидзе, Канторовичем и Борисовым. Информация О. Латтимора о событиях во Внутренней Монголии и Маньчжоу-Го подтверждала многие донесения советской резидентуры в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Так, О. Латтимор сказал, что был свидетелем военного продвижения японцев в Жэхэ и видел, насколько быстро и четко действовали их мотомехчасти “Полученный японцами опыт, – продолжал он, – может быть использован ими в восточном районе МНР при наступлении со стороны Барги” На вопрос Войтинского: “Можно ли ожидать в ближайшем будущем объединение Внутренней Монголии японцами и создание Мэнгу-Го?”, – О Латтимор ответил, что “создание японцами Синаньской (Хинганской) провинции (в 1932 г. – *С Л.*) есть некоторая гарантия против аннексии ими Внутренней Монголии, но у японцев есть шансы объединить монгол на контрреволюционной основе, против МНР и СССР”⁷.

Специфика дипломатической обстановки, влиявшей на ход подготовки Маньчжурской конференции, была связана с развитием советско-японских отношений по монголо-маньчжурской проблеме. Токио, пытаясь отмежеваться от репрессий Квантунской армии в отношении Лин Шэня и его людей, тем не менее, через советского посла в Токио К. Юренева постоянно заявлял свои “права” и претензии на Внутреннюю Монголию. В дневнике К.Юренева от 11 мая 1936 г. говорится: “Далее разговор перешел на монгольские дела. Виконт Иноуэ (член кабинета. – *С Л.*) резко осудил расстрел штабом Квантунской армии высших монгольских чиновников Маньчжоу-Го, совершенно резонно подчеркнув, что эта акция лишь скомпрометировала штаб и создала враждебные Японии настроения во Внутренней Монголии. На мой вопрос, как обстоит дело с последней? Иноуэ ответил, что вопрос о судьбе Монголии остается открытым. Форма его решения зависит от того – будет ли взята Японией линия на мир с СССР или на войну. В случае войны, во что мой собеседник не верит, Внутренняя Монголия будет занята Японией”⁸.

МНР, как и раньше, находилась в условиях политической и дипломатической изоляции от других, кроме Советского Союза, стран. Объяснялось это, с одной стороны, неопределенным статусом самой МНР, а с другой – остротой международной обстановки, сложившейся на южных и восточных рубежах Монголии. Последнее обстоя-

тельство заставляло Советский Союз проводить политику полной изоляции Монголии от контактов с внешним миром. Так, в конце 1936 г. английский Форин Оффис поручил своему посольству в Москве выяснить через монгольское представительство, а также Наркомат иностранных дел СССР, возможен ли визит в МНР английского генконсула в Муклене Бетлера, возвращавшегося из Лондона в Мукден через Советский Союз. Причем попытки выяснить этот вопрос через нанкинское правительство Китая оказались неудачными. «Зная, однако, что советское правительство, – говорилось в английском ходатайстве, – пользуется некоторым влиянием в Монголии, Форин Оффис был бы обязан, если бы советские представители выяснили, сможет ли Бетлер рассчитывать на получение визы»⁹.

В ответе НКВД сообщалось: «Советское правительство отклоняет принятие обращений посреднического характера к правительству МНР, к которому все могут обращаться непосредственно»¹⁰. Одновременно монгольскому послу было отправлена рекомендация при аналогичных просьбах «не предоставлять визы, чтобы не создавать прецедента, на который могли бы сослаться потом японцы»¹¹.

Очередной этап подготовки конференции пришелся на официальный визит в Советский Союз премьер-министра МНР А. Амора, состоявшийся в декабре 1936 г. – январе 1937 г. На переговорах, кроме обсуждения вопросов по проекту соглашения о монгольском гражданстве для проживавших в МНР бурят, проблем скотозаготовок и укрепления обороноспособности МНР, обсуждался план подготовки к Маньчжурской конференции 13 января 1937 г. на встрече с А. Амором Б. Стомоняков порекомендовал ему «не особенно спешить с возобновлением переговоров. Будет, пожалуй, полезно, – сказал он, – затянуть недели на 2 пребывание в Улан-Баторе Даризапа и остальных членов делегации, послав маньчжурскому МИД телеграмму о болезни Даризапа. И вообще, целесообразно пытаться использовать какой-либо предлог для отсрочки этих переговоров, от которых мы не ожидаем особенно положительных результатов»¹².

В январе 1937 г. в Москве и Улан-Баторе идет проработка основных пунктов проекта соглашения для обсуждения и принятия на конференции. В НКВД была составлена подробная инструкция для Даризапа и других членов монгольской делегации. В ней, в частности, говорилось: «Даризап должен будет на 1-м заседании напомнить (японцам. – С. Л.), что каждый пункт соглашения, принятый на конференции, подлежит утверждению обоих правительств и лишь после этого конференция займется обсуждением проекта соглашения (в целом)». Редакция первого пункта проекта, данная в инструкции,

выглядела следующим образом "Ныне существующие между МНР и маньчжурским императорским государством границы проверяются и устанавливаются. При этом создается смешанная комиссия от обоих государств с обязанностями точного проведения долговременных границ. Эта комиссия выполняет задачи, основываясь на имеющихся у обоих государств документах о границе"¹³.

Пункты 2 и 3 проекта "О работе смешанных погранкомиссий", вызвавшие наибольшие разногласия на предыдущем этапе конференции, были сформулированы в следующей редакции: "Уточнение границ должно начаться с места соединения границ трех государств (СССР, МНР и Маньжоу-Го -- СЛ) .. выезд смешанных комиссий должен происходить после подготовительной работы .." (согласования карт и разграничительной линии и т.д.). По пункту 5 "О демаркационных знаках" в советских инструкциях говорилось, что вокруг этого пункта, "несомненно, возникнут разногласия, так как в этом пункте наиболее ясно сформулирована та мысль, что задачи смешанных комиссий сводятся лишь к постановке пограничных знаков на той линии границы, которая определяется документами эпохи китайской империи, монголы должны будут настаивать на своей редакции"¹⁴ 6-й пункт предусматривал установление пограничных знаков и описание пограничной полосы.

Отдельные уточнения по проекту были даны в памятной записке Колчановского заведующему 2-м Восточным отделом НКВД Козловскому от 1 февраля 1937 г. В записке говорилось: "С известной натяжкой можно было бы принять одобренный сторонами текст, но обязательно заменив слово "проведение" словом "определение". В защиту такой точки зрения можно отметить, что до сих пор границы были определены, но недостаточно точно. Стороны решают провести "точное описание" (границы). Это не есть проведение границы заново. Нужно показать маньчурам, что речь идет о демаркации старой границы, а не о проведении новой"¹⁵.

Параллельно московской подготовке в первой половине 1937 г. шла активная дипломатическая переписка между правительствами МНР и Маньжоу-Го. Переписка касалась двух основных проблем - продолжающихся пограничных конфликтов и начала нового тура маньчжурской конференции. 17 февраля 1937 г. в Улан-Батор поступила очередная нота протеста правительства Маньжоу-Го по поводу "нарушения .. монгольскими отрядами границы и .. проникновения их на маньчжурскую территорию". 28 февраля того же года в Москве состоялась беседа полпреда В.Х. Таирова с заведующим отделом НКВД В.И. Козловским по поводу последнего инцидента, во время

которой Козловский спросил посла "Где находятся названные в маньчжурской ноте пункты, на монгольской или маньчжурской территории?". В Х. Таиров не смог сразу дать определенного ответа и для прояснения ситуации сделал запрос заместителю начальника разведуправления РККА Никонову и сотруднику отдела картографии РККА Саенко. Последний 2 марта 1937 г. доложил: "По карте военных топографов РККА удалось установить следующие из перечисленных в маньчжурской ноте пунктов. 1) Хол-хоит расположен у пересечения р. Керулен на монголо-маньчжурской границе. Маньчжуры пишут, что нарушение границы имело место в 30 км на восток от этого пункта и тогда получается на территории Маньжоу-Го. 2) Гора Ген-Ула (другой пункт нарушения) расположена на маньчжурской территории; 3) Тундан-обо находится в 12 км к востоку от горы Алын-Ула и, следовательно, в спорной зоне"¹⁶.

В этот период руководство НКВД и Генеральный штаб РККА оперировали двумя основными картами монголо-маньчжурской границы: картой Генштаба российской армии 1906 г. и советским вариантом этой же версии, изданным в январе 1934 г. Управлением военной топографии РККА. В последнем варианте граница между МНР и Маньжоу-Го проходила по условной линии: Ара-Дулайн – Модон – Тембек – через гору Дархан-Ула на Улан-Удук – Халхин-Сумэ и далее севернее р. Халхин-Гол¹⁷. В январе 1936 г. карта издания 1934 г. была представлена начальнику Генштаба РККА Егорову, как наиболее достоверный источник. В этом же году Генштаб РККА отправляет экземпляр карты в Улан-Батор правительству МНР, которое нанесло на свои карты ориентиры согласно советской версии: от Итр-Обо до Булун – Дэрису, далее севернее р. Халхин-Гол и по Ара-Дулайн, Модон, Тембек, Улан-Удук и Халхин-Сумэ. В Генштабе РККА имелась еще одна карта издания 1933 г., согласно которой граница проходила уже непосредственно по р. Халхин-Гол, но этой карте была отведена роль вспомогательного, запасного варианта. Так или иначе, но полной и объективной картины о монголо-маньчжурской границе на 1937 г. ни в Москве, ни в Улан-Батаре не было.

17 марта 1937 г. министр иностранных дел Маньжоу-Го Чан Иенчин направил премьер-министру МНР А. Амору следующую телеграмму: "Конференция должна возобновиться без всяких предварительных условий. Я хочу заявить, что подобная политика запугивания с Вашей стороны может привести к ухудшению отношений. Несмотря на Вашу позицию всячески избегать переговоров, предлагаем возобновить конференцию"¹⁸.

26 мая 1937 г., после полуторагодового перерыва¹⁹, Маньчжурская конференция возобновила свою работу. Монгольскую делегацию возглавил Самбу, маньчжурскую – Урджин-Гармасев. 27 мая, с учетом заседаний, состоявшихся в 1935 г., состоялось 22-е заседание конференции. Как свидетельствует стенограмма этого заседания, монгольская делегация сразу поставила работу конференции на грань срыва, заявив, что “будет рассматривать только редакцию 1-й статьи проекта”, а не всех в целом, как предлагали маньчжуры²⁰. На 23-м заседании, 29 мая, маньчжуры пытались как-то смягчить заявление Дарисава от 27 мая и убедить монголов в необходимости выработки “общей концепции” проекта соглашения, а затем перейти к постатейному редактированию. Но монголы твердо стояли на своем, выполняя рекомендации Москвы²¹. На этом же заседании Самбу было сделано заявление по поводу пограничного конфликта в районе западнее оз. Буин-Нор в феврале 1937 г. и по поводу соответствующей ноты правительства Маньчжоу-Го правительству МНР от 17 февраля 1937 г. Как позже отмечал В.Х. Таиров в одном из донесений в Москву Б.С. Стомонякову, заявление Самбу “о конфликте в спорной зоне было сделано неудачно. Вместо того, чтобы после ответной речи Яно (маньчжурский представитель – С.Л.) на это заявление ограничиться кратким заявлением, что монгольская делегация остается при высказанном ею мнении, и перейти к очередным вопросам повестки дня, Самбу произнес длинную и путанную речь, которой смазал свое собственное заявление. Пишу я это потому, – заключает В.Х. Таиров, – чтобы еще раз подчеркнуть необходимость самого тщательного наблюдения за работой делегации”²².

1 июня 1937 г. маньчжурская делегация, ссылаясь на болезнь Урджин-Гармаева, предложила на 15 дней прервать работу конференции. Наступил новый кризис в переговорах. Самбу, переговорив с Москвой и Улан-Батором, принял предложение, наступил небольшой перерыв. Советское руководство было недовольно работой делегации. Сказывалась неопытность монгольских дипломатов, привыкших работать по инструкциям Москвы и терявшихся в нештатных ситуациях. Так, в донесении Б.С. Стомонякову от 2 июня 1937 г. В.Х. Таиров пишет: “Несмотря на весь предоставленный инструктаж, делегация сильно теряется и ступешивается каждый раз, когда встает какой-либо вопрос, не предусмотренный дословно в тех инструкциях, которые получил Самбу. Именно под этим углом зрения я подошел и к вопросу о том, следует ли оставлять делегацию в Маньчжурии в течение 2-х недель вынужденного перерыва. Делегацию лучше отозвать из Маньчжурии. Очевидно, заявление маньчжур о 2-х недель-

ном перерыве вызвано новым правительственным кризисом в Японии – отставкой правительства Хаяси. Этим следует воспользоваться. Такой отзыв предохранит делегацию от воздействия со стороны японцев”²³

26 июля 1937 г. монгольская делегация под руководством Самбу вновь прибывает на ст. Маньчжурия для продолжения переговоров²⁴. Маньчжуры прибыли с новым руководителем – японцем Яно. 2 августа состоялась предварительная беседа Самбу и японского представителя Симомуры о регламенте обсуждения проекта. Стороны, не договорившись, решили все-таки начать работу, и 3 августа состоялось 24-е заседание конференции, вскрывшее старое противоречие касательно порядка обсуждения проекта. 4 августа Ж. Самбу получил из Улан-Батора от В.Х. Таирова инструкцию, в которой предлагалось оставить в покое 1-ю статью проекта и перейти к обсуждению остальных²⁵.

9 августа 1937 г. на 25-м заседании переговоры сдвинулись с мертвой точки и началось обсуждение других пунктов проекта. 11 августа стороны приступили к редактированию 2-го и 3-го пунктов – о работе смешанных пограничных комиссий, – продолжавшемся вплоть до 7 сентября 1937 г. (до 35-го заседания). 7 сентября возникла новая дискуссия по формулировке 3-го пункта Маньчжуры упорно настаивали на своем варианте – организации работы и проведении первых заседаний смешанных погранкомиссий в Улан-Баторе, а монголы были категорически против такой формулировки. Отказ Самбу вызвал ультимативное заявление Симомуры о том, что “монголы не хотят допускать иностранцев на свою территорию... и вопрос о работе пограничных комиссий остается открытым”²⁶. Фактически это был удобный предлог для обеих сторон прекратить работу конференции, выдвинув обоюдные обвинения в ее преднамеренном срыве. На 35-м заседании конференция окончательно прекратила свою работу.

Сентябрьский кризис в переговорах свел на “нет” всю работу конференции, финал которой был закономерен. Ни Улан-Батор с Москвой, ни японо-маньчжурское руководство не хотели реального достижения компромиссов. Монголо-маньчжурские переговоры были видимостью, ширмой для демонстрации международной общественности “желания” урегулировать пограничные конфликты. Каждая из сторон фактически готовилась к войне.

Точную оценку ситуации дал исследователь Е. Карр, отметивший, что “Советский Союз приобрел во Внешней Монголии аванпост, аналогичный тому, который был создан Японией в Маньчжоу-Го, хотя

советский контроль за местной администрацией был менее прямой, чем японский в Маньчжоу-Го²⁷. Другой обозреватель, очевидец тех событий Л. Людвин, в газете "Нью Рипаблик" за 2 августа 1939 г. писал. "Сама по себе территория предполагает много поводов к спорам. За исключением единственно русла реки (Халхин-Гол) нет ничего, что могло бы послужить указателем границы в степи, тянущейся на сотни миль. Эта земля действительно является ничьей... Военные действия против Внешней Монголии будут иметь место вне всякого сомнения. Любая серьезная попытка вторгнуться в пределы этого буферного государства втянет Москву в прямую войну"²⁸.

Таким образом, оценивая позицию Советского Союза и МНР на конференции, необходимо отметить, что она была продиктована, с одной стороны, желанием оттянуть вооруженное столкновение СССР и Японии, а с другой – не допустить мирного проникновения Японии (в форме взаимного дипломатического признания МНР и Маньчжоу-Го) в Монголию. Тактика же японских и маньчжурских представителей строилась на выдвигании заведомо неприемлемых вариантов урегулирования, с расчетом на дальнейшую эскалацию напряженности, что окончательно делало работу маньчжурской конференции бесперспективной.

§ 2. Советско-монгольские отношения накануне Второй мировой войны: проблемы обеспечения взаимной безопасности МНР и СССР на Дальнем Востоке

Фиаско маньчжурской конференции свидетельствовало о завершении дипломатического "спектакля" и монголо-маньчжурских "игр". На сцену выходили реально действующие лица – СССР и Япония. Угроза безопасности МНР со стороны Японии возрастала. В связи с этим, приоритетным направлением внешней политики и системы безопасности МНР оставался курс на тесное военно-политическое и экономическое сотрудничество с СССР. Контакты с Китаем как на революционно-идеологическом уровне (МНРП – КПК), так и по официальным каналам с нанкинским и чунцинским правительством Чан Кайши отходили на второй план. К тому же последнее продолжало считать МНР "частью" Китая, временно находящейся под контролем Советского Союза, по аналогии с Северо-Восточным и Центральным Китаем, оккупированным Японией.

В сентябре 1937 г. начинается полномасштабный ввод советских войск в МНР. Отдельные воинские части прибыли туда еще рань-

ше В январе 1936 г состоялся ряд заседаний Президиума ЦК МНРП, на которых было решено обратиться к Советскому Союзу с просьбой о введении советских войск на территорию МНР 1 февраля 1936 г советское правительство известило монгольское руководство об удовлетворении его просьбы

Советские части дислоцировались в основном вдоль восточных и юго-восточных границ МНР на территориях Восточно-Гобийского, Центрального, Хэнтэйского, Сухэ-Баторского и Восточного аймаков Штаб 57-го Особого корпуса, которым командовал Н.В. Фекленко, располагался в Тамцак-Булане²⁹. Советское правительство в этот период выделяло монгольской армии значительные денежные дотации. Так, в 1935 г. они составили 6 млн., а в 1936 г. – 8 млн. руб.³⁰

Проблемы безопасности МНР поднимались в ходе визита премьер-министра А. Амора летом 1936 г в Москву³¹, а также в процессе переговоров министра торговли и промышленности МНР Мендээс Б. Стомоняковым 13 сентября 1937 г.³²

10 октября 1937 г. в Улан-Баторе состоялось заседание монгольского правительства, которое с учетом поправок Москвы утвердило проект бюджета на 1938 г. Новый полпред СССР в МНР С.М. Миرونнов, сменивший В.Х. Таирова, ссылаясь на необходимость увеличения расходов на оборону, пытался внести дополнительные коррективы в доходную часть бюджета в плане повышения налогов с лам (с 7 до 13 млн. тугр.) и аратства (с 1 до 2 млн.). Предложения С.М. Миронова были восприняты А. Амором резко отрицательно. В одной из бесед А. Амор сказал: «Ваши предложения – это левацкий загиб, это все равно, что Чойбалсан арестовывает сотни невиновных лам и аратов, а Вы еще облагать их хотите налогом? Где ламы возьмут 13 млн. тугриков? Мы и так их расстреливаем, выгоняем из монастырей, они нищенствуют по худону, джасов уже почти нет, верхушки лам тоже нет, а увеличение аратского налога сделает вообще нерентабельным скотоводческое хозяйство»³³. Реакция А. Амора свидетельствовала о понимании им реальных возможностей страны и о нежелании беспрекословно и бездумно подчиняться непродуманным указаниям полпредства.

В 1937 – 1938 гг. Советский Союз реализует масштабную программу экономической помощи МНР. В программу входило строительство кирпичного, известкового, цементного, механо-ремонтного заводов, расширение добычи каменного угля в Налайхе, обширные научно-изыскательские проекты и многое другое. 19 января 1937 г. было принято постановление Совнаркома о строительстве узкоколейки Улан-Батор – Налайха и выделении на это строительство дотаций в

размере 2,8 млн. руб. Позже, по ходатайству монгольской комиссии³⁴ от 20 января 1938 г. в ЦК ВКП(б), смета была увеличена до 20 млн. руб. В течение 1938 г. на заседаниях комиссии были решены вопросы о поддержке Монгольского банка и Центровоенторга, кадровые проблемы (выполнение дополнительных заявок на советских специалистов и подготовка в СССР монгольских кадров), вопросы повышения эффективности товарооборота и др. Размер советских дотаций Монголии, не считая кредитования промышленных объектов, которые шли отдельной статьей, составил в 1938 г. 10 млн. тугриков³⁵.

Программа советской помощи МНР была не альтруистским жестом или актом исключительно идеологического сотрудничества. Создавая в МНР индустриальную базу, современную инфраструктуру, Советский Союз исходил из государственно-стратегических задач - необходимости формирования мощной и эффективной системы национальной безопасности на Дальнем Востоке, в которой СССР и МНР фактически составляли бы единое целое. Слабая и отсталая Монголия не вписывалась в эту концепцию. А МНР, модернизированная, обладающая современной армией, жизнеспособной индустрией и сельским хозяйством, могла бы стать реальным "буфером" и надежным звеном в общей структуре безопасности в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, создаваемой сталинским руководством с середины 30-х годов.

В Москве внимательно следили за ходом внутривластной борьбы в монгольском руководстве, внося свои коррективы. После отставки в марте 1936 г. П. Гэндэна, возросло влияние советского полпредства, которое фактически, кроме своих прямых дипломатических функций, стало выполнять роль политинструктора при ЦК МНРП³⁶.

26 сентября 1937 г. при загадочных обстоятельствах, в ходе поездки по СССР, на перегоне ст. Боготол Тайга скоропостижно скончались министр обороны МНР маршал Демид и сопровождавший его комдив Жанцан-Хорло. Как установила следственная медицинская экспертиза, смерть наступила "в результате действия внешнего яда", оказавшегося в пище³⁷.

22 - 26 октября 1937 г. состоялся 3-й пленум ЦК МНРП, на котором Х. Чойбалсан назвал те национальные группы населения МНР, которые, по его мнению, являлись потенциальными врагами и социальной базой "японского империализма". Были названы китайцы, баргуты и буряты³⁸. Относительно последних он сказал следующее: "Бурятского населения у нас насчитывается около 20 тыс. человек. Среди них японцы, как и в ламстве, ищут себе агентуру. Я не

хочу, чтобы меня поняли так, что я прогив всех бурят Но я подхожу критически к людям. Кто такие буряты, проживающие в Монголии? Часть из них это остатки банд Семенова, Унгерна и других белоохранительских генералов Кто возглавил даурское правительство? – бурят и японский агент Семенов, кто предлагал монголам присоединиться к этому правительству? – буряты Сампилов и Жамцаранов Кто являлся до последних дней руководителями японской разведки в Монголии? – Это буряты Лобик-Доржи, Жамцаранов, Цокто Бадмажапов, Ринчинов, Бимбаев, Галон, Галзотов и др.”³⁹

Подобный поворот монгольского руководства – от активного привлечения бурят из СССР в МНР до официально инициированной бурятофобской кампании – был закономерен и во многом связан не только с поиском “врагов” внутри МНР, но и с бурятской проблемой в Советском Союзе, являвшейся составной частью советско-монгольских отношений В период нахождения у власти в МНР национально-демократического правительства Ц. Дамбадоржа и Н. Жамбы последние сознательно стимулировали миграционные процессы из советской Бурятии в Монголию в контексте реализации скрытых панмонгольских установок на монголо-бурятскую интеграцию. Эта же тенденция продолжала сохраняться, хотя и в урезанном виде, и при П. Гэндэне Так, в памятной записке, составленной сотрудником полпредства в Улан-Баторе Климовым руководству НКВД 15 июня 1929 г, говорилось: “Создание и укрепление советской власти и создание Бурятской Автономной Республики придают определенные формы классовой борьбы в бурятской среде на территории Советского Союза. Что касается эмиграции бурятского населения, то здесь, в Монголии, оно очутилось в совершенно иных условиях. Монгольское правительство, осуществляя свою панмонгольскую политику, всячески поощряло такую миграцию и иммигрантов, встречало их с распростертыми объятиями . В 1923 – 1924 гг на территории МНР, параллельно границе СССР, был создан ряд бурятских хошунов В районе Ханги (Приколосогорье) проживают тункинские буряты Севернее, в районе Иро – Ирогальский бурятский хошун В восточном районе имеется 3 бурятских хошуна Ононгольский, Ульдзыгольский и примыкающий к советской границе Халхингольский на юго-восток к Барге”⁴⁰.

После марта 1936 г (отставки П. Гэндэна) процесс монголо-бурятской миграции и интеграции прекращается 24 апреля 1937 г было подписано соглашение между СССР и МНР об урегулировании вопросов в области гражданства, которое в правовом и политическом отношениях ограничило этот процесс⁴¹. 26 сентября 1937 г вы-

шло постановление ЦИК СССР об изменении административной структуры Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БМАССР)⁴² и передаче в ведение Иркутской и Читинской областей почти половины территории республики. Подобное раздробление, "растаскивание" мощной национально-административной структуры было вызвано не сколько "народнохозяйственными задачами" Восточной Сибири и Забайкалья", как указывалось в постановлении, сколь желанием сталинского руководства разъединить и политически ослабить бурятский народ, сохранивший панмонгольскую идеологию и стремление к интеграции с монголами. Кроме того, бурятский панмонголизм не вписывался в программу национального строительства и национальной политики советского правительства. Поэтому административная реформа БМАССР проходила на фоне развернувшихся жесточайших репрессий и преследований бурятского партийно-государственного руководства и интеллектуальной элиты. Под флагом борьбы с "панмонголизмом" и "японской агентурой" были арестованы и впоследствии расстреляны первый секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М.Н. Ербанов, председатель ЦИК БМАССР И. Дампилон, председатель СНК республики Д. Доржиев, второй секретарь обкома А. Меркулов и многие другие.

В середине 30-х годов новое развитие в советско-монгольских отношениях получил тувинский вопрос. В апреле 1937 г. монгольское правительство ставит перед правительствами Тувы и СССР вопрос о пересмотре соглашения 1932 г. и возвращении МНР "исконно монгольских земель", в частности, Соляной горы. Само соглашение Улан-Батор характеризует как "несправедливое", заключенное под давлением Советского Союза. Впервые монголы заявили о своем желании пересмотреть соглашение 1932 г. при вручении тувинским министерством финансов ордена Доксому 21 апреля 1937 г. После непродолжительного обсуждения обе стороны решили обратиться к посредничеству Москвы. Позиция последней была однозначна. В сообщении В.Х. Таирову из НКВД от 20 мая 1937 г. говорилось: "У монгол нет никаких оснований ставить перед тувинцами вопрос о пересмотре пограничного соглашения 1932 г. То обстоятельство, что соглашение удачно размежевало интересы сторон и Соляная гора монголам, в сущности, не нужна. Мы просим т. Малкова (представитель СССР в Туве — СЛ) рекомендовать тувинцам не идти на пересмотр соглашения"⁴³ Вскоре состоялась беседа В.Х. Таирова и А. Амора, в ходе которой последний обещал "не поднимать больше этого вопроса"⁴⁴

Параллельно бурятским и тувинским делам в 1937 г. в советско-монгольских отношениях новое рассмотрение получил еще один вопрос – синьцзянский. В мае 1937 г. произошло столкновение между войсками синьцзянского губернатора и вышедшими из-под его контроля отрядами местного казахского лидера Юльбарса. Последний командовал в Хамийском округе уйгуро-казахским ополчением и поднял восстание под антикитайскими лозунгами. Подобным ходом событий пыталась воспользоваться Япония, начав спешную переброску войск в Чахар и далее – на южно-монгольскую границу в район Алашаня и Эргингола. По информации советской агентуры в Синьцзяне, Юльбарс был готов уйти на территорию МНР, чтобы избежать встречи с японцами или китайцами⁴⁵. В высших кругах советского руководства рассматривалась возможность использования монголо-казахских частей армии МНР в данном конфликте, однако в условиях сложной международной обстановки было признано нецелесообразным вмешательство “во внутренние дела Китая”. Монгольское правительство также не было склонно поддерживать в этот период просьбу Юлбарса, ограничившись общей декларацией о солидарности с борьбой казахского народа против синьцзянских дучжунгов. Более того, монгольские власти, опасаясь удара японцев с южного направления, начали усиленно укреплять погранзаставы на этих участках границы⁴⁶.

4 июля 1937 г. В.Х. Таирову из Москвы сообщили, что монгольское полпредство посетил представитель “Юнайтед Пресс” с просьбой разрешить корреспонденту тяньцзинского пункта въезд в МНР с целью получения интервью у ведущих монгольских руководителей. Советское руководство рекомендовало монголам дать отрицательный ответ⁴⁷. В июне 1938 г. английский журналист Барис в беседе с заместителем заведующего отделом печати НКВД отметил, что при встрече с секретарем монгольского посольства в Москве на его просьбу о получении визы на въезд в МНР он получил ответ, что “монгольское правительство было бы радо выдать визу, но едва ли ему удастся получить разрешение советских властей”⁴⁸. В связи с этим “ляпсусом” монгольских дипломатов Ж. Самбу был вызван к Б. Стомонякову и в откровенном разговоре последний посоветовал “призвать к осторожности сотрудников полпредства при разговоре с иностранцами”⁴⁹.

Центральным вопросом советско-монгольских отношений, помимо вопросов экономического и этнорегионального характера, являлась проблема внутривосточного развития МНР, тесно связанная с общей стратегией безопасности СССР на Дальнем Востоке.

ке. Советское руководство, вкладывая огромные деньги в Монголию, ожидало стабилизации политического положения в этой стране. Усиление диктатуры и культа личности Х. Чойбалсана (по аналогии со сталинской моделью), по мнению Москвы, могло бы стать лучшим средством для достижения этой цели. Чойбалсановская Монголия была близка СССР не только благодаря личным симпатиям вождей, но и ввиду однотипности структур власти и единства стратегии и тактики обеспечения национальной безопасности. Можно сказать, что культ Сталина породил диктатуру Х. Чойбалсана. При этом премьер-министр А. Амор – лидер с национально-демократическими убеждениями (как и С. Данзан, Ц. Дамбадорж и др.) не вписывался в эту стратегию. Его самостоятельная позиция вызывала настороженность в Москве, и там не было полной уверенности в его просоветской ориентации. Однако до 1939 г. советское правительство через полпредство в Улан-Баторе держало курс на сохранение “баланса” сил между Х. Чойбалсаном и А. Амором, считая возвышение Х. Чойбалсана тактически несвоевременным.

Так, 16 февраля 1938 г. Б. Стомоняков в секретной телеграмме полпреду С. Миронову сообщает: “Рекомендуемую Вами монгольскому руководству линию преодоления правого курса А. Амора и левых загибов Чойбалсана я считаю правильной. Поскольку на ближайшем этапе придется еще работать с Амором, необходимо.. порекомендовать Чойбалсану, чтобы он почаще обсуждал с Амором важные дела”⁵⁰. В другом сообщении от Б. Стомонякова говорилось: “Наша задача (в Монголии. – С.Л.) заключается в том, чтобы стараться этот своеобразный баланс Амор – Чойбалсан сохранить”⁵¹.

Одним из первых, кто поставил вопрос об отстранении А. Амора и дальнейшем усилении власти Х. Чойбалсана, был полпред А. Голубчик, сменивший С. Миронова летом 1938 г. В секретной депеше на имя наркома М.М. Литвинова от 7 августа 1938 г. он пытался доказать необходимость удаления Амора из руководства и назначения на пост премьер-министра Чойбалсана. Аргументы Голубчика носили классовый характер: полпред указывал на панмонголизм Амора и его враждебность делу социализма⁵². Обсуждение данного вопроса было ускорено подготовкой визита Х. Чойбалсана в Москву и опасениями Голубчика, что отсутствие Чойбалсана усилит позиции Амора в партийном и государственном руководстве.

20 августа 1938 г. из Москвы полпреду А. Голубчику приходит от Б. Стомонякова следующее сообщение: “Ваши опасения, что после отъезда Чойбалсана Амор попытается целиком вовлечь Лубсан-Ширапа (председатель ЦК МНРП – С.Л.) в свою орбиту и таким

образом совершить поворот вправо, весьма основательны". В заключение дается приписка, что М М Литвинов "с текстом письма от 7 августа 1938 г согласен"⁵³

7 сентября 1938 г военный министр и министр иностранных дел, маршал Х Чойбалсан прибыл в Москву 8 сентября на предварительной встрече в НКВД он выдвинул следующую программу переговоров: 1) о строительстве авторемонтного и кирпичного заводов в МНР, 2) о строительстве железной дороги Улан-Батор – Наушки силами СССР; 3) о долгосрочных кредитах; 4) о возможности приема его Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем, Егоровым, Фриновским и Литвиновым; 5) об оказании МНР широкой медицинской помощи⁵⁴

11 декабря в НКВД состоялись переговоры между Чойбалсаном, Самбу, Шагдаржабом (председатель торговой делегации) – с монгольской стороны и Стомоняковым, Мироновым и Голубчиком – с советской. Переговоры касались в основном вопросов торгово-экономических отношений – расширения экспортно-импортных операций, ассортимента ввозимых товаров в МНР и пр.⁵⁵ Одновременно Чойбалсан заручился поддержкой советских руководителей по поводу утверждения своих людей на ряде ключевых должностей (мин-торгпрома, председателя Монкоопсоюза, госторгобщества и др.)⁵⁶

В период визита в советском руководстве обсуждалась также проблема дальнейшей политической судьбы Амора и Чойбалсана. Здесь определилось два подхода: первый, предполагавший сохранение Амора в руководстве, отстаивался советскими дипломатами, работавшими в МНР или хорошо знакомыми с монгольскими делами – Б С Стомоняковым, М П Фриновским, С. Мироновым, И.Я Златкиным⁵⁷. Аргументы данной группы людей были изложены С. Мироновым в письме заместителю наркома иностранных дел В П Потемкину от 8 октября 1938 г, в котором говорилось "Внешнеполитическая ориентация Чойбалсана на СССР не вызывает сомнений... Но при всем этом реальна опасность, что он скатится на левые позиции. Лично он, в противовес Амору, связанному со своей классовой базой (среднее аратство, интеллигенция), совершенно оторван от партии и масс .. Поэтому снятие Амора считаем нецелесообразным, пользуясь пребыванием Чойбалсана в СССР, разъяснить ему причины необходимости сохранения на ближайшее время единства в руководстве ЦК МНРП и МНР"⁵⁸

Второй подход был характерен для более высоких сфер советского руководства. В период пребывания Х Чойбалсана в Москве последний получил поддержку И Сталина и Л Берии по вопросу уст-

ранения А. Амора 9 февраля 1938 г. вернувшись в Улан-Батор, маршал заявил поверенному в делах СССР Скрипко, что, "будучи в Москве, он получил согласие советских инстанций вывести Амора из состава монгольского руководства и пост премьер-министра принять на себя, с оставлением за собой министерств внутренних дел, военного и иностранных дел... Вывод Амора, — добавил маршал, — организовать через Лубсан-Шараба"⁵⁹. Скрипко, не информированный подробно о переговорах, обратился с соответствующим запросом в Москву и вскоре получил лично от Л. Берия ответ, "что мероприятия, предложенные Чойбалсаном по монгольскому руководству, санкционируются"⁶⁰.

21 марта 1939 г. Скрипко в совершенно секретном донесении Литвинову (донесение смотрели также И. Сталин и Л. Берия) сообщает: "Из четырех намеченных ими (Чойбалсаном и Лубсан-Шарабом — СЛ) вариантов вывода Амора из правительства я рекомендовал следующий: созвать сессию Малого Хурала, на которой подвергнуть деятельность Амора уничтожающей критике, вывести Амора из правительства. . и сразу же после этого Амора арестовать. Далее я рекомендовал: за несколько часов до открытия сессии Малого Хурала, созвать расширенное заседание ЦК, разоблачить Амора, вывести из состава ЦК, исключить из партии"⁶¹. Таким образом, после санкции советского руководства Скрипко и Чойбалсан выработали конкретный сценарий отставки А. Амора.

Дальнейшие события развивались точно по намеченному плану 22 февраля 1939 г. Лубсан-Шараб предложил председателю Президиума Малого Хурала Доксому созвать очередную сессию Хурала 7 марта, накануне открытия сессии состоялось заседание Президиума ЦК МНРП, на котором Лубсан-Шараб разоблачил Амора как "феодала, пролезшего в монгольское руководство, развалившего партию и правительство"⁶². Было принято единогласное решение о выводе Амора из состава ЦК и исключении его из партии. В тот же день открылась 22-я сессия Малого Хурала. Вначале выступил Х. Чойбалсан, который внес предложение о снятии А. Амора с поста премьер-министра. Затем выступали Лубсан-Шараб и другие члены ЦК и правительства, поддерживавшие предложение Чойбалсана. Вечером 7 марта было принято развернутое постановление сессии о "контрреволюционной деятельности Амора", и после закрытия заседания он был арестован⁶³. Следующее заседание состоялось 9 марта. На нем поверенный в делах Скрипко и посол Тувы в МНР обратились к сессии с приветственными речами. 13 марта, после перерыва, сессия возобновила работу, был заслушан доклад Х. Чойбалсана, а

22 марта решены организационные вопросы. Новым премьер-министром был утвержден Х. Чойбалсан с сохранением должностей министра иностранных дел и военного министра⁶⁴.

Новый премьер хотел также стать председателем Президиума Малого Хурала, о чем неоднократно говорил советским представителям, однако последние посчитали это чрезмерным, так как и без того, как писал Скрипка в Москву, "у Чойбалсана отмечается "головокружение от успехов" и тенденция создать себе обстановку безнаказанности и стать полным диктатором"⁶⁵. В другом донесении по линии НКВД отмечалось, что "...у Чойбалсана на лицо карьеристские цели, это – факт бесспорный. Он хочет иметь свободу действий и поэтому, ведет линию на выживание из руководства опасных для него лиц, могущих быть связанными по партийным и государственным делам с СССР"⁶⁶.

Кадровые перестановки в МНР происходили на фоне существенных изменений в организационных структурах в Москве. 17 марта 1939 г. была ликвидирована Монгольская комиссия при Политбюро ЦК ВКП(б), выполнявшая функции главного координатора и исполнителя советской политики в Монголии. Отныне решение вопросов, связанных с МНР, передавались в различные ведомства и министерства в зависимости от их характера. Так, проблемы торгово-экономических отношений с МНР – Наркомвнешторгу; проблемы внутриполитического развития – НКВД; строительство заводов – Наркомату тяжелой промышленности; железных дорог – Наркомату путей сообщения и т.д. "За Наркоминделом, – говорилось в инструкции, – остается право, в случае несогласия его с решением того или иного ведомства, входить в Совнарком с просьбой об ускорении решения"⁶⁷. Фактически НКВД лишился приоритетного положения в МНР, сохраняя лишь формальное право общего контроля над деятельностью различных министерств в Монголии. С другой стороны, ликвидация комиссии означала дальнейшую бюрократизацию советско-монгольских отношений, попытку превращения МНР в часть советского государственного механизма. Последнее обстоятельство являлось серьезной ошибкой советского руководства, так как МНР, несмотря на зависимость от Советского Союза, сохраняла национальную государственность и определенный суверенитет.

Советско-монгольская политическая и экономическая интеграция проходила в условиях дальнейшего усиления японской агрессии. Срыв маньчжурской конференции выдвигал на повестку дня вопрос о сроках и конкретном месте будущих военных действий. Последние, по мнению советского военного руководства, должны были развер-

наться в восточных районах МНР, в районе монголо-маньчжурских пограничных конфликтов, которые в 1937 г. разгорелись с новой силой⁶⁸

Определенное влияние на военно-политическую ситуацию оказывал Китай, политика которого с усилением японской агрессии постепенно менялась – от проявления примиренческих настроений в отношении Японии в середине 30-х годов до решения в сентябре 1937 г. о создании единого антияпонского фронта⁶⁹. 14 декабря 1937 г. на совещании высшего китайского руководства в Нанкине Чан Кайши назвал СССР “единственным союзником Китая в войне с Японией”⁷⁰. Чан Кайши сознательно афишировал свои симпатии Москве, стараясь столкнуть Японию и Советский Союз и таким образом частично ослабить японский военный пресс на Китай, а, по возможности, и полностью переключить Японию на советско-монгольское направление.

Военно-дипломатическая обстановка накануне Халхин-Гола складывалась под влиянием двух следующих обстоятельств. Во-первых, Япония стремилась получить в лице МНР выгодный плацдарм на границах с Советским Союзом в рамках реализации японской стратегии создания “конфедерация азиатских народов” под руководством Японии. Это и стало одной из причин конфликта. Кроме того, конфликт назревал и по причине “обиды” японского военного командования за поражение от Советского Союза в пограничном столкновении у оз. Хасан в 1938 г. Сказывалось и стремление Японии оказать решающее влияние на быстрое завершение войны в Китае. Токио раздражали растущая военная помощь Советского Союза Китаю, создание при дипломатической и политической поддержке Москвы единого фронта между Гоминьданом и КПК и другие мероприятия. Министр иностранных дел Японии Мацуока в 1939 г. заявил, что война против СССР и МНР “сможет оказать воздействие на Чан Кайши, что приведет к окончательному миру”⁷¹. Успешный для Японии исход боев на Халхин-Голе, несомненно, поставил бы вопрос о неминуемой гибели Китая как национального государства. Одновременно победоносная война нужна была японскому правительству и для прекращения мощного антияпонского движения во Внутренней Монголии. Причем это движение объединяло самые различные политические силы – от националистических группировок, настроенных и против Японии, и против Китая, до различных прогоминьдановских и прокоммунистических организаций⁷²

Во-вторых, требовала разрешения сама пограничная проблема. Начало такому “разрешению” положила Япония своей агрессией в Китае – оккупацией Северной Маньчжурии, а затем и всего Северо-

Восточного и Центрального Китая. Следующей фазой стал непосредственно монголо-маньчжурский территориально-пограничный конфликт, который развивался с 1932 г. в виде взаимных вторжений и на территорию МНР, и Маньжоу-Го. Последнее обстоятельство усугублялось неопределенностью границы и наличием спорных зон, включая территорию р. Халхин-Гол. Так, 21 мая 1939 г., когда уже начались халхингольские сражения, в секретном донесении И.В. Сталину и В.М. Молотову Л.П. Берия сообщает, что в Улан-Баторе “нашлась еще одна карта, датированная 5 июля 1887 г., причем аналогичных экземпляров ни в архивах НКВД, ни в Управлении военной топографии РККА, ни в Генштабе РККА, обнаружить не удалось”⁷³. Найденная карта опровергала все ранее фигурировавшие версии о границе и определяла ее “восточнее р. Халхин-Гол”, что автоматически превращало идущие бои на спорной территории в войну “на территории МНР”. Относительно же карт, изданных в СССР и МНР в 1934 – 1937 гг., и их издателей Л.Берия пишет: “Нами ведется расследование, на основании каких материалов и документов в январе 1934 г. Управлением военной топографии РККА была издана карта, по которой государственные границы показаны проходящими по р. Халхин-Гол, а также выясняется, что послужило основанием к обозначению государственной границы МНР и Маньжоу-Го (по обнаруженной карте – *СЛ*) к северо-востоку от р. Халхин-Гол”⁷⁴.

Военные действия на Халхин-Голе (середина мая – 16 сентября 1939 г.) закончились полным поражением Японии и Маньжоу-Го⁷⁵. В результате переговоров в Москве между народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым и послом Японии Того обе стороны пришли к соглашению о прекращении с 16 сентября 1939 г. в районе конфликта всех военных действий. В тот же день был подписан соответствующий протокол между СССР и Японией⁷⁶.

Победа на Халхин-Голе подтвердила “дееспособность” советско-монгольского военно-политического союза и эффективность его стратегии национальной безопасности на Дальнем Востоке. Военное поражение Японии означало установление на определенное время мира в регионе и баланса сил между СССР/МНР и Японией/Маньжоу-Го. Одновременно, подписанный в августе 1939 г. советско-германский пакт о ненападении определенное влияние оказывал и на Дальний Восток. Япония в свете заключенного пакта также была готова пойти на диалог с Москвой и договориться на тех или иных условиях о ненападении и нейтралитете. Китай в этих условиях вновь становился основным объектом японской агрессии. Заключенное в июле 1939 г. англо-японское соглашение (Арита – Крейги) способ-

ствовало последнему обстоятельству, так как оно обеспечивало Японии невмешательство Великобритании в китайские дела. МНР в отличие от Китая находилась в более выгодном международном положении. Советский Союз, оказав ей прямую военную защиту в мае-сентябре 1939 г., продолжал осуществлять дипломатическую поддержку Монголии как в рамках идущих советско-японских переговоров о нейтралитете, так и в отношениях с другими державами.

§ 3. МНР в годы Второй мировой войны: этнорегиональная политика и международно-правовое оформление

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу начинается Вторая мировая война – наиболее трагическое событие XX в. военных действий в Европе кардинально не изменило дальневосточную стратегию СССР и МНР. Сохранился их военно-политический союз в рамках Протокола 1936 г., и тактика обороны на монголо-маньчжурских рубежах не изменилась. Продолжалась определенная изоляция МНР от Китая в сопредельных районах Синьцзяна и Внутренней Монголии⁷⁷.

Важным политическим событием в советско-монгольских отношениях явился визит премьер-министра МНР маршала Х. Чойбалсана в декабре 1939 г. в Советский Союз. 4 декабря, на следующий день после прибытия, состоялась встреча Х. Чойбалсана с заместителем наркома иностранных дел В.Г. Деканозовым, во время которой монгольский премьер заявил, что “приехал в Советский Союз, чтобы получить политическую ориентировку в основных вопросах развития МНР”⁷⁸. В ходе беседы выяснились и более конкретные цели монгольского руководителя. Чойбалсан хотел обсудить проблемы строительства железной дороги Наушки – Улан-Батор (протяженностью 350 км и ориентировочной стоимостью, по прикидкам советских специалистов, в 350 млн. руб.), мясокомбината в Улан-Баторе (ориентировочная стоимость 27 млн. рублей) и цементного завода, а также организацию научной экспедиции в Гоби, созыв Великого Хурала, проведение X съезда МНРП, подготовку и принятие новой конституции, вопросы реорганизации МНРА и приглашения военных советников⁷⁹.

По поводу названных Чойбалсаном вопросов в НКВД была составлена справка В. Молотову, в которой предлагалось отложить на будущее практическую реализацию части запрашиваемых Чойбалсаном проектов – строительства железной дороги, мясокомбината и др. Что касается подготовки X съезда, разработки конституции, ре-

организации МНРА, то здесь было рекомендовано оказать МНР содействие в ближайшее время. В январе 1940 г. состоялся прием делегации Х. Чойбалсана И В Сталиным и В М Молотовым, на котором монгольский лидер получил от советских руководителей заверения в поддержке основных положений своей программы⁸⁰

Визит Чойбалсана и последующие события проходили на фоне развивающегося советско-японского диалога

9 июня 1940 г. В.М. Молотовым, японским послом и монгольским представителем было подписано соглашение об уточнении монголо-маньчжурских границ в районе Халхин-Гола и восстановлении их в положении до 1936 г. В связи с этим монгольский премьер отправил в Москву на имя В.М. Молотова телеграмму, в которой поздравил советское руководство с подписанием соглашения и со своей стороны выразил полную поддержку действиям советского правительства⁸¹.

2 июля 1940 г. японские дипломаты начинают зондировать почву в Москве относительно возможности заключения договора о ненападении между СССР и Японией. Причем, японцы предлагали подписать и секретную часть договора, в который оговаривалось бы обязательство СССР не оказывать помощь Китаю в обмен на "северные территории" (Южный Сахалин и Курилы) и сохранение "статус-кво" в монголо-маньчжурском регионе. В М. Молотов отклонил данное предложение, заявив, однако, 14 августа 1940 г., что советское правительство не имеет ничего против заключения Пакта о нейтралитете. 22 сентября 1940 г. был заключен тройственный Пакт Японии, Германии и Италии, косвенно ускоривший советско-японские переговоры.

13 апреля 1941 г. между Советским Союзом и Японией был подписан Пакт о нейтралитете и декларация о взаимном уважении территориальной целостности и неприкосновенности МНР и Маньчжоу-Го. В ответ на полученную от правительства МНР телеграмму о поддержке подписанных документов В.М. Молотов отметил, что "подписанное 13 апреля советско-японское соглашение... должно послужить делу серьезного улучшения отношений между СССР и Японией, а также укреплению мирного положения на границах МНР и Маньчжоу-Го"⁸².

В Чунцине⁸³ на советско-японский пакт и декларацию отреагировали традиционно 15 апреля 1941 г. за подписью министра иностранных дел Китая было опубликовано следующее официальное заявление: "Несомненным фактом является то, что 4 северо-восточные провинции и Внешняя Монголия являются частью Китая и всегда остаются китайской территорией. Китайское правительство и народ не

могут признать любые обязательства третьих держав, которые нарушают территориальную целостность Китая. Поэтому китайское правительство и народ решительно заявляют, что советско-японское объединенное заявление ни в коей мере не связывает Китай”⁸⁴

После нападения Германии на Советский Союз правительство Чан Кайши, учитывая тяжелое положение СССР на фронте, стало готовиться к тому, чтобы реально покончить с существованием МНР, как только появится первая передышка в войне с Японией. В январе 1942 г. в плане оперативного управления при военном комитете Китайской Республики отмечалось, что независимость МНР должна быть ликвидирована в ближайшее время и что Внешней Монголии следует предоставить широкую автономию в составе Китая. Сам президент Чан Кайши по поводу Монголии высказывался еще более определенно: в 1943 г. в своей работе “Судьбы Китая” он пишет: “Внешняя Монголия относится к районам, которые представляют собой важные для защиты национального существования Китая форпосты, и отторжение ее от Китая равносильно ликвидации государственной обороны Китая”⁸⁵.

Особое место во внешней политике МНР в годы Второй мировой войны приобретают вопросы этнорегионального характера. Одним из них стала проблема взаимоотношений казахского населения МНР и их соплеменников в сопредельном Синьцзяне. Еще в ходе визита Х. Чойбалсана в Москву в декабре 1939 г. – январе 1940 г. на одной из встреч с В.Г. Деканозовым маршал сказал, что казахское население МНР, составляющее 24–25 тыс. человек, “плохо обслуживается и не выделено до сих пор в самостоятельную единицу”. “Правительство намерено, – сказал далее Чойбалсан, – создать казахский аймак, построить несколько школ, просит СССР оказать помощь в посылке учителей-казахов”⁸⁶

Предложение Чойбалсана о создании казахского национального аймака на западе МНР получило поддержку В.Г. Деканозова, а затем В.М. Молотова и И.В. Сталина. При этом, при рассмотрении этого вопроса советские руководители рассчитывали, что создание такого аймака приведет к снижению напряженности на западной границе МНР, вызванной постоянными миграциями части казахского населения МНР в Синьцзян к своим соплеменникам, а также сепаратистскими настроениями в Западной Монголии, подогреваемыми из-за кордона такими национальными лидерами, как Юльбарс, Килим и ряд других.

В начале 1940 г. советский полпред А.И. Иванов по заданию НКВД посетил Западную Монголию, Кобдоский округ. В своем до-

несении о поездке он писал: "Нельзя закрывать глаза на то обстоятельство, что среди реакционной части казахского населения, торгуетов, урянхов, населяющих Кобдоский аймак, достаточно сильны идеи национального самоопределения. Эти идеи постоянно подогреваются проникающими из-за кордона сведениями от казахских авторитетных эмигрантов – Юльбарса, Килима, урянхов – Чулдум-Даламы, Галдона и др. о подготовительных мероприятиях по созданию независимого государства. Насколько я сумел ознакомиться, контрреволюционные элементы этих народностей стремятся использовать проявления панмонголизма со стороны руководящих работников с тем, чтобы найти почву к развитию и укреплению идеи национального оп-ределения в духе Юльбарса и др."⁸⁷

21 марта 1940 г. между Чойбалсаном и А. И. Ивановым состоялась беседа, на которой вновь были подняты казахские сюжеты. Советский полпред рекомендовал Чойбалсану воспользоваться созывом X съезда МНРП и "в заключительном слове осветить национальный вопрос так, как он должен стоять в Монголии"⁸⁸. В марте 1940 г. состоялся X съезд МНРП, а в июне того же года – VIII Великий Хурал, утвердивший новую Конституцию. Одновременно были сделаны и административные изменения – образован Баян-Ульгийский национальный казахский аймак.

После образования Баян-Ульгийского аймака проблема миграции части населения на западе МНР в Синьцзян сохранилась. 2 – 3 октября 1943 г. произошел массовый переход казахов Баян-Ульгийского аймака на территорию Синьцзяна. Часть беженцев ушла в Китай, часть была силой возвращена монгольскими пограничниками назад. По заданию ЦК МНРП на место происшествия выехала специальная комиссия под руководством члена ЦК МНРП, вдовы Сухэ-Батора – Янжимы.

В ноябре 1943 г. состоялось специальное заседание ЦК по этому вопросу, а 31 декабря 1943 г. вышло постановление Политбюро ЦК МНРП "О положении в Баян-Ульгийском национальном казахском аймаке и мерах по усилению партийно-политической работы партийного и государственного аппарата в аймаке". В постановлении говорилось: "Обсудив информацию т. Янжимы... Политбюро ЦК МНРП установило, что факт попытки массовой эмиграции казахского населения Худжерте-сомона Баян-Ульгийского аймака является результатом враждебной деятельности существовавших в аймаке контрреволюционных групп, использовавших в своей работе национальные, религиозные и другие особенности казахского населения, а также связи с влиятельными элементами Синьцзяна. Политбюро

установило также, что деятельность контрреволюционных групп на территории Баян-Ульгийского аймака объяснялась наличием серьезных недостатков в партийно-политической работе, в нарушении принципов национальной политики МНРП, забвении национальных особенностей казахского населения, пренебрежительным отношением к выдвижению национальных казахских кадров. Среди казахского населения, эмигрировавшего в Синьцзян, имелись члены партии, что говорит о влиянии родовых авторитетов⁸⁹. В заключении постановления излагались организационные меры и предложения по улучшению положения в национальных районах МНР⁹⁰.

В конце 1943 г. синьцзянские власти проводят ряд провоцирующих акций на границе. 21 декабря 1943 г. посол Самбу вручил заведующему Дальневосточным отделом НКВД Г. Латышеву ноту правительства МНР, адресованную правительству Китая, в которой говорилось о фактах нарушения западной границы МНР китайскими войсками. Самбу заявил, что имеет указание своего правительства "просить НКВД принять необходимые меры к прекращению нарушений границ МНР со стороны Синьцзяна"⁹¹.

Подобная просьба была воспринята в советском руководстве неоднозначно. Советскому правительству следовало было поддержать МНР как своего союзника, но Китай также являлся союзником СССР как по складывавшемуся антигитлеровскому блоку, так и по антияпонскому движению. Китай уже получал военную и иную материальную помощь от СССР. Ввиду этого советское правительство не сделало официального заявления Китаю с протестом, ограничившись представлением на имя синьцзянского губернатора. В этой связи Г. Латышев писал В. Молотову: "Полагаю, что заявлять от имени Монгпра протест китайскому правительству, как об этом просит Чойбалсан, вряд ли целесообразно. Можно сделать представление, по просьбе правительства МНР, уполномоченному МИД Китая в Синьцзяне У. Цзесяну, сообщив последнему о фактах нарушения границы МНР со стороны Синьцзяна, с просьбой принять необходимые меры к прекращению этих нарушений впредь"⁹².

Ситуация кардинально изменилась в марте 1944 г., когда советское правительство в аналогичной ситуации, после очередного вооруженного налета синьцзянских отрядов и обстрела китайскими войсками казахских беженцев, заявляет Китаю официальный протест. 31 марта 1944 г. советский посол в Китае А. С. Панюшкин сообщил китайскому МИД, что "если подобные нарушения границ МНР со стороны синьцзянских войск будут иметь место и впредь, то советское правительство в силу протокола от 12 марта 1936 г. будет вы-

нуждено оказать МНР необходимую помощь”⁹³ В ответ на это МИД Китая 3 апреля 1944 г. заявил советскому послу, что “Внешняя Монголия является частью Китая, поэтому протокол 12 марта 1936 г. по отношению к Китаю не может иметь силы”⁹⁴

Протест СССР в связи с последним инцидентом был симптоматичен: угроза применить силу в отношении Китая при защите МНР говорила о наступлении новой фазы в советско-китайских отношениях по монгольской проблеме. До этого Москва только в отношении Японии применяла на практике положения советско-монгольского протокола 1936 г. (Халхин-Гол), ограничиваясь в контактах с Китаем формальным подтверждением советско-китайского соглашения 1924 г. Советское руководство приходило к убеждению, что настало время для кардинальных изменений ситуации, сложившейся вокруг МНР, ибо необходимо разрешить противоречие между реальным положением МНР как суверенного государства и ее формальным статусом как “части” Китая. Такая эволюция объясняется, прежде всего, ростом авторитета и силы СССР за годы Второй мировой войны.

Изменился подход советского руководства и к синьцзянской проблеме – в сторону активной поддержки национальных повстанческих движений в борьбе против китайских властей, с использованием регулярной армии МНР. В декабре 1944 г. в Москве состоялось секретное совещание в составе заместителя наркома Лозовского, начальника 1-го Управления КГБ СССР Фитина, начальника 5-го отдела 1-го Управления КГБ Ланфанга и посла в МНР Иванова. На базе материалов совещания были выработаны итоговые рекомендации, и 13 января 1945 г. они поступили В.М. Молотову на рассмотрение и утверждение. Документ назывался “Предложения к вопросу национально-освободительного движения на Алтае (Синьцзяне)”, в нем, в частности, говорилось “3) Разрешить монгольской армии демобилизовать часть офицерского и рядового состава национального казахского полка (до 300 чел.) из числа монгольской бригады (до 1000 чел.) влить демобилизованных как органическую часть в уже имеющиеся отряды повстанцев и, используя демобилизованных как костяк, создать боевые воинские подразделения в принятой повстанцами структуре (десятки, полусотни, сотни, полки). Б) Разрешить министерству внутренних дел МНР снабжение созданных повстанческих отрядов боеприпасами 4 Перекрыть тракт Ланьчжоу-Урумчи на участке Анси-Гучен, по которому направляются боеприпасы и живая сила из Центрального Китая в Синьцзян на подавление национально-освободительного движения, для этого а) активизировать работу имеющихся повстанческих групп и отрядов; б) через Военный совет повстан-

цев установить связь с казахскими племенами в южной части пров Ганьсу и в пров Цинхай и направить их активность на разрыв коммуникаций, связывающих Западный Китай (Синьцзян) с Центральным Китаем”⁹⁵

Таким образом, очевидно, что советское правительство оказывало поддержку не только советским (коммунистическим) районам Китая, но и национальным движениям, используя в последнем случае факт этнической близости части населения МНР и Синьцзяна.

Другой, не менее сложной проблемой для МНР были ее отношения с Тувой. 22 марта 1940 г. председатель ЦК ТНРП Токо и посол Тувы в МНР Намсарай прибыли в Улан-Батор для участия в торжествах по поводу X съезда МНРП и переговоров с монгольским руководством. Тувинцы предложили следующую программу: 1) изучение опыта МНРП; 2) обсуждение вопроса о строительстве дороги между ТНР и МНР и транспортировке экспорта из СССР в МНР по этому тракту, 3) о продаже Монголии хлеба, 4) разрешение пограничных вопросов на основе материалов и соглашения 1932 г. Предложенная Токо повестка вызвала раздражение и недовольство Х. Чойбалсана, который заявил Токо о “нереальности постановки вопроса о торгово-экономических взаимоотношениях МНР и СССР” в тувинской редакции⁹⁶. Х. Чойбалсан не мог допустить посредничества Тувы в торговле МНР и СССР. По пограничному же разделу маршал имел свои претензии к тувинской стороне. Переговоры свелись к изучению опыта МНРП. 28 марта 1940 г. на приеме, организованном Чойбалсаном в честь тувинской делегации, вскрылись и серьезные личные конфликты между маршалом и Токо⁹⁷.

21 мая 1940 г. правительства МНР и Тувы подписали соглашение “О проведении линии границы на основании исторических материалов и документов”⁹⁸ в противовес пограничному соглашению 1922 г. Подписание подобного документа произошло в результате серьезного нажима Х. Чойбалсана на тувинского посла Намсарая и других тувинских представителей. В августе того же года новая монголо-тувинская комиссия приступила к работе. Однако в ходе работ в комиссии начались раздоры, и она была отозвана. Монгольские и тувинские представители обратились в НКВД за содействием и посредничеством.

26 мая 1941 г. секретарь ЦК МНРП Сурэнжав, находясь в Москве, попросил Г. Латышева организовать ему встречу с В.М. Молотовым для обсуждения тувинского вопроса⁹⁹. Позиция Москвы сводилась к следующим моментам. 1) НКВД был категорически против установления новой пограничной линии между МНР и Тувой.

строго придерживаясь соглашения 1932 г., 2) советское руководство могло пойти на компромисс в плане определения "спорных участков.. существовавшей монголо-тувинской границы", 3) НКВД был согласен отправить своих представителей в монголо-тувинскую пограничную комиссию¹⁰⁰.

31 мая 1941 г. Сурэнжав был принят В.М. Молотовым. В начале беседы монгольский представитель изложил просьбу своего правительства "помочь в решении вопроса об уточнении линии границы между МНР и ТНР". На вопрос В. Молотова, почему для Монголии не подходит существующая граница, Сурэнжав ответил, что "в настоящее время нет точной границы", подчеркнув, что соглашение 1932 г. не было ратифицировано Хуралом. Тогда В. Молотов сказал, что он понимает создавшуюся ситуацию следующим образом: "МНР желает изменить границу, основываясь на исторических материалах, а ТНР хочет оставить существующую границу, установленную соглашением 1932 г." Сурэнжав согласился с уточнением В. Молотова, но решения вопроса собеседники так и не нашли, ибо советский руководитель предлагал не менять границ, а Сурэнжав отстаивал тезис о "праве МНР на исторические границы"¹⁰¹.

Нападение Германии на СССР и начало Великой Отечественной войны не сняло с повестки тувинский вопрос. 4 августа 1941 г. в Москве состоялась беседа Г. Латышева с послом Самбу. Последний сообщил, что "тувинское руководство передало полпреду МНР в Туве ультимативную ноту, в которой говорилось, что если монгольское правительство не примет в 10-дневный срок меры по отношению к монголам, нарушающим тувинскую границу, то тувинское правительство вынуждено будет принять решительные меры в соответствии с соглашением о границе от 1932 г."¹⁰² Самбу просил Г. Латышева воздействовать на Туву. Последний, однако, заявил, что "ввиду создавшегося военного положения вопросы уточнения монголо-тувинской границы следует отложить". В донесении В. Молотову он добавил, что "можно избежать пограничных инцидентов и без уточнения границ", предложив установить "временный режим на спорных территориях"¹⁰³, что вскоре и было сделано¹⁰⁴.

16 сентября 1941 г. Самбу передал Г. Лагатышеву копию письма Х. Чойбалсана на имя полпреда Тувы в МНР Кемчика, в котором маршал просил тувинские власти "не чинить препятствий арадам в проживании в местах, на которые претендует ТНР, в частности, в местах, расположенных в Дабасту сомоне, где проживает семья секретаря ЦК МНРП тов. Цеденбала и в других сомонах МНР"¹⁰⁵.

25 апреля 1942 г в НКВД поступает новая порция жалоб от монгольского правительства на Туву Самбу просит советское руководство "рекомендовать ТНР следующие условия: 1) не допускать переселения тувинцев на спорные участки и 2) вернуть МНР Соляную гору как самовольно захваченную тувинцами" На что Г. Латышев ответил, что "Соляная гора около 10 лет эксплуатируется тувинцами и также находится на спорной территории, поэтому такое требование к тувинскому правительству является черезчур резким"¹⁰⁶.

Очередной этап тувинской дискуссии пришелся на визит Х. Чойбалсана в Москву в декабре 1942 г - январе 1943 г. Маршал полагал, что, благодаря личному покровительству И.В. Сталина и других советских руководителей, он сможет решить пограничные вопросы и вернуть монгольские земли. 24 декабря 1942 г. состоялась его встреча с В.Г. Деканозовым. Маршал, охарактеризовав сложное международное положение МНР, указал на тяжесть ситуации в экономике в связи с военными расходами¹⁰⁷. Далее Чойбалсан сказал, что на встрече с Молотовым он хотел бы поставить вопрос об урегулировании монголо-тувинских отношений. Однако, как показали последующие события, ни разговор с В. Молотовым, ни прием И.В. Сталиным не помогли Чойбалсану отстоять свою программу возвращения к "историческим границам до 1932 г." Позиция советского руководства осталась такой, какой она была в 1940 г.

Неудача Х. Чойбалсана в тувинской части переговоров объяснялась, с одной стороны, нежеланием советского руководства в условиях военного времени затевать пересмотры границы, а с другой – сформировавшимся в Москве решением о включении Тувы в состав Советского Союза на правах областной автономии¹⁰⁸. Последнее обстоятельство подкреплялось ходатайством тувинского руководства о желании войти в состав СССР. В 1944 г ходатайство было удовлетворено и ТНР превратилась в Тувинскую автономную область СССР¹⁰⁹.

Монголо-тувинский пограничный конфликт с 1944 г превращается в проблему именно советско-монгольских отношений. Причем монгольское правительство пыталось разрешить этот конфликт в свою пользу и в этом его новом качестве. 25 мая 1945 г посол МНР в Москве Самбу в беседе с помощником заведующего 1-м Дальневосточным отделом НКВД М.Ш. Бахитовым сообщил, что монгольским правительством А.И. Иванову передана нота с просьбой ускорить создание смешанных советско-монгольских комиссий по уточнению линии границы между СССР и МНР в пределах Тувинской автономной области. От себя Самбу добавил, что уточнение грани-

цы желательно провести летом текущего года Бахитов ответил, что вопрос о создании таких комиссий находится на рассмотрении руководства НКВД¹¹⁰. 2 июля 1945 г аналогичная беседа произошла вновь между М.Ш. Бахитовым и Самбу и секретарем ЦК МНРП Б. Ширендыбом¹¹¹.

Выдвигаемый монголами вопрос, однако, “тонул” в бюрократических и дипломатических хитростях советских представителей. Ставить же его в ультимативной форме или доводить до вооруженных пограничных инцидентов правительство МНР не могло и не хотело.

22 июня 1941 г на совместном заседании Президиума ЦК МНРП, Малого Хурала и Совета Министров МНР было резко осуждено нападение Германии на Советский Союз. Согласно Протоколу от 1936 г. о взаимной помощи, Президиум совместного заседания обратился к монгольскому народу с просьбой оказать посильную помощь Советскому Союзу. В конце декабря 1942 г. возглавлявший делегацию МНР маршал Х. Чойбалсан передал фронту дар из четырех эпелонов подарков. Затем правительство МНР перечислило Советскому Союзу 2,5 млн. тугриков, 300 кг чистого золота, 100 тыс. ам. долл. Одним из основных направлений помощи была передача в дар лучших монгольских скакунов. В годы войны Красной Армии было передано 32 тыс. лошадей¹¹².

Ключевые события в международных отношениях МНР в годы Второй мировой войны были сопряжены с процессом правового оформления монгольской государственности и завершением длительного периода борьбы монгольского народа за международное признание, продолжавшейся фактически с 1911 г. Перелом наступил в 40-е годы и был связан прежде всего с поддержкой и дипломатической деятельностью СССР на международной арене.

8 декабря 1941 г, на следующий день после нападения Японии на американскую военную базу Перл-Харбор, президент США Ф. Рузвельт в беседе с советским послом в Вашингтоне М.М. Литвиновым высказался в том плане, что в войне против Японии желательно участие СССР. Этот вопрос был поднят президентом США в послании И.В. Сталину от 16 декабря 1941 г и 17 июня 1942 г.¹¹³

Впервые на уровне глав великих держав монгольский вопрос возник на Каирской конференции союзников в ноябре 1943 г. Чан Кай-ши предложил президенту США Ф. Рузвельту поддержать идею “включения территории МНР” в состав Китая, на что получил от Рузвельта ответ в том смысле, что данную проблему “необходимо обсудить . путем переговоров с СССР”¹¹⁴.

Второй и основной этап решения монгольского вопроса на уровне союзников приходится на весну 1945 г. – период подготовки и проведения Крымской (Ялтинской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании 4 – 11 февраля 1945 г. Ранее, в июле 1944 г в Улан-Батор с шестилетним визитом прибыл вице-президент США Генри Уолесс, обсудивший с монгольским руководством и советскими представителями проблемы монголо-китайских отношений и международного признания МНР.

8 февраля 1945 г., в ходе начавшейся Ялтинской конференции великих держав И.В. Сталин на одной из встреч спросил Ф. Рузвельта, что тот думает “о сохранении статус-кво во Внешней Монголии”. Рузвельт ответил, что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, “что статус-кво во Внешней Монголии должно быть сохранено”¹¹⁵. Примечательно, что и Ф. Рузвельт, и другие руководители держав однозначно трактовали “статус-кво” Монголии как реально существующее “самостоятельное государственное образование”, находящееся под влиянием СССР, и никак не часть Китая¹¹⁶.

11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым из которых было названо “сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)” “Предполагается, – говорилось далее, – что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железной дороги потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету маршала И.В. Сталина президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие. Со своей стороны, Советский Союз выражает готовность заключить с национальным китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского империализма”¹¹⁷.

В развитие ялтинских договоренностей 30 июня 1945 г в Москву прибывает китайская правительственная делегация во главе с премьер-министром и министром иностранных дел Сун Цзывэнем. Монгольский вопрос стал на переговорах одним из центральных. Для китайской стороны это был последний шанс решить его на высшем уровне в свою пользу, тем самым частично пересмотрев Крымское соглашение. Однако все попытки китайцев поставить вопрос о включении МНР в состав Китая были пресечены заявлением И.В. Сталина о том, что “в случае, если не будет обсуждаться декларация о независимости Внешней Монголии, то мы не будем обсуждать и дру-

гие вопросы. Тогда давайте прервем переговоры”¹¹⁸. Советское руководство одновременно дало понять китайским представителям, что СССР не вступит в войну против Японии без признания Китая независимости МНР. В результате китайская сторона уступила, и переговоры сдвинулись с мертвой точки.

Параллельно советско-китайским переговорам по инициативе советского правительства состоялся визит в Москву Х. Чойбалсана. Он прибыл 4 июля 1945 г., а уже 5 июля состоялась его встреча со Сталиным. Основной вопрос, обсуждавшийся в ходе беседы, — советско-китайские переговоры и вступление СССР и МНР в войну с Японией. Судя по документам, Сталин был предельно откровенным. Чойбалсану были зачитаны совместный проект декларации СССР и Китая о признании МНР независимым государством и другие документы. Выслушав проект, Х. Чойбалсан сказал: “Да, это то, что мы хотим, но дружбы и дружеского сотрудничества с китайцами у нас не будет. Это очень, очень плохой народ. Они продолжают притеснять монгол во Внутренней Монголии, Алашане, Ордосе. Я хорошо понял смысл декларации. Мы, как независимое государство, предъявим свой счет китайцам. Мы расскажем всему миру, как они издевались над нами, как они продолжают издеваться над монголами, которые остались у них”¹¹⁹. Судя по реакции Чойбалсана, можно было бы предположить, что МНР собирается воевать с Китаем, а не освобождать его от Японии.

6 июля в беседе с советским послом А.И. Ивановым на одной из подмосковных дач в Заречье Чойбалсан, обмениваясь впечатлениями от встречи со Сталиным, снова повторил сюжет “о притеснениях во Внутренней Монголии” и сказал: “В Кремле я увидел совсем другого Сталина. Он весь сияет, я не мог огорчать глаз от лица тов. Сталина и опять волновался и, должно быть, отвечал невпопад”¹²⁰.

В действиях Х. Чойбалсана явно просматривалось желание получить в Москве хотя бы намек на положительное решение вопроса о Внутренней Монголии, т. е. на ее присоединение к МНР в будущем или сразу после освобождения от Японии советско-монгольскими войсками. Однако подобных заявлений ни со стороны Сталина, ни со стороны других советских руководителей Чойбалсан не услышал.

7 июля 1945 г. в честь маршала Х. Чойбалсана в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца был дан обед, на котором с советской стороны присутствовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Л.М. Каганович и др., всего 27 человек. С монгольской — Х. Чойбалсан, посол Ж. Самбу, сек-

регарь ЦК МНРП Б Ширендыб, секретарь миссии Идамжаб и переводчик Ильин. На обеде И.В. Сталин произнес тост, который без сомнения с замиранием сердца слушал Чойбалсан. Сталин сказал: "Одно время среди монгол были крупные разногласия по вопросу о том, с каким государством им поддерживать дружбу, с Японией или с Советским Союзом. Многие монголы, например, Дэван, высказывались за дружбу с Японией. Я поднимаю бокал за тех руководителей Монголии, которые поняли и правильно решили, что Монголии нужно поддерживать дружбу с Советским Союзом. Эти люди сейчас стоят во главе не зависимой Монголии, а те, кто выступал за союз с Японией, находятся под пятой маньчжур и японцев. За руководителей Монголии, за ее независимость!"¹²¹

После отъезда Чойбалсана и объявления Советским Союзом (8 августа) и МНР (10 августа) войны Японии спешно завершились советско-китайские переговоры. 14 августа 1945 г. был подписан Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем и состоялся обмен нотами между МИД Китая и НКВД СССР по вопросу о государственной независимости МНР. Нота МИД Китая гласила: "Ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии стремления к независимости, китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах"¹²². В советской ноте, в частности, говорилось, что советское правительство "будет уважать государственную независимость и территориальную целостность Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии)"¹²³.

Тексты нот, переданные в Улан-Батор, вызвали у Х Чойбалсана и других монгольских руководителей большое разочарование. "Это разочарование, – сообщал из МНР посол А.И. Иванов, – вытекало из убеждения Чойбалсана и руководящего актива МНР в том, что участие МНР в войне с Японией приведет к воссоединению с МНР Внутренней Монголии и Барги"¹²⁴. Подтверждением этих настроений явилось также обращение Х Чойбалсана и секретаря ЦК МНРП Янжimy к послу А.И. Иванову и советнику при ЦК МНРП Ю.К. Приходову за разъяснением по поводу советской и китайской нот. Они пытались обратить внимание советских представителей на определенное расхождение в нотах. Последнее, по их мнению, заключалось в том, что китайский МИД говорит о "существующих границах МНР", а советский НКВД – о "территориальной целостности МНР" без указания конкретных границ, тем самым давая небольшую надежду монголам на скрытую поддержку Советским Союзом их притязаний на Внутреннюю Монголию.

А И Иванов, проведя разъяснительную работу с монгольским руководством, тем не менее, не смог развеять этих иллюзий, заявив, что “разрешение вопроса о границах МНР с Китаем в соответствии с нотами... должно (быть – *С Л*) воспринято, как необходимая, но временная ступень”¹²⁵. Одновременно А.И. Иванов сообщил в Москву, что вопрос “о желаемых границах . монголы продолжают держать у себя в уме”¹²⁶.

Активно разворачивающиеся боевые действия советско-монгольских войск во Внутренней Монголии ускорили там политические процессы. 18 августа 1945 г. была легализована деятельность ЦК Монгольской революционной партии Внутренней Монголии, организовавшей совещание в г. Ваньмяо. Совещание приняло декларацию, в которой говорилось “о необходимости объединения Внутренней Монголии и МНР”¹²⁷. Одновременно в Москве монгольский посол Самбу, ссылаясь на донесения из Внутренней Монголии, информировал советское руководство о том, что многие сеймы Внутренней Монголии направляют петиции монгольскому военному командованию с просьбами о включении их в состав МНР¹²⁸.

В августе 1945 г. во Внутреннюю Монголию прибыла делегация правительства МНР, изложившая официальное обращение к народу Внутренней Монголии. В обращении, в частности, говорилось: “Мы освободили вас от Японии – вашего самого опасного врага. Самым важным для вас теперь является борьба за свободу, защита национальных прав . Однако все это само в руки не приходит. Все зависит от вас – на какое государство опереться, какое правительство создать, на чью помощь ориентироваться”¹²⁹. Обтекаемый характер заявления объяснялся сдержанностью позиции Москвы по вопросу территориального “расширения” МНР за счет Внутренней Монголии, а также возможным влиянием на ЦК МНРП со стороны КПК, отрицательно относившейся к отторжению этого района от Китая.

10 сентября 1945 г. в Силингольском сейме Внутренней Монголии был созван съезд князей, чиновников и аратов, на котором развернулась острая борьба по вопросу будущего статуса Внутренней Монголии. Обозначилось три варианта. 1) автономия в составе Китая, 2) объединение с МНР, 3) самостоятельное и независимое государство. Возобладала последняя точка зрения, и на съезде было сформировано правительство во главе с Буян-Далаем (член ЦК НРП ВМ). В правительство вошли министры – монголы из бывшего автономного правительства Дэвана¹³⁰, была принята Конституция. Съезд обратился к МНР, СССР и Китайской Республике с декларацией о провозглашении независимости Народной Республики Внут-

ренной Монголии¹³¹ Несомненно, что провозглашение независимости Внутренней Монголии и сведение ее в дальнейшем до уровня автономии (1947 г.) явилось результатом острейшей политической борьбы различных сил – просоветских, прогоминьдановских, сторонников КПК, руководства МНР и собственно националистических сил Внутренней Монголии. События 1945 – 1947 гг. во Внутренней Монголии, как в зеркале, отразили и традиционные проблемы – панмонголизм, антикитайские настроения среди монголов, и новые тенденции – рост влияния КПК и СССР в этом регионе.

Плебисцит в МНР, проведенный 20 октября 1945 г., подтвердил желание монгольского народа существовать независимо от Китая. Голосование выявило всенародную поддержку идеи независимости МНР, отразив и многообразие монгольского общественного мнения, в частности, по проблеме взаимоотношений России, Монголии и Китая. Как свидетельствуют недавно открытые архивные документы, часть населения в ходе опроса высказывала недоумение по поводу проведения плебисцита, заявляя, что “Монголия уже является фактически независимой в течение 25 лет и нет необходимости считаться с претензиями китайцев”. Другие говорили, что Монголия, как слабая и отсталая страна, вообще не сможет существовать самостоятельно без опоры на более сильное государство и что монголам надо выбирать между Китаем и СССР. Часть населения считала, что плебисцит должен решить вопрос “не о независимости Монголии в существующих границах, а о воссоединении Внутренней Монголии и Барги с МНР”¹³². В отдельных сомонах звучали даже высказывания о том, “что плебисцит проводится по инициативе СССР с целью последующего захвата Монголии и включения ее в состав СССР”¹³³. Все это отражало многообразие и сложность палитры мнений монгольского народа, объясняемые напластованием традиционных взглядов (симпатий к России, антикитайских настроений, панмонголизма) и новых воззрений, сформировавшихся в 30-е годы на волне массовых репрессий и культа Чойбалсана (антисоветские настроения, атеизм и пр.)

12 ноября 1945 г. протоколы Центральной комиссии по проведению плебисцита были утверждены Президиумом Малого Хурала Советскому и китайскому правительствам были направлены соответствующие ноты об итогах голосования 5 января 1946 г. правительство Китайской Республики, ознакомившись с итогами плебисцита, официально признало независимость МНР¹³⁴. Характерно, что Х. Чойбалсан при составлении ноты Китаю по итогам плебисцита

пытался внести в нее абзац из советской ноги Китаю от 14 августа 1945 г об “уважении территориальной целостности МНР” без указания существующих границ В беседе с А. И. Ивановым Чойбалсан сказал, что это, по его мнению, “должно дать понять китайскому правительству, что вопрос о существующих границах МНР подлежит еще обсуждению, так как эти границы не включают в себя всей действительной территории Монголии”¹³⁵ Советский же представитель, следуя инструкциям Москвы, настоял на обычной редакции, без панмонгольского подтекста

Таким образом, монгольский вопрос в международно-правовом плане в период Второй мировой войны был решен В результате реализации решений Ялтинской конференции, положений советско-китайского договора от 14 августа 1945 г, итогов плебисцита в МНР, а также ввиду признания Китаем 5 января 1946 г независимости МНР последняя приобрела полноценный международный статус суверенного государства

Стратегическая “ось” “Москва – Улан-Батор” была закреплена Договором о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР, подписанном в Москве 27 февраля 1946 г В ст. 2 Договора говорилось: “Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республики обязуются в случае военного нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную, помощь”¹³⁶.

* * *

МНР в 1939 – 1945 гг развивалась как национальное государство, независимое от Китая СССР, проводя в отношении МНР жесткую блоковую и идеологическую политику, объективно способствовал сохранению монгольской государственности. Это, несомненно, отвечало интересам МНР, поскольку альтернативы – союз с Китаем или Японией – предполагали обязательное упразднение МНР и превращение ее в автономную провинцию (китайский вариант) или колонию (японский)

МНР накануне и в период Второй мировой войны находилась в двойственном международно-правовом положении. С одной стороны, она являлась несомненным субъектом международных отношений в рамках двусторонних советско-монгольских связей, а с другой – она юридически существовала как “часть” Китая Причем в 30-е – начале 40-х годов СССР был вынужден признавать последнее обстоятельство

Советско-китайские отношения, связанные с монгольской проблемой, в 1937-1945 гг прошли серьезную эволюцию от мирного "противостояния" в рамках соглашения 1924 г до активного дипломатического наступления СССР в годы Второй мировой войны как на уровне двусторонних советско-китайских отношений, так и на уровне союзных держав. Эволюция эта была закономерным явлением и отражала кардинальное изменение роли СССР в мире и на Дальнем Востоке в частности.

Решение вопроса о международном статусе МНР и другие события создали возможность присоединения Внутренней Монголии к МНР. Однако ялтинские договоренности союзников о "статус-кво" МНР, а также отрицательная реакция Москвы на идеи панмонголизма не позволили в 1945 г монгольскому руководству во главе с Х. Чойбалсаном реализовать свои планы в отношении внутримонгольского региона. Последний, несмотря на этническую общность с МНР, в 1945 г. экономически и политически продолжал оставаться частью Китая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Капица М.С., Коваленко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе. — М., 1965. С.92

² АВПРФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор.88, пап.121, д 021-022 МО, л 30.

³ Там же, л.31.

⁴ Там же, пор.141, пап.124, л.202

⁵ Там же, л.142

⁶ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп 18, пап 158, д 8. л.42

⁷ Там же.

⁸ Там же, оп 16, пап.158, д.8, л 142

⁹ Там же, оп 18. пап.158, д.8, л.1

¹⁰ Там же, л 2

¹¹ Там же, л 1.

¹² Там же, л.18 — А. Амор также поднял вопрос о возвращении на родину опальных Н. Жадамбы, Гочитского (Цидена-Иши), Шиджий, Бадрах и П. Гэндэна. Эту просьбу Б. Стомоняков отклонил, заявив, что к данному вопросу необходимо подходить не с точки зрения персональных интересов, а под углом зрения внутренней политики МНР — сохранения единства в руководстве МНРП" (Там же, л 14 —16)

¹³ АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп 18, пап.158, д 5, л.5

- ¹⁴ Там же, л 4.
- ¹⁵ Там же, л 11
- ¹⁶ Там же, л 26 – 28
- ¹⁷ Там же, ф Секретариат Молотова, оп 1, пап 132, д.6, л.26 – 28
- ¹⁸ Там же, ф Референтура по Монголии, оп.18, пап.158, д 6, л.36.
- ¹⁹ Маньчжурская конференция прервала свою работу 25 ноября 1935 г.
- ²⁰ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.18, пап.158, д.7, л 3 – 12.
- ²¹ Там же, д.6, л 20.
- ²² Там же, л 3 – 12.
- ²³ Там же, д 1, л 152
- ²⁴ Там же, д 7, л.35.
- ²⁵ Там же, л.54.
- ²⁶ Там же, д.1, л.147.
- ²⁷ Karr E.H. International Relations between the Two World Wars. 1919 – 1939.– London, 1948. P.247
- ²⁸ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.1, пап.132, д.13, л.33 .
- ²⁹ Боевое содружество Дайчин Нохорлол – М., 1983. С. 81.
- ³⁰ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.18, пап.10, д.10, л.3
- ³¹ Это был первый официальный визит А. Амора в СССР, в отличие от П. Гэндэна, посещавшего Москву в 1932 г., 1934 г (совместно с Х. Чойбалсаном) и в конце 1935 – начале 1936 г.
- ³² АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп 18, пап.158, д.8, л.57 – 60
- ³³ Там же, д 10, л.215 – 216
- ³⁴ 16 марта 1932 г при Политбюро ЦК ВКП(б) была создана Монгольская комиссия во главе с К Е Ворошиловым “для разрешения всех вопросов, касающихся Монголии” – См. Шенелев В “Монгольский вопрос” на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б)//Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ – М , 1996 Вып 8. С 63
- ³⁵ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп 19, пор.4, пап.160, д 10, л.215 – 216
- ³⁶ Там же, оп.18, пап.158, д 10, л.212
- ³⁷ Там же, д 11, л.82.
- ³⁸ РЦХИДНИ, ф 495, оп 152, д 156, л.111.
- ³⁹ АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп.18, пап 158, д.10, л.212
- ⁴⁰ АВП РФ, ф. Секретариат Карахана, оп.12, пор.156, пап.81; д 021-МО, л 125
- ⁴¹ Советско-монгольские отношения. – Т 1 С 388 – 391
- ⁴² До 1958 г название Бурят-Монгольская АССР сохранялось, после – Бурятская АССР
- ⁴³ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп 18 пап 158, д 4, л 30

⁴⁴ Там же, д 10, л.35

⁴⁵ Там же, д 3, л 16.

⁴⁶ Там же

⁴⁷ Там же, л 53.

⁴⁸ Там же, оп.19, пап.160, пор.4, д.МО-24, л.28

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, ф Секретариат Литвинова, оп.18, пор.113, пап.146, л.2.

⁵¹ Там же, л.8.

⁵² Там же, ф. Референтура по Монголии, оп.19, пап.160, пор.4, д.МО-24, л.71.

⁵³ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп.18, пор.113, пап.146, л. 9–10.

⁵⁴ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп.19, пап.160, пор.4, д.МО-24, л.56.

⁵⁵ Там же, л.14-19.

⁵⁶ Там же, пап.161, пор.17, д.МО-24, л 170.

⁵⁷ И.Я. Златкин в письме Сталину, в ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1939 г. писал: "Я близко наблюдал Амора с самого начала япономаньчжурских столкновений, т.е. с января 1935 г. Я не верю, что Амор ориентируется на Японию Нет спора, Амор консерватор, реакционер, панмонголист, но он, тем не менее, против Японии, за дружбу с СССР. Он отчетливо представляет себе будущее Монголии в свете победы Японии. Он прежде всего националист, и поэтому он ~~против~~ японцев". -- Там же, оп.1, пор.132, пап.13, л.12 – 14.

⁵⁸ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.19, пап.160, пор 4, д.МО-24, л.67 – 69

⁵⁹ Там же, оп.20, пор.3, пап.164, д.МО-24, л.32.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л.33.

⁶² Там же, л 34

⁶³ В российских архивах сохранились все основные материалы данных заседаний, в том числе последнее официальное выступление А. Амора перед арестом Речь Амора и другие документы будут опубликованы автором отдельно

⁶⁴ Кадровые изменения коснулись и Ю Цеденбала 8 апреля 1939 г. Скрипко писал: "Цеденбал-выдвиженец... Ревсомолец. Производит впечатление вдумчивого, энергичного, перспективного работника, утверждение Цеденбала сделано с расчетом, что если он покажет себя хорошо на работе, утвердить его на пост министра". – АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп.20, пор.3, пап 164, д.МО-021, л.102.

⁶⁵ АВП РФ, ф Референтура по Монголии, оп 20, пор.3, пап.164, д МО-24, л.109.

⁶⁶ Там же, л 118

⁶⁷ Там же, л.15

⁶⁸ Кедров Ю. Как были сорваны планы нападения Японии на Советский Союз//Азия и Африка сегодня – 1995 № 12 С.3.

⁶⁹ См подробнее. Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20 – 30-е годы) – М., 1990; Григорьев А.М. Японская агрессия и продолжение гражданской войны в Китае / Новейшая история Китая, 1928 – 1929 – М., 1984. Гл 2 С. 51 - 94, Никифоров В.Н., Мировицкая Р.А., Титов А.С. Образование единого национального фронта в Китае (сентябрь 1937 г.)//Проблемы Дальнего Востока – 1977. № 3. С 123 – 141; Овчинников Ю.А. Автономистское движение в Китае и проблема единого антияпонского фронта (1935 – 1937 гг.)//“Общество и государство в Китае”. Восьмая науч. конф. – М., 1977 С 157 – 163.

⁷⁰ Кедров Ю. Ук. соч. С 2.

⁷¹ Варганов В.Н. Влияние событий на Халхин-Голе в 1939 г. на военно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке //70 лет Монгольской народной революции. Материалы межд науч конф., 4 июля 1991 – М., 1992 С.53.

⁷² Дылыков С.Д. О партизанском движении в Маньчжурии и Внутренней Монголии в период господства реакционных режимов Пу И и Дэ-Вана // “Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал” номонд – Улаанбаатар, 1984. Б.1. Х.114 – 120.

⁷³ АВП РФ, ф Секрегариат Молотова, оп 1, пор 132, пап 13, л 62.

⁷⁴ Там же, л 66

⁷⁵ См подробнее: Сафронов В.П. СССР и японская агрессия (1937 – 1941)//Советская внешняя политика 1917 – 1945 гг. Поиски новых подходов – М., 1992. С.261, Гаврилов В.А. Японский фактор во Второй мировой войне: новый взгляд через 50 лет //50-летие Великой победы и Восток – М., 1996, Ганин Н.И. Необъявленная война. Халхин-Гол 1939//Там же. С.14 – 21, 3)Кошкин А.А. Как готовился Халхин-Гол // Новая и новейшая история 1989 № 4 С 42 – 55; Зориг Г. Халх голын байлдааны тухай японы хэвлэлд//Дорно дахины судлалын асуудал. – Улаанбаатар. 1985 № 1(10). Х.69 – 74

⁷⁶ Советско-монгольские отношения. – Т.1. С 434 – 435.

⁷⁷ В сентябре 1939 г в Калгане (Внутренняя Монголия) состоялся очередной съезд внутримонгольских князей, провозгласивших автономное объединенное правительство Монголии во главе с Дэваном. В резолюции съезда, в частности, говорилось, что “центром территории нового государства являются монгольские окраины, населенные различными нациями Восточной Азии” Новая власть

“будет следовать общественному мнению, т е демократическим принципам”. В программе звучали антикоммунистические лозунги, а также то, что монгольские сеймы будут поддерживать связь с другими государствами в целях установления “нового порядка и режима в Восточной Азии” В 1942 г. было образовано монгольское автономное государство, а в 1943 г. из четырех хинганских провинций – единая Хинганская провинция. – См.: Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. – М., 1980. С.31 – 32.

⁷⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Молотова, оп.20, пап.164, л.106.

⁷⁹ Х. Чойбалсан накануне визита отстранил от работы военного советника Позднякова и просил советское руководство передать функции главного военного советника комкору Г.К. Жукову. – АВП РФ, ф. Секретариат Молотова, оп.1, пор 132, пап.13, л.38 – 41

⁸⁰ На встрече И В Сталин дал пожелание маршалу довести поголовье скота в Монголии до 200 млн. голов. Был решен также и кадровый вопрос – И В. Сталин порекомендовал перевести министра финансов Ю Цеденбала на должность секретаря ЦК МНРП – АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп 25, пап.184, д.2, л 18.

⁸¹ АВП РФ, ф Секретариат Молотова, оп 2, инд.295, пап.22, д 01-МНР, л 13.

⁸² Там же, оп 3, инд.228, пап.18, д 031, л.7.

⁸³ С сентября 1939 г., после захвата Японией Нанкина, официальной столицей Китайской Республики стал г Чунцин.

⁸⁴ АВП РФ, ф Секретариат Молотова, оп.7, пор.557, пап 38, д.МНР-020, л.14

⁸⁵ Chiang Kai-shek China's Destiny // Chinese Economic Theory. – New York, 1947. P.57

⁸⁶ АВП РФ, ф Секретариат Молотова. оп 1, пор 130, пап 12. л 6

⁸⁷ Там же, оп.2, пап.22, инд.260, д 020-МНР, л.2-3.

⁸⁸ Там же, л 2-3

⁸⁹ Там же, оп.26, пор.1, пап.190, инв.984, д.020-МНР, л 2-5

⁹⁰ Там же, л 5

⁹¹ Там же, оп.25, пор.1, пап.184, инв 984, д 2, л.54.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, оп.7, пор.557, пап.38, д.МНР-020, л.14.

⁹⁴ Там же, л 14-15.

⁹⁵ Там же, л.2-3

⁹⁶ Там же, л 3-4.

⁹⁷ На приеме с монгольской стороны присутствовали все замы маршала, включая Ю Цеденбала, с советской – Ю.К. Приходов, А И

Иванов, Г.К. Жуков и др. от Тувы – Токо и его помощники Из дневника А.И. Иванова “Токо в шутиливой форме поднял вопрос о пограничных конфликтах между МНР и ТНР Заспорили. Сошлись с поднятыми рюмками шампанского Чойбалсан ударил Токо по щеке: дескать, куда суешься, с кем думаешь тягаться Подойдя ко мне, Токо сказал – какая дикость, он ударил не меня, он ударил тувинский народ Переговорив с Жуковым, решили прекратить вакханалию. Мы отозвали Чойбалсана, я начал говорить, что вечер .. надо кончать. Чойбалсан был пьян, бросил фразу – я премьер-министр, что Вы мне грубите .. Далее он сказал. Ну что может сделать Токо, ну пусть поднимает восстание” (АВП РФ, ф. Секретариат Молотова, оп.2, инд.260, пап.22, д.МНР-020, л.10 – 13.) Комментируя документ, следует сказать, что подобные “вольности” мог позволить себе человек, имевший большое личное покровительство И.В. Сталина

⁹⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Молотова, оп.3, инд.228, пап 18, д.031, л.24.

⁹⁹ Там же, л.24 – 25.

¹⁰⁰ Там же, л.24.

¹⁰¹ Там же, л.30 – 31

¹⁰² Там же, ф. Референтура по Монголии, оп 22, пап.173, д.3, л.18

¹⁰³ Там же, л.19.

¹⁰⁴ Там же, оп 24, пап 177, д 3, л.9.

¹⁰⁵ Там же, ф. Секретариат Молотова, оп.22, инд 173, пап.18, д.3, л 20.

¹⁰⁶ Там же, л.19

¹⁰⁷ Регулярная монгольская армия в 1942 г. составляла 36 тыс. человек с учетом народного ополчения – 74 тыс. Составляя 5% от всего числа населения МНР, она вместе с тем забирала 60% всего бюджета Несомненно, что вооруженные силы МНР отвлекали на себя часть Квантунской армии Японии – МАХН XI их хурал – Улаанбаатар, 1948. X.14.

¹⁰⁸ Причины вхождения Тувы в состав СССР в 1944 г. носят комплексный характер и связаны не только с ситуацией в монголо-тувинских отношениях в 20 – 40-е годы Урянхайский край всегда исторически тяготел к России В 1914 г. он вошел под ее официальный протекторат В 20-е годы, когда международно-политическая ситуация с Внешней Монголией была неясной и существовала опасность, что она станет частью Китая, самостоятельная Тува была бы выгодным для Советской России “буфером” между ней и Китаем В 30 – 40-е годы, когда международная обстановка вокруг МНР кардинально изменилась и исчезла опасность ее присоединения к

Китаю, а также возросла роль Советского Союза, контролировавшего ситуацию. Тува во многом потеряла для него свое значение. Роль "буфера" прочно перешла к МНР. К тому же экономически Тувинский край был более интегрирован в структуру народного хозяйства Алтая и Юго-Восточной Сибири, чем Монголия, сохранявшая свою хозяйственную самобытность. Пограничные раздоры МНР и Тувы в условиях военного времени ускорили решение Москвы о вхождении Тувы в состав СССР.

¹⁰⁹См. подробнее: История Тувы. – М., 1965. Т.2.

¹¹⁰АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.27, инд 4, инв 1019, пап.193, д.031, л 27

¹¹¹Там же, л.32.

¹¹²Доржготов Д. Вклад монгольского народа в победу во Второй мировой войне // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. – М., 1996. С. 85.

¹¹³Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны в 1941 – 1945 гг. – М., 1976. Т.2. С. 12, 21

¹¹⁴Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. The Conferences in Cairo and Teheran. 1943. – Wash., 1961. P. 325 – 326, 367.

¹¹⁵СССР на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании: 4 – 11 февраля 1945 г. Сборник документов – М., 1984. Т. IV. С. 130.

¹¹⁶FRUS Diplomatic Papers Conf. of Berlin. – Wash., 1960. Vol. II. P. 1587, Truman H. The Year of Decision – Wash., N.Y., 1955. P. 317.

¹¹⁷СССР на международных конференциях. – С. 254 – 255

¹¹⁸Цит. по: Лхагва Т. Что же думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. № 3. С. 85.

¹¹⁹АВП РФ, ф. Секретариат Молотова, оп.7, пор 560, пап.38, д. 110, л. 7

¹²⁰Там же, л. 8

¹²¹Там же, л. 10

¹²²Там же, л. 7.

¹²³Цит. по: Капица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). – М., 1965. С. 145

¹²⁴Там же.

¹²⁵АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.27, инд 2, инв.1017, пап 193, д. 003, л. 15 – 16

¹²⁶Там же

¹²⁷Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае – М., 1953. С. 63 – 64.

¹²⁸АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.27, инд.4, инв.1019, пап.193, д.031, л.37.

¹²⁹Цит.по: Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики – М., 1980. С.42.

¹³⁰Дэван в конце войны выехал в Чунцин для переговоров о предоставлении Внутренней Монголии широкой автономии, однако, переговоры не состоялись, а сам Дэван был арестован китайскими властями. - Б. Лхамсурэн. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол. – Улаанбаатар, 1995. - Х.82 – 83.

¹³¹Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. – М., 1980. С.42.

¹³²АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.27, инд.2, инв.1017, пап.193, д.003, л.18.

¹³³Там же, л.18 – 19.

¹³⁴История советско-монгольских отношений – М., 1981. С.143.

¹³⁵АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп.27, инд.2, инв.1017, пап.193, д.003, л.16.

¹³⁶Советско-монгольские отношения. 1921 – 1974 Т.2 Ч.1. С.157

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При изучении внешнеполитической истории Монголии первой половины XX в. задачей первого плана становится определение места и роли малых государств в глобальных и региональных мировых структурах. Исследование монгольского фактора в системе отношений государств Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока позволяет выделить главную внешнеполитическую особенность Монголии: сочетание активного и пассивного начала в монгольском курсе на мировой арене (Монголия как объект политики России, Китая, Японии и, одновременно, Монголия как субъект собственной государственной политики).

Монголия на протяжении всей истории нового и новейшего времени находилась в постоянном противоборстве с внешними силами и обстоятельствами, пыталась полностью проявить себя в качестве субъекта отношений, найти свою внешнеполитическую “нишу”, адекватную национальным интересам и потребностям страны. Как справедливо заметил монгольский историк Ц Батбаяр. в 1911 г Монголия не смогла до конца реализовать предоставленный ей историей шанс, “а сможет ли она, – спрашивает он, – реализовать его в полном объеме в 90-е годы?”¹. Подобная постановка вопроса не утрачивает своей актуальности и в наше время, ибо и сегодня можно говорить о существовании проблемы “переходности” системы “Россия – Монголия – Китай”, проблемы, единой для различных периодов истории (как для первой трети, так и для конца XX в.) Общим для двух этих исторических эпох является процесс распада старой и формирования качественно новой социально-государственной модели Монголии

Внешняя политика Монголии в течение 1911 – 1946 гг претерпела весьма существенные изменения, поскольку за 35-летний отрезок времени произошло не только правовое оформление Монголии как

независимого государства, но и формирование вокруг нее качественно иной системы международных отношений, определившей к концу Второй мировой войны новый порядок и режим в Восточной Азии и на Дальнем Востоке. Эволюция эта явилась как результатом собственной монгольской инициативы, начало которой было положено в 1911 г. отделением страны от цинского Китая и провозглашением независимости, так и действия ряда внешних факторов, имевших для Монголии кардинально важное значение (имеются в виду распад Цинской (1911 г.) и Российской (1917 г.) империй, деятельность Коминтерна и Китайская революция 1925 – 1927 гг., агрессия Японии в Маньчжурии в 30-е годы, Вторая мировая война, а также активность советской дипломатии в Ялте). Фактически “треугольник” Россия – Внешняя Монголия – Китай, оформившийся к 1915 г., за 30 лет превратился в жесткую “ось” СССР – МНР, которой противостояли Китай и Япония (Маньчжоу-Го с 1932 г.). В систему СССР – МНР были вовлечены и этнорегиональные структуры Тувы и Бурятии, занимавшие в первой четверти XX в. относительно самостоятельные позиции в отношениях с Монголией.

Процесс этой эволюции занял несколько исторических этапов. Период 1911 – 1919 гг. для Внешней Монголии проходил под знаком борьбы за независимость, которая оказалась ограниченной Кяхтинской тройственной системой. Начало созданию последней было положено русско-монгольским соглашением 1912 г., явившимся первым международно-правовым актом провозглашенного в 1911 г. теократического правительства Богдо-гэгэна. Автор полагает, что Россия, поддерживавшая Внешнюю Монголию в 1911-1912 гг. и заставившая Китай перейти от средств военной конфронтации к мирному решению монгольского вопроса, выступила гарантом монгольской государственности как таковой, хотя последняя и оказалась ограниченной подписанное 25 мая 1915 г. тройственное Кяхтинское соглашение, официально свело статус Внешней Монголии до положения автономии в составе Китая, что признавалось всеми тремя сторонами. Особенностью монгольской автономии 1915 г. стало наличие широких прав Внешней Монголии в делах внутренней и внешней политики.

Для монгольского правительства Кяхтинское соглашение, по мнению автора, имело позитивное значение. Внешняя Монголия в 1911 – 1915 гг. заставила считаться с собой как с реальным субъектом международных отношений. Монгольские князья, пережив этап провозглашения независимости, получив опыт ведения переговоров на высшем уровне с русскими и китайскими эмиссарами, ощутили всю слож-

ность задачи достижения полной независимости и практической реализации панмонгольской программы объединения Внешней и Внутренней Монголии. Для Китая Кяхта и ее результаты также имели существенное значение. Пекин, с его традиционными установками на безусловную подчиненность периферии центру, не хотел мириться с потерей Внешней Монголии и рассматривал монгольскую автономию как временное отклонение от естественного хода событий.

Международное значение Кяхтинского соглашения 1915 г. было связано с укреплением новой региональной структуры Россия – Внешняя Монголия – Китай, возникшей в 1911 г., в которой Монголия являлась важным субъектом отношений. Помимо этого, соглашение дало возможность Кяхтинскому “треугольнику” вписаться в общую систему международных отношений на Дальнем Востоке и Центральной Азии, не нарушая русско-английского разграничения по Среднему Востоку и Тибету и русско-японских договоренностей по Маньчжурии, Внешней и Внутренней Монголии. Кяхтинская структура обеспечила как стабильность взаимоотношений в регионе, зиждившихся на балансе сил России и Китая, так и реально возможный уровень самостоятельности Монголии.

“Демонтаж” Кяхтинской системы 1917 – 1919 гг. происходил на фоне усиления в этом регионе позиций Японии, а также советизации и начала гражданской войны в России и деятельности различных военных режимов – правительств адмирала Колчака, Семенова, Унгерна и т.д. Китай, упразднив в ноябре 1919 г. независимость Внешней Монголии и восстановив положение, существовавшее до 1911 г., по мнению автора, одержал относительную победу, ибо вместо лояльной и предсказуемой царской России он получил целый “набор” противников – от агрессивной Японии до белогвардейских и панмонгольских правительств в Омске, Чите и Даурии, – каждый из которых мог захватить Монголию и вновь вытеснить оттуда Китай. Неясна для Пекина была и политика Советской России, которая, несмотря на широкие декларации о новых принципах и подходах, преследовала в Монголии свои революционные цели.

Международная деятельность Монголии в период разрушения Кяхтинской системы сочетала в себе попытки проведения активной этнорегиональной политики в Туве, Бурятии и Внутренней Монголии с тактическим маневрированием во взаимоотношениях с Китаем, Россией, омским правительством, Японией и режимом Семенова. После “ухода” в 1917 г. России, Монголия лишилась гарантии сохранения своей автономии и превратилась в прямой объект агрессии различных сил – от отдельных государств (Китай, Япония) до уездных атаманов (Семенов, Унгерн).

Следующий этап приходится на подготовку и проведение в Монголии национально-демократической революции 1921 г и на начало советско-монгольских отношений. Здесь один из выводов таков: внешняя политика нового революционного руководства (Д. Бодо, С. Данзана, Д. Сухэ-Батора) базировалась на уже испытанных идеях и ценностях и имела своей целью сохранение русской/советской ориентации, борьбу за независимость в противостоянии Китаю. Панмонгольские же устремления, сдерживаемые Коминтерном, проявлялись в попытках присоединить Урянхайский край (Туву) и активизировать национальную революцию во Внутренней Монголии под руководством МНРП. Новым моментом монгольской политики, отличным от взглядов теократической дипломатии и отразившим влияние Коминтерна и общие настроения той эпохи, явилось согласие монгольских революционеров на возможное вхождение Внешней Монголии в состав Китайской революционной федерации на правах автономии.

В международном плане Монгольская революция 1921 г. была прямым продолжением освободительного движения 1911 – 1912 гг. против Китая; она воплощала стремление монголов добиться суверенитета и независимости на основе панмонгольской концепции объединения монголоязычных племен. Также революция явилась отражением влияния Советской России, видевшей в Монголии значимый объект революционной политики и выгодный стратегический “коридор” в Китай. Характерно, что монгольские революционеры в 1921 г., так же как и князья в 1911 г., испытывали определенную эйфорию по поводу быстрого создания при помощи России единой и независимой Монголии. Однако, как и в теократический период, монголы столкнулись с прагматизмом российского руководства, не позволившего реализовать им свою программу во всем объеме. Отличие советских подходов по монгольскому вопросу от царской дипломатии заключалось в том, что первые в начале 20-х годов исходили из приоритетов классовых, революционных ценностей мировой революции, а вторые – из задач сохранения и поддержания “статус-кво” между Россией, Китаем и Японией на Дальнем Востоке в 1911 – 1917 гг. В обоих случаях реализация монгольских устремлений – достижение полной независимости и объединение Монголии – была невозможна.

Период перехода Монголии от теократии к республике 1921 – 1924 гг. был ознаменован двумя важными внешнеполитическими событиями – оформлением межгосударственных отношений с Советской Россией соглашением 5 ноября 1921 г с последующим сближением в политической, экономической и идеологической сферах и на-

чалом реализации собственного курса в сопредельных Туве, Бурятии, Внутренней Монголии и Барге. В этот период политика таких национальных лидеров, как Д. Бодо, С. Данзан, Б. Цэрэндорж, А. Амор основывалась на принципах соблюдения традиционных монгольских интересов при достижении разумных компромиссов с Советской Россией/Коминтерном и Китаем.

В то же время наблюдается эволюция политики Советской России по монгольской проблеме, преследовавшей в отношении с Китаем, помимо революционных задач, и цели дипломатического характера. Советская дипломатия за короткий отрезок времени прошла путь от попыток (в 1920 – 1923 гг.) возродить в обновленном виде тройственную систему с монгольской автономией до вынужденного признания (по советско-китайскому соглашению 31 мая 1924 г.) полного юридического суверенитета Китая над Внешней Монголией. Эта эволюция оказалась именно такой ввиду нежелания официального Китая идти на советский вариант международно-правового оформления Монголии, а также расчета советского руководства на победу китайской революции и дальнейший пересмотр данного соглашения. Что касается Монголии, то она не признала действия советско-китайского соглашения, заявив, что оно касается только России и Китая.

Внешняя политика МНР в ходе китайской революции 1925 – 1927 гг. характеризовалась попытками объединения монгольских племен и близких им народов (Бурятии, Тувы) в революционную конфедерацию. В 1925 – 1927 гг. в Москве и Улан-Баторе реально рассматривали три варианта: 1) создание единой Монголии с перспективой вхождения в СССР; 2) объединение Монголии в составе Китайской федерации, 3) сохранение “двух Монголий” – МНР под влиянием Коминтерна и Внутренней Монголии в составе Китая под контролем Гоминьдана и КПК. Ход китайских событий к 1927 г. объективно поставил советское и монгольское руководство перед необходимостью кардинального изменения стратегии СССР относительно Монголии – перехода от революционно-классовых, интернациональных приоритетов к сугубо национальным, государственным задачам, согласно которым МНР из “коридора” в Китай становилась “буфером” для СССР на Дальнем Востоке, особенно в связи с усилением в конце 20-х годов Японии и ее агрессивных замыслов относительно Китая и Монголии. Теория и практика панмонголизма, невольно возрожденные «революционной» дипломатией 20-х годов, отходят на второй план, уступая место политике изоляции МНР от Внутренней Монголии.

На рубеже 20 – 30-х годов внешнеполитическая активность МНР, проявлявшаяся ранее в основном относительно “треугольника” Рос-

сия – Монголия – Китай, перемещается в сферу двусторонних отношений с СССР, носивших многоплановый и противоречивый характер. С одной стороны, шел процесс дальнейшего экономического и политического сближения, подъем экономики и культуры МНР (соглашение 1929 г “Об основных принципах взаимоотношений СССР и МНР” и др.), а с другой – имели место усиление идеологического давления Коминтерна на МНР, превращение Монголии в один из полигонов по реализации теории возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм. Причем, под “социализмом” однозначно подразумевалась сталинская модель, сложившаяся в тот период в Советском Союзе. Все попытки национально-демократического руководства Ц Дамбадоржа и Н. Жадамбы сохранить приемлемую дистанцию от Коминтерна закончились провалом и отстранением их на VII съезде МНРП (1928 г.) от управления страной. Процесс взаимной политической адаптации, более болезненный для Монголии, был обусловлен общим политическим и международным развитием МНР и СССР, оказавшихся в одном лагере во враждебном для них окружении, в котором МНР являлась тогда единственным идеологическим союзником Советского Союза на межгосударственном уровне.

Существенное влияние на международное положение МНР в конце 20-х -- начале 30-х годов оказывала Япония, которая в 1931 г. начала открытую агрессию в Северо-Восточном Китае. Создание Японией в 1932 г. пограничного с МНР марионеточного государства Маньчжоу-Го стимулировало сближение МНР и СССР. Японский фактор в регионе в этот период превышает по значимости китайский фактор, делая его второстепенным и в глазах Монголии.

Большое значение во внешней политике МНР имело тувинское направление. 16 августа 1924 г. в Улан-Баторе было подписано монголо-тувинское соглашение об установлении отношений и признании монгольским правительством Танну-Тувинской Народной Республики. Межпартийное соглашение II. Гэндэна и Пулжина (МНРП – ТНРП 1929 г.) и пограничное 1932 г. закрепили ситуацию. Однако монголо-тувинские отношения оставались напряженными, ибо монгольское руководство, формально смирившись с независимостью ТНР, считало ЦК ТНРП подчиненным Монгольской народно-революционной партии, предъявляя Москве и Кызылу постоянные территориально-пограничные претензии.

Заключительный период формирования “оси” Москва – Улан-Батор приходится на середину 30-х годов, ознаменовавшуюся заключением джентльменского соглашения 27 ноября 1934 г. и подпи-

санием Протокола о взаимопомощи 14 марта 1936 г. Представляется, что создание советско-монгольского военно-политического союза носило закономерный характер, так как оно базировалось не только на внутренней идеологической близости руководящих партий, ЦК ВКП(б) и ЦК МНРП, но и, прежде всего, на общности внешних государственных интересов двух стран в той сложной международной обстановке. Монголия в 30-е годы, также как и в 1921 г., не имела альтернативы. Иные варианты – союз с Маньжоу-Го (Японией) или с автономным государством Внутренней Монголии Дэвана предполагали разрушение советско-монгольского блока и, вследствие этого, утрату гарантий для МНР. Поэтому Монголия идет на подписание данных документов именно в целях сохранения своей государственности и укрепления национальной безопасности.

Картину международной жизни того времени дополнили монголо-маньчжурские связи, отразившие как проблемы двусторонних отношений МНР и Маньжоу-Го погранично-территориального характера, так и стратегические противоречия стоявших за ними СССР и Японии. Последние, однако, не вылились в 1932 – 1936 гг. в советско-японскую войну, так как Япония готовилась к массированному вторжению в Центральный Китай (которое она и начала в 1937 г.) и не планировала в тот период широкомасштабной агрессии на северо-западном направлении против СССР и МНР.

Накануне Второй мировой войны СССР и МНР завершают создание единой системы национальной безопасности в военно-техническом и дипломатических отношениях. Слабая и отсталая Монголия не соответствовала советским стратегическим интересам. И, наоборот, модернизированная МНР, с современной армией и жизнеспособной экономикой, стала бы надежным звеном в дальневосточной оборонительной структуре. Классический “треугольник” СССР – МНР – Китай в этот период превратился в новую региональную структуру: СССР – МНР – Маньжоу-Го (Япония) – Китай, которая отличалась большей внутренней антагонистичностью и конфликтностью. Монголо-маньчжурские отношения, развивавшиеся больше в виде пограничных конфликтов и безуспешных переговоров на Маньчжурской конференции в 1935 – 1936 и 1937 гг., закономерно приобрели форму более масштабных военных действий между “старшими” союзниками – СССР и Японией.

Война на Халхин-Голе (середина мая – сентябрь 1939 г.) явилась прямым результатом неразрешенных противоречий данной региональной системы, а также стремления Японии, с одной стороны, создать новый стратегический плацдарм в МНР, сменив направле-

ние агрессии, а с другой – быстро закончить китайскую войну, перекрыв советскую помощь Китаю после желаемого поражения Советского Союза на Халхин-Голе. Разгром Японии и Маньчжоу-Го подтвердил действенность созданной советско-монгольской системы безопасности и окончательно перевел японскую экспансию на южное (китайское) направление. Одновременно Халхин-Гол и заключение в августе 1939 г. советско-германского договора о ненападении вынудили Японию искать пути нормализации советско-японских отношений и пойти на подписание 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете.

Победа СССР во Второй мировой войне позволила завершить процесс международно-правового оформления МНР. Пройдя длительный и не всегда удачный для Монголии путь – вариант автономного оформления 1911 – 1915 гг., формальный перевод в состояние “китайской провинции” по советско-китайскому соглашению 1924 г., – монгольское и советское правительство в годы войны реально подошли к оптимальному решению данного вопроса. Последовательное урегулирование монгольского вопроса Ялтинскими договоренностями союзников (4 – 11 февраля 1945 г.), советско-китайским договором и нотами от 14 августа 1945 г., итогами проведенного в МНР плебисцита и официальным признанием правительством Чан Кайши итогов плебисцита и независимости МНР 5 января 1946 г. привело к ликвидации противоречия “де-факто – де-юре” в международном положении Монголии и явилось результатом кардинального изменения роли СССР на Дальнем Востоке и в мире в целом. Монгольский вопрос, существовавший в международно-правовом отношении с 1911 г., был решен. Одновременно Ялтинские документы окончательно закрепили границы МНР, перечеркнув надежды Х. Чойбалсана и других монгольских руководителей на присоединение Внутренней Монголии к МНР. Закрепление “оси” Москва – Улан-Батор советско-монгольским Договором 1946 г способствовало дальнейшему выходу МНР на международную арену и ее вступлению в 1961 г. в ООН.

В настоящее время важную проблему для Монголии и России представляет сама реальная ситуация в “треугольнике”, сложившаяся под влиянием тенденций последних девяти лет, проявившихся после монгольской демократической революции. Теоретические основы, главные цели и принципы внешней политики Монголии определены в “Концепции внешней политики”², принятой в 1994 г. Основная задача Монголии, согласно этому документу, состоит в том, чтобы найти наиболее оптимальное сочетание национальных интересов Монголии с общей тенденцией мирового развития. Необходимость

поддержания дружественных отношений с двумя соседними государствами - Россией и Китаем – продиктована объективными условиями и историческими традициями. Эти отношения являются приоритетным направлением внешней политики современной Монголии. При этом монгольское демократическое руководство считает важным придерживаться принципа равноправия и взаимовыгодности.

После периода стагнации (1990 – 1992), российско-монгольские отношения постепенно выходят на новый уровень, в большей мере отражающий геополитические реалии положения обоих государств. В январе 1993 г. президент Монголии П. Очирбат посетил Россию и подписал с российской стороной Договор о дружбе и сотрудничестве взамен союзнического Договора 1966 г. Новый документ зафиксировал статус Монголии как безъядерной зоны, содержит обязательства сторон не вступать в военно-политические блоки, направленные против интересов друг друга, а также не заключать соглашения, противоречащие национальным интересам России и Монголии³. Договор открыл широкие возможности для активизации отношений, особенно на уровне регионального сотрудничества соседних с Монголией областей и республик. С 1992 по 1999 г. было подписано более 80 соглашений и подготовлено 32 проекта по приграничным и региональным связям. В 1998 – 1999 гг. состоялись официальные визиты в Монголию губернаторов Б. Говорина, А. Тулеева, президента Бурятии В. Потапова и др. Однако большая часть этих проектов остается пока на бумаге, ибо ни в российском центре, ни на местах пока нет средств для хозяйственной интеграции с Монголией. Вместе с тем именно региональные связи в ближайшей и отдаленной перспективе смогут реально заполнить образовавшийся вакуум в российско-монгольских отношениях.

В 1997 г. на долю России приходилась треть монгольского внешнеторгового оборота. На страновом уровне Россия остается главным коммерческим партнером Монголии. Особенностью российского экспорта является его региональная направленность: 80% российской продукции импортируется Монголией из сопредельных с ней регионов. В монгольском экспорте Россия занимает 3-е место (после Швейцарии и Китая). В июне 1997 г. в Улан-Удэ состоялось первое заседание по региональному сотрудничеству. Одной из причин неэффективности торговли там были названы высокие таможенные пошлины и тарифы, установленные российской стороной.

Какие “болевые точки” существуют сегодня в российско-монгольских отношениях? В большинстве своем они лежат в сфере экономического взаимодействия.

Во-первых, это проблема “Эрдэнэ” Российско-монгольское АО «Эрдэнэт» сегодня – это стражесть монгольской экономики (предприятие дает 60% валютных поступлений бюджета). Принятые в 1994 г. решения о приватизации российской доли (49% акций) и монгольской доли (51% акций) усложнили ситуацию. С 1995 г. налицо финансовый кризис предприятия. Руководство предприятия заявляет о необходимости поиска «долгосрочных кредиторов»⁴. Ряд монгольских экспертов полагает, что кризис во многом создан искусственно, поскольку идет целенаправленное «обанкрочивание» предприятия с целью перекупки его за бесценок⁵. Многие в Монголии усматривают здесь политику китайских, японских и американских корпораций, действующих через посредников⁶. В перспективе наиболее вероятным представляется сокращение российской доли акций в АО “Эрдэнэт”, появление японских, китайских и южнокорейских акционеров на фоне углубления общего процесса передела собственности в Монголии и укрепления позиций иностранного капитала.

Вторая “болевая точка” в названной группе отношений – это проблема монгольского долга. Общая монгольская задолженность России по ранее предоставленным советским кредитам составляет около 10 млрд. переводных рублей. Переговоры по этой проблеме ведутся с 1988 г., однако реально так называемый «большой долг» на ближайшую перспективу остается практически невозвратным. Кроме него существует текущая задолженность Монголии (13,5 млн. ам. долл.), которая с апреля 1999 г. погашается частично монгольскими товарами (на 5 млн. долл.) и частично – покупкой долговых обязательств (на 8,5 млн. долл.) России на Лондонской фондовой бирже.

Третьей “болевой точкой” является Ковыктинский проект. Ковыктинское месторождение природного газа было открыто на севере Иркутской области в 1987 г. В ходе визита премьер-министра КНР Чжу Жунцзи в феврале 1999 г. в Москву было подписано соглашение о строительстве газопровода в Китай⁷. Для Монголии в случае прохождения газопровода через ее территорию данный проект может иметь большое значение в плане оживления ее экономики и извлечения дополнительных поступлений в бюджет. В настоящее время идет лоббирование того или иного проекта маршрута газопровода как в России, так и в Китае. Заметную активность развернула компания «Сахнефтьгаз», отстаивающая маршрут через Якутию в Китай, минуя Монголию. Китай также заявляет, что прохождение газопровода через пустынную Монголию нерентабельно, предлагая маньчжурский вариант. Так или иначе, но проект для Монголии имеет пока только теоретическое значение.

Отдельной сложной проблемой, оказывающей влияние не только на российско-монгольские связи, но и отчасти на отношения между Россией, Китаем и Индией, являются контакты между российскими, монгольскими и тибетскими ламаистами. Российская сангха насчитывает сегодня около 1 млн человек. Основные буддийские учителя, проповедующие в Бурятии, Калмыкии, Москве и Санкт-Петербурге, — это выходцы из Тибета, живущие в настоящее время в Дхармасале (резиденция Далай-ламы XIV в Индии), где проходят обучение священнослужители из буддийских республик России. Вот уже семь лет в России ждут Далай-ламу, визит которого планировался на сентябрь 1998 г., но был отложен, несмотря на готовность руководителей четырех буддийских регионов понести все сопряженные расходы, по причине экономического кризиса в России, начатого событиями августа 1998 г. В перспективе, рассматривая проблему реинкарнации нынешнего 60-летнего тибетского иерарха, можно предположить принятие Далай-ламой решения о завершении процесса перерождения и ликвидации самого института далай-лам либо появления нового перерожденца на китайской территории. Последний вариант, при учете опыта избрания Панчен-Эртни XI в 1991 – 1995 гг., представляется более вероятным. В этих условиях российская община, помимо контактов с Монголией, объективно заинтересована в дальнейшем углублении гуманитарных и духовных связей с Китаем (Тибетом и Внутренней Монголией), тем более, что там проживает 10 млн. единоверцев и там же находятся основные тибетские святыни и места паломничества. Однако политический конфликт Далай-ламы и ЦК КПК в какой-то степени усложняет эти отношения, вносит раскол внутри самих буддийских общин в России, Монголии и Китае. Ввиду сложности и специфичности данного вопроса при его рассмотрении требуется особая деликатность, тем более, что благоприятное его разрешение будет способствовать не только углублению гуманитарных контактов России, Монголии и Китая, но и созданию дополнительных, позитивных факторов для развития российско-китайского стратегического партнерства.

Довольно быстро набирают обороты монголо-китайские партийные и межгосударственные связи. В 1993 г. в Улан-Баторе был подписан монголо-китайский договор о дружбе и сотрудничестве, после чего Пекин смягчил свою позицию по ряду вопросов: был снят запрет на посещение Монголии этническими монголами из Автономного района Внутренней Монголии, продемонстрировано лояльное отношение на визит Далай-ламы в Улан-Батор, дано разрешение на использование Монголией тяньцзинского морского порта и авиакоридора

через Маньчжурию. Кроме того, был утвержден перспективный проект совместной разработки месторождения коксующихся углей Таван Толгой.

27 – 30 марта 1996 г. состоялся визит премьер-министра П. Жасрая в Китай. В ходе переговоров с председателем ПК ВСНП КНР Ли Пэном и другими китайскими руководителями монгольский премьер подчеркнул, что «в монголо-китайских отношениях нет разногласий принципиального свойства»⁸. В 1997 – 1998 гг. между странами состоялся обмен делегациями различных ведомств и направлений, а в декабре 1998 г. с 6-дневным официальным визитом в КНР прибыл президент Монголии Н. Багабанди, встречавшийся с первыми лицами Китая – Цзян Цзэмином, Чжу Жунцзи и др. Президент сделал важное заявление о том, что Монголия признает единый Китай и считает Тайвань частью китайской территории. В ходе визита было подписано пять документов, в том числе соглашение об экономическом и технологическом сотрудничестве, а также контракт о совместной добыче и очистке нефти в юго-восточной части Монголии стоимостью в 39,7 млн. долл. Первую нефть из месторождения Джуун-баян предполагается получить в начале 2000 г.

В июле 1999 г. состоялся государственный визит в Монголию председателя КНР Цзян Цзэминя, который имел переговоры с президентом Монголии Н. Багабанди и встретился с другими руководителями страны. Председатель КНР подчеркнул, что «Монголия является важным соседом Китая. Наша позиция относительно придания важности вопросам развития дружественных отношений и сотрудничества с ней остается последовательной и неизменной. Мы знаем, что и Монголия придает важное значение отношениям с КНР и не раз заявляла о том, что отдает приоритет в своей внешней политике Китаю и России. Китайская сторона оценивает это позитивно. Такая позиция Монголии, на наш взгляд, разумна и отвечает ее национальным перспективным интересам»⁹. Итогом визита стало подписание ряда документов по двустороннему сотрудничеству, в частности, в области здравоохранения и технико-экономического взаимодействия. Стороны пришли также к согласию по вопросу об использовании 30 млн. ю., которые Китай предоставит Монголии в качестве безвозмездной помощи: эти средства будут направлены на строительство в Монголии жилых домов силами китайских рабочих и специалистов.

В августе 1999 г. состоялся визит в Монголию главы Управления погранслужбы КНР генерал-майора Чжу Зяохуа, в ходе которого

он и его монгольский коллега генерал-майор Д. Базарсад подписали протокол о сотрудничестве между погранслужбами двух стран. Китайский генерал особо отметил, что «сегодня на границе двух стран, как никогда, спокойно»¹⁰. Тем не менее начальник погранвойск Монголии констатировал, что в последнее время на границе замечены новые виды нарушений. практически исчезли незаконная торговля автомобилями и сбор наркотических растений, но все чаще фиксируются нарушения, связанные с нелегальным проникновением в Монголию дешевой рабочей силы со стороны КНР, торговлей людьми, подделкой документов. С монгольской же стороны имеются случаи незаконного перехода китайской границы с целью скотокрадства. Сторонами достигнута договоренность о серьезном взаимодействии в плане пресечения подобных нарушений¹¹.

Особую роль в Пекине отводят развитию торгово-экономических отношений с Монголией. «Китай придает большое значение развитию торгово-экономических связей с Монголией», – заявил премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи в ходе переговоров со своим монгольским коллегой Р. Амаржаргалом в ноябре 1999 г. во время визита последнего в Китай. Р. Амаржаргал подчеркнул, что его правительство удовлетворено успешным развитием двустороннего сотрудничества с Китаем. Монгольский премьер призвал китайские компании увеличивать инвестиции в экономику его страны. После завершения переговоров было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китаем и Монголией. В настоящее время объем инвестиций КНР в Монголии составляет более 64 млн долл. Действуют 430 совместных предприятий в области сельского хозяйства, переработки животноводческой продукции, в строительстве и сфере услуг¹². Китай – один из главных торговых партнеров Монголии. Китайские фирмы скупают практически все монгольское сырье, являясь негласными монополистами монгольского экспорта¹³.

Монголия, являясь одним из инициаторов и участников Туманганского проекта¹⁴, рассчитывает решить с его помощью ряд своих экономических и политических задач, в том числе активизировать субрегиональное сотрудничество в Северо-Восточной Азии, получить новый, самый короткий по сравнению с ныне действующим (через порты Находка и Тяньцзинь) выход к морю. Одним из приоритетных считается проект строительства железной дороги из Восточной Монголии (г. Чойбалсан) до китайской ст. Рашанты протяженностью более 400 км. В 1997 – 1998 гг. монгольское правительство не вносило членские взносы в фонд консорциума, однако в планах правительства на 1999 – 2001 гг. поставлена задача возобновления активного учас-

тия Монголии в данном проекте за счет помощи стран-доноров, а также китайских корпораций

Итак, каковы **прогнозы** развития отношений внутри "треугольника" Монголия – Россия – Китай на ближайшую перспективу?

1. Учитывая сложившиеся в «треугольнике» реалии, можно предположить дальнейшее смещение экономических и отчасти политических интересов Монголии сторону Китая. В перспективе экономическая интеграция Монголии с Китаем и другими странами Северо-Восточной Азии будет расширяться. Эффективность попыток российского центра перевести отношения с Монголией на региональный, сибирский уровень и сделать их неким противовесом "югу" будет зависеть от самой российской стороны, от ее умения и желания ликвидировать существующий хозяйственно-экономический разрыв между Сибирью и центром. Реальная экономическая интеграции России и Монголии станет возможной только на основе создания эффективной модели федерализма, ликвидации экономического и политического вакуума, возникшего во взаимоотношениях сибирских субъектов и федерального центра¹⁵

2 В перспективе долговременные геополитические интересы в Монголии как России, так и Китая сохранятся, причем независимо от дальнейшей идеологической ориентации Москвы и Пекина. Сохранится и скрытое противоборство России и Китая в Монголии (экономическое, политическое и, возможно, идеологическое), которое может иметь несколько сценариев развития. С определенной вероятностью можно прогнозировать дальнейшее усиление китайских позиций в Монголии. Данное предположение базируется на признании большей привлекательности для Монголии результатов китайских, нежели российских, реформ (хотя первоначальный импульс на преобразования и демократизацию пришел в Монголию из России), а также факта политической стабильности в КНР и возрастания ее роли в Восточной Азии и мире

3 Возможен и другой, более благоприятный для России вариант развития событий, связанный с сохранением баланса сил в структуре Россия – Монголия – Китай. Вероятно, что стремление Китая укрепиться в Монголии будет объективно сдерживаться не только близким соседством России, но и субъективно монгольской стороной с ее традиционными установками на опасность близкого соприкосновения с граничащим с юга государством. Любое монгольское правительство, независимо от его идеологической окраски, не пойдет на безусловную ориентацию на Китай

Поддержание стабильности в регионе прямо отвечает государственным интересам Монголии, заключающимся в сохранении геополитического равновесия и равноудаленности от двух великих соседей. Общность же российских и китайских интересов связана с желанием сохранить территориальную целостность и неизменность границ, складывавшихся в течение столетий и закреплённых комплексом Ялтинских (1945 г.) и последующих советско-китайских и советско-монгольских договоров и соглашений. И Россия, и Китай продолжают исходить из неизменности принципов и положений Ялтинской международно-правовой системы. Кроме того, ни КНР, ни Россия не заинтересованы в “реанимации” доктрины панмонголизма и распространении ее во Внутренней Монголии, Бурятии и Туве соответственно.

4. Возможен и менее благоприятный сценарий – нарушение баланса сил в “треугольнике” и активизация панмонголистов в Китае (Внутренней Монголии), Монголии и России (Бурятии). Подобный вариант может быть вызван нарушением стабильности на окраинах КНР в сочетании с углубляющимся российским кризисом, которые автоматически обостряют национальные проблемы. Объективно проблема панмонголизма сегодня существует, и игнорировать ее было бы недальновидно. В настоящее время в мире насчитано около 10 млн. монголов. Всех их – коренных, “российских”, “китайских” и др. – объединяет общность языка, культуры, религии, исторических традиций, а самое главное – общемонгольская идея возрождения единого государства. При этом, по мнению современных идеологов панмонголизма, это должно быть нейтральное, независимое, федеративное государство под международной защитой США, Японии, Англии, Франции и Индии, созданное в результате “возможного процесса дезинтеграции, борьбы угнетенных и обиженных народов за самоопределение в различных регионах мира, в том числе в соседних с Монголией странах (России и Китае. – СЛ)”¹⁶. На сегодняшний день в России, Монголии и в Китае есть многочисленные группы политиков и ученых, представителей других социальных групп, готовых идеологически и организационно поддержать данный процесс.

Даже в случаях проявления в системе отношений “Россия – Монголия – Китай” панмонгольского фактора исторический опыт этих стран в целом свидетельствует о возможности успешного разрешения ими общих проблем и организации системы эффективной национальной безопасности при равном участии и малых (Монголия), и больших (Россия, Китай) государств в таких сложных мировых про-

цессах, как разоружение, ядерная политика, экономическое сотрудничество во имя соразвития

Монгольский фактор не является и не будет являться препятствием на пути становления и углубления российско-китайского стратегического партнерства, а “треугольник” Россия – Монголия – Китай и с экономических, и с геополитических позиций “обречен” на мирное существование, будучи частью формирующегося многополюсного мира и носителем стабильности в Северо-Восточной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Batbayar T. Mongolia in 1993. A Fragile Democracy // Asian Survey. – 1994. Vol. XXXIV. No. 1., January. P. 45.

² The Mongolian Journal of International Affairs. – Ulaanbaatar, 1995. – No. 2. P. 72 – 78.

³ The Mongolian Journal of International Affairs. – Ulaanbaatar, 1995 – No. 2. P. 49

⁴ Новости Монголии. – 1999. 29 мая (№21).

⁵ Сегодняшняя рыночная стоимость “Эрдэнэ” оценивается специалистами примерно в 70 – 75 млн долл., реальная же его стоимость составляет не менее 900 - 950 млн долл

⁶ Эта проблема касается не только “Эрдэнэ”. В июле 1998 г были арестованы три депутата монгольского парламента Д Энхбаатар, С. Батчулун и Д. Батулга в связи с получением крупных взяток от руководства китайско-португальской фирмы «Мон Макао», легко выигравшей накануне тендер на открытие казино в Улан-Баторе. Многие монгольские политики также косвенно связывают убийство одного из лидеров демпартии С. Зорига в октябре 1998 г с неблагоприятной деятельностью этой компании.

⁷ До визита Чжу Жунцзи уже были подписаны памятная записка 1994 г, соглашение от 27 июля 1997 г (см Проблемы Дальнего Востока 1997 № 4 С 97.), Меморандум Черномырдин – Ли Пэн в сентябре 1997 г

⁸ Ардын Эрх. – 1996 – 2 апреля.

⁹ Компас (Комментарии, прогнозы, анализ, события). – 1999. №30 С.35.

¹⁰ ИНФО-ТАСС – 1999 – 13 августа (Улан-Батор)

¹¹ Там же

¹² ИНФО-ТАСС – 1999 – 5 ноября (Пекин)

¹³ Новости Монголии – 1999. 10 апреля (№ 14)

¹⁴ Осуществляется в рамках ПРООН. Участниками проекта являются КНР, КНДР, Южная Корея, Япония, Монголия, Россия, Финляндия. Предполагается создание СЭЗ и строительство крупного морского порта в устье р. Туманная (монг. – Тумэн, кор. – Туманган).

¹⁵ Более подробно о данном сюжете см. Лузянин С.Г. Российский федерализм и возможные сценарии развития/Ассоциация российских вузов. Бюллетень (март-май 1999). – М., 1999. С. 37 – 39.

¹⁶ Гурбадам Ц., Бат-Очир Л. Размышления о национальных меньшинствах монгольского происхождения России и идее панмонголизма // Монгол улсын аюулгүй байдал. Монгол, Оросын судлаачдын уулзвар бодол (Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. Сборник статей). – Улаанбаатар, 1999. С. 404 – 405.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. На русском языке

Неопубликованные источники

1. Архив внешней политики Российской империи Фонды: «Китайский стол»; «Всепопданнейшие доклады»; «Миссия в Пекине»; «301. Генеральное консульство в Харбине»; «324. Канцелярия советника МИД омского правительства на Дальнем Востоке»; «292. Российское консульство в Урге»; «299. Вице-консульство в Хайларе»
2. Архив внешней политики МИД Российской Федерации Фонды. «Референтура по Монголии», «Референтура по Китаю», «Секретариат М.М. Литвинова»; «Секретариат Л.М. Карахана»; «Секретариат Г.В. Чичерина»; «Секретариат В.М. Молотова»; «Посольство в Пекине»; «Консульство в Хайларе»; «Консульство в Харбине»; «Референтура по Туве».
3. Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН: «42. Пекинская миссия», «44. А.М. Позднеев», «62. Ц.Ж. Жамцарано», «66. Б.М. Гурьев», «97. Г.Ф. Смыкалов»
4. Государственный архив Иркутской области Фонды «27. Дипломатическая канцелярия иркутского генерал-губернатора»
5. Государственный архив Российской Федерации. Фонды: «200. Дипломатическая канцелярия омского правительства», «1701», «176»
6. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина Фонды «590: Д.М. Позднеев».
7. Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга Фонды «23. Министерство торговли и промышленности», «560. Общая канцелярия министра финансов», «1276. Совет министров»

- 8 Российский государственный военно-исторический архив Фонды «2000 Главное управление Генерального штаба»; «400 Донесения русских военных агентов за границей»
- 9 Российский государственный военный архив. Фонды. «912. Управление экспедицкорпусом 5-й Армии 1921»; «31113. Управление 17-й Армией. 1935 – 1939 гг.»; «32210»; «32262», «37837» (Халхин-Гол 1939 – 1940 гг.).
10. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Фонды: «495. Восточный секретариат исполкома Коминтерна», «372. Дальневосточное бюро ЦК РКП(б)»; «532 Сиббюро ЦК РКП(б)»; «5 Секретариат В И Ленина»; «17. Управление агитацией и пропагандой ЦК ВКП(б)».

Опубликованные документы

1. Акты мирной политики Советского правительства. 1917 – 1921 гг. //Вестник НКВД. 1921 N 5 – 6. С. 31 – 57.
2. ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.1 1920 – 1925. – М.: АО «Буклет», 1994. 792 с
3. ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т.2 (в 2-х частях). 1926 – 1927. – М., 1996. 780 с.
4. ВКП(б). Коминтерн и Китай. Документы Т.3 (ВКП(б), Коминтерн и Советское движение в Китае) (в 2-х частях), 1927 – 1931. – М., 1999 Ч. 1. 740 с., Ч. 2. 864 с
- 5 Внешняя политика МНР в документах. – Улан-Батор: Госиздат, 1974. 127 с
6. VIII съезд РКП(б). Москва, 18 – 23 марта 1919 г Стенографический отчет. – М., 1919
- 7 Государственная Дума Третий созыв: стенографический отчет 1911 – 1912 – Пб, 1911 – 1912 1561 с
8. Grimm Э Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925 гг) – М Ин-т востоковедения, 1927 218 с
- 9 Документы внешней политики СССР ТТ I – IV – М Госполитиздат, 1957 – 1968
10. Донесения императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам – СПб. Мин. тор и пром., 1912 – 1915. 173 с.
11. Журнал Особого Межведомственного совещания, бывшего в Петербурге под председательством Иркутского генерал-губернатора, егермейстера Л М Князева по русско-монгольским делам – Иркутск: Изд-во «Коковин и К°», 1913 39 с

12. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания, конгрессы Коминтерна и пленумы ИККИ 1919 – 1932. – М.: Парт. изд-во, 1933. – 1007 с
13. Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики. – М., 1952 – 42 с.
14. Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Коминтерн в Монголии и Китае, 1925 г. // Анналы ИВ РАН – М., 1995, вып.2. С. 29 – 36.
15. Лузянин С.Г. Восточные архивы Коминтерна. Малоизвестные страницы советско-китайских отношений // Анналы. – М.: ИВ РАН, 1995. Вып.1. С. 28 – 34.
16. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. 1878 – 1917 Сер. П-Ш. Т. I – XIX. – М. Госиздат, 1939.
17. Министерство иностранных дел. Сборник дипломатических документов по монгольскому вопросу (23 августа 1912 – 2 ноября 1913 гг.). – СПб., 1914. – 82 с.
18. Район Кяхтинской железной дороги в экономическом отношении. – СПб.: Изд-во Соркина 1913.– 17 с.
19. Революционные мероприятия народного правительства Монголии в 1921 – 1924 гг. Документы. – М.: Наука, 1960
20. Российская экспортная палата. Отчет за 1914 г. – СПб.: МТП, 1914.– 112 с.
21. Русско-китайские отношения 1689 – 1916 гг. Официальные документы. – М.: Востлит, 1958.– 37 с.
22. Сибирский купец А.Д. Васенев. Ч.1. Дневники – Барнаул, 1994, Ч.2. Документы и письма. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1994.– 190 с.; 109 с
23. Синьхайская революция 1911-1913. Сборник документов и материалов. – М.: Наука, 1968. 358 с.
24. Советско-монгольские отношения. Документы и материалы 1921 – 1974. Т. I-II – М.: Международные отношения, 1975 – 1979 Т.1. – 590 с.; Т.2.– 529 с
25. Советы И.В. Сталина монгольскому премьеру (Публикация стенограмм бесед И.В. Сталина с премьер-министром МНР П. Генденом в 1934 – 1935 гг. Пер.с мон.) // Азия и Африка сегодня. – 1991 N 6. С. 53 – 56.
26. Соглашение между Россией и Китаем и Автономной Монголией // Известия министерства иностранных дел. 1916 Т. 5 – 6. – СПб., 1916 – 18 с
27. СССР на международных конференциях периода Великой

- Отечественной войны Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании, 4 – 11 февраля 1945 г. Сборник документов. – М.: Наука, 1984. Т. IV.
- 28 Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальных революциях на примере Китая. – М.: НИКАН, 1934 – 395 с.
- 29 Тегеран – Ялта – Потсдам. Сборник документов – М.: Международ. отношения, 1971. – 368 с.
30. Труды совещания по вопросам о развитии торговых сношений с Монголией, созванного иркутским генерал-губернатором, егерь-мейстером Л.М. Князевым, бывшего в декабре 1912 – январе 1913 гг. – Иркутск: Изд-во «Коковин и К^о», 1913 – 29 с.
31. Царская Россия и Монголия в 1913 – 1914 гг. // Красный Архив. – 1929. Т. 37. – С. 3 – 68.
32. Шойжелов (Нацов) С.А. Материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. – М., 1930. Вып. VII, кн. I. – 32 с.

Исследования

1. Аварин В.Я. Империализм в Маньчжурии. Т. I – II. – М.-Д.: Соцгиз, 1931 – 1934 Т.1 – 565 с.; Т.2. – 416 с.
2. Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. – М.: Наука, 1980. – 158 с.
3. Агалаков В.Т. Победа Советов Восточной Сибири и Монголия (1919 – 1921 гг.) // Дорогой Дружбы. – Иркутск, 1971. – С. 41– 52
4. Алтанцэцэг Н. Внутренняя Монголия во второй половине XIX – начале XX вв. – Улан-Батор: Госиздат МНР, 1981 – 91 с
5. Андреев Ч. Национальное движение бурят // Байкал – Улан-Удэ, 1991 N 5. С. 123 – 128
6. Аранчин Ю.Л. Тува в годы Великой Отечественной войны Советского Союза – Автореф. канд. дисс. – М., 1957 – 26 с.
7. Базаров Б., Шагдуров Ю. Агван Доржиев. Последние страницы жизни // Байкал – Улан-Удэ, 1991 N 3 – С. 121 – 128.
8. Базарова Б. Положение монголов в Цинском Китае накануне революции 1911 // XXIV науч. конф. «Общество и государство в Китае», ч. II. – М., 1993. – С. 105-107.
9. Баранов А. Урянхайский вопрос. – Харбин: Изд-во типогр. КВЖД, 1914. – 27 с.
10. Баранов И. Китайская печать о русско-монгольском соглашении 21 октября 1912 г. // Вестник Азии – 1913. N 13. – С. 21–38
11. Бат-Очир Л. Возникновение и оформление Монгольской народ-

- ной партии. - Автореф канд. дисс. - М., 1971. - 26 с
- 12 Батуев Б Б О некоторых вопросах национально-освободительного движения в Бурятии в 1917 - 1919 // Национально-освободительное движение бурятского народа. - Улан-Удэ, 1989. - С.17 - 25.
13. Батуев Д Ж Империалистические противоречия и монгольский вопрос в экспансионистской политике Англии и США на Дальнем Востоке в кон. XIX - нач. XX вв. - Автореф. канд дисс. - Одесса, 1968. - 27 с
14. Баярху Д. Система международных отношений и проблемы независимости Монголии // Новости Монголии. - Улан-Батор: МОНЦАМЭ, 1996. N 31(67) 10 ноября. С.7.
15. Белов Е.А. Антикитайское восстание под руководством Бабулжаба во Внутренней Монголии в 1915 - 1916 гг. // Анналы. - М., 1995. Вып.1. - С. 62 - 77. ..
16. Белов Е.А. Антикитайское движение под руководством князя Удая во Внутренней Монголии в 1912 г. // Восток. 1996. № 3 - С. 39 - 45.
17. Белов Е.А. Баргипский вопрос по материалам русских архивов (1911 - 1915 гг.) // Восток. 1993. № 1 - С. 170 - 178.
18. Белов Е.А. Загадка Джаламы // Азия и Африка сегодня. 1995. № 6. С. 68 - 71.
- 19 Белов Е.А. Как возникли тройственные русско-монголо-китайские переговоры в Кяхте в 1914 г. // Китай, китайская цивилизация и мир. Ч.1. - М., 1994. - С. 175 - 181.
20. Белов Е А. На заре российско-тибетских отношений // Азия и Африка сегодня. 1994. № 4. - С. 64 - 66.
21. Белов Е А. Панмонгольское движение в 1919 г // Анналы 1995. Вып.2 - С. 55 - 73.
- 22 Белов Е.А. Последний «Живой Бог» монголов // Азия и Африка сегодня. 1996 № 3. - С. 73 - 77.
23. Белов Е А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911 - 1914 гг.) // Восток. 1995 № 1. С. 56 - 67.
- 24 Белов Е.А. Реакция в Китае на русско-монгольское соглашение 1912 г // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 4. С 108 - 118
25. Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911 - 1915 гг. - М.: Институт востоковедения РАН, 1997. 315 с.
26. Белов Е А. Россия и Монголия в начале XX в (1911 - 1919 гг.) - М.: Институт востоковедения РАН, 1998. 235 с
- 27 Белов Е А. Россия и панмонгольское движение в 1911 - 1919 гг // Россия и Восток проблемы взаимодействия Тез. докл

- Ч 1 – Челябинск Челябинский гос. ун-т. 1995 г. – С 175 – 179
- 28 Белов Е.А Русско-китайские отношения 1911 – 1915 гг. – Автореф. доктор дисс. – М., 1993. – 34 с
- 29 Белов Е.А. Тибетская политика России (1900 – 1914 гг) //Восток. 1994. № 3. – С. 99 – 109.
30. Белов Е.А. Царская Россия и Западная Монголия (1912 – 1915 гг) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. – С 96 – 105.
31. Беннингсон А.Б. Несколько данных о современной Монголии. – СПб., 1912. – 115 с.
32. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука 1990. – 222 с.
33. Бира Ш., Ишжамц Н Национально-освободительное движение в Монголии в конце XIX – начале XX вв. – Улан-Батор: Госиздат МНР, 1975. – 20 с.
- 34 Бобрик П.А. Монголия. Очерк торгово-промышленного и административного быта. – Владивосток, 1914. – 37 с.
35. Богатуров А.Д Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995).-М.: МОНФ, 1997. – 380 с.
36. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию в 1910 г. – Томск: Типогр. сибирск печ. дела, 1911. Т 1. – 498 с.
37. Боголюбов Г.А. Об актуальных проблемах в рамках взаимоотношений Россия – Монголия – Китай // Информационный бюллетень. М.: ИДВ, 1994 N 7. – С. 172 – 189.
- 38 Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае 1911 – 1949 гг. – М.: Наука, 1984. – 262 с.
39. Бойкова Е В. Новые ориентиры во внешней политики МНР // IV Всесоюз конф Восток прошлое и будущее народов Т II – М., 1991. С 115-119.
40. Бойкова Е В. Отношение МНР с капиталистическими и развивающимися странами (60 – 70-е годы) – М.. ГРВЛ, 1982. – 176 с
- 41 Бойкова Е В Российские путешественники о русских в Монголии в нач. XX в. // Владимирцовские чтения-3 – М., 1995. – С. 34 – 40.
42. Болобан А П. Северо-Восточная Монголия и ее хлеба. – Харбин Типогр. «Эйдельман и К°», 1910. – 82 с.
43. Бородин Б.А. Троцкий и Чан Кайши // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. № 2. – С 51 – 59.
- 44 Бруннет И С., Гагельстрем В.В Современная политическая организация Китая – Пекин, 1919. – 82 с.

45. Бурдуков А В В старой и новой Монголии Воспоминания, письма М Наука, 1969 419 с
46. Ватлин А Ю Коминтерн первые десять лет – М. Россия молодая, 1993. – 144 с
47. Великая Маньчжурская империя К 10-летию юбилею 1932 – 1942. – Харбин, 1942. – 418 с.
48. Воскресенский А Д Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений – М.: МОНФ, 1999.– 405 с.
49. Воскресенский А Д Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае (80 – 90 гг. XX в). М · ИДВ РАН, 1994. – 117 с
50. Воскресенский А.Д. Царская Россия и Китай в исследованиях последних лет (80 – 90 гг XX в) – М.: ИДВ РАН, 1994 – 99 с
51. Виленский (Сибиряков) В. Китай и Советская Россия. – М Гозиздат, 1919 – 29 с
52. Владимирцов Б Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л Востлитиздат, 1934 – 223 с.
53. Владимирцовские чтения – 3 Докл. и тез Всерос науч конф (Москва 25 – 26 октября 1993) – М.: ИВ РАН, 1995. – 233 с.
54. Воронцов В.В Судьба китайского Бонапарта: Чан Кайши – М Политиздат, 1989. – 336 с
55. Галенович Ю М «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений Т 1 – 2. – М. ИДВ РАН, 1992
56. Гирченко В. Царская Россия и Монголия в 1913 – 1914 гг //Жизнь Бурятии 1930. № 5 – 6 – С 125 – 132
57. Григорьев А М (совместно с В И. Глуниным). Коминтерн и китайская революция // Проблемы Дальнего Востока. 1989 № 1.– С 95 – 110
58. Григорьев А М (совместно с В И Глуниным). Концепция истории Китая в новейшее время. поиск новых подходов // Проблемы Дальнего Востока 1991 № 2. – С.71-79
59. Григорьев А М Революционное движение в Китае в 1927 – 1931 гг – М Наука, 1980. – 293 с
60. Григорьевич С С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1905 – 1917 гг – Томск Изд-во ТГУ, 1965. – 605 с.
61. Грумм-Гржимайло Г Е Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии - Л.: Гос рус. геогр. об-во, 1926 – 412 с
62. Гуревич Б П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. – М . Наука, 1983. – 300 с

63. Гурьев Б. К вопросу о сохранении Россией права беспошлинной внутренней сухопутной торговли с Монголией // Вестник Азии. 1910 № 5 – С. 89 – 99.
64. Гурьев Б. Политические отношения России и Монголии – Жизнь Бурятии № 5 – 6. 1930 – С. 125 – 132.
65. Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе XIII – середина XX вв. – М.: Наука, 1988. – 223 с.
66. Гольман М.И. К вопросу о теории некапиталистического развития // VI Межд. конгресс монголоведов. – М.: Наука, 1992 – С. 37 – 46.
67. Гольман М.И. К периодизации развития монголоведения на Западе (50 – 90-е годы) // Владимирцовские чтения-3 – М., 1995. – С. 51 – 56.
68. Гольман М.И. К 70-летию установления республиканского строя в Монголии. Круглый стол // Проблемы Дальнего Востока. 1994 № 5. – С. 75 – 79.
69. Гольман М.И. О процессах демократии в Монголии // 70 лет Монгольской народной революции. М., 1992. – С. 104 – 110.
70. Гончаренко С.Н. Критика китайских концепций истории русско-китайских отношений второй половины XIX в. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
71. Грайворонский В.В. Кооперированное аратство Монголии: изменения в уровне жизни (1960 – 1980). М.: Наука, 1982. – 192 с.
72. Грайворонский В.В. Некоторые вопросы сотрудничества между СССР и МНР в годы второй мировой войны // Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. – М.: ВИМИ, 1996. Гл. 11. – С. 87 – 95.
73. Грайворонский В.В. О новой революции в худоне // Владимирские чтения-3. Докл. и тез. – М.: ИВ РАН – Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 56 – 61.
74. Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости – М.: Наука, 1979 – 175 с.
75. Грайворонский В.В. Россия и Монголия: современные отношения и перспективы экономического сотрудничества / Россия и Азия: состояние и перспективы сотрудничества – М.: ИВ РАН, 1995. – С. 127 – 130.
76. Грайворонский В.В. 70-летие народной революции и исторические судьбы монгольского аратства // 70 лет Монгольской Народной Революции. – Мат. межд. науч. конф. – М.: ИВ РАН, 1992. – С. 40-51.
77. Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии: проблемы социального развития (1980 – 1995). – Автореф. доктор. дисс. – М., 1995. – 32 с.

78. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало – М.: Мысль, 1994 – 317 с.
79. Дамдинсүрэн Ж.Д. Связи МНРП с международным коммунистическим движением на демократическом этапе революции в период 1920 – 1940 гг. – Автореф. канд. дисс. – М., 1969. – 27 с.
80. Далин С. Молодежь в революционном движении в Монголии. – М.-Л.: «Новая Москва», 1924. – 48 с.
81. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. – 400 с.
82. Дашжамц Д. Распространение и упрочение идей марксизма-ленинизма в Монголии. – М.: Наука, 1978. – 125 с.
83. Денисов В.И. Россия на Дальнем Востоке. – СПб., 1913 – 115 с.
84. Дорофеев А. Отчет по поездке в Северо-Западную Монголию. – Омск: Штаб воен. окр., 1912. – 81 с.
85. Дубинин А.В. Проблемы политики Коминтерна в национально-колониальном вопросе (на примере Монголии) 1919 – 1928 гг. – Автореф. канд. дисс. – М., 1972. – 25 с.
86. Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937 – 1945 гг. – М. Мысль, 1980. – 279 с.
87. Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. Очерк истории – М.: Ин-т востоковедения, 1953. – 132 с.
88. Дылыков С.Д. История образования Автономного района Внутренняя Монголия в Китае 1947 – 1957 гг. – Автореф. докт. дисс. – М., 1971. – 31 с.
89. Дылыков С.Д. О партизанском движении в Маньчжурии и Внутренней Монголии в период господства реакционных режимов Пу и Дэ-вана // Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал – Улаанбаатар, 1984 Т.1. – С. 115 – 120.
90. Дылыков С.Д., Чимитдоржиев Ш.Б. Южная (Внутренняя) Монголия под гнетом китайских эксплуататоров // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. – Улан-Удэ: БИОН, 1983. – С. 119 – 137.
91. Ендон Д. Антифашистская коалиция и МНР // Международная жизнь 1985 № 7. – С. 31 – 35.
92. Еременко Т.В. Советско-монгольские отношения (К 40-летию Договора о дружбе и взаимопомощи) // Дипломатический вестник Год 1986 – М.: МО, 1987. – С. 72 – 79.
93. Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн 2 1917 – 1945 гг. – М., Наука, 1973 – С. 371.
94. Железняков А.С. Монголия в классификации цивилизаций А. Дж. Тойнби // Владимирцовские чтения-3 Докл. и тез. – М., ИВ РАН-ИЯ РАН, 1995 – С. 69 – 74.

95. Железняков А.С. Об итогах народной революции 1921 г в Монголии // 70 Монгольской Народной Революции -- Мат. межд. науч. конф. – М.: ИВ РАН, 1992. – С. 24 – 29.
96. Железняков А.С. Об одном стереотипе восприятия монгольской кочевой цивилизации // VI Межд. конгресс монголоведов. – М., 1992. – С. 84 – 91.
97. Захарова К.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932 – 1945. – М.: Наука, 1990. – 362 с.
98. Заятуев Г.Н. Краткая биография цанит-хамбо Агвана Доржиева – Улан-Удэ, 1991. – 47 с.
99. Заятуев Г.Н. Первые газеты революционной Монголии. – Улан-Удэ, 1962.
100. Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М.: Изд-во "Востлит-ра", 1957. – 300 с.
101. Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. – М.: Прогресс, 1995 – 379 с.
102. Ивин А. Китай и Советский Союз. – М.: Красный рабочий, 1924. – 62 с.
103. Ильин К. Краткая справка о периодической печати Монголии // Современная Монголия. 1933 № 3. – С. 47 – 53.
104. Имшенецкий Б.И. Монголия: очерк социально-экономической истории. – Пг., 1916. – 61 с.
105. История Монгольской Народной Республики – М.: Наука, 1983. – 601 с.
106. История советско-монгольских отношений. – М.: Наука, 1981. – 349 с.
107. История Тувы – М.: Наука, 1964. Т.2. – 517 с.
108. Кара-Мурза Г.С. Оккупация Маньчжурии и образование Маньчжоу-Го – Чита, 1945 – 67 с.
109. Калинин А. Национально-революционное движение в Монголии. – М.-Л.: Госиздат, 1926. – 192 с.
110. Капица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения) – М.: Международные отношения, 1965. – 219 с.
111. Капица М.С. Советско-китайские отношения. – М.: Госполитиздат, 1958. – 423 с.
112. Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20 г XX в. – М.: Востлит, 1984 – 197 с.
113. Каткова З.Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая 1937 – 1945. – М.: Наука, 1978. – 240 с.

114. Китай и соседи в новое и новейшее время М.: Наука, 1982 – 454 с.
115. Колмогоров В.Н. Деятельность КПСС и МНРП по формированию и укреплению советско-монгольского военно-политического сотрудничества в 1921 – 1945 гг. – Автореф. канд. дисс. – М., 1984. – 24 с.
116. Коминтерн и Восток. Критика критики. Против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении. – М.: Наука, 1978. – 373 с.
117. Коминтерн и Восток – М.: Наука, 1969. – 513 с.
118. Коннор Т.О. Чичерин и советская внешняя политика 1918 – 1930 гг. – М.: Мысль, 1992. – 180 с.
119. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. – Пекин: Тов-во «Вост. просвещение», 1922. – 153 с.
120. Котвич В.Л. Краткий обзор истории и современного политического положения Монголии. – СПб., 1911.
121. Кошкин А.А. Как готовился Халхин-Гол // Новая и новейшая история. – 1988. № 6. – С. 42 – 55.
122. Красильников А.С. Проблемы “малых” и разделенных народов и стабильность в Азии/Информационный бюллетень. ИДВ РАН. – М., 1994. № 7. – С. 63 – 87.
123. Кузнецов В.С. Внешняя политика Китая. 1928 – 1937. – М., 1992. Ч. 1, 2.
124. Кузьмин Ю.В. О предпринимательской деятельности в Монголии и Китае П.А. Бадмаева // XXIV науч. конф. «Общество и государство в Китае», ч.П. – М., 1993. – С. 107 – 109.
125. Кузьмин Ю.В. Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции в Китае // XIII науч. конф. «Общество и государство в Китае» Ч.2. – М., 1991. – С. 89 – 91.
126. Кулешов Н.С. Россия и Тибет в 1900 – 1914 гг. // Цыбиковские чтения. Тез. докл. и сообщ. – Улан-Удэ, 1989. – С. 80 – 82.
127. Кунгуров Г.Ф., Сороковиков И.А. Аратская революция исторический очерк – Иркутск: Иркут. книж. изд-во, 1957. – 208 с.
128. Курас Л. О переходе бурят в Монголию // Байкал – Улан-Удэ, 1991. Т. 5. – С. 128 – 130.
129. Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос – СПб.: РГО, 1912. – 218 с.
130. Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. – Полн. собр. соч. Т. 26. – С. 106 – 110.
131. Лигдэн Б. Участие МНР в войне против милитаристской Японии / Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоен-

- ное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. – М.: Наука, 1977 – С. 139 – 146
132. Лигуу Б Из истории русско-монгольских отношений в кон XIX – нач. XX вв Автореф. канд. дисс – М., 1960 – 27 с
133. Линецкий Л.М. Помощь ВКП(б) и Коминтерна в образовании Монгольской Народной партии. – Харьков, 1981 (Депонирована в ИНИОН, № 919005). – 152 с.
134. Лузянин С.Г. Автономная Монголия в системе международных отношений 1915 – 1919 /Владимирцовские чтения-3 – М., 1995. – С 71 – 85
135. Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925 – 1927 гг. // Восток. – 1996. № 1 – С. 65 – 76.
136. Лузянин С.Г. Монголия в русско-китайских отношениях 1911 – 1917 гг. // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. – М., 1994 Ч.1. – С 181 – 184
137. Лузянин С.Г. Монголия в советско-китайских отношениях, 1921 – 1927 гг. // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI в. – М., 1995 Ч.1 С 173 – 178.
138. Лузянин С.Г. Монголия, которую мы потеряли // Азия и Африка сегодня 1994. № 6. – С. 35 – 36.
139. Лузянин С.Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией. 1920 – 1924// Проблемы Дальнего Востока. – 1995. № 2. – С. 71– 85.
140. Лузянин С.Г. Монголия между Россией и КНР. исторический опыт и современные реалии // Восток 1996. № 6. – С.110 – 113.
141. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в 1911– 1945 гг. – Магнитогорск–Москва, 1996. (Депонирована в ИНИОН РАН 1.08.96. – № 51809) – 413 с.
142. Лузянин С.Г. Русско-монгольские отношения 1911 – 1917 гг. – Автореф канд дисс – Томск, 1984 – 24 с
143. Лузянин С.Г. Ялта и монгольский вопрос /Пятидесятилетие Великой Победы и Восток. – М., 1996. Гл.9. – С. 76 – 83.
144. Лхагва Т Что же думал Сталин о монголах? //Проблемы Дальнего Востока 1991 № 3 – С. 85 – 91
145. Лхамсурэн Б. Из истории внешних отношений МНР. 1921 – 1945 гг. //Современная Монголия 1958. № 1. – С. 11 – 20.
146. Майский И.М. Монголия накануне революции. – М., Востлит, 1960. – 301 с.
147. Майский И.М. Современная Монголия – Иркутск, 1921. – 332 с.
148. Максанов С.А. Б.Б. Барадин (1878 – 1937 гг.) //Национально-освободительное движение бурятского народа Тезисы и материалы – Улан-Удэ, 1989 – С 76 – 80

149. Мамаева Н.Л. Гоминьдан в национально-революционном движении Китая 1923 – 1927. Политическая программа и практика. Автореф. докт. дисс. – М., 1993. – 32 с.
150. Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919 – 1929. – М. Российская политическая энциклопедия, 1999. – 365 с.
151. Март-Оол В.Д. Социально-политическое и экономическое развитие Тувинской Народной Республики. 1921-1944. Автореф. канд. дисс. – М., 1992. – 21 с.
152. Матвеева Г.С. Монгольский революционный союз молодежи: история и современность. – М.: Наука, 1983. – 278 с.
153. Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. – М. Наука, 1978. – 278 с.
154. Матвеева Г.С. Социалистические преобразования в сельском хозяйстве МНР. – М.: Востлит, 1960. – 114 с.
155. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. – М. Мысль, 1973. Кн. 1. – 324 с., кн. 2. – 294 с.
156. Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. – М. Наука, 1991. – 317 с.
157. Мещеряков М.В. Экономическое сотрудничество МНР с СССР. Автореф. канд. дисс. – М., 1969. – 27 с.
158. Мировицкая Р.А. Движение в Китае за признание Советской России 1920 – 1924 гг. – М. Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 68 с.
159. Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы тихоокеанской войны. – М. ПИМ, 1999. – 311 с.
160. Моллеров Н.М. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в ТНР и ее роль в укреплении советско-тувинских отношений. 1917 – 1932. Автореф. канд. дисс. – Новосибирск, 1990. – 21 с.
161. Молоков И.Е. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну в разгроме белогвардейцев в 1920 – 1921 гг. – Омск, 1991. С. 83.
162. Монголия. Трудный путь к рынку. Сборник статей. Отв. ред. М.Е. Тригубенко. – М.: Центр Азиатских исследований ИМЭПИ РАН, 1994. – 120 с.
163. Монгольская Народная Республика. Справочник. – М.: Наука, 1986. – 440 с.
164. Мясников В.С. Антология хитроумных планов. В кн.: Харро фон Зенгер. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. – М. Прогресс, 1995. С. 5 – 18.
165. Мясников В.С., Воскресенский А.Д. Из истории русско-китайских и советско-китайских отношений // Вестник МИД СССР – 1988. № 22. – С. 38 – 55.

- 166 Мясников В.С. Договорными статьями утвердили Дипломатическая история русско-китайской границы – М. РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996 – 482 с
- 167 Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в – М.: Наука, 1980. – 312 с.
- 168 Мясников В.С. Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем /Россия во внешне-экономических отношениях: уроки истории и современность – М.: ИНИОН РАН, 1993. – С. 105 – 124.
169. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта //Цивилизации и культуры Вып.2. Россия и Восток. цивилизационные отношения. – М.: «Аллегро-пресс», 1995. – С. 215 – 234.
- 170 Мясников В.С. Новые знания о цинском Китае XVIII в. /Всемирная история и Восток. – М., Наука, 1989. – С. 105 – 115.
171. Мясников В.С. Новый этап советско-китайских отношений и проблемы безопасности в АТР / Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в АТР – М.: ИДВ, 1990. – С. 37 – 45.
172. Мясников В.С. Советско-китайские отношения в Центральной Азии: Современное состояние. Проблемы и перспективы //Проблемы мира, безопасности и сотрудничества в АТР и на Дальнем Востоке. – М., 1989. – С. 94 – 105.
173. Надиров Ш.Г. Августовские события 1984-года в Монголии и советско-монгольские отношения //VI Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.). – Т.1 – М., 1992. – С. 58-60.
174. Надиров Ш.Г. Место и роль политических организаций в системе советско-монгольских отношений //70 лет Монгольской народной революции Материалы межд. науч. конф. Москва, 4 июля 1991 г – М.: ИВ РАН, 1992 – С. 59 – 68
- 175 Надиров Ш.Г. О массовой миграции казахов из Монголии в Казахстан в начале 30-х гг. /Владимирцовские чтения-3 Докл. Всерос. науч. конф. 1993 г. – М. ИВ РАН – ИЯ РАН, 1995. – С. 81 – 89
- 176 Надиров Ш.Г. Цеденбал 1984 год – М. Востлит РАН, 1995 – 189 с.
177. Научно-информационный бюллетень Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории. – М.: РЦХИД-НИ, 1996. – Вып. № 8. – 72 с.
- 178 Нацагдорж Ш. Из истории аратского движения во Внешней Монголии. – М : Востлит, 1958. – 95 с
- 179 Новая история Китая – М., Наука, 1972 – 637 с
- 180 Новейшая история Китая 1917–1927 гг – М. Наука, 1983 – 399 с.

181. Нольдэ Б Э Международное положение Монголии // Право - 1915 №35. – С 18 – 69
182. Овчинников Ю М. Гоминьдан и борьба за создание и укрепление единого национального антияпонского фронта в Китае (1935 – 1938). Автореф канд дисс. – М , 1977 – 25 с
183. Ондар Л III Социально-экономическое и культурное развитие Республики Тува в составе России. 1944 – 1993 Автореф. канд. дисс – М., 1994. – 24 с.
184. Очур В.Ч Тувинская национально-освободительная революция 1921 г. Автореф канд. дисс – Кызыл, 1959. – 26 с.
185. Панюшкин А С Записки посла Китай 1939 – 1944. – М.: МО, 1981 – 75 с.
186. Персиц М.А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 – июль 1920 г)/ Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику. – М.: Наука, 1969. – С. 53 – 110.
187. Персиц М А. Дальневосточная республика и Китай. – М.: Вос- тлит, 1962. – 304 с.
188. Полтавцев С. Материалы для описания Монголии. – Иркутск, 1913. – 131 с.
189. Попов А.В. О подготовке халхасских князей и чиновников к службе в цинской административном аппарате //XXIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». – М.. ИВ РАН, 1993. Ч.II. – С. 98 – 102.
190. Пубаев Р.Е. Агван Доржиев / Национально-освободительное движение бурятского народа. – Улад-Удэ, Кн. изд-во БИОН, 1989. – С 94 - 98
191. Пубаев Р.Е. П А. Бадмаев /Национально-освободительное дви- жение бурятского народа – Улад-Удэ БИОН, 1989 – С.90 – 93
192. Пубаева Ц.П. Г.Ц Цыбилов - исследователь монгольского ла- маизма / Исследования по истории и культуре Монголии. – Новоси- бирск. Наука, 1989 – С.68 – 75
193. Пурэвдорж Ч Сотрудничество СССР и МНР в годы Второй мировой войны //Проблемы Дальнего Востока 1985 № 3 – С 37 – 46.
194. Пятидесятилетие Великой Победы и Восток – М : ВИМИ, 1996 – 145 с
195. Рахманин О.Б К истории отношений между РСФСР, СССР, РФ и Китаем. 1917 – 1997 – М : Институт Дальнего Востока, 1999 - 293 с
196. Рошин С.К. К 70-летию Монгольской народной революции // 70 лет Монгольской народной революции Материалы межд науч конф Москва, 4 июля 1991 г – М , 1992 – С. 5 – 20

197. Рошин С.К. Они возглавили революцию // Азия и Африка сегодня. 1995. № 9. – С. 63 – 68.
198. Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921 – 1940) – М. Институт востоковедения РАН, 1999 – 325 с.
199. Рошин С.К. Развитие социалистических производственных отношений в МНР. – М.: Наука, 1979. – 160 с.
200. Рошин С.К. Революция 1921 г и проблемы суверенитета Монголии // VI Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.) Т.1. – М., 1992. – С. 121 – 125.
201. Рошин С.К. Социалистический уклад в экономике Монгольской Народной Республики. – М.: Востлит, 1958. – 158 с.
202. Рошин С.К. Турар Рыскулов в Монголии // Азия. 1994 № 35(125).
203. Сандаг III Внешняя политика МНР 1921 – 1979 гг. Автореф доктор дисс. – М., 1979 – 31 с
204. 70 лет Монгольской Народной революции. Материалы международной научной конференции. Москва, 4 июля 1991 г. – М.: Изд-во ИВ РАН, 1992 – 124 с.
205. Сергеев Е. Самурайский меч над Китаем («Иллюстрированная Россия», Париж, 1937) // Азия и Африка сегодня. 1995. № 8. – С. 10 – 12.
206. Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза: 1933 – 1935. – М.: Наука, 1980 – 391 с.
207. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство Внешняя Монголия XVI – нач XX вв. – Новосибирск: Наука, 1988 – 163 с.
208. Смирнов В.Н. Договоры 1921 г. и 1936 г. как выражение интернациональной дружбы между советским и монгольским народами Автореф. канд. дисс. – Ростов-на-Дону Изд-во РГУ, 1973 – 24 с.
209. Соболев А.И. Роль и значение помощи международного коммунистического движения в становлении и развитии МНРП. – Улан-Батор. Госиздат, 1978. – 215 с
210. Сороковиков И.А. На заре советско-монгольской дружбы // Материалы по истории и филологии Центральной Азии – Улан-Удэ, 1965. Вып.2. – С. 117 – 125.
211. Степанов А.С. РСФСР, ДВОР и Монголия (1920 – 1922 гг) // Из истории уральских партийных организаций. – Свердловск: УРГУ, 1970. Вып 4. – С 71 – 84.
212. Степанов С.Ф. Монголия. Общий очерк // Сибирский торгово-промышленный ежегодник – СПб. РГО, 1913 – С.72-89
213. Стоянов С. Монголия // Народный журнал – 1912 № 4 – С 131 – 139.

- 214 Сухарчук Г.Д., Непомнин О.Е. Китайская буржуазия и иностранный капитал в годы первой мировой войны и «Движение 4 мая» // «Движение 4 мая» 1919 года в Китае. – М., 1971. – С. 52 – 75.
- 215 Сухарчук Г.Д. Социально-экономические взгляды ведущих идеологов Китая первой пол. XX века. – Сунь Ятсена, Чан Кайши и Мао Цзэдуна. Сравнит. анализ и критика. – М.: Изд-во ИВ АН СССР, 1988. – 493 с.
- 216 Сухарчук Г.Д. Социально-экономические взгляды Чан Кайши // Китай: Поиски путей социального развития. – М.: Наука, 1979. – С. 223 – 244.
217. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. – М.: Республика, 1999. – 236 с.
218. Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений. – М.: ПОО «Фабула», 1994. – 318 с.
219. Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1998. – 314 с.
- 220 Тихвинский С.Л., Бескровный Л., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы // Международная жизнь. 1972. № 6 – С. 14 – 29.
221. Тихвинский С.Л. Завещание китайского революционера. Сунь Ятсен: жизнь, борьба и эволюция политических взглядов. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. – 224 с.
222. Тихвинский С.Л. История Китая и современность. – М.: Наука, 1976. – 359 с.
- 223 Тихвинский С.Л. Китай в моей жизни (30 – 90 годы). – М.: Наука, 1992. – 159 с.
224. Тихвинский С.Л. Маньчжурское владычество в Китае. – М.: Востлит, 1966. – С. 5 – 76.
225. Тихвинский С.Л. Некоторые вопросы формирования северо-восточной границы Цинской империи // Международные отношения и внешняя политика СССР: история и современность. – М., 1977. – С. 315 – 323.
- 226 Тихвинский С.Л. Первый договор СССР с Китаем // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 2. – С. 19 – 29.
227. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости 1898 – 1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. – М.: Востлит РАН, 1996. – 573 с.
228. Тихвинский С.Л. Россия и Япония: Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. – М.: ПИМ, 1996. – 253 с.

- 229 Тихвинский С.Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа 1885 – 1925 гг.) – М.: МО, 1964. – 354 с.
- 230 Тихвинский С.Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе – М.: Наука. 1970. – С. 3 – 21, 2-е изд-е. – М., 1977. – С. 3 – 22.
- 231 Тумурхулэг Т. Политика великих держав в отношении Богдыханского монгольского государства в 1911 – 1915 гг. Автореф. канд. дисс. – М., 1988. – 17 с.
232. Улымжиев Д.Б. Нерушимая братская дружба советского и монгольского народов. – Улан-Удэ: БГПИ им. Д. Банзарова, 1961. – 159 с.
233. Фролов А.В. Проблемы региональной безопасности во внешней политике СССР и России. Автореф. докт. дисс. – М., 1995. – 32 с.
- 234 Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока 1921 – 1927 гг. – М.: Наука, 1968. – 327 с.
235. Хейфец А.Н. Советская России и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.). – М.: Наука, 1964. – 471 с.
236. Хохлов А.Н. Маршал Фэн Юйсян глазами россиянина // XXIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. II. – М.: ИВ РАН, 1993. – С. 52 – 60.
237. Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. – М.: ИЛ, 1951. – 303 с.
238. Цыбиков Б. Разгром унгерновщины. – Улан-Удэ: Бурмонгиз., 1947. – 160 с.
- 239 Цыбэн Жамцарано: жизнь и деятельность. Доклады и тезисы научной конференции, посвященной 100-летию выдающегося ученого, общественного и научного деятеля бурят-монгольского и халха-монгольского народов Цыбэна Жамцарановица Жамцарано – Улан-Удэ: БГПИ-БИОН, 1991. – С. 191.
240. Чимитдоржиев Ш.Б. (совм. с В.Б. Цыремпиловым). Дружеские связи между Советской Бурятией и народной Монголией 1921 – 1960. // Актуальные проблемы истории Бурятии. Тез. докл. и сообщ. – Улан-Удэ, 1987. – С. 65 – 71.
241. Чимитдоржиев Ш.Б. Бурятские деятели в Монголии накануне и в годы народной революции /Национально-освободительное движение бурятского народа. – Улан-Удэ: БИОН, 1989. – С. 99 – 105.
242. Чимитдоржиев Ш.Б. Кто мы – бурят-монголы? – Улан-Удэ, 1991. – 62 с.
- 243 Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия – М.: Наука, 1987. – 235 с.

244. Ширендыб Б История Монгольской Народной революции 1921 г. - М Востлит, 1971 -- 399 с
245. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX – нач. XX вв История социально-экономического развития – Улан-Батор. Госиздат, 1963. – 320 с
246. Шмелев А.В. Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918 – 1919). Автореф. канд дисс – М., 1995 – 27 с
247. Шойжелов (Нацов) С. Монголия и царская Россия // Новый Восток 1926. Кн. 13 – 14 – С. 69 – 81.
248. Шумяцкий Б 1905 год и Восток. – М-Л:Гослиздат, 1930 – 121 с
249. Юдин В.И У истоков Монгольской Народной революции. – М.: Востлит, 1931. – 69 с
250. Юрьев И.Г. К вопросу об иностранном капитале во Внешней Монголии до Народно-демократической революции 1921 г. и в первые годы ее // Краткие сообщения Института востоковедения. – М : ИВАН СССР, 1952 Т. 6. – С. 151 – 165.
251. Яскина Г.С. Монголия: смена модели развития (политические и экономические реформы) Автореф. докт дисс. – М., 1994. – 31 с
252. Яскина Г.С Монголия: смена модели развития. – М : АПК РАН, 1994. - 364 с.
253. Яскина Г.С Монголо-японские отношения в годы второй мировой войны //Пятидесятилетие Великой Победы и Восток – М , 1996 Гл 12 – С 95 – 98
254. Яскина Г.С К проблеме переходного периода от феодализма к социализму // Цыбиковские чтения – Улан-Удэ 1989 – С 51 – 65
255. Яскина Г.С. Модернизация производительных сил и экономическая реформа в Монголии – М : ИЭМПИ РАН, 1994. – 172 с
256. Яскина Г.С (Матвеева) Некоторые проблемы изучения новейшей истории МНР в условиях перестройки //История и культура монголоязычных народов: источники и традиции – Улан-Удэ, 1989 – С 89 – 95
257. Яскина Г.С Политические реформы в Монголии // Проблемы Дальнего Востока – 1995 № 5 - С 43 -- 52

II. На монгольском и китайском языках

Опубликованные документы и материалы

1. Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын гадаад харилцааны баримт бичгуудийн эмхтгэл Боть 1. 1921 -- 1961 (Сборник документов по внешней политике МНР) Т 1 - У-Б : Улсын Хэвлэлийн газар, 1964. – 540 х.

2. Коминтерн ба Монгол Баримтын эмхэтгэл. Эрдэм шинжилгээний удирдагч Ч Дашдаваа, В П Козлов Эмхэтгэгчид: Г.М Адибеков, С Дамдинсүрэн, А.С. Железняков ба бусад – Улаанбаатар, 1996 – 503 х
3. МАХН ардын хувьсгалын ялалтын толоо тэмцэлд. Баримт бичгууд, 1921 оны гурваас долдугаар сар (МНРП в борьбе за победу народной революции. Документы, март 1921 – июль 1921 г.). – У.-Б.: Улсын Хэвлэл, 1971. – 415 х.
4. МАХН ба олон улсын коммунист ходолгоон 1920 – 1977. (МНРП и международное коммунистическое движение). – У.-Б.: Улсын Хэвлэл, 1979. – 518 х.
5. МАХН-ых туухэнд холбогдох баримт бичгууд. 1920 – 1940 он Нэгдүгээр дэвтэр //Документы по истории МНРП 1920 – 1940 Вып.1. – У.-Б. Улсын Хэвлэл, 1966 – 419 х
6. Монголын ард түмний 1911 оны үндэсний эрх чөлөө тускгаар тогтнолын толоо тэмцэл. Баримт бичгийн эмхтгэл. 1900 – 1914 (Борьба монгольского народа за свободу и национальную независимость в 1911 г. Сборник документов 1900 – 1914 гг.). – У.-Б.: Улсын Хэвлэл, 1982. – 211 х.
7. 1921 оны ардын хувьсгалын туухэнд холбогдох баримт бичгууд 1917 – 1921 (Документы по истории народной революции 1921 г. 1917 – 1921). – У.-Б.: Улсын Хэвлэл, 1957 – 311 х.
8. Эго вайцзяо взньшу сюаньцзе гуаньюй Мэнгу взньти (1911 – 1916). – Харбин, 1991 (Сборник дипломатических документов России по монгольскому вопросу 1911 – 1916 Перевод Чэнь Чуньхуа). – 462 с.

Исследования

1. Баабар Б Буу март. Мартвал сонэнэ – У.-Б., 1991. – 115 х
2. Баабар Б. XX зууны Монгол нуудэл, суудал, гарз олз – Улаанбаатар, 1995. Боть 1. – 531 х.
3. Батбаяр Ц Кодама мицуй нууск, хурээнд байсан япончуулд 1911 – 1921 оны – У.-Б.: Шух «Эрдэм», 1993 – 70 х.
4. Батбаяр Ц Монгол ба Япон XX зууны эхний хагаст – Улаанбаатар, 1998 – 227 х.
5. Батбаяр Ц. Халхын гол: туух ба орчин ус. – У.-Б., 1989. – 115 х.
6. Баяр С. Гадаад Монголын статус-кво юу огуулнэ вэ? // Ардын Эрх, 1995 оны наймдугаар сарын 30 – Лхагва, № 170/1121/
7. Болдбаатор Ж. Амар сайд. – У.-Б., 1993 – 98 х
8. Болдбаатор Ж. Эрдэнэ Дайчин чин Ван Ханддорж. – У.-Б., 1994. – 115 х.
9. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын туух 1604 – 1917. 2 боть

(История МНР 1604 – 1917 Т2) - Улаанбаатар Улсын хэвлэлийн хэрэг эргэлэг хороо, 1968 – 400 х.

10 Гомбо Л Автономит Монголын Цэргийн байдал 1911 – 1919 (Военное положение Автономной Монголии 1911 – 1919 гг). – Улаанбаатар Ш.У.Д Б. Хурээлэн, 1958. – 19 с

11. Дамдинсүрэн С. МАХН Дэлхийн коммунист хөдөлгөөнтэй холбо тогтоож хөгжүүлсэн 1921 – 1940. – У.-Б., 1971 (Установление и развитие связей МНРП с международным коммунистическим движением в 1921 – 1940). – У.-Б.. Улсын Хэвлэл, 1971. – 417 х.

12. Дэмид Д. Улаан цэргийн хоржсон туух (Из истории нашей Красной Армии) – У.-Б., 1931. – 120 х.

13. Зориг Г. Халх Голын байлдааны тухай японы хэвлэлд (Японские публикации о войне у Халхин Гола) // Дорно дахины судлалын асуудал. – У.-Б , 1985. № 1(10). – х. 69 – 74.

14. Лигдэн Б. БНМАУ-ын гадаад харилцааг хөгжүүлэх талаар МАХН-аас явуулсан уйл ажиллагаа. 1945 – 1970 (Деятельность МНРП по развитию внешних отношений МНР). – У.-Б.. Улсын Хэвлэлийн газар, 1976. – 180 х.

15 Лузянин С Г. XX зууны 20 – 30-аад оны Орос, Монгол, Хятадын харилцааны туухээс (Из истории взаимоотношений России, Монголии, Китая в 20 – 30 годы XX в.). – У.-Б., 1998 – 76 х

16 Лхамсүрэн Б. Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол. – У.-Б , 1995 (Внешняя среда и государственная независимость Монголии) – У.-Б., 1995 – 121 х

17. МАХН ба Коммунист Интернационал (МНРП и Коминтерн). – У.-Б · Улсын Хэвлэл, 1979. – 512 х

18. Монголын торийн байгуулал улс торийн сэтгэлгээний (МЭО 111 – МЭ XX зуун). – Тэргүүн бот Ред А. Очир, Д. Чулуунжав – У.-Б , 1995. – 519 х

19 Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал Бот 1 – 2 (II Международный конгресс монголоведов Т 1 – 2) – У.-Б.: Улсын Хэвлэл, 1972 – 619 х

20 Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал Бот 1 – 2 (III Международный конгресс монголоведов) – У.-Б · Улсын Хэвлэл, 1978. – 650 х

21 Пунцаг Э МАХН-ын III их Хурал хуралдах уеийн манай улсын гаддад байдал, туух, орчин уе // Дорно дахины судлалын асуудал. – У.-Б., 1984. № 2(11), (Внешнее положение Монголии в период III съезда МНРП: история и современность). – Х 14 – 19

22 Пунцагноров Ц. Монголын Автономит уеийн туух 1911 – 1919 (Краткая история Монголии периода автономии 1911 – 1919 гг) – Улан-Батор Улсын Хэвлэл, 1955 – 221 х

- 23 Пунцагноров Ц. Халх голын ялалт, тууний олон улсын ач холбогдол // Дорно дахины судлалын асуудал - У.-Б., 1982, № 2(11). - (Халхингольская победа и ее международное значение) - X 21 - 30.
24. Сандаг Ш Монгол улс торийн гадаад харлицаа 1850 - 1919 Хоёр дэвтэр Тэргуун дэвтэр Монголд Манжийн нойрхлыг устгаж, ундэснийхээ тусгаар тогтнолыг сэргээн тунхагласан нь Богд хаант Монгол улс 1850 - 1911 (Внешнеполитические отношения Монголии в 1850 - 1911 гг. в двух книгах Кн. первая. Свержение маньчжурского господства в Монголии и восстановление ее независимости, монгольская теократическая монархия. 1850 - 1911 гг.). - Улан-Батор: Улсын хэвлэл, 1971. - 312 х.
25. Самдангэлэг Ц. Монгол зовлелтийн армиуд Халх голд японы турэмгийлэгчдийг бут цохиосон нь (Разгром монголо-советскими войсками японских агрессоров на Халгих-Голе). - У.-Б.: Улсын Хэвлэл, 1967. - 170 х.
26. Цэрэндорж Г. Нийслэл хурээний монгол худалдааны тойм 1912 - 1920 (Обзор монгольской торговли в Урге в 1912 - 1920 гг.). - Улан-Батор. Улсын хэвлэл, 1961. - 220 х.
- 27 Ша Э Дун бэй (Царская Россия и Северо-восток). /Под ред Гун Дуна. - Чанчунь, 1985
28. Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России в Китае). - Пекин, 1990. Т.4.
29. Ширендыб Б. Хичэнгуй сайд Цэрэндорж (1868 - 1928) (Жизнь и деятельность Цэрэндоржа в 1868 - 1928 гг.) - Улан-Батор. Шинжлэх, ухааны академийн хэвлэл, 1965. - 80 х.

III. На западноевропейских языках

Опубликованные документы

1. Documents in British Foreign Policy. 1919 - 1939. Ed. by R. Butler. Ser.1. Vol.14 - London. H M Stat off., 1966. - 645 p
- 2 Documents on the Comintern and the Chinese Revolution 1920 - 1921 // The Chinese Quarterly No.45. 1971. Jan - March, p 61 - 72
3. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers. The Conferences in Cairo and Teheran. 1943. - Wash.: Gov print. off, 1961. - 1189 p.
4. McMurrey J.V.A. Treaties and Agreements with and concerning China 1891 - 1919. Vol.1 - 2. - New-York Oxford univ. press, 1921
- 5 Outer Mongolia Treaties and Agreements - Washington. Gov Print.off, 1921. No 41 - 41 p

- 6 Teng Suy, Fairbank J K China's Response to the West A Documentary 1839 – 1923 – Cambridge: Harvard univ. press, 1954 – 84 p
- 7 The Russian – Japanese Treaties of 1907 – 1916 Concerning Manchuria and Mongolia By Ernest Baston Price. – Baltimore: Evid. press. 1933. – 81 p.

Исследования

1. Bacon E Central Asians under Russian Rule: A Study of Culture Change. Ithaca: (N.Y): Cornell univ.press, 1966. – 273 p.
2. Ballis W.D Outer Mongolia: Buffer State of the Orient //International Quarterly. 1937. Vol.1. № 3. – P. 191 – 216
3. Ballis W.D. Soviet Russia's Asiatic Frontier Technique: Tannu-Tuva // PA.1941. Vol.14. №1. – P. 37 – 51.
4. Bawden Ch. The Modern History of Mongolia – L., 1968. – 615 p.
5. Bau M.J. The Foreign Relations of China. – N.-Y.-Chicago: Revell, 1921. – 608 p
6. Beloff M. Soviet Policy in the Far East. 1944 – 1951 – L.-N.Y., 1953. – 115 p.
7. Beloff M The Foreign Policy of Soviet Russia Vol 1 1929 – 1936 – L.: Stat J. Press, 1947, vol 2 1936 – 1941 L.: S J. Press, 1949. – 321 p.
8. Binstead Q.C. The Tribal and Administrative System of Mongolia. – Shanghai and Manila, 1913. – 142 p.
9. Bruce A. Elleman Secret Sino – Soviet Negotiations on Outer Mongolia 1918 – 1925 // Pacific Affairs. 1993 – 1994 Vol. 66. No.4. – P 519 – 539.
10. Carruthers D A M Unknown Mongolia. - L., 1913, vol 1 – 2 – 212 p
11. Chang Chungfu Negotiations for the Abolition of the Autonomy of Outer Mongolia 1915 – 1919 // Eastern Miscellane. – 1936. Vol.33(13), July – P 21 – 31
12. Cheng Tienfong. History of Sino-Russian Relations – Washington. Public Affairs Press, 1957 – 528 p.
13. Clyde PH The Far East The History of the Impact of the West in Eastern Asia – N Y. Prentice-Hall, 1948 – 362 p
14. Conolly V Beyond the Urals Economic Development in Soviet Asia. - N Y, 1967. – 137 p
15. Conolly V Soviet Economic Policy in the East. Turkey, Persia, Afghanistan, Mongolia, Tannu Tuva, Sinkiang – L., 1933. – 95p
16. Conolly V Soviet Union and the Industrialization of Asia Outer Mongolia // Foreign Affairs 1936 Vol 15. № 3. – P 105 – 121
17. Dawies R A, Steiger J A Soviet Asia Democracies First Line on Defence – N.Y, 1942 – 390 p

18. Dillon E J Succession of Mongolia from China //Contemporary Review, 1911, vol 99 - 104 -- P. 579 - 584.
19. Dunn E The Truth about Outer Mongolia - Shanghai, 1935. - 32 p.
20. Engstrand W M The Kuldjia and its Significance in Sino-Russian Relations -- Berkeley. Car. press, 1933 - 69 p
21. Hedley John. Tramps in Dark Mongolia - L , 1910. - 85 p.
22. Ewing T.E. Ching Policies in Outer Mongolia 1901 - 1911 //Modern Asian Studies. - L., 1980 Vol.14 - P. 145 - 157.
23. Friters G M Outer Mongolia and its International Position. - Baltimore: The J.H. Press, 1949 (2-е изд. L., 1951). - 358 p.
24. Gannett L.S Mongolia - a Nomad Republic // Nation. 1926. Vol.123 № 12. - P. 117 - 125.
25. Geleta J. The New Mongolia. -- London-Toronto, 1936. - 115 p
26. Ginsburg T. Political Reform in Mongolia. Between Russia and China // Asian Survey. 1991 Vol. XXXV №.5, May - P. 459 - 472.
27. Humphrey C. The Moral Authority of the Past in Postsocialism. Mongolia // Religion, State and Society. - Keston, 1992 Vol 20. № 3 - 4 - P 117 - 125
28. Karamyshev V. Mongolia and Western China Social and Economic Study. - Tientsin, 1925. - 315 p.
29. Korostovets I Y. Von Cingis Khan zur Sowietrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolien unter besonderer Berücksichtigung der neuesten Zeit. B - Lpz., 1926. - 195 p
30. Lattimore O. Caravan Routes of Inner Asia // Geographical Journal. 1928 Vol.72. № 6 - P. 29 - 58
31. Lattimore O Chinese Colonization in Inner Mongolia. its History and Development. - Pioneer Settlement American Geographic Society Special Publication. - N.Y. Adv press, 1932 № 14. - 87 p.
32. Lattimore O Nomads and Commissars Mongolia Revisited - New-York: Oxford Univ. Press, 1962 - 233 p
33. Lobanov-Rostovsky A Russia and the Asia. - N.Y J A Press, 1933. - 121 p.
34. Lobanov-Rostovsky A Russia and Mongolia // Slavonic Review. - 1927 № 5. - P. 57 - 69
35. Ma Ho-tien Chinese Agent in Mongolia A Report on the Birth of the Mongolian People's Republic. With an Introduction by O Lattimore. - Baltimore The J.H Press, 1949 - 249 p.
36. Mansvetov F.A Russia and China in Outer Mongolia //Foreign Affairs 1945 Vol 24 № 1 - P 121 - 139
37. Manšvetov F A Strategic Mongolia //Asia and the Americas 1945. April - P 75 - 90

38. Mansvetov F.A. Tsarist and Soviet Policy in the Far East // Foreign Affairs 1934 Vol.12. № 4 – P 92 – 105
39. Michael F. The Origin of Manchu Rule in China Frontier and Bureaucracy as Interacting Forces in the Chinese Empire. Baltimore: J.H. Press, 1942. – 173 p.
40. Mishima Y., Goto T.A. Japanese View of Outer Mongolia. Being a Condensed Translation of «The Outer Mongolia People's Republic» Tr and Summarized from the Japanese by A.J. Graidanzen. – N.Y., 1942. – 120 p
41. Montague I. Land of the Blue Sky: A Portrait of Modern Mongolia. – L.: For. publ. Press, 1956 – 121 p
42. Outer Mongolia: New Danger Zone in the East // Foreign Policy Reports. 1935. Vol.11. № 19. – P 131 – 152.
43. Oudendyk W.J. Soviet Policy in the Far East // International Affairs – 1936. Vol. 15 № 6 – P. 17 – 53.
44. Pasvol'sky L. Russia in the Far East. – N.Y. C.D. Press, 1922. – 160 p.
45. Pavlovsky M.N. Chinese-Russian Relations. – N.Y.: of Press, 1949. – 125 p.
46. Powell J.D. The Sino-Russo-Mongolian Struggle in Barga // The China Weekly Review. 1929 Vol 1. № 13. – P. 37 – 99.
47. Rockhill W.W. The Dalai Lamas of Oghasa and their Relations with the Manchu Emperors of China (1644 – 1908) – Leiden, 1910 – 130 p
48. Rockhill W.W. The Question of Outer Mongolia // The Journal of the American Asiatic Association 1914. Vol 14 № 4 – P 117 – 131.
49. Roerich N.K. Heart of Asia – N.Y., 1929 – 120 p
50. Rossabi M. Mongolia: a New Opening? // Current History Philadelphia, 1992 Vol. 91. № 565 – P 39 – 115
51. Robinson H.D. Mongolia Its Trade Roads and Trends // US Commerce Report 1930. January, № 1 – P 115 – 139
52. Rupen R. Outer Mongolian Nationalism 1900 – 1919 – Washington, 1954 – 240 p
53. Rupen R. The Mongolian People's Republic – Stanford. Cal. Univ. Press, 1966. – 218 p.
54. Sanders A.J.K. Mongolia: Politics, Economics, Society – L.: Pinter, 1987 – 179 p.
55. Shen J.C. Outer Mongolia since 1911. // China Weekly Review. 1936 May 16 № 76 – P. 384 – 386.
56. Snow E. Red Star over China. – L.: J.A. Press, 1937 – 517 p
57. Strasser R. The Mongolian Horde. – L., 1930 – 72 p

58. Tang P S H Russian and Soviet Policy in Manchuria and Mongolia (Outer) 1911 - 1931 Durham: Duke University Press, 1959 – 315 p.
59. The Changing World of Mongolia's Nomads By M.C Goldstein and Cynthia M Beall – Berkley, Los Angeles; 1994 – 317 p
60. Tonnyson T. Political Status of Mongolia – Changhai, 1932. – P. 224
61. Tillett Z The National Minorities Factor in the Sino-Soviet Dispute // Orbis Journal of World Affairs 1977 Vol 21 № 2, Summer. – P. 241 – 260.
62. Ziegler Ch.E Russia in the Asia-Pacific A Major Power or Minor Participant? // Asian Survey. 1994 Vol XXXIV. № 6, June – P 59 – 71.

IV. Периодическая печать, обзоры периодической печати

На русском языке

1. Биржевые ведомости, 1911 – 1913.
2. Вестник императорского общества востоковедения, 1916.
3. Восточная заря, 1910 – 1913.
4. Восточная Сибирь, 1914 – 1916
5. Далекая окраина, 1911 – 1913.
6. Дальневосточное обозрение, 1915.
7. Дальний Восток. Сведения из периодической печати, 1910 – 1915.
8. Звезда, 1913.
9. Китай и Япония. 1911 – 1916 Обзор периодической печати.
10. Московские ведомости, 1913
11. Новая жизнь, Харбин, 1913
12. Новая Сибирь, 1912 – 1913
13. Новое время, 1910 – 1916.
14. Петербургские ведомости, 1911 – 1912.
15. Правительственный вестник, 1911 – 1914
16. Приамурская жизнь, 1912 - 1916.
17. Приамурские ведомости, 1913 – 1914
18. Речь, 1911 – 1913.
19. Русское знамя, 1911.
20. Сибирь, 1916
21. Торгово-промышленная газета, 1912.
22. Утро России, 1911 – 191
23. Харбинский вестник, 1911 – 1916.

На монгольском языке

- 1 Ардчилал – 1991, 1993.
- 2 Ардын Эрх. – 1994.
- 3 Монголын сонин сетхул (г. Калган). – 1937, 1945.
- 4 Эрх чолоо. – 1992.

На китайском языке

5. Бэйцзин Жибао. – 1911 – 1913.
6. Гун бао – 1911, 1919, 1933 – 1939.
7. Вакт. – 1911 – 1912.
8. Минли бао. – 1912.
9. Минцюань бао. – 1912.
- 10 Нэй Мэнгу дасюе сюебао (Вестник Университета Внутренней Монголии). – Хух-Хото, 1991 – 1993.
11. Хухэ Туг (Синьцзян). – 1945.
- 12 Чжунго бао. – 1912
- 13 Хуэй бао – 1933.
- 14 Шунтянь жибао. – 1915
15. Шунь бао. – 1932.

На японском и западноевропейских языках

16. Иомиури. – 1933.
17. Мансю Ниппо. – 1927, 1933, 1939
18. Нциро Цусин. – 1929 – 1933.
- 19 Харбин Нициници. - 1930.
- 20 American Journal of International Law. – 1916.
- 21 China Weekly Review -- 1934
- 22 China Yearbook. – 1911, 1914, 1919, 1931, 1940, 1946
- 23 Cotidienn. – 1933, 1937, 1945
- 24 Daily Express – 1913
- 25 Daily Telegraph – 1932, 1936.
26. Eastern Miscellany – 1936
27. Economist. – 1933.
28. Far Eastern Review – 1910, 1915, 1925, 1926
29. Foreign Affairs. – 1933, 1945
30. Foreign Policy Reports -- 1935
- 31 Fortnightly Review – 1934 – 1935
- 32 Japan Times – 1932 – 1936.

- 33. News Chronicle – 1937
- 34. New-York American Asiatic Association – 1914.
- 35. Manchester Guardian – 1935.
- 36. Manchurian Daily News – 1945
- 37. Mongolian Journal of International Affairs -- Ulanbaatar. – 1994 – 1995, vol.1-2.
- 38. Times – 1919, 1927, 1935, 1937, 1945

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адибеков Г.М. – 36
 Алтан – 162
 Алтанцэцэг Н. – 31
 Амагаев И. – 10, 124, 157, 164, 172, 176, 177, 179
 Амор А – 12, 17, 23, 27, 137-139, 162, 163, 168, 169, 176, 178-180, 208, 224, 226, 230 233, 235-237, 257-259, 269
 Аранчын Ю Л – 25
 Арита – 240
 Архинчеев – 124
- Баабар Б. – 28, 42
 Бабу-Дорчжи – 65, 83
 Бадмаев П.А. – 48, 92
 Бадмажапов Г – 80, 82, 83
 Бадмажапов Ц – 232
 Бадорчжин – 111
 Бадрах О. – 176, 180, 187, 194, 257
- Бай Юнти – 128, 145, 146, 158-161, 189
 Бакич – 115, 122,
 Базарова Б. – 90, 91
 Банзад – 176
 Баринов И В. – 99
 Барис – 234
 Батбаяр Бат-Эрдэнийн – см.
 Баабар Б
 Батбаяр Ц. – 29, 42,
 Батбаяр Ц – 265
 Батухан – 119, 166
 Бахитов М Ш – 249, 250
 Баянбатор – 161
 Бекзеев – см. Жамцарано Ц.
 Беликсайхан (Билик-Сайхан) – 110, 114,
 Белов Е.А – 5, 18-20, 40, 41, 91, 92, 96 145
 Бенингсен А.Б – 15; 38

- Берия Л П - 236, 237, 240, 252
 Берлин Л Е - 170, 171
 Бетлер - 224
 Бимбаев - 232
 Бобрик П А - 36
 Богдо-гэгэн VIII - 9, 10, 19, 20, 30, 57, 58, 59, 65, 66, 72, 73, 81, 82, 88, 89, 98, 100, 105, 106, 108, 114, 122, 139, 184, 266
 Боголепов М И - 38, 90
 Боголюбов Г А. - 22, 40
 Бодо Д - 17, 23, 27, 105, 110, 114, 116, 117, 122, 144, 175, 215, 268, 269
 Бойкова Е.В. - 5, 16, 39
 Болдо Б - 28
 Болобан А П - 72, 93
 Борисов С.С. - 10, 105, 108, 111, 142, 143, 170, 210, 223
 Бородин М М - 187
 Боудэн Ч - 31-33
 Буллит - 199
 Бурдуков А В - 8, 91, 93
 Буров Н - 112
 Бухарин Н И - 134, 159, 160, 174
 Буян Нэмху - 137
 Буянгэрэл - 158
 Буян-Далай - 254
 Важеский - 171
 Вай Цзяобу - 188
 Ван Интай - 188
 Ван Фулин - 192
 Ванин Ю В - 5
 Ванчиков А - 143
 Васенев А Д - 14, 36, 47, 91
 Васильев А Н - 77, 136, 138, 140, 152-154, 156
 Ватлин А.Ю. - 39, 216
 Вильсон В - 83
 Витте Б В - 80, 82, 97
 Владимирский - 85
 Владимирцов Б Я. - 15, 93
 Войтинский Г - 158, 223
 Волленберг - 124
 Ворошилов К Е - 236, 258
 Воскресенский А.Д. - 22, 40, 41
 Вэй Бо - 79
 Галдон - 244
 Галенович Ю.М. - 22, 40
 Галзотов - 232
 Галон - 232
 Гапон Ф.И. - 105, 106, 108, 109, 142, 143
 Гармаев Ц - 82
 Гарушянц Ю.М. - 22, 40, 213
 Гембаржевский Я В. - 99
 Гец Б В. - 119
 Гинзбург Т - 33
 Гирченко В. - 38
 Глебов - 184
 Го Даофу - 128, 151, 158-165, 214
 Говард Р. - 208,
 Голубев А. - 39
 Голубчик А - 235, 236
 Гольман М.И. - 5, 16, 39
 Гомбо Л - 96, 97
 Гомбосурэн Д - 28
 Гонгор Д - 144
 Гончаренко С Н - 22
 Гочитский (Циден-Иши) - 257
 Грайворонский В.В. - 5, 16, 39, 42
 Григорьев А М - 22, 40, 147, 218
 Гримм Э Д. - 34, 95, 96
 Грумм-Гржимайло Г.Е. - 15, 38, 93
 Гуй Фулинь - 192
 Гун Дун - 34
 Гурсэд - 154, 179, 190

- Гурьев Б.М. – 8, 37, 90, 91, 93
 Гусев Б. – 92
 Гэлэгнсэнге Г. – 162, 170, 175
 Гэндэн П. – 12, 17, 27, 43, 167, 176, 178-181, 187, 201, 204, 208, 231, 232, 257, 258, 270
 Далай-лама XIII – 50, 73, 91
 Далама Пунцукдорж – 122
 Далама Цэрэн-Чимид – 20
 Далданов Д. – 143
 Даманд – 152
 Дамба Дорчжи – см. Дамбадорж Ц.
 Дамбадорж Ц. – 17, 23, 27, 137, 154, 161, 162, 166-176, 181, 215, 232, 235, 270
 Дамдинсурэн С. (Дамдин Сурэн) – 26, 28, 36, 41, 42, 175, 179
 Дамдин-Циренов Д. – 143
 Дампилон И. – 233
 Данзан А. – 154
 Данзан С. – 23, 27, 104-106, 117, 119-122, 127, 128, 144, 150, 235, 268, 269
 Данчинов Г.Г. – 142, 143
 Даревская Е.М. – 16, 26, 39, 91, 99, 145
 Дарижав – 221
 Даризаб (Даризап) – 164, 224, 227
 Дархан-ван – 183
 Даша Сампилон – 125, 145
 Дашдаваа Ч. – 28, 36, 42, 216
 Дашепилов Ц.-Ф. – 143
 Дашпурэв Д. – 28, 31, 42
 Дашцевел С. – 28
 Деканозов В.Г. – 241, 243, 249
 Демид – 231
 Дешевых Н. – 141
 Джа-лама – 23, 32, 41, 65, 122, 144-146
 Джалханца-хутухта – 81, 105, 117, 144
 Догсом Д. – 105
 Доихара – 199
 Доржиев Агван – 41, 48, 91, 92
 Доржиев Д. – 233
 Доржиев Ж.Д. – 38, 41
 Дорликджаб – 167, 173
 Дорофеев А. – 36
 Дорчжи Б. – 129
 Дружинин К.И. – 15, 38
 Дуань Цижуй – 75, 154
 Дубинин А.В. – 39
 Дубинский А.М. – 16
 Дугурджал – 176, 179
 Дунгуржав-гун – 85,
 Духовский С.И. – 119, 122
 Дыликов С.Д. – 16, 38, 264
 Дэван – 197, 199, 200, 222, 253, 254, 260, 264
 Дэмчиг Донрова – 197
 Егоров А.И. – 206, 226, 236
 Единхарова Н.Е. – 26
 Екатерина II (императрица) – 93
 Ербанов М.Н. – 124, 233
 Ефимов Г.В. – 16
 Жадамба Н. – 17, 23, 137, 161, 170, 172, 173, 175, 176, 232, 258, 270
 Жамбалон С. – 143
 Жамсран Л. – 28, 42, 92
 Жамцарано Ц. – 8, 9, 23, 27, 41, 42, 82, 83, 112-114, 129, 137, 143, 161-163, 168, 170, 176, 232
 Жанцан-Хорло – 231
 Железняков А.С. – 5, 36, 39
 Жигжитжап – 180
 Жуков Г.К. – 261, 262
 Запарин М. – 141
 Заятуев Г.Н. – 41, 91

Зенгер Х фон – 21, 40
Зиглер Ч Э – 33
Зинкевич – 77
Зиновьев Г.Е. – 113, 133
Златкин И Я – 16, 199, 236, 259

Иваненко В.И. – 39, 218, 263
Иванов А.И. – 104, 243, 244, 246,
249, 252-254, 256, 261, 262
Идамжаб – 253
Идшинноров С. – 28
Извольский А.П. – 48
Ильин – 253
Иноуэ – 223
Иоффе А.А. – 11, 12, 115, 118,
133-136
Ичинноров С. – 43
Ишитдорж – 142
Ишменецкий Б.И. – 36

Каганович Л.М. – 192, 198,
236, 252
Казаков Г.А. – 53
Кайгародов – 122
Калинников А. – 38, 101
Канторович – 223
Капица М.С. – 16, 39, 146,
213, 216, 257, 263
Карахан Л.М. – 11, 12, 107,
109, 118, 128, 136, 137, 144-146,
148, 149, 169, 171, 172, 190-193,
213-218, 258
Каретина Г.С. – 22, 216
Карр Е. – 228
Каргунов А.И. – 22
Катаяма Сэн – 153, 154
Кемчик – 248
Килим – 243, 244
Климов А. – 163, 164, 173, 232
Ключников А. – 86
Князев Л.М. – 9, 34, 48

Кобецкий – 109, 110
Кожиков И.П. – 141
Козин С.А. – 75, 80, 97
Козлов П.К. – 15, 36, 38, 70, 75, 93
Козловский Б.И. – 188, 225, 226
Коковцев В.Н. – 54
Колчак А.В. – 9, 86, 267
Колчановский – 210, 225
Комаровский – 110
Кондратов А.М. – 38, 41
Конноли В. – 31
Коняев Ф. – 142
Коростовец И.Я. – 15, 48, 58, 59, 75,
95
Косич Д.И. – 197
Котвич В.Л. – 15, 38, 75, 93
Красильников А.С. – 22, 41
Краснощеков Г. – 104, 112
Крейги – 240
Крупенский В. – 61, 63, 64, 73
Кудашев Н.А. – 76, 80, 86, 87
Кузьмин Ю.В. – 26, 91, 92, 94
Кунгуров Г.Ф. – 38, 143
Куропаткин А.Н. – 54, 94
Куусинен О.В. – 174, 176
Кучеренко М.И. – 99, 104
Кучумов – 180
Кушелев Ю. – 36, 93

Лавдовский В.Н. – 48, 85
Лазо С. – 85
Ланфанг – 246
Лапин Н. – 112
Латтимор О. – 31, 33, 48, 195, 223
Латышев Г. – 245, 247-249
Ленин (Ульянов) В.И. – 10, 11, 16,
38, 77, 110, 113, 119, 134
Ли Дачжао – 158
Ли Лисань – 191
Ли Цзягу – 34
Ли Чжунси – 151

- Лигуу Б – 42
 Лин Шин – 202
 Лин Шэнь – 222, 223
 Литвинов М М – 11, 185, 192, 198, 199, 208, 209, 218-220, 235-237, 250, 257, 259
 Лиштованный Е И – 26
 Лобик-Дорчжи – 232
 Лозовский – 246
 Ломакина И – 41, 145
 Лосол Д – 105
 Лу Минхуэй – 34
 Лубсан-Шараб – 235, 237
 Лузянин С.Г – 36, 40, 41, 94
 Лхагва Т – 42, 263
 Лхамсүрэн Б – 26, 28 – 30, 264
 Львов В.Н. – 54
 Люб В Н – 48
 Людвин Л – 229
 Люй Цунькунь – 34

 Ма Хотьен – 31
 Мадьяр – 176
 Майский И.М – 38, 91
 Максарджаб Х – 122, 136
 Максаржав Н – 28
 Макстенок И. – 10, 104, 111
 Малевский-Малевич – 61
 Маленков Г М – 252
 Малков – 233
 Мальков – 104
 Мануильский Д З – 10
 Март-Оол В Д – 25, 26
 Матвеев Н – 112
 Матвеева Г.С – см Яскина Г С
 Матиясевич А – 112
 Мацуи – 80, 199
 Мацуока – 239
 Мельников В Н – 169, 170
 Мендээ – 230
 Меркулов А – 233

 Микоян А И – 252
 Миллер А Я – 74
 Милюков П Н – 55, 75
 Мировицкая Р.А – 6, 22, 40
 Миронов С М – 230, 235, 236
 Миф – 193
 Михайлов С – 37
 Мишигдорж Н – 220
 Молотов В М – 11, 174, 192, 198, 220, 236, 240-243, 245-249, 252, 258, 261, 262
 Мордвинов – 212
 Морозовы – промышленники – 47
 Москалев А.А – 21
 Москов К. – 99
 Мотылев – 223
 Мурэн-ган – 162
 Мэрсээ – см. Го Даофу
 Мэрфи Дж – 32
 Мясников В.С – 6, 16, 21, 40

 Надиров Ш Г – 5, 39
 Наймэ-ван – 152
 Намсарай – 247
 Нарочинский А.Л – 16
 Нацагдорж Ш – 26, 41
 Нацов С – 37, 38, 142
 Наянту-ван – 126, 127
 Нежинский Л Н – 39, 99
 Нейман К А – 112
 Нератов А А – 48, 53, 54, 75
 Никифоров П – 167, 168, 178, 184, 185, 187
 Никифоров Ф М – 157, 158
 Николай II (император) – 52
 Никонов – 226
 Новицкий В Р – 36
 Нольдэ Б Э – 15, 38, 69, 97
 Нэйсе-гэгэн – 83

 Обата – 80
 Ондар Л.Ш – 25, 26

Орлов А - 71, 74, 76, 80, 86-88
Ота - 205
Охтин А Я - 125, 172, 173,
180, 188, 190, 191
Очир А - 28
Очур В Ч - 25
Оширов - 158

Пайкес А К. - 12, 120, 131-133,
146
Панов А А - 38
Панчен-лама - 184, 185
Панюшкин А.С - 37, 245
Парняков П.Ф - 99
Персис М А. - 16, 146
Першин (Даурский) Д.П. - 93
Пестовский Б.А. - 36
Петров - 173
Пик В - 10
Плиев И А. - 197
Позднев А М. - 8, 9, 15, 37, 38,
92
Поздняков - 261
Полевой А С - 94, 96
Полтавцев С - 36
Попов В - 51
Попов С.И - 99, 141
Потанин Г.Н. - 15, 37
Потемкин В П - 236
Пржевальский Н М. - 15, 37
Приходов Ю.К. - 253, 261
Прокус Я.З. - 197
Пу И - 198, 260
Пулжин - 181, 270
Пунцагноров Ц. - 26, 41
Пунцук-гун - 79
Пятаков Г Д. - 134,
Пятницкий И А. - 174, 193, 194

Раднаев В - 92
Райтер - 176, 177

Ранжуров Ц - 99
Раскольников Ф Ф - 215
Рерих Н.К - 184, 185
Ринчино М. - 143
Ринчино Э Д - 11, 105, 107, 125, 137-
139, 142, 143, 155, 156, 160, 213, 232
Рокосовский К К. - 197
Рокхилл В В - 14
Россаби М - 33
Рошин С.К - 5, 16, 23, 24, 39, 41,
146, 213
Рузвельт Ф. - 199, 250, 251
Рупен Р - 31-33
Рыков А И - 134
Рыскулов Т - 10, 124, 129, 139, 140,
146, 151, 152, 155, 156, 213
Рябушинские - промышленники - 47

Садецки-Добс П. - 145
Саенко - 226
Сазонов С Д. - 48, 53-55, 58, 63
Сайн-ноин-хан Намнан-Сурэн - 66,
73, 83, 85
Сакураи - 202
Самбу Ж. - 202-204, 227, 228, 234,
236, 245, 248-250, 252
Сампилон - 232
Сандаг Ш - 27, 41, 42
Сандерс А - 32, 33
Санжа - 176
Сасиди Ламу - 122
Сато - 192, 193
Сафонова Е И - 6
Сахьянова М. - 142
Сванидзе - 223
Свечников А П - 93
Семенов А , атаман - 20, 83-86, 88,
103, 109, 110, 184, 232, 267
Сергеев Е - 37
Сидехара - 205
Симомура - 228

- Скрипко – 237, 238
 Слесарчук Г.И. – 5, 16
 Смигельский – 87
 Смирнов В.Н. – 39
 Смыкалов Г.Ф. – 8, 9, 95
 Соболев М.Н. – 38, 90
 Содном-Балчир – 168
 Соломахо – 103
 Соркин Н.С. – 37
 Сороковиков И.А. – 38, 99, 104, 143
 Сталин (Джугашвили) И.В. – 22, 26, 36, 42, 77, 115, 182, 192, 198, 208, 236, 237, 240, 242, 243, 249-253, 259, 261-263
 Старков С. – 137, 142
 Старцев А.Д. – 91
 Степанов С.Ф. – 36, 161-163, 214
 Степанова Е.Д. – 6
 Стомоняков Б.С. – 199-202, 205-207, 209, 221, 222, 224, 227, 230, 234-236, 257
 Стоянов С. – 36
 Су (кит. князь) – 49
 Судец В.А. – 197
 Судзуки – 83
 Сумья Б. – 36
 Сумья-Бейсе – 104, 110
 Сун Баоци – 64
 Сунь Цзывэнь – 22, 251
 Сунь Ятсен – 8, 57, 95, 126, 133, 135, 146, 149, 150, 158, 160
 Сурэнжав – 247, 248
 Сухэ-Батор Д. – 105, 110-112, 117, 119, 122, 144, 244, 268
 Сюй Шучжэн – 88, 118
 Таиров В.Х. – 202, 206, 208, 225-228, 233, 234
 Тан П. – 31, 50
 Тан Шенчи – 187
 Танака – 182, 184,
- Тань Пиншань – 154
 Тиллетт Л. – 32, 33
 Титаренко М.Л. – 5, 6, 21, 40
 Тихвинский С.Л. – 16, 95
 Тогтохо-тайджи – 92
 Тойдыпов – 162
 Токо – 247, 262
 Толгаар-Оол О.А. – 25
 Томилин В. – 38, 93
 Тонких С. – 36
 Трилиссер В.Б. – 152
 Троцкий Л.Д. – 76, 115, 133, 135
 Тумурхулэг Т. – 42
 Тушету-ван – 98
 УПэйфу – 126, 127, 135, 149, 150, 182, 183
 У Цзесян – 245
 Уборевич – 212
 Улымжиев Д.Б. – 16, 39
 Унгерн-Штернберг Р.Ф. – 13, 23, 41, 108-112, 114-116, 139, 142, 232, 267
 Уншлихт – 169
 Уоллес Г. – 251
 Урджин-Гармаев – 227
 Урицкий С.П. – 206
 Фань Цзю – 218
 Фекленко Н.В. – 230
 Фельдтинский Ю. – 99
 Фитин – 246
 Фитингоф, барон – 86
 Фриновский М.П. – 236
 Фритерс Дж. – 31, 32
 Фу Минтай – 128, 162, 163
 Фэн Чжень – 198
 Фэн Юйсян – 149-154, 156-162, 182, 198
 Хайсандай Л. – 28
 Хамфри К. – 33

Ханда-Дорчжи - 52, 65, 96
Ханддорж 98
Харчин-ван 183
Хашбат Л - 42
Хаяси - 228
Хейфец А.Н. - 16
Хионин А - 81
Хорлоо - 112, 161
Хулан Х. - 42
Хун Ли - 50
Хунданов А - 143

Цао Кунь - 127, 128
Цедембал З. - 36
Цедембал Ю - 36, 39, 248, 259, 261
Цзасакту-хан - 98
Цзи Хуанчен - 198
Цзян Цзинго - 22
Цыбиков Г.Ц - 15, 38, 41
Цырендтжапов Б. - 142, 143
Цэдагун - 152
Цэрэн Донров - см Бай Юнти
Цэрэн Дорчжи - см.
Цэрэндорж Б.
Цэрэндорж Б - 17, 23, 43, 65, 86, 117-120, 127, 137-139, 149, 157, 168, 170, 187, 269
Цэрэн-Чимид - 20, 58
Цэцэн-хан - 73

Чагдаржав Д - 105, 110
Чайванов В Н - 99, 103, 141
Чан Иенчин - 226
Чан Кайши - 30, 135, 160, 187, 192, 229, 239, 243, 250, 251, 272
Чен Иеньши - 185
Чен Цзычень - 160, 162
Черемисинов ГМ - 112
Черепанов И Н - 99, 141
Черномордик - 180

Чжан Сюэлян - 182, 189, 192, 214
Чжан Цзолинь - 109, 112, 116, 126, 132, 135, 149, 152, 156, 159, 182, 183, 185, 186, 216
Чжан Цинхун - 100
Чжан Чжи - 34
Чжебцен-Дамба - 59
Чжигжитжаб - 178
Чжоу Цзиньшэнь - 80
Чижиа - 180
Чимитдоржиев Ш Б - 16, 38, 41
Чингизхан - 93
Чичерин Г.В. - 11, 77, 78, 107, 110-120, 131-133, 136, 138, 148, 149, 152, 154, 155, 157, 167-169, 171, 178, 184-187
Чойбалсан Х - 12, 17, 104, 105, 110, 161, 162, 180, 216, 230, 231, 235-238, 241-245, 247-250, 252, 253, 255, 257, 258, 261, 262, 272
Чулун - Да-лама - 244
Чулунджав Д. - 28
Чулуун Б - 167, 168, 171
Чуцкаев - 181
Чэнь И - 88, 104, 108, 111, 112, 146

Шагдаржаб - 236
Шаглуров Ю. - 91
Шиджия - 194, 257
Шижэ З. - 194
Ширендыб Б - 26, 41, 101, 143, 250, 253
Ширнин-Дамдин - 65, 118, 119
Шишмарев И.Я - 48
Шмераль Б. - 164, 174-177, 216
Шойжелов С А - см. Нацов С А
Шотман - 172, 187
Шумов А.М - 25
Шумяцкий Б - 10, 37, 85, 109-115, 117-120, 122, 132, 142, 143

Шурхуу Д – 28
 Щекин – 58
 Эллеман Б – 33
 Эллиотон Э. – 183
 Эльдеб-Очир – 176
 Эпов А.Г – 103
 Эрдэван – см. Ширнин Дамдин
 Эрхимбат – 158, 162
 Этвуд К – 33
 Эхе-Догни – 73
 Юань Шикай – 56-58, 61-64, 73, 150
 Юдин В.И. – 123, 140, 152, 176
 Юзефович Л. – 41, 142
 Юй Шэньду – 34
 Юльбарс – 234, 243, 244
 Юн Сандин – 212
 Юренев К. – 205, 207, 223
 Юрин И.Л – 12, 130, 131, 146
 Юферов Д В. – 98
 Яковлев А Г. – 6
 Ян Сишань – 189
 Ян Цзэньсинь – 144
 Ян Шихао – 34
 Ян Шичао – 82
 Янжима – 244, 253
 Яно – 227, 228
 Янсон Я.Д – 78, 79, 103, 107, 110
 Яскина (Матвеева) Г.С – 6, 16, 39

Bay M J – 37
 Bisson T A. – 218
 Dash D – 42
 Fairbank J K – 35
 Karr E H. – 258
 Korostovetz V Z – 37, 95
 Larson F.A. – 37
 Lattimore O – 92
 MacMurrey J V A – 36
 Otter Barry R.B – 37
 Perry-Assough H O – 37
 Rockhill W.W. – 37
 Rupen R. – 142
 Tang P S.H – 142
 Teng Suy – 35
 Tienfong Chen – 95

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА	7
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	34
Глава II. МОНГОЛЬСКАЯ ТЕОКРАТИЧЕСКАЯ МОНАРХИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОД- НЫХ ОТНОШЕНИЙ 1911–1919 г.	45
§1. Внешняя Монголия в системе международных отношений накануне 1911 г.	45
§2. Провозглашение монгольской независимости и формирование Кяхтинской тройственной системы в 1911–1915 гг.	52
§3. Внешняя Монголия в русско(советско)-китайских отношениях в 1915–1919 гг. Упразднение монгольской автономии Китаем	69
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	90
Глава III. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛИИ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ТЕОКРАТИИ К РЕСПУБЛИКЕ (1919–1924 гг.)	102
§1. Советская Россия, Коминтерн и Монгольская револю- ция 1921 г.: международно-политические и дипломатические аспекты	102
§2. Внешняя политика народного правительства Монголии в 1921–1924 гг. Этнорегиональные и межгосударственные проблемы	116
§3. Внешняя Монголия в советско-китайских отношениях 1920–1924 гг. Первый опыт международно-правового оформления Монголии	130
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	141
Глава IV. СССР, МНР И КИТАЙ: ПОИСК НОВОЙ СТРАТЕГИИ И ПРИОРИТЕТОВ (1925–1936 гг.)	148
§1. Коминтерн, Монголия и Китайская революция 1925–1927 гг.	148
§2. Советско-монгольские отношения 1925–1932 гг.: проблемы взаимной политической адаптации	166

§3. «Треугольник» СССР-МНР-Китай и японский фактор (1928-1932 гг.)	181
§4. МНР и Манчжоу-Го в 1932-1936 гг. Советско-монгольский протокол о взаимопомощи 1936 г. и его международное значение	194
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	211
Глава V. СССР И БОРЬБА ЗА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ МНР В 1937-1946 гг.	221
§1. Монголо-маньчжурская конференция 1937 г.	221
§2. Советско-монгольские отношения накануне Второй мировой войны: проблемы обеспечения взаимной безопасности МНР и СССР на Дальнем Востоке	229
§3. МНР в годы Второй мировой войны: этнорегиональная политика и международно-правовое оформление	241
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	257
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	265
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	280
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	282
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	310

Научное издание

Лузянин Сергей Геннадьевич

РОССИЯ-МОНГОЛИЯ-КИТАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг.

компьютерная верстка

Ю. Тихонов

Подписано в печать 15.12.2002. Формат 60х90/16 Бумага офсет №1 Печать
RISO. Объем 13,2 усл.печ. л. Гарнитура Times. Заказ 003/02 Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ОГНИ»
109010, Москва, Проспект Мира, д. 2/1

Лузянин Сергей Геннадьевич,
доктор исторических наук, профессор
МГИМО(У) МИД РФ, ведущий научный
сотрудник Института Дальнего Востока РАН,
Президент Фонда Поддержки
Востоковедческих Исследований.
Является автором более 100 научных
и публицистических работ по проблемам
востоковедения, политологии, зарубежной
и отечественной истории, изданных в России
и за рубежом.

160.00